Russ. Karamsin

75 i - 6

<36621841370016

<36621841370016

Bayer. Staatsbibliothek

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VI.

BIBLIOTECA
REGIA

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VI.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи вдовы Плюшаръ съ сыномъ.

1834.

BIBLIOTHECA

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.
ТОМЪ VI.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ГЛАВА I.

ГОСУДАРЬ, ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ III ВАСИЛЬЕВИЧЬ.

Вступленіе. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу. Договоръ съ Князьями Тверскимъ и Верейскимъ. Дѣла Псковскія. Ахматъ возстаетъ на Россію. Всеобщая мысль о скоромъ преставленіи свѣта. Кончина супруги Іоанновой. Избраніе новаго Митрополита. Походы на Казань. Война съ Новымгородомъ. Явленіе Кометъ. Завоеваніе Перми. Нашествіе Ахмата на Россію. Смерть Юрія, Іоаннова брата.

Г. 1462 – 1472.

Отселѣ Исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безсмысленныя драки Княжескія, но дѣянія Царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе. Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ; образуется Держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное

Г. 1462. Вступленіе

Г. 1462. предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народъ еще коснѣетъ въ невѣжествѣ, въ грубости; но Правительство уже дѣйствуетъ по законамъ ума просвѣщеннаго. Устрояются лучшія воинства, призываются Искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ; Посольства Великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ Дворамъ знаменитымъ; Посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ: Императоръ, Папа, Короли, Республики, Цари Азіатскіе привѣтствуютъ Монарха Россійскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями, отъ предѣловъ Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греція отказываетъ намъ остатки своего древняго величія: Италія даетъ первые плоды раждающихся въ ней художествъ. Москва украшается великолѣпными зданіями. Земля открываетъ свои нѣдра, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоцѣнные. Вотъ содержаніе блестящей Исторіи Іоанна III, который имѣлъ рѣдкое счастіе властвовать сорокъ три года, и былъ достоинъ онаго, властвуя для величія и славы Россіянъ.

Іоаннъ на двѣнадцатомъ году жизни сочетался бракомъ съ Маріею, Тверскою Княжною; на осьмнадцатомъ уже имѣлъ сына, именемъ также Іоанна, прозваніемъ *Младаго*, а на двадцать-второмъ сдѣлался Государемъ. Но въ лѣта пылкаго юношества онъ изъя-

влялъ осторожность свойственную умамъ зрѣлымъ, опытнымъ, а ему природную: ни въ началѣ, ни послѣ не любилъ дерзкой отважности; ждалъ случая, избиралъ время; не быстро устремлялся къ цѣли, но двигался къ ней размѣренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнѣніе и правила вѣка. Назначенный Судьбою возстановить Единодержавіе въ Россіи, онъ не вдругъ предпріялъ сіе великое дѣло и не считалъ всѣхъ средствъ дозволенными. Московскіе Намѣстники управляли Рязанью; малолѣтный Князь ея, Василій, воспитывался въ нашей столицѣ: Іоаннъ однимъ словомъ могъ бы присоединить его землю къ Великому Княженію, но не хотѣлъ того, и послалъ шестнадцатилѣтняго Василія господствовать въ Рязани, выдавъ за него меньшую сестру свою, Анну. Призналъ также независимость Твери, заключивъ договоръ съ шуриномъ, Михаиломъ Борисовичемъ, какъ съ братомъ и *равнымъ* ему *Великимъ* Княземъ[1]; не требовалъ для себя никакого старѣйшинства; далъ слово не вступаться въ *Домъ Святаго Спаса*, не принимать ни Твери, ни Кашина отъ Хана; утвердилъ границы ихъ владѣній, какъ онѣ были при Михаилѣ Ярославичѣ. Зять и шуринъ условились дѣйствовать за одно противъ Татаръ, Литвы, Польши и Нѣмцевъ; второй обязывался не имѣть никакого сношенія съ врагами перваго, съ сыновьями Ше-

Г. 1464. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу.

Договоръ съ Князьями.

*

мяки, Василія Ярославича Боровскаго, и съ Можайскимъ; а Великій Князь обѣщалъ не покровительствовать враговъ Тверскаго. Михаилъ Андреевичь Верейскій по договорнымъ грамотамъ уступилъ Іоанну нѣкоторыя мѣста изъ своего Удѣла и призналъ себя *младшимъ* въ отношеніи къ самымъ меньшимъ его братьямъ; впрочемъ удержалъ всѣ старинныя права Князя Владѣтельнаго[2].

Дѣла Псковскія. Псковитяне оскорбили Іоанна. Василій Темный не задолго до кончины своей далъ имъ въ Намѣстники, безъ ихъ воли, Князя Владиміра Андреевича: они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули съ крыльца на Вѣчѣ. Владиміръ поѣхалъ жаловаться въ Москву, куда въ слѣдъ за нимъ прибыли и Бояре Псковскіе. Три дни Великій Князь не хотѣлъ ихъ видѣть; на четвертый выслушалъ извиненія, простилъ и милостиво дозволилъ имъ выбрать
г. 1464 — 65. себѣ Князя. Псковитяне избрали Князя Звенигородскаго, Ивана Александровича: Іоаннъ утвердилъ его въ семъ достоинствѣ, и сдѣлалъ еще болѣе: прислалъ къ нимъ войско, чтобы наказать Нѣмцевъ за нарушеніе мира: ибо жители Дерпта посадили тогда нашихъ купцевъ въ темницу. Сія война, какъ обыкновенно, не имѣла важныхъ слѣдствій. Нѣмцы съ великимъ стыдомъ бѣжали отъ передоваго отряда Россійскаго; а Псковитяне, имѣя у себя нѣсколько пушекъ, осадили Нейгаузенъ, и посредствомъ Магистра Ливон-

скаго скоро заключили перемиріе на девять лѣтъ, съ условіемъ, чтобы Епископъ Дерптскій, по древнимъ грамотамъ, заплатилъ какую-то дань Великому Князю, не утѣсняя въ семъ городѣ ни жителей Русской слободы, ни церквей нашихъ[3]. Воевода Іоанновъ, Князь Ѳеодоръ Юрьевичь, возвратился въ Москву, осыпанный благодарностію Псковитянъ и дарами, которые состояли въ тридцати рубляхъ для него и въ пятидесяти для всѣхъ бывшихъ съ нимъ Бояръ ратныхъ. г. 1464—65.

Новогородцы не взяли участія въ сей войнѣ, и даже явно доброжелательствовали Ордену: въ досаду имъ Псковитяне отложились отъ ихъ Архіепископа, хотѣли имѣть своего особеннаго Святителя, и просили о томъ Великаго Князя. Еще Новгородъ находился въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Москвою и слушался ея Государя: благоразумный Іоаннъ отвѣтствовалъ Псковитянамъ: «Въ дѣлѣ столь «важномъ я долженъ узнать мнѣніе Митро«полита и всѣхъ Русскихъ Епископовъ. Вы «и старшіе братья ваши, Новогородцы, моя «отчина, жалуетесь другъ на друга; они «требовали отъ меня Воеводы, чтобы сми«рить васъ оружіемъ: я не велѣлъ имъ мы«слить о семъ междоусобіи, ни задерживать «вашихъ Пословъ на пути ко мнѣ; хочу ти«шины и мира; буду праведнымъ судіею меж«ду вами[4].» Сказавъ, совершилъ дѣло миротворца. Псковитяне возвратили церковныя земли Архіепископу Іонѣ и взаимными клят-

вами подтвердили древній союзъ братскій съ Новогородцами. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Духовенство Псковское, будучи весьма недовольно правленіемъ Іоны, обвиняемаго въ безпечности и корыстолюбіи, хотѣло безъ его вѣдѣнія рѣшить всѣ церковныя дѣла по Номоканону, и съ согласія гражданскихъ чиновниковъ написало судную для себя грамоту; но Великій Князь вторично вступился за древнія права Архіепископа: грамоту уничтожили, и все осталось, какъ было.

Три года Іоаннъ властвовалъ мирно и спокойно, не сложивъ съ себя имени данника Ординскаго, но уже не требуя милостивыхъ ярлыковъ отъ Хана на достоинство Великокняжеское и, какъ вѣроятно, не платя дани, такъ, что Царь Ахматъ, повелитель Волжскихъ Улусовъ, рѣшился прибѣгнуть къ оружію; соединилъ всѣ силы и хотѣлъ итти къ Москвѣ[5]. Но счастіе, благопріятствуя Іоанну, воздвигло Орду на Орду: Ханъ Крымскій, Ази-Гиргей, встрѣтилъ Ахмата на берегахъ Дона: началася кровопролитная война между ими, и Россія осталась въ тишинѣ, готовясь къ важнымъ подвигамъ.

г. 1465. Ахматъ возстаетъ на Россію.

Кромѣ внѣшнихъ опасностей и непріятелей, юный Іоаннъ долженъ былъ внутри Государства преодолѣть общее уныніе сердецъ, какое-то разслабленіе, дремоту силъ душевныхъ. Истекала седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра по Греческимъ Хронологамъ: суевѣріе съ концемъ ея ждало и кон-

Всеобщая мысль о скоромъ

ца міру. Сія несчастная мысль, владычествуя въ умахъ, вселяла въ людей равнодушіе ко славѣ и благу отечества[6]; менѣе стыдились государственнаго ига, менѣе плѣнялись мыслію независимости, думая, что все не надолго. Но печальное тѣмъ сильнѣе дѣйствовало на сердца и воображеніе. Затмѣнія, мнимыя чудеса ужасали простолюдиновъ болѣе, нежели когда нибудь. Увѣряли, что Ростовское озеро цѣлыя двѣ недѣли страшно выло всякую ночь и не давало спать окрестнымъ жителямъ[7]. Были и важныя, дѣйствительныя бѣдствія: отъ чрезвычайнаго холода и морозовъ пропадалъ хлѣбъ въ поляхъ; два года сряду выпадалъ глубокій снѣгъ въ Маѣ мѣсяцѣ. Язва, называемая въ лѣтописяхъ *желѣзою*, еще искала жертвъ въ Россіи, особенно въ Новогородскихъ и Псковскихъ владѣніяхъ, гдѣ, если вѣрить исчисленію одного Лѣтописца, въ два года умерло 250,652 человѣка; въ одномъ Новѣгородѣ 48,402, въ монастыряхъ около 8,000[8]. Въ Москвѣ, въ другихъ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ также погибло множество людей отъ сей заразы[9].

пре-ста-вленіи свѣта

г. 1466 — 67.

Огорчаясь вмѣстѣ съ народомъ, Великій Князь сверхъ того имѣлъ несчастіе оплакать преждевременную смерть юной, нѣжной супруги, Маріи. Она скончалась внезапно: Іоаннъ находился тогда въ Коломнѣ: мать его и Митрополитъ погребли ее въ Кремлевской церкви Вознесенія (гдѣ со временъ Василія Димитріевича начали хоронить Княгинь). Сію

г. 1467. Кончина супруги Іоанновой.

г. неожидаемую кончину приписывали дѣйствію
1467. яда, единственно потому, что тѣло умершей вдругъ отекло необыкновеннымъ образомъ. Подозрѣвали жену Дворянина Алексѣя Полуевктова, Наталью, которая, служа Маріи, однажды посылала ея поясъ къ какой-то ворожеѣ. Доказательства столь невѣрныя не убѣдили Великаго Князя въ истинѣ предполагаемаго злодѣйства; однакожь Алексѣй Полуевктовъ шесть лѣтъ не смѣлъ показываться ему на глаза[10].

Къ горестнымъ случаямъ сего времени Лѣтописцы причисляютъ и то, что Первосвятитель Ѳеодосій, добродѣтельный, ревностный, оставилъ Митрополію. Причина достопамятна. Набожность, питаемая мыслію о скоромъ преставленіи свѣта, способствовала неумѣренному размноженію храмовъ и Священнослужителей: всякой богатый человѣкъ хотѣлъ имѣть свою церковь. Праздно любцы шли въ Діаконы и въ Попы, соблазняя народъ не только грубымъ невѣжествомъ, но и развратною жизнію. Митрополитъ думалъ пресѣчь зло: еженедѣльно собиралъ ихъ, училъ, вдовыхъ постригалъ въ Монахи, распутныхъ лишалъ сана и наказывалъ безъ милосердія. Слѣдствіемъ было, что многія церкви опустѣли безъ Священниковъ. Сдѣлался ропотъ на Ѳеодосія, и сей Пастырь строгій, но не весьма твердый въ душѣ, съ горести отказался отъ правленія. Великій Князь призвалъ въ Москву своихъ братьевъ,

всѣхъ Епископовъ, духовныхъ сановниковъ, которые единодушно избрали Суздальскаго Святителя, Филиппа, въ Митрополиты; а Өеодосій заключился въ Чудовѣ монастырѣ, и взявъ въ келлію къ себѣ одного прокаженнаго, ходилъ за нимъ до конца жизни, самъ омывая его струпы[11]. Россіяне жалѣли о Пастырѣ столь благочестивомъ, и страшились, чтобы Небо не казнило ихъ за оскорбленіе святаго мужа.

Г. 1467. Избраніе новаго Митрополита.

Наконецъ Іоаннъ предпріялъ воинскими дѣйствіями разсѣять свою печаль и возбудить въ Россіянахъ духъ бодрости. Царевичь Касимъ, бывъ вѣрнымъ слугою Василія Темнаго, получилъ отъ него въ Удѣлъ на берегу Оки Мещерскій городокъ, названный съ того времени *Касимовымъ*; жилъ тамъ въ изобиліи и спокойствіи; имѣлъ сношенія съ Вельможами Казанскими, и тайно приглашенный ими свергнуть ихъ новаго Царя, Ибрагима, его пасынка, требовалъ войска отъ Іоанна, который съ удовольствіемъ видѣлъ случай присвоить себѣ власть надъ опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточныя границы, подверженныя впаденіямъ ея хищнаго, воинственнаго народа[12]. Князь Иванъ Юрьевичь Патрекеевъ и Стрига-Оболенскій выступили изъ Москвы съ полками: Касимъ указывалъ имъ путь, и думалъ внезапно явиться подъ стѣнами Ибрагимовой столицы; но многочисленная рать Казанская, предводимая Царемъ, уже стояла на берегу Вол-

Походы на Казань.

Сентября 14.

Г. 1467. ги, и принудила Московскихъ Воеводъ итти назадъ. Въ семъ неудачномъ осеннемъ походѣ Россіяне весьма много претерпѣли отъ ненастья и дождей, тонули въ грязи, бросали доспѣхи, уморили своихъ коней, и сами, не имѣя хлѣба, ѣли въ постъ мясо (что могло случиться тогда единственно въ ужасной крайности). Однакожь возвратились всѣ живы и здоровы. Царь не смѣлъ гнаться за ними, а послалъ отрядъ къ Галичу, гдѣ Татары не могли сдѣлать важнаго вреда: ибо Великій Князь успѣлъ взять мѣры, занявъ воинскими дружинами всѣ города пограничные: Нижній, Муромъ, Кострому, Галичь[13].

Немедленно другая рать Московская съ Княземъ Симеономъ Романовичемъ пошла изъ
6. Декабря. Галича въ Черемисскую землю (въ нынѣшнюю Вятскую и Казанскую Губернію) сквозь дремучіе лѣса, уже наполненные снѣгомъ, и
Г. 1468. въ самые жестокіе морозы. Повелѣніе Государя и надежда обогатиться добычею дали воинамъ силу преодолѣть всѣ трудности. Болѣе мѣсяца шли они по лѣснымъ пустынямъ, не видя ни селеній, ни пути предъ собою: не люди, но звѣри жили еще на дикихъ берегахъ Ветлуги, Усты, Кумы. Вступивъ въ землю Черемисскую, изобильную хлѣбомъ и скотомъ — управляемую собственными Князьями, но подвластную Царю Казанскому — Россіяне истребили все, чего не могли взять въ добычу; рѣзали скотъ и людей; жгли не только селенія, но и бѣд-

ныхъ жителей, избирая любыхъ въ плѣнники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодѣйство въ непріятельской странѣ считалось законнымъ. — Князь Симеонъ доходилъ почти до самой Казани, и безъ битвы проливъ множество крови, возвратился съ именемъ побѣдителя. — Князь Иванъ Стрига-Оболенскій выгналъ Казанскихъ разбойниковъ изъ Костромской области. Князь Даніилъ Холмскій побилъ другую шайку ихъ близъ Мурома: только не многіе спаслися бѣгствомъ въ дремучіе лѣса, оставивъ своихъ коней. Муромцы, Нижегородцы опустошили берега Волги въ предѣлахъ Ибрагимова Царства. г. 1468.

Іоаннъ еще хотѣлъ подвига важнѣйшаго, чтобы загладить первую неудачу, и смирить Ибрагима; собралъ всѣхъ Князей, Бояръ, и самъ повелъ войско къ границѣ, оставивъ въ Москвѣ меньшаго брата, Андрея. По древнему обыкновенію нашихъ Князей онъ взялъ съ собою и десятилѣтняго сына своего, чтобы заблаговременно пріучить его къ ратному дѣлу. Но сей походъ не совершился. Узнавъ о прибытіи Литовскаго, Казимирова Посла, Якова Писаря, то есть Секретаря Государственнаго, Іоаннъ велѣлъ ему быть къ себѣ въ Переславль и ѣхать назадъ къ Королю съ отвѣтомъ; а самъ, неизвѣстно для чего, возвратился въ Москву[14], пославъ изъ Владиміра только малый отрядъ на Кичменгу, гдѣ Казанскіе Татары

г. 1468. жгли и грабили села. Оставивъ намѣреніе лично предводительствовать ратію, Іоаннъ далъ повелѣніе Воеводамъ итти къ берегамъ Камы изъ Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги съ Дѣтьми Боярскими и Козаками. Главными начальниками были Руно Московскій и Князь Иванъ Звенецъ Устюжскій. Всѣ соединились въ землѣ Вятской, подъ Котельничемъ, и шли берегомъ рѣки Вятки, землею Черемисскою, до Камы, Тамлуги и Перевоза Татарскаго, откуда поворотили Камою къ Бѣлой Воложкѣ, разрушая все огнемъ и мечемъ, убивая, плѣняя беззащитныхъ. Настигнувъ въ одномъ мѣстѣ 200 вооруженныхъ Казанцевъ, Полководцы Московскіе устыдились дѣйствовать противъ нихъ всѣми силами, и выбрали охотниковъ, которые истребили сію толпу, взявъ въ плѣнъ двухъ ея начальниковъ. Иныхъ битвъ не было: Татары, привычные ко впаденіямъ въ чужія земли, не умѣли оборонять своихъ. Перехвативъ на Камѣ множество богатыхъ купеческихъ судовъ, Россіяне съ знатною добычею возвратились черезъ Великую Пермь къ Устюгу и въ Москву[15].—
Іюня 4. Съ другой стороны ходилъ на Казанцевъ Воевода Нижегородскій, Князь Өедоръ Хрипунъ Ряполовскій, съ Московскою дружиною, и встрѣтивъ на Волгѣ отрядъ Царскихъ тѣлохранителей, побилъ его на голову. Въ числѣ плѣнниковъ, отосланныхъ къ Іоанну

въ Москву, находился знаменитый Князь Татарскій, Хозюмъ Бердей[16]. г. 1469.

Но Казанцы между тѣмъ присвоили себѣ господство надъ Вяткою: сильное войско ихъ, вступивъ въ ея предѣлы, такъ устрашило жителей, что они, не имѣя большаго усердія къ Государямъ Московскимъ, безъ сопротивленія объявили себя подданными Царя Ибрагима[17]. Сіе легкое завоеваніе было не прочно: Казань не могла бороться съ Москвою.

Въ слѣдующую весну Іоаннъ предпріялъ нанести важнѣйшій ударъ сему Царству. Не только Дворъ Великокняжескій съ Боярскими Дѣтьми всѣхъ городовъ и всѣхъ Удѣловъ, но и Московскіе купцы вмѣстѣ съ другими жителями столицы вооружились подъ особеннымъ начальствомъ Князя Петра Васильевича Оболенскаго-Нагаго. Главнымъ предводителемъ былъ назначенъ Князь Константинъ Александровичь Беззубцевъ, а мѣстомъ соединенія Нижній Новгородъ. Полки сѣли на суда въ Москвѣ, въ Коломнѣ, въ Владимірѣ, Суздалѣ, Муромѣ. Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ростовцы, Ярославцы, Костромичи плыли Волгою; другіе Окою, и въ одно время сошлися при устьѣ сихъ двухъ величественныхъ рѣкъ. Такое знаменитое судовое ополченіе было зрѣлищемъ любопытнымъ для Сѣверной Россіи, которая еще не видала подобныхъ.

Уже главный Воевода, Князь Констан-

Г. 1469. шинъ, сдѣлавъ общія распоряженія, готовился идти далѣе; но Іоаннъ, вдругъ перемѣнивъ мысли, написалъ къ нему, чтобы онъ до времени остался въ Нижнемъ Новѣгородѣ, и только легкими отрядами, составленными изъ охотниковъ, тревожилъ непріятельскую землю на обѣихъ сторонахъ Волги. Лѣтописцы не сказываютъ, что побудило къ тому Іоанна; но причина кажется ясною. Царевичь Касимъ, виновникъ сей войны, умеръ: жена его, мать Ибрагимова, взялась склонить сына къ дружбѣ съ Россіею, и Великій Князь надѣялся безъ важныхъ усилій воинскихъ достигнуть своей цѣли, и смирить Казань. Случилось не такъ.

Воевода объявилъ Князьямъ и чиновникамъ волю Государеву: они единогласно отвѣтствовали: «мы всѣ хотимъ казнить невѣрныхъ,» и съ его дозволенія немедленно отправились, по тогдашнему выраженію, *искать ратной чести*, имѣя болѣе ревности, нежели благоразумія; подняли парусы, снялись съ якоря, и пристань скоро опустѣла. Воевода остался въ Нижнемъ почти безъ войска, и даже не избралъ для нихъ главнаго начальника. Они сами увидѣли необходимость сего: приплывъ къ мѣсту Стараго Нижняго Новагорода, отпѣли тамъ молебенъ въ церкви Преображенія, роздали милостыню, и въ общемъ совѣтѣ выбрали Ивана Руна въ предводители. Имъ не велѣно было ходить къ
Маія 21. Казани; но Руно сдѣлалъ по своему: не пе-

ряя времени, спѣшилъ къ Царской столицѣ, г. 1469.
и передъ разсвѣтомъ вышедши изъ судовъ, стремительно ударилъ на ея посадъ съ крикомъ и трубнымъ звукомъ. Утренняя заря едва освѣтила небо: Казанцы еще спали. Россіяне безъ сопротивленія вошли въ улицы: грабили, рѣзали; освободили бывшихъ тамъ плѣнниковъ Московскихъ, Рязанскихъ, Литовскихъ, Вятскихъ, Устюжскихъ, Пермскихъ, и зажгли предмѣстіе со всѣхъ сторонъ. Татары съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми запираясь въ домахъ, были жертвою пламени. Обративъ въ пепелъ все, что могло сгорѣть, Россіяне усталые, обремененные добычею, отступили, сѣли на суда и пошли къ Коровничьему острову, гдѣ стояли цѣлую недѣлю безъ всякаго дѣла: чѣмъ Руно навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ. Многіе думали, что онъ, пользуясь ужасомъ Татаръ, сквозь пламя и дымъ предмѣстія могъ бы войти въ городъ, но силою отвелъ полки отъ приступа, чтобы тайно взять окупъ съ Царя[18]. По крайней мѣрѣ никто не понималъ, для чего сей Воевода, имѣя славу разума необыкновеннаго, тратитъ время; для чего не дѣйствуетъ или не удаляется съ добычею и плѣнниками?

Легко было предвидѣть, что Царь не будетъ дремать въ своей, кругомъ обожженной столицѣ: наконецъ Русской плѣнникъ, выбѣжавъ изъ Казани, принесъ вѣсть къ на-

Г. 1469. шимъ, что Ибрагимъ соединилъ всѣ полки Камскіе, Сыплинскіе, Костяцкіе, Бѣловолжскіе, Вотяцкіе, Башкирскіе, и готовится въ слѣдующее утро наступить на Россіянъ конною и судовою ратію. Воеводы Московскіе спѣшили взять мѣры: отобрали молодыхъ людей и послали ихъ съ большими судами къ Ирихову острову, не велѣвъ имъ ходить на узкое мѣсто Волги; а сами остались на берегу, чтобы удерживать непріятеля, который дѣйствительно вышелъ изъ города. Хотя молодые люди не послушались Воеводъ и стали какъ бы нарочно въ узкомъ протокѣ, гдѣ непріятельская конница могла стрѣлять въ нихъ: однакожь мужественно отбили ее. Воеводы столь же удачно имѣли бой съ лодками Казанскими, и прогнавъ оныя къ городу, соединились съ своими большими судами у Ирихова острова, славя побѣду и Государя.

Тутъ прибылъ къ нимъ главный Воевода, Князь Константинъ Беззубцевъ, изъ Нижняго Новагорода, свѣдавъ, что они, въ противность Іоаннову намѣренію, подступили къ Казани. Доселѣ успѣхъ служилъ имъ оправданіемъ: Константинъ хотѣлъ еще важнѣйшаго: отправилъ гонцевъ въ Москву, съ вѣстію о происшедшемъ, и въ Вятку, съ повелѣніемъ, чтобы ея жители немедленно шли къ нему подъ Казань. Онъ еще не зналъ ихъ коварства. Іоаннъ, пославъ весною главную рать въ Нижній, въ то же время приказалъ Князю Даніилу Ярославскому съ от-

рядомъ Дѣтей Боярскихъ и съ полкомъ Устюжанъ, а другому Воеводѣ, Сабурову, съ Вологжанами плыть на судахъ къ Вяткѣ, взять тамъ всѣхъ людей годныхъ къ ратному дѣлу и съ ними итти на Царя Казанскаго. Но Правители Вятскихъ городовъ, мечтая о своей древней независимости, отвѣтствовали Даніилу Ярославскому: «Мы «сказали Царю, что не будемъ помогать ни «Великому Князю противъ него, ни ему про-«тивъ Великаго Князя; хотимъ сдержать «слово, и остаемся дома.» У нихъ былъ тогда Посолъ Ибрагимовъ, который немедленно далъ знать въ Казань, что Россіяне изъ Устюга и Вологды идутъ къ ея предѣламъ съ малыми силами. Отказавъ въ помощи Князю Ярославскому, Вятчане отказали и Беззубцеву, но выдумали только иной предлогъ, говоря: «когда братья Великаго Князя «пойдутъ на Царя, тогда и мы пойдемъ.» Около мѣсяца тщетно ждавъ полковъ Вятскихъ, не имѣя вѣсти отъ Князя Ярославскаго, и начиная терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, Воевода Беззубцевъ пошелъ назадъ къ Нижнему. г. 1469.

На пути встрѣтилась ему вдовствующая Царица Казанская, мать Ибрагимова, и сказала, что Великій Князь отпустилъ ее съ честію и съ милостію; что война прекратится, и что Ибрагимъ удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ Іоанновымъ. Успокоенные ея словами, Воеводы наши расположились на берегу празд-

г. 1469. новать Воскресный день, служить обѣдню и пировать. Но вдругъ показалась рать Казанская, судовая и конная. Россіяне едва успѣли изготовиться. Сражались до самой ночи: Казанскія суда отступили къ противному берегу, гдѣ стояла конница, пуская стрѣлы въ нашихъ, которые не захотѣли биться на сухомъ пути, и ночевали на другой сторонѣ Волги. Въ слѣдующее утро ни тѣ, ни другіе не думали возобновить битвы; и Князь Беззубцевъ благополучно доплылъ до Нижняго.

Не столь счастливъ былъ Князь Ярославскій. Видя непослушаніе Вятчанъ, онъ рѣшился итти безъ нихъ, чтобы въ окрестностяхъ Казани соединиться съ Московскою ратію. Увѣдомленный о походѣ его, Ибрагимъ заградилъ Волгу судами и поставилъ на берегу конницу. Произошла битва достопамятная мужествомъ обоюднымъ: хватались за руки, сѣклись мечами. Главные изъ Вождей Московскихъ пали мертвые; другіе были ранены или взяты въ плѣнъ; но Князь Василій Ухтомскій одолѣвалъ многочисленность храбростію: сцѣплялся съ Ибрагимовыми судами, разилъ непріятелей ослопомъ, и топилъ ихъ въ рѣкѣ. Устюжане, вмѣстѣ съ нимъ оказавъ рѣдкую неустрашимость, пробились сквозь Казанцевъ, достигли Новагорода Нижняго и дали знать о томъ Іоанну, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, прислалъ имъ *двѣ золотыя деньги* и нѣ-

сколько кафтановъ. Устюжане отдали *деньги* своему Іерею, сказавъ ему: «молись Богу за «Государя и православное воинство; а мы «готовы и впредь такъ сражаться[19].» Г. 1469.

Обманутый льстивыми обѣщаніями Ибрагимовой матери, не довольный и нашими Воеводами, Іоаннъ предпріялъ новый походъ въ ту же осень, вручивъ предводительство своимъ братьямъ, Юрію и Андрею. Весь Дворъ Великокняжескій и всѣ Князья *Служивые* находились съ ними. Въ числѣ знатнѣйшихъ Воеводъ Лѣтописцы именуютъ Князя Ивана Юрьевича Патрекеева. Даніилъ Холмскій велъ передовый полкъ; многочисленная рать шла сухимъ путемъ, другая плыла Волгою; обѣ подступили къ Казани, разбили Татаръ въ вылазкѣ, отняли воду у города, и принудили Ибрагима заключить миръ *на всей волѣ* Государя Московскаго: то есть, исполнить всѣ его требованія. Онъ возвратилъ свободу нашимъ плѣнникамъ, взятымъ въ теченіе сорока лѣтъ[20]. Сентября 1.

Сей подвигъ былъ первымъ изъ знаменитыхъ успѣховъ государствованія Іоаннова: второй имѣлъ еще благопріятнѣйшія слѣдствія для могущества Великокняжескаго внутри Россіи. Василій Темный возвратилъ Новогородцамъ Торжекъ; но другія земли, отнятыя у нихъ сыномъ Донскаго, Василіемъ Димитріевичемъ, оставались за Москвою: еще не увѣренные въ твердости Іоаннова характера, и даже сомнѣваясь въ ней по пер- Война съ Новымъ-городомъ.

г. 1469. вымъ дѣйствіямъ сего Князя, ознаменованнымъ умѣренностію, миролюбіемъ, они вздумали быть смѣлыми, въ надеждѣ показаться ему страшными, унизить гордость Москвы, возстановить древнія права своей вольности, утраченныя излишнею уступчивостію ихъ отцевъ и дѣдовъ. Съ симъ намѣреніемъ приступили къ дѣлу: захватили многіе доходы, земли и воды Княжескія; взяли съ жителей присягу только именемъ Новагорода; презирали Іоанновыхъ Намѣстниковъ и Пословъ; властію Вѣча брали знатныхъ людей подъ стражу на Городищѣ, мѣстѣ не подлежащемъ народной управѣ; дѣлали обиды Москвитянамъ[21]. Государь нѣсколько разъ требовалъ отъ нихъ удовлетворенія: они молчали. Наконецъ пріѣхалъ въ Москву Новогородскій Посадникъ, Василій Ананьинъ, съ обыкновенными дѣлами земскими; но не было слова въ отвѣтъ на жалобы Іоанновы. «Я ничего не знаю,» говорилъ Посадникъ Боярамъ Московскимъ: «Великій Новгородъ «не далъ мнѣ никакихъ о томъ повелѣній.» Іоаннъ отпустилъ сего чиновника съ такими словами: «Скажи Новогородцамъ, моей отчинѣ, чтобы они, признавъ вину свою, исправились; въ земли и воды мои не вступалися, имя мое *держали честно и грозно по старинѣ*, исполняя обѣтъ крестный, если хотятъ отъ меня покровительства и милости; скажи, что терпѣнію бываетъ конецъ, и что мое не продолжится.»

Великій Князь въ то же время написалъ къ вѣрнымъ ему Псковитянамъ, чтобы они, въ случаѣ дальнѣйшей строптивости Новогородцевъ, готовились вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать противъ сихъ ослушниковъ. Намѣстникомъ его во Псковѣ былъ тогда Князь Ѳеодоръ Юрьевичь, знаменитый Воевода, который съ Московскою дружиною защитилъ сію область въ послѣднюю войну съ Нѣмцами: изъ отмѣннаго уваженія къ его особѣ Псковитяне дали ему судное право во всѣхъ *двѣнадцати* своихъ пригородахъ; а дотолѣ Князья судили и рядили только въ *семи*: прочіе зависѣли отъ народной власти[22]. Бояринъ Московскій, Селиванъ, вручилъ Псковитянамъ грамоту Іоаннову. Они сами имѣли разныя досады отъ Новогородцевъ[23]; однакожь, слѣдуя внушеніямъ благоразумія, отправили къ нимъ Посольство съ предложеніемъ быть миротворцами между ими и Великимъ Княземъ. «Не хотимъ кланяться Іо-«анну, и не просимъ вашего ходатайства,» отвѣтствовали тамошніе Правители: »но если «вы добросовѣстны и намъ друзья, то во-«оружитесь за насъ противъ самовластія «Московскаго[24].» Псковитяне сказали: «увидимъ» — и дали знать Великому Князю, что они готовы помогать ему всѣми силами. Г. 1469.

Между тѣмъ, по сказанію Лѣтописцевъ, были страшныя знаменія въ Новѣгородѣ: сильная буря сломила крестъ Софійской церкви; древніе Херсонскіе колокола въ мона- Г. 1470.

г. стырѣ на Хутынѣ сами собою издавали пе-
1470. чальный звукъ; кровь являлась на гробахъ, и проч. Люди тихіе, миролюбивые, трепетали и молились Богу; другіе смѣялись надъ ними и мнимыми чудесами. Легкомысленный народъ болѣе нежели когда нибудь мечталъ о прелестяхъ свободы; хотѣлъ тѣснаго союза съ Казимиромъ, и принялъ отъ него Воеводу, Князя Михаила Олельковича, коего братъ, Симеонъ, господствовалъ тогда въ Кіевѣ съ честію и славою, *подобно древнимъ Князьямъ Владимірова племени,* какъ говорятъ Лѣтописцы[25]. Множество Пановъ и витязей Литовскихъ пріѣхало съ Михаиломъ въ Новгородъ.

Въ сіе время скончался Новогородскій Владыка Іона: народъ избралъ въ Архіепископы Протодіакона Ѳеофила, коему не льзя было ѣхать въ Москву для поставленія безъ согласія Іоаннова[26]: Новогородцы чрезъ Боярина своего, Никиту, просили о томъ Великаго Князя, мать его и Митрополита. Іоаннъ далъ *опасную грамоту* для пріѣзда Ѳеофилова въ столицу, и мирно отпуская Посла, сказалъ ему: «Ѳеофилъ, вами избранный, будетъ принятъ съ честію и поставленъ въ «Архіепископы; не нарушу ни въ чемъ древ«нихъ обыкновеній, и готовъ васъ жаловать, «какъ мою отчину, если вы искренно при«знаете вину свою, не забывая, что мои «предки именовались Великими Князьями Вла«димірскими, *Новагорода и всея Руси.*» По-

солъ, возвратясь въ Новгородъ, объявилъ народу о милостивомъ расположеніи Іоанновомъ. Многіе граждане, знатнѣйшіе чиновники и нареченный Архіепископъ Ѳеофилъ хотѣли воспользоваться симъ случаемъ, чтобы прекратить опасную распрю съ Великимъ Княземъ; но скоро открылся мятежъ, какого давно не бывало въ сей народной Державѣ. г. 1471.

Вопреки древнимъ обыкновеніямъ и нравамъ Славянскимъ, которые удаляли женскій полъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшаго Посадника Исаака Борецкаго, мать двухъ сыновей уже взрослыхъ, именемъ Марѳа, предпріяла рѣшить судьбу отечества. Хитрость, велерѣчіе, знатность, богатство и роскошь доставили ей способъ дѣйствовать на Правительство. Народные чиновники сходились въ ея великолѣпномъ или, по тогдашнему, *чудномъ*[27] домѣ пировать и совѣтоваться о дѣлахъ важнѣйшихъ. Такъ Св. Зосима, Игуменъ монастыря Соловецкаго, жалуясь въ Новѣгородѣ на обиды Двинскихъ жителей, въ особенности тамошнихъ прикащиковъ Боярскихъ, долженъ былъ искать покровительства Марѳы, которая имѣла въ Двинской землѣ богатыя села. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотѣла видѣть его; но послѣ, узнавъ истину, осыпала Зосиму ласками, пригласила къ себѣ на обѣдъ вмѣстѣ съ людьми знатнѣйшими и дала Со-

г. 1471. ловецкому монастырю земли[28]. Еще не довольная всеобщимъ уваженіемъ и тѣмъ, что Великій Князь, въ знакъ особенной милости, пожаловалъ ея сына, Димитрія, въ знатный чинъ Боярина Московскаго[29], сія гордая жена хотѣла освободить Новгородъ отъ власти Іоанновой, и, по увѣренію Лѣтописцевъ, выйти за-мужъ за какого-то Вельможу Литовскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ господствовать, именемъ Казимировымъ, надъ своимъ отечествомъ. Князь Михаилъ Олельковичь, служивъ ей нѣсколько времени орудіемъ, утратилъ ея благосклонность и съ досадою уѣхалъ назадъ въ Кіевъ, ограбивъ Русу[30]. Сей случай доказывалъ, что Новгородъ не могъ ожидать ни усердія, ни вѣрности отъ Князей Литовскихъ; но Борецкая, открывъ домъ свой для шумныхъ сонмищъ, съ утра до вечера славила Казимира, убѣждая гражданъ въ необходимости искать его защиты противъ утѣсненій Іоанновыхъ. Въ числѣ ревностныхъ друзей Посадницы былъ Монахъ Пименъ, Архіепископскій Ключникъ: онъ надѣялся заступить мѣсто Іоны и сыпалъ въ народъ деньги изъ казны Святительской, имъ расхищенной. Правительство свѣдало о томъ, и заключивъ сего коварнаго Инока въ темницу, взыскало съ него 1000 рублей пени[31]. Волнуемый честолюбіемъ и злобою, Пименъ клеветалъ на избраннаго Владыку Ѳеофила, на Митрополита Филиппа; желалъ присоединенія Новогородской

Епархіи къ Литвѣ, и лаская себя мыслію получить санъ Архіепископа отъ Григорія Кіевскаго, Исидорова ученика, помогалъ Марѳѣ совѣтомъ, козиями, деньгами. Г. 1471.

Видя, что Посольство Боярина Никиты сдѣлало въ народѣ впечатлѣніе противное ея намѣренію и расположило многихъ гражданъ къ дружелюбному сближенію съ Государемъ Московскимъ, Марѳа предпріяла дѣйствовать рѣшительно. Ея сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленнымъ сонмомъ людей подкупленныхъ, явились на Вѣчѣ и торжественно сказали, что настало время управиться съ Іоанномъ; что онъ не Государь, а злодѣй ихъ; что Великій Новгородъ есть самъ себѣ Властелинъ; что жители его суть вольные люди и не *отчина* Князей Московскихъ; что имъ нуженъ только покровитель; что симъ покровителемъ будетъ Казиміръ, и что не Московскій, а Кіевскій Митрополитъ долженъ дать Архіепископа Святой Софіи. Громогласное восклицаніе: «не хотимъ Іоанна! «да здравствуетъ Казиміръ!« служило заключеніемъ ихъ рѣчи. Народъ восколебался. Многіе взяли сторону Борецкихъ и кричали: «да исчезнетъ Москва!» Благоразумнѣйшіе сановники, старые Посадники, Тысячскіе, Житые люди хотѣли образумить легкомысленныхъ согражданъ и говорили: «Братья! «что замышляете? измѣнить Руси и православію? поддаться Королю иноплеменному

Г. 1471. «и требовать Святителя отъ еретика Латинскаго? Вспомните, что предки наши, «Славяне, добровольно вызвали Рюрика изъ «земли Варяжской; что болѣе шести сотъ «лѣтъ его потомки законно княжили на пре-«столѣ Новогородскомъ; что мы обязаны ис-«тинною Вѣрою Святому Владиміру, отъ «коего происходитъ Великій Князь Іоаннъ, «и что Латинство донынѣ было для насъ «ненавистно.» Единомышленники Мареины не давали имъ говорить; а слуги и наемники ея бросали въ нихъ каменьями, звонили въ Вѣчевые колокола, бѣгали по улицамъ и кричали: «хотимъ за Короля!» Другіе: «хотимъ къ «Москвѣ православной, къ Великому Князю Іо-«анну и къ отцу его, Митрополиту Филип-«пу!» Нѣсколько дней городъ представлялъ картину ужаснаго волненія. Нареченный Владыка Ѳеофилъ ревностно противоборствовалъ усиліямъ Мареиныхъ друзей и говорилъ имъ: «или не измѣняйте православію или не «буду никогда Пастыремъ отступниковъ: иду «назадъ въ смиренную келлію, откуда вы из-«влекли меня на позорище мятежа.» Но Борецкіе превозмогли, овладѣли правленіемъ и погубили отечество, какъ жертву ихъ страстей личныхъ. Совершилось, чего издавна желали завоеватели Литовскіе, и чѣмъ Новгородъ стращалъ иногда Государей Московскихъ: онъ поддался Казиміру, добровольно и торжественно. Дѣйствіе беззаконное: хотя сія область имѣла особенные уставы и вольности, дан-

ныя ей, какъ извѣстно, Ярославомъ Великимъ; однакожь составляла всегда часть Россіи и не могла перейти къ иноплеменникамъ безъ измѣны или безъ нарушенія коренныхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на Естественномъ Правѣ. Многочисленное Посольство отправилось въ Литву съ богатыми дарами и съ предложеніемъ, чтобы Казимиръ былъ Главою Новогородской Державы на основаніи древнихъ уставовъ ея гражданской свободы. Онъ принялъ всѣ условія, и написали грамоту слѣдующаго содержанія: г. 1471.

«*Честный* Король Польскій и Князь Великій Литовскій заключилъ дружественный «союзъ съ нареченнымъ Владыкою Ѳеофиломъ, съ Посадниками, Тысячскими Новогородскими, съ Боярами, людьми Житьими, «купцами и со всѣмъ Великимъ Новымгородомъ; а для договора были въ Литвѣ «Посадникъ Аѳанасій Евстафіевичь, Посадникъ Димитрій Исаковичь (Борецкій) «отъ людей Житыхъ Панфилъ Селифонтовичь, Кириллъ Ивановичь ... Вѣдать тебѣ, «честному Королю, Великій Новгородъ по «сей крестной грамотѣ и держать на Городищѣ своего Намѣстника Греческой Вѣры, вмѣстѣ съ Дворецкимъ и Тіуномъ, коимъ имѣть при себѣ не болѣе пятидесяти «человѣкъ. Намѣстнику судить съ Посадникомъ на дворѣ Архіепископскомъ, какъ Бояръ, Житыхъ людей, Младшихъ гражданъ, «такъ и сельскихъ жителей, согласно съ

г. 1471. «правдою, и не требовать ничего, кромѣ «судной законной пошлины; но въ судъ Тысячскаго, Владыки и монастырей ему не «вступаться. Дворецкому жить на Городищѣ во дворцѣ и собирать доходы твои «вмѣстѣ съ Посадникомъ; а Тіуну вершить «дѣла съ нашими приставами. Если Государь «Московскій пойдетъ войною на Великій «Новгородъ, то тебѣ Господину, честному «Королю, или въ твое отсутствіе Радѣ «Литовской дать намъ скорую помощь. — «Ржева, Великія Луки и Холмовскій погостъ «остаются землями Новогородскими; но платятъ дань тебѣ, честному Королю. — «Новогородецъ судится въ Литвѣ по вашимъ, Литвинъ въ Новѣгородѣ по нашимъ «законамъ безъ всякаго притѣсненія . . . Въ «Русѣ будешь имѣть десять соляныхъ варницъ; а за судъ получаешь тамъ и въ другихъ мѣстахъ, что издревле установлено. «Тебѣ, честному Королю, не выводить отъ «насъ людей, не купить ни селъ, ни рабовъ, «и не принимать ихъ въ даръ, ни Королевѣ, «ни Панамъ Литовскимъ, а намъ не таить «законныхъ пошлинъ. Посламъ, Намѣстникамъ и людямъ твоимъ не брать подводъ «въ землѣ Новогородской, и волости ея могутъ быть управляемы только нашими «собственными чиновниками. — Въ Лукахъ «будетъ твой и нашъ Тіунъ: Торопецкому «не судить въ Новогородскихъ владѣніяхъ. «Въ Торжкѣ и Волокѣ имѣй Тіуна; съ нашей

«стороны будетъ тамъ Посадникъ.—Купцы г. 1471.
«Литовскіе торгуютъ съ Нѣмцами един-
«ственно чрезъ Новогородскихъ. Дворъ Нѣ-
«мецкій тебѣ не подвластенъ: не можешь
«затворить его.—Ты, честный Король, не
«долженъ касаться нашей православной Вѣры:
«гдѣ захотимъ, тамъ и посвятимъ нашего Вла-
«дыку (въ Москвѣ или въ Кіевѣ); а Римскихъ
«церквей не ставить нигдѣ въ землѣ Нового-
«родской.—Если примиришь насъ съ Вели-
«кимъ Княземъ Московскимъ, то изъ благо-
«дарности уступимъ тебѣ всю народную
«дань, собираемую ежегодно въ Новогород-
«скихъ областяхъ; но въ другіе годы не
«требуй оной. — Въ утвержденіе договора
«цѣлуй крестъ къ Великому Новугороду за
«все свое Княжество и за всю Раду Литов-
«скую *въ правду*, *безъ извѣта* а Послы на-
«ши цѣловали крестъ *Новогородскою душею*
«къ честному Королю за Великій Новго-
«родъ[33]».

И такъ сей народъ легкомысленный еще желалъ мира съ Москвою, думая, что Іоаннъ устрашится Литвы, не захочетъ кровопролитія и малодушно отступится отъ древнѣйшаго Княжества Россійскаго. Хотя Намѣстники Московскіе, бывъ свидѣтелями торжества Марѳиныхъ поборниковъ, уже не имѣли никакого участія въ тамошнемъ правленіи, однакожь спокойно жили на Городищѣ, увѣдомляя Великаго Князя о всѣхъ происшествіяхъ. Не смотря на свое явное от-

г. 1471. ступленіе отъ Россіи, Новогородцы хотѣли казаться умѣренными и справедливыми; твердили, что отъ Іоанна зависитъ остаться другомъ Святой Софіи; изъявляли учтивость его Боярамъ, но послали Суздальскаго Князя, Василья Шуйскаго-Гребенку, начальствовать въ Двинской землѣ, опасаясь, чтобы рать Московская не овладѣла сею важною для нихъ страною.

Еще желая употребить послѣднее миролюбивое средство, Великій Князь отправилъ въ Новгородъ благоразумнаго чиновника, Ивана Ѳедоровича Товаркова, съ такимъ увѣщаніемъ[51]: «Люди Новогородскіе! Рюрикъ, Св. «Владиміръ и Великій Всеволодъ Юрьевичь, «мои предки, повелѣвали вами; я наслѣдо«валъ сіе право: жалую васъ, храню, но могу «и казнить за дерзкое ослушаніе. Когда вы «бывали подданными Литвы? Нынѣ же ра«болѣпствуете иновѣрнымъ, преступая свя«щенные обѣты. Я ничѣмъ не отягопилъ «васъ, и требовалъ единственно древней за«конной дани. Вы измѣнили мнѣ: казнь Бо«жія надъ вами! Но еще медлю, не любя крово«пролитія, и готовъ миловать, если съ рас«каяніемъ возвратитесь подъ сѣнь отечест«ва.» Въ то же время Митрополитъ Филиппъ писалъ къ нимъ: «Слышу о мятежѣ «и расколѣ вашемъ. Бѣдственно и единому «человѣку уклониться отъ пути праваго: «еще ужаснѣе цѣлому народу. Трепещите, «да страшный серпъ Божій, видѣнный Про-

«рокомъ Захаріею, не снидетъ на главу сы- г. 1471.
«новъ ослушныхъ. Вспомните реченное въ «Писаніи: *бѣги грѣха яко ратника; бѣги «отъ прелести, яко отъ лица зміина*. Сія «*прелесть* есть Латинская: она уловляетъ «васъ. Развѣ примѣръ Константинополя не «доказалъ ея гибельнаго дѣйствія? Греки «царствовали, Греки славились во благоче-«стіи: соединились съ Римомъ, и служатъ «нынѣ Туркамъ. Доселѣ вы были цѣлы подъ «крѣпкою рукою Іоанна: не уклоняйтеся отъ «*святой*, *великой старины*, и не забывайте «словъ Апостола: *Бога бойтеся, а Князя «чтите*. — Смиритеся, и Богъ мира да бу-«детъ съ вами[35]!» — Сіи увѣщанія остались безполезны: Марѳа съ друзьями своими дѣлала, что хотѣла въ Новѣгородѣ. Устрашаемые ихъ дерзостію, люди благоразумные тужили въ домахъ и безмолвствовали на Вѣчѣ, гдѣ клевреты или наемники Борецкихъ вопили: «Новгородъ Государь намъ, а «Король покровитель!» Однимъ словомъ, Лѣтописцы сравниваютъ тогдашнее состояніе сей народной Державы съ древнимъ Іерусалимомъ, когда Богъ готовился предать его въ руки Титовы. Страсти господствовали надъ умомъ, и Совѣтъ Правителей казался сонмомъ заговорщиковъ.

Посолъ Московскій возвратился къ Государю съ увѣреніемъ, что не слова и не письма, но одинъ мечь можетъ смирить Новогородцевъ. Великій Князь изъявилъ го-

г. 1471. ресть: еще размышлялъ, совѣтовался съ матерью, съ Митрополитомъ, и призвалъ въ столицу братьевъ, всѣхъ Епископовъ, Князей, Бояръ и Воеводъ. Въ назначенный день и часъ они собралися во дворцѣ. Іоаннъ вышелъ къ нимъ съ лицемъ печальнымъ: открылъ Государственную Думу, и предложилъ ей на судъ измѣну Новогородцевъ. Не только Бояре и Воеводы, но и Святители отвѣтствовали единогласно: »Государь! возьми оружіе въ руки!« Тогда Іоаннъ произнесъ рѣшительное слово: «да будетъ война!» и еще хотѣлъ слышать мнѣніе Совѣта о времени благопріятнѣйшемъ для ея начала, сказавъ: «Весна уже наступила: Новгородъ «окруженъ водою, рѣками, озерами и боло- «тами непроходимыми. Великіе Князья, мои «предки, страшились ходить туда съ вой- «скомъ въ лѣтнее время, и когда ходили, «то теряли множество людей.» Съ другой стороны поспѣшность обѣщала выгоды: Новогородцы не изготовились къ войнѣ, и Казимиръ не могъ скоро дать имъ помощи. Рѣшились не медлить, въ надеждѣ на милость Божію, на счастіе и мудрость Іоаннову. Уже сей Государь пользовался общею довѣренностію: Москвитяне гордились имъ, хвалили его правосудіе, твердость, прозорливость; называли любимцемъ Неба, Властителемъ Богоизбраннымъ; и какое-то новое чувство государственнаго величія вселилось въ ихъ душу[36].

Іоаннъ послалъ *складную грамоту* къ Новогородцамъ, объявляя имъ войну съ исчисленіемъ всѣхъ ихъ дерзостей, и въ нѣсколько дней устроилъ ополченіе: убѣдилъ Михаила Тверскаго дѣйствовать съ нимъ за-одно, и велѣлъ Псковитянамъ итти къ Новугороду съ Московскимъ Воеводою, Княземъ Ѳеодоромъ Юрьевичемъ Шуйскимъ; Устюжанамъ и Вятчанамъ въ Двинскую землю подъ начальствомъ двухъ Воеводъ, Василья Ѳеодоровича Образца и Бориса Слѣпаго Тютчева[57]; Князю Даніилу Холмскому съ Дѣтьми Боярскими изъ Москвы къ Русѣ, а Князю Василью Ивановичу Оболенскому-Стригѣ съ Татарскою конницею къ берегамъ Мсты. Г. 1471. Маія 23. Іюня 6. Іюня 13.

Сіи отряды были только передовыми. Іоаннъ, слѣдуя обыкновенію, раздавалъ милостыню и молился надъ гробами Святыхъ Угодниковъ и предковъ своихъ; наконецъ, принявъ благословеніе отъ Митрополита и Епископовъ, сѣлъ на коня и повелъ главное войско изъ столицы. Съ нимъ находились всѣ Князья, Бояре, Дворяне Московскіе и Татарскій Царевичь Даніяръ, сынъ Касимовъ. Сынъ и братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, остались въ Москвѣ: другіе братья, Князья Юрій, Андрей, Борисъ Васильевичи, и Михаилъ Верейскій, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями къ Новогородскимъ границамъ; а Воеводы Тверскіе, Князь Юрій Андреевичь Дорогобужскій и Иванъ Жито, соединились съ Іоанномъ въ Іюня 20. Іюня 29.

г. 1471. Торжкѣ. Началося страшное опустошеніе. Съ одной стороны Воевода Холмскій и рать Великокняжеская, съ другой Псковитяне, вступивъ въ землю Новогородскую, истребляли все огнемъ и мечемъ[38]. Дымъ, пламя, кровавыя рѣки, стонъ и вопль отъ Востока и Запада неслися къ берегамъ Ильменя. Москвитяне изъявляли остервененіе неописанное: Новогородцы измѣнники казались имъ хуже Татаръ. Не было пощады ни бѣднымъ земледѣльцамъ, ни женщинамъ. Лѣтописцы замѣчаютъ, что Небо, благопріятствуя Іоанну, изсушило тогда всѣ болота; что отъ Маія до Сентября мѣсяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыби отвердѣли; войско съ обозами вездѣ имѣло путь свободный, и гнало скотъ по лѣсамъ, дотолѣ непроходимымъ.

Псковитяне взяли Вышегородъ. Холмскій обратилъ въ пепелъ Русу. Не ожидавъ войны лѣтомъ и нападенія столь дружнаго, сильнаго, Новогородцы послали сказать Великому Князю, что они желаютъ вступить съ нимъ въ переговоры и требуютъ отъ него *опасной грамоты* для своихъ чиновниковъ, которые готовы ѣхать къ нему въ станъ. Но въ то же время Мароа и единомышленники ея старались увѣрить согражданъ, что одна счастливая битва можетъ спасти ихъ свободу. Спѣшили вооружить всѣхъ людей, волею и неволею; ремесленниковъ, гончаровъ, плотниковъ одѣли въ доспѣхи и посадили на

коней: другихъ на суда. Пѣхотѣ велѣли плыть г.
озеромъ Ильменемъ къ Русѣ, а конницѣ, го- 1471.
раздо многочисленнѣйшей, итти туда берегомъ. Холмскій стоялъ между Ильменемъ и Русою, на Коростынѣ: пѣхота Новогородская приближилась тайно къ его стану, вышла изъ судовъ, и не дожидаясь館 коннаго войска, стремительно ударила на оплошныхъ Москвитянъ. Но Холмскій и товарищъ его, Бояринъ Ѳеодоръ Давидовичь, храбростію загладили свою неосторожность: положили на мѣстѣ 500 непріятелей, разсѣяли остальныхъ, и съ жестокосердіемъ, свойственнымъ тогдашнему вѣку, приказавъ отрѣзать плѣнникамъ носы, губы, послали ихъ искаженныхъ въ Новгородъ[39]. Москвитяне бросили въ воду всѣ латы, шлемы, щиты непріятельскіе, взятые въ добычу ими, говоря, что войско Великаго Князя богато собственными доспѣхами и не имѣетъ нужды въ измѣнническихъ.

Новогородцы приписали сіе несчастіе тому, что конное ихъ войско не соединилось съ пѣхотнымъ, и что особенный *полкъ Архіепископскій* отрекся отъ битвы, сказавъ: «Владыка Ѳеофилъ запретилъ намъ подни-«мать руку на Великаго Князя, а велѣлъ «сражаться только съ невѣрными Псковити-«тянами[40].» Желая обмануть Іоанна, Новогородскіе чиновники отправили къ нему втораго Посла, съ увѣреніемъ, что они готовы на миръ, и что войско ихъ еще не дѣйство-

Г. 1471. вало противъ Московскаго[41]. Но Великій Князь уже имѣлъ извѣстіе о побѣдѣ Холмскаго, и ставъ на берегу озера Коломны, приказалъ сему Воеводѣ итти за Шелонь на
Іюля 9. встрѣчу Псковитянамъ, и вмѣстѣ съ ними къ Новугороду: Михаилу же Верейскому осадить городокъ Демонъ. Въ самое то время, когда Холмскій думалъ переправляться на другую сторону рѣки, онъ увидѣлъ непріятеля столь многочисленнаго, что Москвитяне изумились. Ихъ было 5,000, а Новогородцевъ отъ 30,000 до 40,000: ибо друзья Борецкихъ еще успѣли набрать и выслать нѣсколько полковъ, чтобы усилить свою конную рать. Но Воеводы Іоанновы, сказавъ дружинѣ: «настало время послужить Госу«дарю; не убоимся ни трехъ сотъ тысячь «мятежниковъ; за насъ правда и Господь
Іюля 14. «Вседержитель,» бросились на коняхъ въ Шелонь, съ крутаго берега, и въ глубокомъ мѣстѣ; однакожь никто изъ Москвитянъ не усомнился слѣдовать ихъ примѣру; никто не утонулъ; и всѣ, благополучно переѣхавъ на другую сторону, устремились въ бой съ восклицаніемъ: *Москва*! Новогородскій Лѣтописецъ говоритъ, что соотечественники его бились мужественно и принудили Москвитянъ отступить, но что конница Татарская, бывъ въ засадѣ, нечаяннымъ нападеніемъ разстроила первыхъ и рѣшила дѣло[42]. Но по другимъ извѣстіямъ Новогородцы не стояли ни часу: лошади ихъ, язвимыя стрѣла-

ми, начали сбивать съ себя всадниковъ; ужасъ г.
объялъ Воеводъ малодушныхъ и войско не- 1471.
опытное; обратили тылъ; скакали безъ памяти и топтали другъ друга, гонимые, истребляемые побѣдителемъ; утомивъ коней, бросались въ воду, въ тину болотную; не находили пути въ лѣсахъ своихъ, тонули или умирали отъ ранъ; иные же проскакали мимо Новагорода, думая, что онъ уже взятъ Іоанномъ. Въ безуміи страха имъ вездѣ казался непріятель, вездѣ слышался крикъ: *Москва! Москва*[43]! На пространствѣ двѣнадцати верстъ полки Великокняжескіе гнали ихъ, убили 12,000 человѣкъ, взяли 1700 плѣнниковъ, и въ томъ числѣ двухъ знатнѣйшихъ Посадниковъ, Василія-Казимера съ Димитріемъ Исаковымъ Борецкимъ[44]; наконецъ утомленные возвратились на мѣсто битвы. Холмскій и Бояринъ Ѳеодоръ Давидовичь, трубнымъ звукомъ возвѣстивъ побѣду, сошли съ коней, приложились къ образамъ подъ знаменами и прославили милость Неба. Боярскій сынъ, Иванъ Замятня, спѣшилъ извѣстить Государя, бывшаго тогда въ Яжелбицахъ, что одинъ передовый отрядъ его войска рѣшилъ судьбу Новагорода; что непріятель истребленъ, а рать Московская цѣла. Сей вѣстникъ вручилъ Іоанну договорную грамоту Новогородцевъ съ Казимиромъ, найденную въ ихъ обозѣ между другими бумагами, и даже представилъ ему человѣка, который писалъ оную[45]. Съ какою

г. 1471. радостію Великій Князь слышалъ вѣсть о побѣдѣ, съ такимъ негодованіемъ читалъ сію законопреступную хартію, памятникъ Новогородской измѣны.

Холмскій уже нигдѣ не видалъ непріятельской рати, и могъ свободно опустошать села до самой Наровы или Нѣмецкихъ предѣловъ. Городокъ Демонъ сдался Михаилу Верейскому. Тогда Великій Князь послалъ *опасную грамоту* къ Новогородцамъ съ Бояриномъ ихъ, Лукою, соглашаясь вступить съ

Іюля 24. ними въ договоры; прибылъ въ Русу и явилъ примѣръ строгости: велѣлъ отрубить головы знатнѣйшимъ плѣнникамъ, Боярамъ Димитрію Исакову, Марѳину сыну, Василью Селезеневу Губѣ, Кипріяну Арбузееву и Іеремію Сухощоку, Архіепископскому Чашнику, ревностнымъ благопріятелямъ Литвы; Василія-Казимера, Матвѣя Селезенева и другихъ послалъ въ Коломну, окованныхъ цѣпями; нѣкоторыхъ въ темницы Московскія; а прочихъ безъ всякаго наказанія отпустилъ въ Новгородъ[46], соединяя милосердіе съ грозою мести, отличая главныхъ, дѣятельныхъ враговъ Москвы отъ людей слабыхъ, которые служили имъ только орудіемъ. Рѣшивъ

Іюля 27. такимъ образомъ участь плѣнниковъ, онъ расположился станомъ на устьѣ Шелони.

Въ сей самый день новая побѣда увѣнчала оружіе Великокняжеское въ отдаленныхъ предѣлахъ Заволочья. Московскіе Воеводы, Образецъ и Борисъ Слѣпый, предводитель-

ствуя Устюжанами и Вятчанами, на берегахъ Двины сразились съ Княземъ Василіемъ Шуйскимъ, вѣрнымъ слугою Новогородской свободы. Рать его состояла изъ двѣнадцати тысячь Двинскихъ и Печерскихъ жителей: Іоаннова только изъ четырехъ. Битва продолжалась цѣлый день съ великимъ остервененіемъ. Убивъ трехъ Двинскихъ знаменоносцевъ, Москвитяне взяли хоругвь Новогородскую, и къ вечеру одолѣли врага. Князь Шуйскій раненный едва могъ спастися въ лодкѣ, бѣжалъ въ Колмогоры, оттуда въ Новгородъ; а Воеводы Іоанновы, овладѣвъ всею Двинскою землею, привели жителей въ подданство Москвы[47]. г. 1471.

Миновало около двухъ недѣль послѣ Шелонской битвы, которая произвела въ Новогородцахъ неописанный ужасъ. Они надѣялись на Казиміра, и съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей отъ своего Посла, отправленнаго къ нему черезъ Ливонію, съ усильнымъ требованіемъ, чтобы Король спѣшилъ защитить ихъ; но сей Посолъ возвратился, и съ горестію объявилъ, что Магистръ Ордена не пустилъ его въ Литву[48]. Уже не было времени имѣть помощи, ни силъ противиться Іоанну. Открылась еще внутренняя измѣна. Нѣкто, именемъ Упадышъ, тайно доброхотствуя Великому Князю, съ единомышленниками своими въ одну ночь заколотилъ желѣзомъ 55 пушекъ въ Новѣгородѣ: Правители казнили сего человѣка[49]; не смотря на всѣ

Г. 1471. несчастія, хотѣли обороняться: выжгли посады, не жалѣя ни церквей, ни монастырей; учредили безсмѣнную стражу: день и ночь вооруженные люди ходили по городу, чтобы обуздывать народъ; другіе стояли на стѣнахъ и башняхъ, готовые къ бою съ Москвитянами. Однакожь миролюбивые начали изъявлять болѣе смѣлости, доказывая, что упорство безполезно; явно обвиняли друзей Марѳы въ приверженности къ Литвѣ, и говорили: «Іоаннъ передъ нами; а гдѣ «вашъ Казимиръ?» Городъ, стѣсненный Великокняжескими отрядами и наполненный множествомъ пришельцевъ, которые искали тамъ убѣжища отъ Москвитянъ, терпѣлъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; дороговизна возрастала; ржи совсѣмъ не было на торгу: богатые питались пшеницею; а бѣдные вопили, что Правители ихъ безумно раздражили Іоанна и начали войну, не подумавъ о слѣдствіяхъ[50]. Вѣсть о казни Димитрія Борецкаго и товарищей его сдѣлала глубокое впечатлѣніе какъ въ народѣ, такъ и въ чиновникахъ: доселѣ никто изъ Великихъ Князей не дерзалъ торжественно казнить первостепенныхъ гордыхъ Бояръ Новогородскихъ. Народъ разсуждалъ, что времена перемѣнились; что Небо покровительствуетъ Іоанна и даетъ ему смѣлость вмѣстѣ съ счастіемъ; что сей Государь правосуденъ: караетъ и милуетъ; что лучше спастися смиреніемъ, нежели погибнуть отъ

упрямства. Знатные сановники видѣли мечь над своею головою: въ такомъ случаѣ рѣдкіе жертвуютъ личною безопасностію правилу или образу мыслей. Самые усердные изъ друзей Мароиныхъ, тѣ, которые ненавидѣли Москву по ревностной любви къ вольности отечества, молчаніемъ или языкомъ умѣренности хотѣли заслужить прощеніе Іоанново. Еще Мароа силилась дѣйствовать на умы и сердца, возбуждая ихъ противъ Великаго Князя: народъ видѣлъ въ ней главную виновницу сей бѣдственной войны; онъ требовалъ хлѣба и мира. Г. 1471.

Холмскій, Псковитяне и самъ Іоаннъ готовились съ разныхъ сторонъ обступить Новгородъ, чтобы совершить послѣдній ударъ: не много времени оставалось для размышленія. Сановники, граждане единодушно предложили нареченному Архіепископу Ѳеофилу быть ходатаемъ мира. Сей разумный Инокъ со многими Посадниками, Тысячскими и людьми Житьими всѣхъ пяти Концевъ отправился на судахъ озеромъ Ильменемъ къ устью Шелони, въ станъ Московскій. Не смѣя вдругъ явиться Государю, они пошли къ его Вельможамъ и просили ихъ заступленія: Вельможи просили Іоанновыхъ братьевъ, а братья самого Іоанна. Чрезъ нѣсколько дней онъ дозволилъ Посламъ стать предъ лицемъ своимъ. Ѳеофилъ вмѣстѣ со многими духовными особами и знатнѣйшіе чиновники Новогородскіе, вступивъ въ шатеръ

Г 1471. Великокняжескій, пали ницъ, безмолствовали, проливали слезы. Іоаннъ, окруженный сонмомъ Бояръ, имѣлъ видъ грозный и суровый. «Господинъ, Князь Великій!» сказалъ Өеофилъ: «утоли гнѣвъ свой, утиши ярость; «пощади насъ, преступниковъ, не для моленія нашего, но для своего милосердія! Угаси «огнь, палящій страну Новогородскую; удержи мечь, ліющій кровь ея жителей[51]!» Іоаннъ взялъ съ собою изъ Москвы одного ученаго въ лѣтописяхъ Дьяка, именемъ Стефана Бородатаго, коему надлежало исчислить передъ Новогородскими Послами всѣ древнія ихъ измѣны[52]; но Послы не хотѣли оправдываться, и требовали единственно милосердія. Тутъ братья и Воеводы Іоанновы ударили челомъ за народъ виновный; Августа 11. молили долго, неотступно. Наконецъ Государь изрекъ слово великодушнаго прощенія, слѣдуя, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, внушеніямъ Христіанскаго человѣколюбія и совѣту Митрополита Филиппа помиловать Новогородцевъ, если они раскаются[53]; но мы видимъ здѣсь дѣйствіе личнаго характера, осторожной Политики, умѣренности сего Властителя, коего правиломъ было: *не отвергать хорошаго для лучшаго*, не совсѣмъ вѣрнаго.

Новогородцы за вину свою обѣщали внести въ казну Великокняжескую 15,500 рублей или около осьмидесяти пудъ серебра, въ разные сроки, отъ 8 Сентября до Пасхи;

возвратили Іоанну прилежащія къ Вологдѣ земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, мѣста уступленныя Василію Темному, но послѣ отнятыя ими; обязались въ назначенныя времена платить Государямъ Московскимъ *черную* или народную дань, также и Митрополиту судную пошлину; клялися ставить своихъ Архіепископовъ только въ Москвѣ, у гроба Св. Петра Чудотворца, въ Дому Богоматери; не имѣть никакого сношенія съ Королемъ Польскимъ, ни съ Литвою; не принимать къ себѣ тамошнихъ Князей и враговъ Іоанновыхъ: Князя Можайскаго, сыновей Шемяки и Василія Ярославича Боровскаго; отмѣнили такъ называемыя Вѣчевыя грамоты; признали верховною судебную власть Государя Московскаго, въ случаѣ несогласія его Намѣстниковъ съ Новогородскими сановниками; обѣщались не издавать впредь судныхъ грамотъ безъ утвержденія и печати Великаго Князя, и проч. Возвращая имъ Торжекъ и новыя свои завоеванія въ Двинской землѣ, Іоаннъ по обычаю цѣловалъ крестъ, въ увѣреніе, что будетъ править Новымгородомъ согласно съ древними уставами онаго, безъ всякаго насилія. Сіи взаимныя условія или обязательства изображены въ шести, тогда написанныхъ грамотахъ, отъ 9 и 11 Августа, въ коихъ юный сынъ Іоанновъ именуется также, подобно отцу, Великимъ Княземъ всей Россіи[54]. Помиривъ еще

Г. 1471.

г. 1471. Новгородъ съ Псковитянами, Іоаннъ увѣдомилъ своихъ Полководцевъ, что война прекратилась; ласково угостилъ Ѳеофила и всѣхъ Пословъ; отпустилъ ихъ съ милостію, и въ слѣдъ за ними велѣлъ ѣхать Боярину Ѳеодору Давидовичу, взять присягу съ Новогородцевъ на Вѣчѣ. Давъ слово забыть прошедшее, Великій Князь оставилъ въ покоѣ и самую Марѳу Борецкую, и не хотѣлъ упомянуть объ ней въ договорѣ, какъ бы изъ презрѣнія къ слабой женѣ. Исполнивъ свое намѣреніе, наказавъ мятежниковъ, свергнувъ тѣнь Казимирову съ древняго престола Рюрикова, онъ съ честію, славою и богатою добычею возвратился въ Москву. Сынъ, братъ, Вельможи, воины и Сент. 1. купцы встрѣтили его за 20 верстъ отъ столицы, народъ за семь, Митрополитъ съ Духовенствомъ передъ Кремлемъ на площади. Всѣ привѣтствовали Государя какъ побѣдителя, изъявляя радость.

Еще Новгородъ остался Державою народною; но свобода его была уже единственно милостію Іоанна и долженствовала исчезнуть по мановенію Самодержца. Нѣтъ свободы, когда нѣтъ силы защитить ее. Всѣ области Новогородскія, кромѣ столицы, являли отъ предѣловъ восточныхъ до моря зрѣлище опустошенія, произведеннаго не только ратію Великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельскіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ходили туда во-

оруженными толпами изъ Московскихъ владѣній грабить и наживаться. Погибло множество людей. Къ довершенію бѣдствія, 9,000 человѣкъ, призванныхъ въ Новгородъ изъ Уѣздовъ для защиты онаго, возвращаясь осенью въ свои домы на 180 судахъ, утонули въ бурномъ Ильменѣ[55]. Зимою Священноинокъ Ѳеофилъ съ духовными и мірскими сановниками пріѣхалъ въ Москву и былъ поставленъ въ Архіепископы[56]. Когда сей торжественный обрядъ совершился, Ѳеофилъ на амвонѣ смиренно преклонилъ выю предъ Іоанномъ и молилъ его умилосердиться надъ знатными Новогородскими плѣнниками, Василіемъ-Казимеромъ и другими, которые еще сидѣли въ Московскихъ темницахъ: Великій Князь даровалъ имъ свободу, и Новгородъ принялъ ихъ съ дружелюбіемъ, а Владыку своего съ благодарностію, легкомысленно надѣясь, что время, торговля, мудрость Вѣча и правила благоразумнѣйшей Политики исцѣлятъ глубокія язвы отечества. Г. 1471.

Въ исходѣ сего года явилась Комета, въ началѣ слѣдующаго другая; народъ трепеталъ, ожидая чего нибудь ужаснаго. Іоаннъ же, не участвуя въ страхѣ суевѣрныхъ, спокойно мыслилъ о важномъ завоеваніи. Древняя славная Біармія или Пермь уже въ XI вѣкѣ платила дань Россіянамъ, въ гражданскихъ отношеніяхъ зависѣла отъ Новагорода, въ церковныхъ отъ нашего Митрополита, но всегда имѣла собственныхъ Власти- Г. 1472. Явленіе Кометъ. Завоеваніе Перми.

г. 1472. шелей, и торговала съ Москвитянами какъ Держава свободная. Присвоивъ себѣ Вологду, Великіе Князья желали овладѣть и Пермію, однакожь дотолѣ не могли: ибо Новогородцы крѣпко стояли за оную, обогащаясь тамъ мѣною Нѣмецкихъ суконъ на мѣха драгоцѣнные и на серебро, которое именовалось *Закамскимъ* и столь прельщало хитраго Іоанна Калиту[87]. Въ самомъ Шелонскомъ договорѣ Новогородцы включили Пермь въ число ихъ законныхъ владѣній[88]; но Іоаннъ III, подобно Калитѣ дальновидный и гораздо его сильнѣйшій, воспользовался первымъ случаемъ исполнить намѣреніе своего пращура безъ явной несправедливости. Въ Перми обидѣли нѣкоторыхъ Москвитянъ: сего было довольно для Іоанна: онъ послалъ туда Князя Ѳеодора Пестраго съ войскомъ, чтобы доставить имъ законную управу.

Полки выступили изъ Москвы зимою, на Ѳоминой недѣлѣ пришли къ рѣкѣ Черной, спустились на плотахъ до мѣстечка Айфаловскаго, сѣли на коней и близъ городка Искора встрѣтились съ Пермскою ратію. Побѣда не могла быть сомнительною: Князь Ѳеодоръ разсѣялъ непріятелей; плѣнилъ ихъ Воеводъ, Кача, Бурмата, Мичкина, Зырана; взялъ Искоръ съ иными городками, сжегъ ихъ, и на устьѣ Почки, впадающей въ Колву, заложилъ крѣпость; а другой Воевода, Гаврило Нелидовъ, имъ отряженный, овла-
Іюня 26. дѣлъ Уросомъ и Чердынью, схвативъ та-

мошняго Князя Христіанской Вѣры, именемъ Михаила. Вся земля Пермская покорилась Іоанну, и Князь Ѳеодоръ прислалъ къ нему, вмѣстѣ съ плѣнными, 16 сороковъ черныхъ соболей, драгоцѣнную шубу соболью, 29 *поставовъ* Нѣмецкаго сукна, 3 панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя. Сіе завоеваніе, коимъ владѣнія Московскія прислонились къ хребту горъ Уральскихъ, обрадовало Государя и народъ, обѣщая важныя торговыя выгоды, и напомнивъ Россіи счастливую старину, когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, брали мечемъ чуждыя земли, не теряя собственныхъ.—Вѣроятно, что Пермскій Князь Михаилъ возвратился въ свое отечество, гдѣ послѣ господствовалъ и сынъ его, Матѳей, какъ присяжникъ Іоанновъ. Первымъ *Россійскимъ* Намѣстникомъ Великой Перми былъ въ 1505 году Князь Василій Андреевичь Коверъ[59]. г. 1472.

Доселѣ Великій Князь еще не имѣлъ дѣла съ главнымъ врагомъ нашей независимости, съ Царемъ Большой или Золотой Орды, Ахматомъ, коего толпы въ 1468 году нападали единственно на Рязанскую землю, не дерзнувъ итти далѣе: ибо въ упорной битвѣ съ тамошними Воеводами потеряли много людей[60]. Благоразумный Іоаннъ, готовый къ войнѣ, хотѣлъ удалить ее: время усиливало Россію, ослабляя могущество Хановъ. Но другой естественный врагъ Москвы, Казимиръ Литовскій, употреблялъ Нашествіе Ахмата.

Г. всѣ способы подвигнуть Ахмата на Великаго
1472. Князя. Дѣдъ Іоанновъ, Василій Димитріевичь, купилъ въ Литвѣ одного Татарина, именемъ Мисюря, Витовтова плѣнника, котораго внукъ, Кирей, рожденный въ холопствѣ, бѣжалъ отъ Іоанна въ Польшу, и снискалъ особенную милость Казимирову[61]. Сей Государь хотѣлъ употребить его въ орудіе своей ненависти къ Россіи, послалъ въ Золотую Орду съ ласковыми грамотами, съ богатыми дарами, и предлагалъ Ахмату тѣсный союзъ, чтобы вмѣстѣ воевать наше отечество. Кирей имѣлъ умъ хитрый, зналъ хорошо и Татаръ и Москву: доказывалъ Хану необходимость предупредить Іоанна, замышляющаго быть Самовластителемъ независимымъ; подкупалъ Вельможъ Ординскихъ, и легко склонилъ ихъ на свою сторону: ибо они недоброжелательствовали Великому Князю за его къ нимъ презрѣніе или скупость. Уже Москва не удовлетворяла ихъ алчному корыстолюбію; уже Послы наши не пресмыкались въ Улусахъ съ мѣшками серебра и золота. Главный изъ Вельможъ Ханскихъ, именемъ Темиръ, всѣхъ ревностнѣе помогалъ Кирею; но цѣлый годъ миновалъ въ однихъ переговорахъ. Междоусобія Татаръ не дозволяли Ахмату удалиться отъ береговъ Волги, и въ то время, когда Посолъ Литовскій твердилъ ему о древнемъ величіи Хановъ, знаменитая ихъ столица, городъ Сарай, основанный Батыемъ, не могъ

защитить себя от набѣга смѣлыхъ Вятчанъ: приплывъ Волгою и слыша, что Ханъ кочуетъ верстахъ въ пятидесяти оттуда, они въ расплохъ взяли сей городъ, захватили всѣ товары, нѣсколько плѣнниковъ, и съ добычею ушли назадъ, сквозь множество Татарскихъ судовъ, которыя хотѣли преградить имъ путь[62]. Наконецъ Ахматъ, взявъ мѣры для безопасности Улусовъ, отправилъ съ Киреемъ собственнаго Посла къ Казимиру, обѣщалъ немедленно начать войну, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣйствительно вступилъ въ Россію съ знатными силами, удержавъ при себѣ Московскаго чиновника, который былъ посланъ къ нему отъ Государя съ мирными предложеніями[63]. Г. 1472.

Великій Князь, узнавъ о томъ, отрядилъ Боярина Ѳеодора Давидовича съ Коломенскою дружиною къ берегамъ Оки; за нимъ Даніила Холмскаго, Князя Оболенскаго-Стригу и братьевъ своихъ съ иными полками; услышалъ о приближеніи Хана къ Алексину, и самъ немедленно выѣхалъ изъ столицы въ Коломну, чтобы оттуда управлять движеніями войска. При немъ находился и сынъ Касимовъ, Царевичь Даніяръ, съ своею дружиною: такимъ образомъ Политика Великихъ Князей вооружала Моголовъ противъ Моголовъ. Но еще сильно дѣйствовалъ ужасъ Ханскаго имени: не смотря на 180,000 воиновъ, которые стали между непріятелемъ и Москвою, занявъ пространство ста-пяти

г. 1472. десяти верстъ[64]; не смотря на общую довѣренность къ мудрости и счастію Государя, Москва страшилась, и мать Великаго Князя съ его сыномъ для безопасности уѣхала въ Ростовъ[65].

Ахматъ приступилъ къ Алексину, гдѣ не было ни пушекъ, ни пищалей, ни самострѣловъ[66]; однакожь граждане побили множество непріятелей. На другой день Татары сожгли городъ вмѣстѣ съ жителями; бѣгущихъ взяли въ плѣнъ, и бросились цѣлыми полками въ Оку, чтобы ударить на малочисленный отрядъ Москвитянъ, которые стояли на другомъ берегу рѣки. Начальники сего отряда, Петръ Ѳедоровичь и Семенъ Беклемишевъ, долго имѣвъ перестрѣлку, хотѣли уже отступить, когда сынъ Михаила Верейскаго, Князь Василій, прозваніемъ Удалый, подоспѣлъ къ нимъ съ своею дружиною, а скоро и братъ Іоанновъ, Юрій. Москвитяне прогнали Татаръ за Оку и стали рядами на лѣвой сторонѣ ея, готовые къ битвѣ рѣшительной: новые полки непрестанно къ нимъ подходили съ трубнымъ звукомъ, съ распущенными знаменами. Ханъ Ахматъ внимательно смотрѣлъ на нихъ съ другаго берега, удивляясь многочисленности, стройности оныхъ, блеску оружія и доспѣховъ. «Ополченіе наше» (говорятъ Лѣтописцы) «колебалось подобно величественно-«му морю, ярко освѣщенному солнцемъ.» Татары начали отступать, сперва тихо,

медленно; а ночью побѣжали, гонимые однимъ страхомъ: ибо никого изъ Москвитянъ не было за Окою. Сіе нечаянное бѣгство произошло, какъ сказывали, отъ жестокой заразительной болѣзни, которая открылась тогда въ Ахматовомъ войскѣ[67]. — Великій Князь послалъ Воеводъ своихъ въ слѣдъ за непріятелемъ; но Татары въ шесть дней достигли до своихъ *Катуновъ* или Улусовъ, откуда прежде шли къ Алексину шесть недѣль: Россіяне не могли или не хотѣли нагнать ихъ, взявъ нѣсколько плѣнниковъ и часть обоза непріятельскаго; а Великій Князь распустилъ войско, удостовѣренный, что Ханъ не скоро осмѣлится предпринять новое впаденіе въ Россію. Между тѣмъ Казимиръ, союзникъ Моголовъ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія въ ихъ пользу: имѣя важную распрю съ Государемъ Венгерскимъ и занятый дѣлами Богеміи, сей слабодушный Король предалъ Ахмата такъ же, какъ и Новгородцевъ. Іоаннъ возвратился въ Москву съ торжествомъ побѣдителя.

Г. 1472.

Авг. 23.

Скоро послѣ того онъ и всѣ Москвитяне были огорчены преждевременною кончиною Князя Юрія Васильевича. Меньшіе братья его и самъ Великій Князь находились въ Ростовѣ, у матери, тогда нездоровой. Митрополитъ Филиппъ не смѣлъ безъ повелѣнія Іоаннова хоронить тѣла Юріева, которое, въ противность обыкновенію, четыре дни стояло въ церкви Архангела Михаила.

Смерть Юрія, Іоаннова брата.

г. 1472. Великій Князь пріѣхалъ оросить слезами гробъ достойнаго брата, не только имъ, но и всѣми искренно любимаго за его добрыя свойства и за ратное мужество, коимъ онъ славился. — Юрій скончался холостымъ на тридцать-второмъ году жизни, и въ духовномъ завѣщаніи отказалъ свое имѣніе матери, братьямъ, сестрѣ, Княгинѣ Рязанской, поручивъ имъ выкупить разныя, заложенныя имъ вещи, серебряныя, золотыя, и даже сукна Нѣмецкія: ибо на немъ осталось болѣе семи-сотъ рублей долгу[68]. О городахъ своихъ — Дмитровѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ — онъ не упоминаетъ въ духовной. Іоаннъ, присоединивъ ихъ къ Великому Княженію, досадилъ завистливымъ братьямъ; но мать благоразумными увѣщаніями прекратила ссору, отдавъ Андрею Васильевичу мѣстечко Романовъ: Великій Князь уступилъ Борису Вышегородъ, а меньшому Андрею Торусу, утвердивъ грамотами наслѣдственные Удѣлы за ними и за дѣтьми ихъ[69].

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевною. Посольства изъ Рима и въ Римъ. Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венеціянскаго. Прѣніе Легата Папскаго о Вѣрѣ. Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи. Выѣзжіе Греки. Братья Софіины. Посольства въ Венецію. Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенія. Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ. Льютъ пушки, чеканятъ монету. Дѣла съ Ливоніею, съ Литвою, съ Крымомъ, съ Большою Ордою, съ Персіею. Посолъ Венеціянскій Контарини въ Москвѣ.

Г. 1472 — 1477.

Въ сіе время судьба Іоаннова ознаменовалась новымъ величіемъ посредствомъ брака, важнаго и счастливаго для Россіи: ибо слѣдствіемъ онаго было то, что Европа съ любопытствомъ и съ почтеніемъ обратила взоръ на Москву, дотолѣ едва извѣстную; что Государи и народы просвѣщеннѣйшіе захотѣли нашего дружества; что мы, вступивъ въ непосредственныя сношенія съ ними, узнали много новаго, полезнаго какъ для внѣшней силы государственной, такъ и для внутренняго гражданскаго благоденствія. Г. 1472. Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевною. Посольства изъ Рима и въ Римъ.

Послѣдній Императоръ Греческій, Кон-

г. 1472. стантинъ Палеологъ, имѣлъ двухъ братьевъ, Димитрія и Ѳому, которые, подъ именемъ Деспотовъ господствуя въ Пелопоннесѣ или въ Мореѣ, ненавидѣли другъ друга, воевали между собою и тѣмъ довершили торжество Магомета II: Турки овладѣли Пелопоннесомъ. Димитрій искалъ милости въ Султанѣ, отдалъ ему дочь свою въ Сераль и получилъ отъ него въ удѣлъ городъ Энъ во Ѳракіи; но Ѳома, гнушаясь невѣрными, съ женою, съ дѣтьми, съ знатнѣйшими Греками ушелъ изъ Корфу въ Римъ, гдѣ Папа, Пій II, и Кардиналы, уважая въ немъ остатокъ древнѣйшихъ Государей Христіанскихъ, и въ благодарность за сокровище, имъ привезенное: за главу Апостола Андрея (съ того времени хранимую въ церкви Св. Петра) назначили сему знаменитому изгнаннику 300 золотыхъ ефимковъ ежемѣсячнаго жалованья[70]. Ѳома умеръ въ Римѣ. Сыновья его, Андрей и Мануилъ, жили благодѣяніями новаго Папы, Павла II, не заслуживая оныхъ своимъ поведеніемъ, весьма легкомысленнымъ и соблазнительнымъ; но юная сестра ихъ, дѣвица, именемъ Софія, одаренная красотою и разумомъ, была предметомъ общаго доброжелательства. Папа искалъ ей достойнаго жениха, и замышляя тогда воздвигнуть всѣхъ Государей Европейскихъ на опаснаго для самой Италіи Магомета II, хотѣлъ симъ бракомъ содѣйствовать видамъ своей Политики. Къ удивленію многихъ, Павелъ обра-

тилъ взоръ на Великаго Князя Іоанна, по совѣту, можетъ быть, славнаго Кардинала Виссаріона: сей ученый Грекъ издавна зналъ единовѣрную Москву и возрастающую силу ея Государей, извѣстныхъ и Риму по дѣламъ ихъ съ Литвою, съ Нѣмецкимъ Орденомъ, и въ особенности по Флорентійскому Собору, гдѣ Митрополитъ нашъ, Исидоръ, представлялъ столь важное лице въ церковныхъ прѣніяхъ. Отдаленность, благопріятствуя баснословію, рождала слухи о несмѣтномъ богатствѣ и многочисленности Россіянъ. Папа надѣялся во-первыхъ чрезъ Царевну Софію, воспитанную въ правилахъ Флорентійскаго Соединенія, убѣдить Іоанна къ принятію оныхъ и тѣмъ подчинить себѣ нашу Церковь; во-вторыхъ, лестнымъ для его честолюбія свойствомъ съ Палеологами возбудить въ немъ ревность къ освобожденію Греціи отъ ига Магометова. Въ слѣдствіе сего намѣренія Кардиналъ Виссаріонъ, въ качествѣ нашего единовѣрца, отправилъ Грека, именемъ Юрія, съ письмомъ къ Великому Князю (въ 1469 году), предлагая ему руку Софіи, знаменитой дочери Деспота Морейскаго, которая будто бы отказала двумъ женихамъ, Королю Французскому и Герцогу Медіоланскому, не желая быть супругою Государя Латинской Вѣры. Вмѣстѣ съ Юріемъ пріѣхали въ Москву два Венеціянина, Карлъ и Антонъ, братъ и племянникъ Ивана Фрязина, денежника или мо-

г. 1472.

г. 1472. нетчика, который уже давно находился въ службѣ Великаго Князя, переселясь къ намъ, какъ вѣроятно, изъ Тавриды, и принявъ Вѣру Греческую.

Сіе важное Посольство весьма обрадовало Іоанна; но, слѣдуя правиламъ своего обыкновеннаго, хладнокровнаго благоразумія, онъ требовалъ совѣта отъ матери, Митрополита Филиппа, знатнѣйшихъ Бояръ: всѣ думали согласно съ нимъ, что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, *отрасль царственнаго древа, коего сѣнь покоила* нѣкогда *все Христіанство* православное, нераздѣленное; что сей благословенный союзъ, напоминая Владиміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византіею, и дастъ Монархамъ нашимъ права Императоровъ Греческихъ. — Великій Князь желалъ чрезъ собственнаго Посла удостовѣриться въ личныхъ достоинствахъ Софіи, и велѣлъ для того Ивану Фрязину ѣхать въ Римъ, имѣя довѣренность къ сему Венеціянскому уроженцу, знакомому съ обычаями Италіи. Посолъ возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссаріона; увѣрилъ Іоанна въ красотѣ Софіи, и вручилъ ему живописный образъ ея[71], вмѣстѣ съ листами отъ Папы для свободнаго проѣзда нашихъ Пословъ въ Италію за невѣстою: о чемъ Павелъ особенно писалъ къ Королю Польскому, именуя Іоанна любезнѣйшимъ сыномъ, Государемъ *Московіи*, Новагорода, Пскова и

другихъ земель[72]. — Между тѣмъ сей Папа умеръ, и слухъ пришелъ въ Москву, что мѣсто его заступилъ Калистъ: Великій Князь въ 1472 году, Генваря 17, отправилъ того же Ивана Фрязина со многими людьми въ Римъ, чтобы привезти оттуда Царевну Софію, и далъ ему письмо къ новому Папѣ. Но дорогою узнали Послы, что преемникъ Павловъ называется Сикстомъ: они не хотѣли возвратиться для переписанія грамоты; вычиствивъ въ ней имя Калиста, написали Сикстово, и въ Маѣ прибыли въ Римъ. г. 1472.

Папа, Виссаріонъ и братья Софіины приняли ихъ съ отмѣнными почестями. 22 Мая, въ торжественномъ собраніи Кардиналовъ, Сикстъ IV объявилъ имъ о Посольствѣ и сватовствѣ Іоанна, Великаго Князя *Бѣлой Россіи*[73]. Нѣкоторые изъ нихъ сомнѣвались въ православіи сего Монарха и народа его; но Папа отвѣтствовалъ, что Россіяне участвовали въ Флорентійскомъ Соборѣ и приняли Архіепископа или Митрополита отъ Латинской Церкви; что *они желаютъ нынѣ имѣть у себя Легата Римскаго, который могъ бы изслѣдовать на мѣстѣ обряды Вѣры ихъ и заблуждающимся указать путь истинный*; что ласкою, кротостію, снисхожденіемъ надобно обращать сыновъ ослѣпленныхъ къ нѣжной матери, т. е. къ Церкви; что Законъ не противится бракосочетанію Царевны Софіи съ Іоанномъ.

г. 1472. 25 Мая Послы Іоанновы были введены въ Тайный Совѣтъ Папскій, вручили Сиксту Великокняжескую, писанную на Русскомъ языкѣ грамоту съ золотою печатію и поднесли въ даръ шестьдесятъ соболей. Въ грамотѣ сказано было единственно такъ: « Сиксту, « Первосвятителю Римскому, Іоаннъ, Вели- « кій Князь Бѣлой Руси, кланяется и про- « ситъ вѣрить его Посламъ. » Именемъ Государя они привѣтствовали Папу, который въ отвѣтѣ своемъ хвалилъ Іоанна за то, что онъ, какъ добрый Христіанинъ, *не отвергаетъ Собора Флорентійскаго*, и не принимаетъ Митрополитовъ отъ Патріарховъ Константинопольскихъ, избираемыхъ Турками; что хочетъ совокупиться бракомъ съ Христіанкою, воспитанною въ столицѣ Апостольской, и что *изъявляетъ приверженность къ Главѣ Церкви.* Въ заключеніе Святый Отецъ благодарилъ Великаго Князя за дары. — Тутъ находились Послы Неаполитанскіе, Венеціянскіе, Медіоланскіе, Флорентійскіе и Феррарскіе. Іюня I Софія въ церкви Св. Петра была обручена Государю Московскому, коего лице представлялъ главный изъ его повѣренныхъ, Иванъ Фрязинъ.

Іюня 12 собралися Кардиналы для дальнѣйшихъ переговоровъ съ Россійскими Послами, *которые увѣряли Папу о ревности ихъ Монарха къ благословенному соединенію Церквей.* Сикстъ IV, такъ же, какъ и Павелъ II, имѣя надежду изгнать Магомета изъ Ца-

ряграда, хотѣлъ, чтобы Государь Московскій склонилъ Хана Золотой Орды воевать Турцію. Послы Іоанновы отвѣтствовали, что Россіи легко воздвигнуть Татаръ на Султана; что они своимъ несмѣтнымъ числомъ могутъ еще подавить Европу и Азію; что для сего нужно только послать въ Орду тысячь десять золотыхъ ефимковъ и богатые, особенные дары Хану, коему удобно сдѣлать впаденіе въ Султанскія области чрезъ Паннонію; но что Король Венгерскій едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрезъ свою Державу; что сіи вѣроломные наемники, въ случаѣ неисправнаго платежа, бываютъ злѣйшими врагами того, кто ихъ нанялъ; что побѣда Татаръ оказалась бы равно бѣдственною и для Турковъ и для Христіанъ. Однимъ словомъ, Послы Московскіе старались доказать, что неблагоразумно искать помощи въ Ордѣ, и Папа удовольствовался надеждою на собственныя силы Іоанна, единовѣрца Грековъ и естественнаго непріятеля ихъ утѣснителей[74]. г. 1472.

Такъ говорятъ церковныя лѣтописи Римскія о Посольствѣ Московскомъ. Дѣйствительно ли Великій Князь манилъ Папу обѣщаніями принять уставъ Флорентійскаго Собора, или Иванъ Фрязинъ клеветалъ на Государя, употребляя во зло его довѣренность? или Католики, обманывая самихъ себя, не то слышали и писали, что говорилъ

г. Посолъ нашъ? сіе остается неяснымъ. — Па-
1472. па далъ Софіи богатое вѣно и послалъ съ нею въ Россію Легата, именемъ Антонія, провождаемаго многими Римлянами; а Царевичи Андрей и Мануилъ отправили Посломъ къ Іоанну Грека Димитрія. Невѣста имѣла свой особенный Дворъ, чиновниковъ и служителей: къ нимъ присоединились и другіе Греки, которые надѣялись обрѣсти въ единовѣрной Москвѣ второе для себя отечество. Папа взялъ нужныя мѣры для безопасности Софіи на пути, и велѣлъ, чтобы во всѣхъ городахъ встрѣчали Царевну съ надлежащею честію, давали ей съѣстные припасы, лошадей, проводниковъ, въ Италіи и въ Германіи, до самыхъ областей Московскихъ. 24 Іюня она выѣхала изъ Рима, Сентября I прибыла въ Любекъ, откуда 10 числа отправилась на лучшемъ кораблѣ въ Ревель; 21 Сентября вышла тамъ на берегъ и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивеніе Ордена. Гонецъ Ивана Фрязина спѣшилъ изъ Ревеля черезъ Псковъ и Новгородъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Софія благополучно переѣхала море. Посолъ Московскій встрѣтилъ ее въ Дерптѣ, привѣтствуя именемъ Государя и Россіи[75].

Между тѣмъ вся область Псковская была въ движеніи: Правители готовили дары, запасъ, медъ и вина для Царевны; разсылали всюду гонцевъ; украшали суда, лодки, и 11 Октября выѣхали на Чудское озеро,

къ устью Эмбаха, встрѣтить Софію, которая со всѣми ея многочисленными спутниками тихо подъѣзжала къ берегу. Посадники, Бояре, вышедши изъ судовъ и наливъ виномъ кубки, ударили челомъ своей будущей Великой Княгинѣ. Достигнувъ наконецъ земли Русской, гдѣ Провидѣніе судило ей жить и царствовать; видя знаки любви, слыша усердныя привѣтствія Россіянъ, она не хотѣла медлить ни часу на берегу Ливонскомъ: Степенный Посадникъ принялъ ее и всѣхъ бывшихъ съ нею на суда. Два дни плыли озеромъ; ночевали у Св. Николая въ Устьяхъ, и 13 Октября остановились въ монастырѣ Богоматери: тамъ Игуменъ съ братіею отпѣлъ за Софію молебенъ; она одѣлась въ *Царскія ризы*, и встрѣченная Псковскимъ Духовенствомъ у городскихъ воротъ, пошла въ Соборную церковь, гдѣ народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на Папскаго Легата, Антонія, на его червленную одежду, высокую Епископскую шапку, перчатки, и на серебряное, литое распятіе, которое несли передъ нимъ. Къ соблазну нашихъ Христіанъ правовѣрныхъ, сей Легатъ, вступивъ въ церковь, не поклонился святымъ иконамъ; но Софія велѣла ему приложиться къ образу Богоматери, замѣтивъ общее негодованіе. Тѣмъ болѣе народъ плѣнился Царевною, которая съ живѣйшимъ усердіемъ молилась Богу, наблюдая всѣ обряды Греческаго Закона. Изъ церкви повели ее

г. 1472.

г. 1472. въ Великокняжескій дворецъ. По тогдашнему обыкновенію гостепріимство изъявлялось дарами: Бояре и купцы поднесли Софіи пятьдесятъ рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная къ усердію Псковитянъ, она, чрезъ пять дней выѣзжая оттуда, сказала имъ съ ласкою: «Спѣшу «къ моему и вашему Государю; благодарю «чиновниковъ, Бояръ и весь Великій Псковъ «за угощеніе, и рада при всякомъ случаѣ «ходатайствовать въ Москвѣ по дѣламъ ва«шимъ.» — Въ Новѣгородѣ была ей такая же встрѣча отъ Архіепископа, Посадниковъ, Тысячскихъ, Бояръ и купцевъ; но Царевна спѣшила въ Москву, гдѣ Іоаннъ ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ[76].

Уже Софія находилась въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, когда Великій Князь призвалъ Бояръ на совѣтъ, чтобы рѣшить свое недоумѣніе. Легатъ Папскій, желая имѣть болѣе важности въ глазахъ Россіянъ, во всю дорогу ѣхалъ съ Латинскимъ *крыжемъ:* то есть, предъ нимъ въ особенныхъ саняхъ везли серебряное распятіе, о коемъ мы выше упоминали. Великій Князь не хотѣлъ оскорбить Легата, но опасался, чтобы Москвитяне, увидѣвъ сей торжественный обрядъ иновѣрія, не соблазнились, и желалъ знать мнѣніе Бояръ. Нѣкоторые думали, согласно съ нашимъ Посломъ, Иваномъ Фрязиномъ, что не должно запрещать того изъ уваженія къ Папѣ; другіе, что досе-

лѣ въ землѣ Русской не оказывалось поче- г. 1472.
стей Латинской Вѣрѣ; что примѣръ и гибель Исидора еще въ свѣжей памяти. Іоаннъ отнесся къ Митрополиту Филиппу, и сей старецъ съ жаромъ отвѣтствовалъ: « Буде « ты позволишь въ благовѣрной Москвѣ не-« сти крестъ передъ Латинскимъ Еписко-« помъ, то онъ внидетъ въ единыя врата, « а я, отецъ твой, изъиду другими вонъ « изъ града. Чтить Вѣру чуждую есть уни-« жать собственную. » Великій Князь немедленно послалъ Боярина, Ѳеодора Давидовича, взять крестъ у Легата и спрятать въ сани. Легатъ повиновался, хотя и съ неудовольствіемъ: тѣмъ болѣе спорилъ Иванъ Фрязинъ, осуждая Митрополита. « Въ Ита-« ліи (говорилъ онъ) честили Пословъ Ве-« ликокняжескихъ: слѣдственно въ Москвѣ « надобно честить Папскаго. » Сей Фрязинъ, будучи въ Римѣ, таилъ перемѣну Вѣры своей, сказывался Католикомъ, и въ самомъ дѣлѣ, принявъ Греческій Законъ въ Россіи только для мірскихъ выгодъ, внутренно исповѣдывалъ Латинскій, считая насъ суевѣрами. Но Бояринъ Ѳеодоръ Давидовичь исполнилъ повелѣніе Государя.

Царевна въѣхала въ Москву 12 Ноября, рано по утру, при стеченіи любопытнаго народа. Митрополитъ встрѣтилъ ее въ церкви: принявъ его благословеніе, она пошла къ матери Іоанновой, гдѣ увидѣлась съ женихомъ. Тутъ совершилось обрученіе: по-

г. 1472. слѣ чего слушали обѣдню въ деревянной Соборной церкви Успенія (ибо старая каменная была разрушена, а новая недостроена). Митрополитъ служилъ со всѣмъ знатнѣйшимъ Духовенствомъ и великолѣпіемъ Греческихъ обрядовъ; наконецъ обвѣнчалъ Іоанна съ Софіею, въ присутствіи его матери, сына, братьевъ, множества Князей и Бояръ, Легата Антонія, Грековъ и Римлянъ[77]. На другой день Легатъ и Посолъ Софіиныхъ братьевъ, торжественно представленные Великому Князю, вручили ему письма и дары.

Въ то время, когда Дворъ и народъ въ Москвѣ праздновали свадьбу Государя, главный пособникъ сего счастливаго брака, Иванъ Фрязинъ, вмѣсто чаемой награды заслужилъ оковы. Возвращаясь въ первый разъ изъ Рима чрезъ Венецію и называясь Великимъ Бояриномъ Московскимъ, онъ былъ обласканъ Дожемъ, Николаемъ Троно, который, узнавъ отъ него о тѣсныхъ связяхъ Россіянъ съ Моголами Золотой Орды, вздумалъ отправить туда Посла чрезъ Москву, чтобы склонить Хана къ нападенію на Турцію. Сей Посолъ, именемъ Иванъ Батистъ Тревизанъ, дѣйствительно пріѣхалъ въ нашу столицу съ грамотою отъ Дожа къ Великому Князю и съ просьбою, чтобы онъ велѣлъ проводить его къ Хану Ахмату; но Иванъ Фрязинъ уговорилъ Тревизана не отдавать Государю ни письма, ни обыкновен-

Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана Посла Венеціянскаго.

ныхъ даровъ; обѣщалъ и безъ того доставить ему все нужное для путешествія въ Орду, и пришедши съ нимъ къ Великому Князю, назвалъ сего Посла купцемъ Венеціянскимъ, своимъ племянникомъ. Ложь ихъ открылась прибытіемъ Софіи: Легатъ Папскій и другіе изъ ея спутниковъ, зная лично Тревизана — зная также, съ чѣмъ онъ посланъ въ Москву — сказали о томъ Государю. Іоаннъ, взыскательный, строгій до суровости, въ гнѣвѣ своемъ за дерзкій обманъ велѣлъ Фрязина оковать цѣпями, сослать въ Коломну, домъ разорить, жену и дѣтей взять подъ стражу, а Тревизана казнить смертію. Едва Легатъ Папскій и Греки могли спасти жизнь сего послѣдняго усерднымъ за него ходатайствомъ, умоливъ Государя, чтобы онъ прежде обослался съ Сенатомъ и Дожемъ Венеціянскимъ[78]. Г. 1472.

Ласкаемый въ Москвѣ, Посолъ Римскій, согласно съ даннымъ ему отъ Папы наставленіемъ, домогался, чтобы Россія приняла уставъ Флорентійскаго Собора. Можетъ быть, Іоаннъ, во время сватовства искавъ благосклонности Папы, давалъ сію надежду словами двусмысленными; но будучи уже супругомъ Софіи, не хотѣлъ о томъ слышать. Лѣтописецъ говоритъ, что Легатъ Антоній имѣлъ прѣніе съ нашимъ Митрополитомъ Филиппомъ, но безъ малѣйшаго успѣха; что Митрополитъ, опираясь на особенную мудрость какого-то Никиты,

Прѣніе Легата Папскаго о Вѣрѣ.

Г. 1473. Генв. 26. Московскаго книжника[79], ясно доказалъ истину Греческаго Исповѣданія, и что Антоній, не находя сильныхъ возраженій, самъ прекратилъ споръ, сказавъ: «нѣтъ книгъ со мною.» — Пробывъ одиннадцать недѣль въ Москвѣ, Легатъ и Посолъ Софіиныхъ братьевъ отправились назадъ въ Италію съ богатыми дарами для Папы и Царевичей отъ Великаго Князя, сына его и Софіи, которая, по извѣстію Нѣмецкихъ Историковъ, обѣщавъ Сиксту IV наблюдать внушенныя ей правила Западной Церкви, обманула его и сдѣлалась въ Москвѣ ревностною Христіанкою Вѣры Греческой[80].

Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи. Главнымъ дѣйствіемъ сего брака (какъ мы уже замѣтили) было то, что Россія стала извѣстнѣе въ Европѣ, которая чтила въ Софіи племя древнихъ Императоровъ Византійскихъ, и, такъ сказать, провождала ее глазами до предѣловъ нашего отечества; начались государственныя сношенія, пересылки; увидѣли Москвитянъ дома и въ чужихъ земляхъ; говорили объ ихъ странныхъ обычаяхъ, но угадывали и могущество. Сверхъ того многіе Греки, пріѣхавшіе къ намъ съ Царевною, сдѣлались полезны въ Россіи своими знаніями въ художествахъ и въ языкахъ, особенно въ Латинскомъ, необходимомъ тогда для внѣшнихъ дѣлъ государственныхъ; обогатили спасенными отъ Турецкаго варварства книгами Московскія церковныя библіотеки и способствовали веле-

лѣпію нашего Двора сообщеніемъ ему пышныхъ обрядовъ Византійскаго, такъ, что съ сего времени столица Іоаннова могла дѣйствительно именоваться новымъ Царемградомъ, подобно древнему Кіеву. Слѣдственно паденіе Греціи, содѣйствовавъ возрожденію Наукъ въ Италіи, имѣло счастливое вліяніе и на Россію. — Нѣкоторые знатные Греки выѣхали къ намъ послѣ изъ самаго Константинополя: на примѣръ, въ 1485 году, Іоаннъ Палеологъ Рало[81], съ женою и съ дѣтьми, а въ 1495 *Бояринъ* Ѳеодоръ Ласкиръ съ сыномъ Димитріемъ. Софія звала къ себѣ и братьевъ; но Мануилъ предпочелъ Дворъ Магомета II, уѣхалъ въ Царьградъ, и тамъ, осыпанный благодѣяніями Султана, провелъ остатокъ жизни въ изобиліи: Андрей же, совокупившись бракомъ съ одною распутною Гречанкою, два раза (въ 1480 и 1490 году) пріѣзжалъ въ Москву и выдалъ дочь свою, Марію, за Князя Василія Михайловича Верейскаго; однакожь возвратился въ Римъ (гдѣ лежатъ кости его подлѣ отцевскихъ въ храмѣ Св. Петра). Кажется, что онъ былъ не доволенъ Великимъ Княземъ: ибо въ духовномъ завѣщаніи отказалъ свои права на Восточную Имперію не ему, а иновѣрнымъ Государямъ Кастиліи, Фердинанду и Елисаветѣ[82], хотя Іоаннъ, по свойству съ Царями Греческими, принялъ и гербъ ихъ, орла двуглаваго, соединивъ его на своей печати съ Московскимъ:

Г. 1473.

Выѣзжіе Греки.

Братья Софіины.

Новый гербъ Россіи.

г. 1473. то есть, на одной сторонѣ изображался орелъ, а на другой всадникъ попирающій дракона, съ надписью: « *Великій Князь, Бо-« жіею милостію Господарь всея Руси*[83]. »

Посольства въ Венецію. Въ слѣдъ за Легатомъ Римскимъ Великій Князь послалъ въ Венецію Антона Фрязина съ жалобою на Тревизана[84], велѣвъ сказать Дожу: « кто шлетъ Посла чрезъ мою зем-« лю тайно, обманомъ, не испросивъ дозво-« ленія, тотъ нарушаетъ уставы чести. » Дожъ и Сенатъ, услышавъ, что бѣдный Тревизанъ сидитъ въ Москвѣ подъ стражею окованный цѣпями, прибѣгнули къ ласковымъ убѣжденіямъ, прося, чтобы Великій Князь освободилъ его для общаго блага Христіанъ и отправилъ къ Хану, снабдивъ всѣмъ нужнымъ для сего путешествія, изъ дружбы къ Республикѣ, которая съ благодарностію заплатитъ сей долгъ. Іоаннъ умилостивился, освободилъ Тревизана, далъ ему семдесятъ рублей, и вмѣстѣ съ нимъ пославъ въ Орду Дьяка своего возбуждать Хана противъ Магомета II, увѣдомилъ о томъ Венеціянскаго Дожа. Сіе новое Посольство въ Италію особенно любопытно тѣмъ, что главою онаго былъ уже не иноземецъ, но Россіянинъ, именемъ Семенъ Толбузинъ, который взялъ съ собою Антона Фрязина въ качествѣ переводчика, и сверхъ государственнаго дѣла имѣлъ порученіе вывезти оттуда искуснаго зодчаго.

Здѣсь въ первый разъ видимъ Іоанна пе-

кущагося о введеніи художествъ въ Россію: г. 1473.
ознаменованный величіемъ духа, истинно Царскимъ, онъ хотѣлъ не только ея свободы, могущества, внутренняго благоустройства, но и внѣшняго велелѣпія, которое сильно дѣйствуетъ на воображеніе людей, и принадлежитъ къ успѣхамъ ихъ гражданскаго состоянія. Владиміръ Святый и Ярославъ Великій украсили древній Кіевъ памятниками Византійскихъ Искусствъ: Андрей Боголюбскій призывалъ оныя и на берега Клязьмы, гдѣ Владимірская церковь Богоматери еще служила предметомъ удивленія для сѣверныхъ Россіянъ; но Москва, возникшая въ вѣки слезъ и бѣдствій, не могла еще похвалиться ни однимъ, истинно величественнымъ зданіемъ. Соборный храмъ Успенія, основанный Св. Митрополитомъ Петромъ, уже нѣсколько лѣтъ грозилъ паденіемъ, и Митрополитъ Филиппъ желалъ воздвигнуть новый по образцу Владимірскаго. Долго готовились; вызывали отовсюду строителей; заложили церковь съ торжественными обрядами, съ колокольнымъ звономъ, въ присутствіи всего Двора; перенесли въ оную изъ старой гробы Князя Георгія Даніиловича и всѣхъ Митрополитовъ (самъ Государь, сынъ его, братья, знатнѣйшіе люди несли мощи Св. Чудотворца Петра, особеннаго покровителя Москвы). Сей храмъ еще не былъ достроенъ, когда Филиппъ Митрополитъ, скоро послѣ Іоаннова брако-

Г. 1473. сочетанія, преставился, испуганный пожаромъ, который обратилъ въ пепелъ его Кремлевскій домъ: обливаясь слезами надъ гробомъ Св. Петра, и съ любовію утѣшаемый Великимъ Княземъ, Филиппъ почувствовалъ слабость въ рукѣ отъ паралича; велѣлъ отвезти себя въ монастырь Богоявленскій, и жилъ только одинъ день, до послѣдней минуты говоривъ Іоанну о совершеніи новой церкви[85]. Преемникъ его Геронтій (бывшій Коломенскій Епископъ, избранный въ Митрополиты Соборомъ нашихъ Святителей) также ревностно пекся объ ея строеніи; но едва складенная до сводовъ, она съ ужаснымъ трескомъ упала, къ великому огорченію Государя и народа[86]. Видя необходимость имѣть лучшихъ художниковъ, чтобы воздвигнуть храмъ достойный быть первымъ въ Россійской Державѣ, Іоаннъ послалъ во Псковъ за тамошними каменщиками, учениками Нѣмцевъ, и велѣлъ Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать въ Италіи Архитектора опытнаго для сооруженія Успенской Каѳедральной церкви. Вѣроятно даже, что сіе дѣло было главною виною его Посольства. Уже Италія, пробужденная зарею Наукъ, умѣла цѣнить памятники древней Римской, изящной Архитектуры, презирая Готическую, столь несоразмѣрную, неправильную, тяжелую, и Арабскую, расточительную въ мелочныхъ украшеніяхъ. Образовался новый, лучшій вкусъ въ здані-

яхъ, хотя еще и несовершенный, но Италiянскiе Архитекторы уже могли назваться превосходнѣйшими въ Европѣ. г. 1473.

Принятый въ Венецiи благосклонно отъ новаго Дожа, Марчелла, и взявъ съ Республики семь сотъ рублей за все, чѣмъ снабдили Тревизана въ Москвѣ изъ казны Великокняжеской, Толбузинъ нашелъ тамъ зодчаго, Болонскаго уроженца, именемъ Фiоравенти-Аристотеля, котораго Магометъ II звалъ тогда въ Царьградъ для строенiя Султанскихъ палатъ, но который захотѣлъ лучше ѣхать въ Россiю, съ условiемъ, чтобы ему давали ежемѣсячно по десяти рублей жалованья, или около двухъ фунтовъ серебра. Онъ уже славился своимъ искусствомъ, построивъ въ Венецiи большую церковь и ворота, отмѣнно красивыя, такъ, что правительство съ трудомъ отпустило его, въ угожденiе Государю Московскому. Прибывъ въ столицу нашу, сей художникъ осмотрѣлъ развалины новой Кремлевской церкви: хвалилъ гладкость работы, но сказалъ, что известь наша не имѣетъ достаточной вязкости, а камень не твердъ, и что лучше дѣлать своды изъ плиты. Онъ ѣздилъ въ Владимiръ, видѣлъ тамъ древнюю Соборную церковь, и дивился въ ней произведенiю великаго искусства; далъ мѣру кирпича; указалъ, какъ надобно обжигать его, какъ растворять известь; нашелъ лучшую глину за Андроньевымъ монасты-

Зодчiй Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенiя.

г. 1473. ремъ; махиною, неизвѣстною тогдашнимъ Москвитянамъ и называемою *бараномъ*, разрушилъ до основанія стѣны Кремлевской церкви, которыя уцѣлѣли въ ея паденіи; выкопалъ новые рвы, и наконецъ заложилъ великолѣпный храмъ Успенія, донынѣ стоящій предъ нами, какъ знаменитый памятникъ Греко-Италіянской Архитектуры XV вѣка, чудесный для современниковъ, достойный хвалы и самыхъ новѣйшихъ знатоковъ Искусства, своимъ твердымъ основаніемъ, расположеніемъ, соразмѣрностію, величіемъ[87]. Построенная въ четыре года, сія церковь была освящена въ 1479 году, Августа 12, Митрополитомъ Геронтіемъ съ Епископами.

Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ.

Чтобы представить Читателямъ въ одномъ мѣстѣ все сдѣланное Іоанномъ для украшенія столицы, опишемъ здѣсь и другія зданія его времени. Довольный столь счастливымъ опытомъ Аристотелева искусства, онъ разными посольствами старался призывать къ себѣ художниковъ изъ Италіи[88]: создалъ новую церковь Благовѣщенія на своемъ дворѣ, а за нею – на площади, гдѣ стоялъ теремъ – огромную палату, основанную Маркомъ Фрязиномъ въ 1487 году и совершенную имъ въ 1491 съ помощію другаго Италіянскаго Архитектора, Петра Антонія[89]. Она долженствовала быть мѣстомъ торжественныхъ собраній Двора, особенно въ случаѣ Посольствъ иноземныхъ, когда Государь хотѣлъ являться въ величіи и

блескѣ, слѣдуя обычаю Монарховъ Византій- г.
скихъ. Сія палата есть такъ называемая *Грано-* 1473.
витая, которая въ теченіе трехъ-сотъ двадцати лѣтъ сохранила всю цѣлость и красоту свою: тамъ видимъ и нынѣ тронъ Вѣнценосцевъ Россійскихъ, съ коего они въ первые дни ихъ царствованія изливаютъ милости на Вельможъ и народъ.— Дотолѣ Великіе Князья обитали въ деревянныхъ зданіяхъ: Іоаннъ (въ 1492 году) велѣлъ разобрать ветхій дворецъ и поставить новый на Ярославскомъ мѣстѣ, за церковію Архангела Михаила; но не долго жилъ въ ономъ: сильный пожаръ (въ 1493 году) обратилъ весь городъ въ пепелъ, отъ Св. Николая на Пескахъ до поля за Москвою рѣкою и за Срѣтенскою улицею: Арбатъ, Неглинную, Кремль, гдѣ сгорѣли дворы Великаго Князя и Митрополитовъ со всѣми житницами на Подолѣ, обрушилась церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ (подъ коею хранилась казна Великой Княгини Софіи), и вообще не осталось ни одного цѣлаго зданія, кромѣ новой палаты и Соборовъ (въ Успенскомъ обгорѣлъ олтарь, крытый Нѣмецкимъ желѣзомъ). Государь переѣхалъ въ какой-то большой домъ на Яузу, къ церкви Св. Николая Подкопаева, и рѣшился соорудить дворецъ каменный, заложенный въ Маѣ 1499 года Медіоланскимъ Архитекторомъ, Алевизомъ, на старомъ мѣстѣ, у Благовѣщенія; глубокіе погребы и ледники служили основаніемъ сего великолѣпнаго зда-

г. 1473. нія, совершеннаго чрезъ девять лѣтъ и нынѣ именуемаго *дворцемъ теремнымъ*. Между тѣмъ Іоаннъ жилъ на своемъ Кремлевскомъ дворѣ въ деревянныхъ хоромахъ, а иногда на Воронцовѣ полѣ. Угождая Государю, знатные люди также начали строить себѣ каменные домы: въ лѣтописяхъ упоминается о палатахъ Митрополита, Василія Ѳедоровича Образца и Головы Московскаго, Димитрія Владиміровича Ховрина[90].

Величественныя Кремлевскія стѣны и башни равномѣрно воздвигнуты Іоанномъ: ибо древнѣйшія, сдѣланныя въ княженіе Димитрія Донскаго, разрушились, и столица наша уже не имѣла каменной ограды. Антонъ Фрязинъ въ 1385 году, Іюля 19, заложилъ на Москвѣ рѣкѣ стрѣльницу, а въ 1488 другую, Свибловскую, съ тайниками или подземельнымъ ходомъ; Италіянецъ Марко построилъ Беклемишевскую; Петръ Антоній Фрязинъ двѣ надъ Боровицкими и Константино-Еленскими воротами, и третію Фроловскую; башня надъ рѣчкою Неглинною совершена въ 1492 году неизвѣстнымъ Архитекторомъ. Окружили всю крѣпость высокою, твердою, широкою стѣною, и Великій Князь приказалъ сломать вокругъ не только всѣ дворы, но и церкви, уставивъ, чтобы между ею и городскимъ строеніемъ было не менѣе ста-девяти саженей[91]. Такимъ образомъ Іоаннъ украсилъ, укрѣпилъ Москву, оставивъ Кремль долговѣчнымъ па-

мятникомъ своего царствованія, едва ли не превосходнѣйшимъ въ сравненіи со всѣми иными Европейскими зданіями пятаго-надесять вѣка. — Послѣднимъ дѣломъ Италіянскаго зодчества при семъ Государѣ было основаніе новаго Архангельскаго Собора, куда перенесли гробы древнихъ Князей Московскихъ изъ ветхой церкви Св. Михаила, построенной Іоанномъ Калитою, и тогда разобратной. — Кромѣ зодчихъ, Великій Князь выписывалъ изъ Италіи мастеровъ пушечныхъ и серебрениковъ. Фрязинъ, Павелъ Дебосисъ, въ 1488 году слилъ въ Москвѣ огромную Царь-пушку[92]. Въ 1494 году выѣхалъ къ намъ изъ Медіолана другой художникъ огнестрѣльнаго дѣла, именемъ Петръ. Италіянскіе серебреники начали искусно чеканить Русскую монету, вырѣзывая на оной свое имя: такъ на многихъ деньгахъ Іоанна Василіевича видимъ надпись: Aristoteles: ибо сей знаменитый Архитекторъ славился и монетнымъ художествомъ (сверхъ того лилъ пушки и колокола). — Однимъ словомъ, Іоаннъ, чувствуя превосходство другихъ Европейцевъ въ гражданскихъ искусствахъ, ревностно желалъ заимствовать отъ нихъ все полезное, кромѣ обычаевъ, усердно держась Русскихъ; оставлялъ Вѣрѣ и Духовенству образовать умъ и нравственность людей; не думалъ въ философическомъ смыслѣ просвѣщать народа, но хотѣлъ доставить ему плоды Наукъ, нужнѣйшіе для величія Россіи. —

льютъ пушки, чеканятъ монету.

Теперь обратимся къ государственнымъ происшествіямъ.

Западъ Россіи, Нѣмцы и Литва были предметомъ Іоаннова вниманія. Князь Ѳеодоръ Юрьевичь Шуйскій, нѣсколько лѣтъ властвовавъ во Псковѣ какъ Государевъ Намѣстникъ, и свѣдавъ, что тамошніе граждане, не любя его, послали къ Великому Князю требовать себѣ инаго Правителя, уѣхалъ въ Москву. Псковитяне желали вторично имѣть своимъ Княземъ Ивана Стригу, или Бабича, или Стригина брата, Князя Ярослава: Государь далъ имъ послѣдняго, сказавъ, что первые нужны ему самому для ратнаго дѣла[93]. Въ то же время Псковитяне извѣстили Іоанна о непріятельскомъ расположеніи Ливонскаго Ордена. Еще не минулъ срокъ перемирія, заключеннаго ими съ Магистромъ въ 1463 году на девять лѣтъ, когда Нѣмцы, подведенные Русскими лазутчиками, сожгли нѣсколько деревень на берегахъ Синяго озера[94]: Псковитяне, казнивъ своихъ измѣнниковъ, удовольствовались жалобами на вѣроломство Ордена. Въ 1471 году Магистръ прислалъ брата своего сказать имъ, что онъ намѣренъ переселиться изъ Риги въ Феллинъ, и желаетъ соблюсти дружбу съ ними, требуя, чтобы они не вступались въ землю и воды за Краснымъ городкомъ. Псковитяне отвѣтствовали, что Магистръ воленъ жить, гдѣ ему угодно; что миръ съ ихъ стороны не будетъ нарушенъ, но что

Г. 1472 —74. Дѣла съ Ливоніею.

упомянутыя мѣста издревле суть достояніе Великихъ Князей. Условились рѣшить споръ на общемъ съѣздѣ, и назначили время. Уже Іоаннъ, замышляя быть истиннымъ Государемъ всей Россіи, не считалъ дѣлъ Псковскихъ или Новогородскихъ какъ бы чуждыми для Москвы: онъ послалъ своего Боярина выслушать требованія Ордена; но переговоры, бывшіе въ Нарвѣ и въ Новѣгородѣ, не имѣли успѣха: Нѣмецкіе Послы уѣхали назадъ съ досадою, и Великій Князь, исполняя желаніе Псковитянъ, отправилъ къ нимъ войско, составленное изъ городскихъ полковъ и Дѣтей Боярскихъ, коими предводительствовалъ славный мужъ, Князь Даніилъ Холмскій, имѣя подъ своимъ начальствомъ болѣе двадцати Князей. Чиновники Псковскіе, встрѣтивъ сію знатную рать съ хлѣбомъ и съ медомъ[95], удивились ея многочисленности, такъ, что она едва могла помѣститься въ городѣ, за рѣкою Великою. Холмскій нетерпѣливо желалъ вступить въ Ливонію: къ несчастію, сдѣлалась оттепель въ Декабрѣ мѣсяцѣ; рѣки вскрылись; не было ни зимняго, ни лѣтняго пути; воины скучали праздностію, а граждане убыткомъ, ибо должны были безденежно кормить и людей и коней. Съ Москвитянами пришло нѣсколько сотъ Татаръ: сіи наемники силою отнимали у жителей скотъ и разные запасы, пока Холмскій строгостію не унялъ ихъ, опредѣливъ, что городъ обя-

г. 1472—74.

г. 1472 —74. занъ ежедневно давать на содержаніе полковъ.

Но сей убытокъ былъ вознагражденъ счастливыми слѣдствіями. Слухъ о прибытіи Московской рати столь испугалъ Магистра и Епископа Дерптскаго, что они немедленно прислали своихъ чиновниковъ для возобновленія мира[96]: первый на двадцать пять, а второй на тридцать лѣтъ, съ условіемъ, чтобы Нѣмцамъ не вступаться въ земли Псковитянъ, давать вездѣ свободный путь ихъ купцамъ и не пропускать въ Россію изъ Ливоніи ни меда, ни пива. Въ семъ договорѣ участвовали и Новогородцы, коихъ войско также готовилось дѣйствовать противъ Ордена вмѣстѣ съ Великокняжескимъ. Такъ Іоаннъ вводилъ единство въ систему внѣшней Политики Россійской, къ крайнему безпокойству нашихъ западныхъ сосѣдовъ, видѣвшихъ, что Новгородъ, Псковъ и Москва дѣлаются одною Державою, управляемою Государемъ благоразумнымъ, миролюбивымъ, но рѣшительнымъ въ намѣреніяхъ и сильнымъ въ исполненіи. Получивъ извѣстіе, что Магистръ и Правительство Дерптское клятвою утвердили мирныя условія, Князь Холмскій возвратился въ Москву съ честію и съ даромъ двухъ сотъ рублей отъ признательныхъ Псковитянъ, которые особенною грамотою, отправленною съ гонцемъ, изъявили благодарность Іоанну за его милостивое вспоможеніе.

Но Великій Князь не былъ доволенъ ни имми, ни Холмскимъ: ими за то, что они дерзнули, вмѣсто знатныхъ людей, прислать къ нему гонца; а Князь Холмскій заслужилъ гнѣвъ Іоанновъ какою-то виною, вѣроятно не умышленною: ибо сей Государь, строгій по нраву и правиламъ, скоро простилъ ему оную, взявъ съ него *клятвенную грамоту* слѣдующаго содержанія: «Я Князь Данило «Дмитріевичь Холмскій билъ челомъ Госу-«дарю за мою вину посредствомъ Господина «Геронтія Митрополита и Епископовъ: во «уваженіе чего онъ простилъ меня, слугу «своего; а мнѣ Князю Данилу быть ему вѣр-«нымъ до конца жизни и не искать службы «въ иныхъ земляхъ. Когда же преступлю «клятву, да лишуся милости Божіей и бла-«гословенія Пастырскаго въ сей вѣкъ и въ «будущій: Государь же и дѣти его вольны «казнить меня[97],» и проч. Сверхъ того Вельможи дали восемь *поручныхъ грамотъ* за Холмскаго, обязываясь, въ случаѣ его измѣны, внести въ казну двѣ тысячи рублей. Іоаннъ же, въ знакъ искренняго прощенія, пожаловалъ Князя Даніила Бояриномъ[98]. г. 1472 —74

Псковитяне, услышавъ о гнѣвѣ Государя, немедленно отправили къ нему Князя Ярослава Васильевича съ тремя Посадниками и многими Боярами: Іоаннъ не пустилъ ихъ къ себѣ на глаза, даже въ городъ, такъ, что они, простоявъ пять дней въ шатрахъ на полѣ, должны были ѣхать обратно; нако-

г. 1472 —74. нецъ, смягченный ихъ скорбїю и новымъ торжественнымъ Посольствомъ, сей хитрый Государь принялъ отъ нихъ въ даръ сто пятдесятъ рублей и милостиво объявилъ, что будетъ править своею Псковскою отчиною согласно съ древними грамотами Великихъ Князей[99]: то есть, онъ хотѣлъ, наблюдая во всемъ достоинство Монарха, прїучить и Вельможъ и гражданъ къ благоговѣнїю предъ его священнымъ саномъ, и грозя внѣшнимъ непрїятелямъ, умножалъ внутреннюю силу Россїи строгимъ дѣйствїемъ Самодержавной власти.

Дѣла съ Литвою. Доселѣ Іоаннъ не имѣлъ никакихъ извѣстныхъ дѣлъ, ни сношенїй съ Литвою, сильнымъ ударомъ меча исхитивъ изъ ея рукъ Новгородъ, и до времени оставляя Казимира тщетно злобиться на Россїю. Одни Псковитяне пересылались съ симъ Королемъ, желая дружелюбно утвердить границы между его и своими владѣнїями. Съ обѣихъ сторонъ честили и дарили Пословъ, съѣзжались сановники на рубежѣ и не могли согласиться въ прѣнїяхъ. Самъ Казимиръ былъ въ Полоцкѣ, обѣщался собственными глазами осмотрѣть всѣ спорныя мѣста, но не сдержалъ слова[100]. Лаская Псковитянъ, онъ давалъ имъ чувствовать, что признаетъ ихъ народомъ вольнымъ, независимымъ отъ Москвы, и готовъ всегда жить въ дружбѣ съ ними. Осенью въ 1473 году открылись непрїятельскїя дѣйствїя между Москвитянами

и Литвою. Первые, ограбивъ городъ Любутскъ, ушли назадъ съ добычею и съ плѣнниками; а Любчане напали на Князя Симеона Одоевскаго, Россійскаго подданнаго, убили его въ сраженіи, но не могли ничего завоевать въ нашихъ предѣлахъ. Вѣроятно, что сей случай заставилъ Казимира отправить въ Москву Посла, именемъ Богдана, или съ жалобами или съ дружественными предложеніями, на которыя Іоаннъ отвѣтствовалъ ему чрезъ своего Посла, Василія Китая[101]: слѣдствіемъ было то, что сіи Государи остались только внутренно непріятелями, не объявляя войны другъ другу. г. 1472 —74.

Хитрая Политика Іоаннова еще яснѣе видна въ дѣлахъ Ординскихъ сего времени. Царь Казанскій жилъ тогда спокойно и не тревожилъ Россіи, однакожъ былъ опаснымъ для насъ сосѣдомъ: чтобы имѣть въ рукахъ своихъ орудіе противъ Казани, Великій Князь подговорилъ одного изъ ея Царевичей, Муртозу, сына Мустафы, къ себѣ въ службу и далъ ему Новгородокъ Рязанскій съ волостями[102].

Ханъ Таврическій или Крымскій, знаменитый Ази-Гирей, умеръ около 1467 года, оставивъ шесть сыновей: Нордоулапа, Айдара, Усмемаря, Менгли-Гирея, Ямгурчея и Милкомана[103], изъ коихъ старшій, Нордоулатъ, заступилъ мѣсто отца, но сверженный братомъ, Менгли-Гиреемъ, искалъ убѣжища въ Польшѣ. Сіе обстоятельство и Дѣла съ Крымомъ.

г. 1472 —74. союзъ Казимировъ съ непріятелемъ Таврической Орды, Ханомъ Волжскимъ, Ахматомъ, возбудивъ въ Менгли-Гиреѣ недовѣреніе къ Королю Польскому, дали мысль прозорливому Іоанну искать дружбы новаго Царя Крымскаго, посредствомъ одного богатаго Жида[104], именемъ Хози Кокоса, жившаго въ Кафѣ, гдѣ купцы наши часто бывали для торговли съ Генуэзцами. Зная по слуху новое могущество Россіи и личныя достоинства Государя ея, Менгли-Гирей столь обрадовался предложенію Іоаннову, что немедленно написалъ къ нему ласковую грамоту, привезенную въ Москву Исупомъ, шуриномъ Хози Кокоса[105]. Такъ началася дружелюбная связь между сими двумя Государями, непрерывная до конца ихъ жизни, выгодная для обоихъ, и еще полезнѣйшая для насъ: ибо она, ускоривъ гибель Большой или Золотой Орды, и развлекая силы Польши, явно способствовала величію Россіи.

Іоаннъ послалъ въ Крымъ толмача своего Иванчу, желая заключить съ Ханомъ торжественный союзъ; а Менгли-Гирей въ 1473 году прислалъ въ Москву чиновника Ази-Бабу, который именемъ его клятвенно утвердилъ предварительный мирный договоръ между Крымомъ и Россіею, состоящій въ томъ, чтобы Царю Менгли-Гирею, *Уланамъ* и Князьямъ его быть съ Іоанномъ въ братской дружбѣ и любви, противъ недруговъ стоять за-одно, не воевать Государства Московскаго, раз-

бойниковъ же и хищниковъ казнить, плѣнныхъ выдавать безъ окупа, все насиліемъ отнятое возвращать сполна, и съ обѣихъ сторонъ ѣздить Посламъ свободно безъ платежа купеческихъ пошлинъ. — Вмѣстѣ съ Ази-Бабою отправился въ Крымъ Посломъ Бояринъ Никита Беклемишевъ, коему, сверхъ упомянутаго мирнаго договора, даны были еще прибавленія: первое въ такихъ словахъ: «ты, Великій Князь, обязанъ слать ко мнѣ «Царю *поминки* или дары ежегодные.» Государь велѣлъ Беклемишеву согласиться на сіе единственно въ случаѣ неотступнаго Ханскаго требованія. Во второмъ прибавленіи Іоаннъ обѣщался дѣйствовать съ Менгли-Гиреемъ совокупно противъ Хана Золотой Орды, Ахмата, если онъ (Менгли-Гирей) самъ будетъ помогать Россіи противъ Короля Польскаго.—Никита Беклемишевъ долженъ былъ увѣриться въ пріязни ближнихъ Князей Царевыхъ, одарить ихъ соболями, заѣхать въ Кафу, изъявить благодарность Хозѣ Кокосу за оказанную имъ услугу въ сношеніяхъ съ Крымскимъ Царемъ, и требовать отъ тамошняго Консула, чтобы Генуэзцы выдали Россійскимъ купцамъ отнятые у нихъ товары на двѣ тысячи рублей, и впредь не дѣлали подобнаго насилія, вреднаго для успѣховъ взаимной торговли. Г. 1474.

Беклемишевъ возвратился въ Москву съ Крымскимъ Посломъ, Довлетекомъ Мурзою, и съ клятвенною Ханскою грамотою[106], на Ноября 15.

коей Іоаннъ, въ присутствіи сего Мурзы, цѣловалъ крестъ въ увѣреніе, что будетъ точно исполнять всѣ условія союза.—Довле-
г. 1475. Мартъ. текъ жилъ въ Москвѣ четыре мѣсяца и поѣхалъ назадъ въ Тавриду съ Великокняжескимъ чиновникомъ, Алексѣемъ Ивановымъ Старковымъ, коего наказъ состоялъ въ слѣдующемъ: «*Сказать Хану*: Князь Великій Іо«аннъ *челомъ бьетъ*. Ты пожаловалъ меня «себѣ братомъ и другомъ, чтобы намъ «имѣть общихъ пріятелей и враговъ: благо«дарствую за твое жалованье. — Ты хо«чешь, чтобы я принялъ къ себѣ Зенебека «Царевича: въ минувшее лѣто онъ просился «въ мою службу; но я отказалъ ему, счи«тая его твоимъ недругомъ: нынѣ послалъ «за нимъ въ Орду, чтобы сдѣлать тебѣ «угодное. — Мы взаимно обязались крѣп«кимъ словомъ любви по нашей Вѣрѣ: не «преступай клятвы; я исполню свою.» Но въ семъ заключенномъ между Россіею и Крымомъ договорѣ не упоминалось именно ни объ Ахматѣ, ни о Казимирѣ: Іоаннъ не обязывался воевать съ первымъ, ибо Менгли-Гирей не далъ клятвы дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіею противъ послѣдняго. Старковъ долженствовалъ объявить Хану, что одно не можетъ быть безъ другаго. Сверхъ того ему велѣно было жаловаться на Кафинскихъ Генуэзцевъ, ограбившихъ какого-то Россійскаго Посла и нашихъ купцевъ: въ случаѣ неудовлетворенія Іоаннъ грозилъ силою управиться съ сими разбойниками. — Наконецъ

Посолъ Московскій имѣлъ приказаніе вручить г. 1475.
дары Манкупскому Князю *Исайку* (изъ благодарности за дружелюбное принятіе Никиты Беклемишева) и развѣдать чрезъ Хозю Кокоса, сколько тысячь золотыхъ готовитъ сей Владѣтель въ приданое за своею дочерью, которую онъ предлагалъ въ невѣсты сыну Великаго Князя, Іоанну Іоанновичу[107]. Извѣстно, что Манкупъ (нынѣ мѣстечко въ Тавридѣ, на высокой, неприступной горѣ), былъ прежде знаменитою крѣпостію и назывался *городомъ Готѳскимъ*: ибо тамъ съ третьяго вѣка обитали Готѳы Тетракситы[108], Христіане Греческой Вѣры, данники Козаровъ, Половцевъ, Моголовъ, Генуэзцевъ, но управляемые собственными Властителями, изъ коихъ послѣдній былъ сей Исайко, пріятель Іоанновъ по единовѣрію.

Старковъ не могъ исполнить данныхъ ему повелѣній: ибо все перемѣнилось въ Тавридѣ. Братъ Ханскій Айдаръ, собравъ многочисленную толпу преданныхъ ему людей, изгналъ неосторожнаго Менгли-Гирея, бѣжавшаго въ Кафу къ Генуэзцамъ. Скоро явился на Черномъ морѣ сильный Турецкій флотъ подъ начальствомъ Визиря Магометова, Ахмета Паши; сей искусный Вождь, приставъ къ берегамъ Тавриды, въ шесть дней овладѣлъ Кафою, гдѣ въ первый разъ кровь Русская пролилася отъ меча Оттомановъ: тамъ находилось множество нашихъ купцевъ: нѣкоторые изъ нихъ лишились

г. 1475. жизни, другіе имѣнія и вольности[109]. Генуэзцы ушли въ Манкупъ, какъ въ неприступное мѣсто; но Визирь осадилъ и сію крѣпость. Пишутъ, что ея начальникъ, выѣхавъ на охоту, былъ взятъ въ плѣнъ Турками, и что осажденные, потерявъ бодрость, искали спасенія въ бѣгствѣ, гонимые, убиваемые непріятелемъ. Истребивъ до основанія Державу Генуэзскую въ Тавридѣ, болѣе двухъ вѣковъ существовавшую, и покоривъ весь Крымъ Султану, Ахметъ Паша возвратился въ Константинополь съ великимъ богатствомъ и съ плѣнниками, въ числѣ коихъ былъ и Менгли-Гирей съ двумя братьями[110]. Султанъ обласкалъ сего Хана, назвалъ законнымъ Властителемъ Крыма, и велѣвъ изобразить его имя на монетѣ, отправилъ господствовать надъ симъ полуостровомъ въ качествѣ своего присяжника. — Но Менгли-Гирей, еще не успѣвъ возстановить въ Тавридѣ порядка, разрушеннаго Турецкимъ завоеваніемъ, былъ вторично изгнанъ

г. 1476. оттуда Ахматомъ, Царемъ Золотой Орды, котораго сынъ, предводительствуя сильнымъ войскомъ, овладѣлъ всѣми городами Крымскими[111].

Іоаннъ, огорченный новымъ бѣдствіемъ Менгли-Гирея, въ то же время свѣдалъ, что Ахматъ, добровольно или принужденно, уступилъ Тавриду Царевичу Зенебеку, который прежде искалъ службы въ Россіи. Зенебекъ, ставъ Ханомъ Крымскимъ, не ослѣ-

пился своимъ временнымъ счастiемъ, предвидѣлъ опасности и прислалъ въ Москву чиновника, именемъ Яфара Бердѣя, узнать, можетъ ли онъ, въ случаѣ изгнанiя, найти у насъ безопасное убѣжище. Великiй Князь отвѣтствовалъ ему чрезъ гонца [112]: «Еще «не имѣя ни силы, ни власти, и будучи единственно *Козакомъ*, ты спрашивалъ у меня, «найдешь ли отдохновенiе въ землѣ моей, «если конь твой утрудится въ полѣ? Я «обѣщалъ тебѣ безопасность и спокойствiе. «Нынѣ радуюсь твоему благополучiю; но если «обстоятельства перемѣнятся, то считай «мою землю вѣрнымъ для себя пристани«щемъ.» Сей гонецъ долженъ былъ изъясниться съ Зенебекомъ наединѣ и предложить ему возобновленiе союза, заключеннаго между Россiею и Менгли-Гиреемъ. г. 1477.

Въ семъ сношенiи не было слова о Царѣ Большой Орды, Ахматѣ, который, не смотря на свое неудачное покушенiе смирить Iоанна оружiемъ, еще именовался нашимъ верховнымъ Властителемъ и требовалъ дани. Пишутъ, что Великая Княгиня Софiя, жена хитрая, честолюбивая, не преставала возбуждать супруга къ сверженiю ига, говоря ему ежедневно: «долго ли быть мнѣ рабы«нею Ханскою?» Въ Кремлѣ находился особенный для Татаръ домъ, гдѣ жили Послы, чиновники и купцы ихъ, наблюдая за всѣми поступками Великихъ Князей, чтобы извѣщать о томъ Хана: Софiя не хотѣла тер- Дѣла съ Большею Ордою.

г. 1474 —77. пѣть столь опасныхъ лазутчиковъ; послала дары женѣ Ахматовой и писала къ ней, что она, имѣвъ какое-то видѣніе, желаетъ создать храмъ на Ординскомъ подворьѣ (гдѣ нынѣ церковь Николы Гостунскаго): проситъ его себѣ, и даетъ вмѣсто онаго другое. Царица согласилась: домъ разломали, и Татары, выѣхавъ изъ него, остались безъ пристанища: ихъ уже не впускали въ Кремль. Пишутъ еще, что Софія убѣдила Іоанна не встрѣчать Пословъ Ординскихъ, которые обыкновенно привозили съ собою *басму*, образъ или *болванъ* Хана; что древніе Князья Московскіе всегда выходили пѣшіе изъ города, кланялись имъ, подносили кубокъ съ молокомъ кобыльимъ, и для слушанія Царскихъ грамотъ подстилая мѣхъ соболій подъ ноги чтецу, преклоняли колѣна. На мѣстѣ, гдѣ бывала сія встрѣча, создали въ Іоанново время церковь, именуемую донынѣ Спасомъ *на Болвановкѣ*[113]. — Однакожь, въ надеждѣ скоро видѣть гибель Орды, какъ необходимое слѣдствіе внутреннихъ ея междоусобій, Великій Князь уклонялся отъ войны съ Ахматомъ, и манилъ его обѣщаніями; платилъ ему, кажется, и нѣкоторую дань: ибо въ грамотахъ, тогда писанныхъ, все еще упоминается о *выходѣ Ординскомъ*[114]. Въ 1474 году былъ въ Улусахъ нашъ Посолъ Никифоръ Басенковъ, а въ Москвѣ Ханскій, именемъ Карачукъ: съ послѣднимъ находилось 600 служителей и 3200 торговыхъ

людей, которые привели 40,000 Азіатскихъ лошадей для продажи въ Россіи[115]. Въ 1475 году Дьякъ Іоанновъ, Лазаревъ, возвратился изъ Большой Орды съ извѣстіемъ, что Ханъ отпустилъ Венеціянскаго Посла, Тревизана, въ Италію моремъ, не изъявивъ желанія воевать съ Турками[116]. Изгнавъ Менгли-Гирея изъ Крыма, Ахматъ, ободренный симъ успѣхомъ, велѣлъ гордо сказать Іоанну чрезъ Мурзу, именемъ Бочюка, чтобы онъ вспомнилъ древнюю обязанность Россійскихъ Князей, и немедленно самъ ѣхалъ въ Орду поклониться Царю своему[117]: Великій Князь дружелюбно угостилъ Бочюка, послалъ съ нимъ въ Улусы Тимоѳея Беспужева, вѣроятно и дары, но не думалъ исполнить требованія Ахматова. Г. 1474 —77.

Въ сіе время мы имѣли сношеніе и съ Персіею, гдѣ царствовалъ славный Узунъ-Гасанъ, Князь племени Туркоманскаго, овладѣвшій всѣми странами Азіи отъ Инда и Окса до Евфрата[118]. Слыша о знаменитыхъ успѣхахъ его оружія, дѣятельная Республика Венеціянская отправила къ нему Посла, именемъ Контарини, съ предложеніемъ дѣйствовать общими силами противъ Магомета II. Контарини ѣхалъ туда черезъ Польшу, Кіевъ, Кафу, Мингрелію, Грузію, и встрѣтилъ въ Экбатанѣ чиновника Великокняжескаго, Марка Руфа, Италіянскаго или Греческаго уроженца, который имѣлъ переговоры съ Царемъ Узуномъ. Великій Князь Дѣла съ Персіею.

без сомнѣнія искалъ дружбы Персидскаго
г. 1474 —77. завоевателя, съ намѣреніемъ угрожать ею Хану Большой Орды, Ахмату: сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что Узунъ-Гассанъ, семидесятилѣтній, но бодрый старецъ, вообще ненавидѣлъ Моголовъ, зависѣвъ нѣкогда отъ Тамерлановыхъ слабыхъ наслѣдниковъ, и владѣя южными берегами Каспійскаго моря, былъ въ сосѣдствѣ съ Ахматовыми Улусами. Посолъ Московскій отправился назадъ въ Россію вмѣстѣ съ Персидскимъ; въ числѣ

Посолъ Венеціянскій, Контарини, въ Москвѣ.

ихъ спутниковъ находился и Контарини: ибо — свѣдавъ, что Кафа завоевана Турками — онъ уже не хотѣлъ прежнимъ путемъ возвратиться въ Италію, и ввѣрилъ судьбу свою Марку Руфу, который взялъ съ собою его и Монаха Французскаго, Людовика, называвшагося Патріархомъ Антіохійскимъ и Посломъ Герцога Бургундскаго[119]. Мы имѣемъ описаніе ихъ любопытнаго путешествія. Они ѣхали изъ Тифлиса черезъ *Кирополь* или Шамаху, *богатую шелкомъ*, Дербентъ и Астрахань, гдѣ господствовали три брата, племянники Ахматовы. Городъ сей состоялъ изъ землянокъ, обнесенныхъ худою стѣною; а жители хвалились древнею торговою знаменитостію онаго, сказывая, что ароматы, привозимые нѣкогда въ Венецію, шли отъ нихъ Волгою и Дономъ. Тамошніе купцы доставляли въ Москву шелковыя ткани, покупая въ Россіи мѣха и сѣдла. Имя Великаго Князя было особенно уважаемо въ Астраха-

ни за его щедрость и пріязнь къ ея Ханамъ, г. 1474—77
которые ежегодно отправляли къ нему Посольства. Марко Руфъ и Контарини съ величайшею осторожностію ѣхали по степямъ Донскимъ и Воронежскимъ, боясь хищныхъ Татаръ; не видали ничего, кромѣ неба и земли; часто имѣли недостатокъ въ водѣ; не находили ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ; сами дѣлали плоты, гдѣ надлежало переправляться черезъ рѣки, и восхвалили милость Божію, когда достигли благополучно до Рязанской области, лѣсной, мало населенной, но обильной хлѣбомъ, мясомъ, медомъ, и совершенно безопасной для путешественниковъ. Выѣхавъ изъ Астрахани 10 Августа, они прибыли въ Москву 26 Сентября въ 1476 году, видѣвъ только два города на пути, Рязань и Коломну. Немедленно представленный Государю, и три раза обѣдавъ за его столомъ вмѣстѣ со многими Боярами, Контарини хвалитъ величественную Іоаннову наружность, осанку, привѣтливость, умное любопытство. «Когда я» — пишетъ онъ — «говоря съ нимъ, изъ почтенія отступалъ назадъ, сей Монархъ всегда самъ приближался ко мнѣ, съ отмѣннымъ вниманіемъ слушалъ мои слова; весьма строго осуждалъ поступокъ нашего «единоземца, Ивана Баптиста Тревизана, но «увѣрялъ меня въ своемъ особенномъ дружествѣ къ Венеціянской Республикѣ; дозволилъ мнѣ видѣть и Великую Княгиню Со-

Г. 1474 —77. «фію, которая обошлась со мною весьма ла-«сково, приказавъ, чтобы я кланялся отъ «нее нашему Дожу и Сенату.» Контарини жилъ въ домѣ Италіянскаго зодчаго, Аристотеля; но ему велѣно было переѣхать въ другой. Не имѣя денегъ для пути, онъ ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ изъ Венеціи. Между тѣмъ Великій Князь ѣздилъ осматривать границы юго-восточныхъ областей своихъ, подверженныхъ набѣгамъ степныхъ Татаръ: когда же возвратился, то немедленно приказалъ, изъ уваженія къ Венеціянской Республикѣ, ссудить его изъ казны нужною суммою денегъ. Сверхъ того Контарини получилъ въ даръ тысячу червонцевъ и шубу. Передъ отъѣздомъ обѣдая во дворцѣ, онъ долженъ былъ выпить серебряную стопу крѣпкаго меда и взять ее себѣ въ знакъ особенной Государевой благосклонности. Іоаннъ дозволилъ ему не пить, сказавъ, что иноземцы могутъ не слѣдовать Русскимъ обычаямъ, и прощаясь съ нимъ (въ Генварѣ 1477 года) весьма милостиво желалъ, чтобы Республика Венеціянская осталась навсегда другомъ Москвы. Въ то же время Великій Князь отпустилъ и Монаха Французскаго, Людовика, который, называя себя Патріархомъ Антіохійскимъ, но исповѣдуя Вѣру Латинскую, былъ задержанъ въ Москвѣ какъ обманщикъ: ходатайство Контариніево и Марка Руфа возвратило ему свободу. — Однимъ словомъ, Контарини, строго осуждая тогдашніе нра-

вы Россіянъ, ихъ нетрезвость, грубость, любовь къ праздности, говоритъ о личныхъ свойствахъ и разумѣ Іоанна съ великою похвалою.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Совершенное покореніе Новагорода. Обозрѣніе исторіи его отъ начала до конца. Рожденіе Іоаннова сына, Василія-Гавріила. Посольство въ Крымъ. Сверженіе ига Ханскаго. Ссора Великаго Князя съ братьями. Походъ Ахмата на Россію. Краснорѣчивое посланіе Архіепископа Вассіана къ Великому Князю. Разореніе Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшаго, брата Іоаннова. Посольство въ Крымъ.

Г. 1475 — 1481.

Такимъ образомъ до Тибра, моря Адріатическаго, Чернаго и предѣловъ Индіи обнимая умомъ государственную систему Державъ, сей Монархъ готовилъ знаменитость внѣшней своей Политики утвержденіемъ внутренняго состава Россіи. — Ударилъ послѣдній часъ Новогородской вольности! Сіе важное происшествіе въ нашей Исторіи достойно описанія подробнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ возсѣлъ на престолъ съ мыслію оправдать титулъ Великихъ Князей, которые со временъ Симеона Гордаго именовались *Государями всея Руси*; желалъ ввести совершенное Единовластіе, истребить Удѣ- Совершенное покореніе Новагорода.

лы, отнять у Князей и граждан права несогласныя съ онымъ, но только въ удобное время, пристойнымъ образомъ, безъ явнаго нарушенія торжественныхъ условій, безъ насилія дерзкаго и опаснаго, вѣрно и прочно: однимъ словомъ, съ наблюденіемъ всей свойственной ему осторожности. Новгородъ измѣнялъ Россіи, приставъ къ Литвѣ; войско его было разсѣяно, гражданство въ ужасѣ: Великій Князь могъ бы тогда покорить сію область; но мыслилъ, что народъ, вѣками пріученный къ выгодамъ свободы, не отказался бы вдругъ отъ ея прелестныхъ мечтаній; что внутренніе бунты и мятежи развлекли бы силы Государства Московскаго, нужныя для внѣшней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стѣснять вольность прежде уничтоженія оной, дабы граждане, уступая право за правомъ, ознакомились съ чувствомъ своего безсилія, слишкомъ дорого платили за остатки свободы, и наконецъ, утомляемые страхомъ будущихъ утѣсненій, склонились предпочесть ей мирное спокойствіе неограниченной Государевой власти. Іоаннъ простилъ Новогородцевъ, обогативъ казну свою ихъ серебромъ, утвердивъ верховную власть Княжескую въ дѣлахъ судныхъ и въ Политикѣ; но, такъ сказать, не спускалъ глазъ съ сей народной Державы, старался умножать въ ней число преданныхъ ему людей, питалъ несогласіе между Боярами и

народомъ, являлся въ правосудіи защитникомъ невинности, дѣлалъ много добра, обѣщалъ болѣе. Если Намѣстники его не удовлетворяли всѣмъ справедливымъ жалобамъ истцевъ, то онъ винилъ недостатокъ древнихъ законовъ Новогородскихъ, хотѣлъ самъ быть тамъ, изслѣдовать на мѣстѣ причину главныхъ неудовольствій народныхъ, обуздать утѣснителей, и (въ 1475 году) дѣйствительно, призываемый Младшими гражданами[120], отправился къ берегамъ Волхова, поручивъ Москву сыну. Сіе путешествіе Іоанново — безъ войска, съ одною избранною, благородною дружиною — имѣло видъ мирнаго[121], но торжественнаго величія: Государь объявилъ, что идетъ утвердить спокойствіе Новагорода, коего знатнѣйшіе сановники и граждане ежедневно выѣзжали къ нему, отъ рѣки Цны до Ильменя, на встрѣчу съ привѣтствіями и съ дарами, съ жалобами и съ оправданіемъ: Старые Посадники, Тысячкіе, люди Житые, Намѣстникъ и Дворецкій Великокняжескіе, Игумены, чиновники Архіепископскіе. За 90 верстъ отъ города ожидали Іоанна Владыка Ѳеофилъ, Князь Василій Васильевичь Шуйскій-Гребенка, Посадникъ и Тысячкій Степенные, Архимандритъ Юріева монастыря и другіе первостепенные люди, коихъ дары состояли въ бочкахъ вина, бѣлаго и краснаго. Они имѣли честь обѣдать съ Государемъ. За ними явились Старосты улицъ Новогородскихъ; послѣ

г. 1475.

г. 1475. Бояре и всѣ жители Городища, съ виномъ, съ яблоками, винными ягодами. Безчисленныя толпы народныя встрѣтили Іоанна передъ Городищемъ, гдѣ онъ слушалъ Литургію и ночевалъ; а на другой день угостилъ обѣдомъ Владыку, Князя Шуйскаго, Посадниковъ, Бояръ, и 23 Ноября въѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ, у вратъ Московскихъ, Архіепископъ Ѳеофилъ, исполняя Государево повелѣніе, со всѣмъ Клиросомъ, съ иконами, крестами и въ богатомъ Святительскомъ облаченіи принялъ его, благословилъ, и ввелъ въ храмъ Софіи, въ коемъ Іоаннъ поклонился гробамъ древнихъ Князей: Владиміра Ярославича, Мстислава Храбраго — и привѣтствуемый всѣмъ народомъ, изъявилъ ему за любовь благодарность; обѣдалъ у Ѳеофила, веселился, говорилъ только слова милостивыя, и взявъ отъ хозяина въ даръ 3 постава Ипрскихъ суконъ[122], сто корабельниковъ (Нобилей или двойныхъ червонцевъ)[123], рыбій зубъ и двѣ бочки вина, возвратился въ свой дворецъ на Городище.

За днемъ пиршества слѣдовали дни суда. Съ утра до вечера дворецъ Великокняжескій не затворялся для народа. Одни желали только видѣть лице сего Монарха и въ знакъ усердія поднести ему дары; другіе искали правосудія. Паденіе Державъ народныхъ обыкновенно предвѣщается наглыми злоупотребленіями силы, неисполненіемъ законовъ: такъ было и въ Новѣгородѣ. Правители

не имѣли ни любви, ни довѣренности граж- г. 1475.
данъ; пеклися только о собственныхъ выгодахъ: торговали властію, тѣснили непріятелей личныхъ, похлѣбствовали роднымъ и друзьямъ; окружали себя толпами прислужниковъ, чтобы ихъ воплемъ заглушать на Вѣчѣ жалобы утѣсняемыхъ. Цѣлыя улицы, чрезъ своихъ повѣренныхъ, требовали Государевой защиты, обвиняя первѣйшихъ сановниковъ. «Они не судьи, а хищники,» говорили челобитчики, и доносили, что Степенный Посадникъ, Василій Ананьинъ, съ товарищами пріѣзжалъ разбоемъ въ улицу Славкову и Никитину, отнялъ у жителей на тысячу рублей товара, многихъ убилъ до смерти. Другіе жаловались на грабежъ Старостъ. Іоаннъ, еще слѣдуя древнему обычаю Новогородскому, далъ знать Вѣчу, чтобы оно приставило стражу къ обвиняемымъ; велѣлъ имъ явиться на судъ, и самъ выслушавъ ихъ оправданія, рѣшилъ — въ присутствіи Архіепископа, знатнѣйшихъ чиновниковъ, Бояръ — что жалобы справедливы; что вина доказана; что преступники лишаются вольности; что строгая казнь будетъ имъ возмездіемъ, а для другихъ примѣромъ. Обративъ въ ту же минуту глаза на двухъ Бояръ Новогородскихъ, Ивана Аѳанасьева и сына его, Елевѳерія, онъ сказалъ гнѣвно: «Изъидите! «вы хотѣли предать отечество Литвѣ.» Воины Іоанновы оковали ихъ цѣпями, также Посадника Ананьина и Бояръ, Ѳедора Исакова

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

г. (Мареина сына), Ивана Лошинскаго и Богдана.
1475. Сіе дѣйствіе самовластія поразило Новогородцевъ; но всѣ, потупивъ взоръ, молчали.

На другой день Владыка Феофилъ и многіе Посадники явились въ Великокняжескомъ дворцѣ, съ видомъ глубокой скорби, моля Іоанна, чтобы онъ приказалъ отдать заключенныхъ Бояръ на поруки, возвративъ имъ свободу. «Нѣтъ,» отвѣтствовалъ Государь Феофилу: «тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новугороду извѣстно, что сіи «люди сдѣлали много зла отечеству, и нынѣ волнуютъ его своими кознями.» Онъ послалъ главныхъ преступниковъ окованныхъ въ Москву; но, изъ уваженія къ ходатайству Архіепископа и Вѣча, освободилъ нѣкоторыхъ, менѣе виновныхъ, приказавъ взыскать съ нихъ денежную пеню: чѣмъ и заключился грозный судъ Великокняжескій. Снова начались пиры для Госу-
г. даря и продолжались около шести недѣль.
1479. Всѣ знатнѣйшіе люди угощали его роскошными обѣдами: Архіепископъ трижды, другіе по одному разу, и дарили деньгами, драгоцѣнными сосудами, шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, бочками вина, рыбьими зубами, и проч. На примѣръ, Князь Василій Шуйскій подарилъ три половинки сукна, три камки, тридцать корабельниковъ, два кречета и сокола; Владыка двѣсти корабельниковъ, пять поставовъ сукна, жеребца, а на проводы бочку

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

вина и двѣ меда; въ другой же разъ при- г. 1476.
сто корабельниковъ, золотой ковшъ съ жемчугомъ (вѣсомъ въ фунтъ), два рога, окованные серебромъ, серебряную мису (вѣсомъ въ шесть фунтовъ), пять сороковъ соболей и десять поставовъ сукна; Василій Казимеръ золотой ковшъ (вѣсомъ въ фунтъ), сто корабельниковъ, два кречета, рыбій зубъ и поставъ *рудожелтаго* сукна; знатная вдова, Настасья Иванова, 30 корабельниковъ, десять поставовъ сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверхъ того Степенный Посадникъ, Ѳома, избранный на мѣсто сверженнаго Василія Ананьина, и Тысячскій Есиповъ поднесли Великому Князю отъ имени всего Новагорода тысячу рублей. Въ день Рождества Іоаннъ далъ у себя обѣдъ Архіепископу и первымъ чиновникамъ, которые пировали во дворцѣ до глубокой ночи. Еще многіе знатные чиновники готовили пиршества; но Великій Князь объявилъ, что ему время ѣхать въ Москву, и только принялъ отъ нихъ назначенные для него дары. Лѣтописецъ говоритъ, что не осталось въ городѣ ни одного зажиточнаго человѣка, который бы не поднесъ чего нибудь Іоанну, и самъ не былъ отдаренъ милостиво, или одеждою драгоцѣнною, или камкою, или серебрянымъ кубкомъ, соболями, конемъ и проч. — Никогда Новогородцы не изъявляли такого усердія къ Великимъ Князьямъ, хотя оно происходило не отъ

г. 1476. любви, но отъ страха: Іоаннъ ласкалъ ихъ, какъ Государь можетъ ласкать подданныхъ, съ видомъ милости и привѣтливаго снисхожденія.

Великій Князь, пируя, занимался и дѣлами государственными. Правитель Швеціи, Стенъ Стуръ, прислалъ къ нему своего племянника, Орбана, съ предложеніемъ возобновить миръ, нарушенный впаденіемъ Россіянъ въ Финляндію[124]. Іоаннъ угостилъ Орбана, принялъ отъ него въ даръ статнаго жеребца, и велѣлъ Архіепископу именемъ Новагорода утвердить на нѣсколько лѣтъ перемиріе съ Швеціею по древнему обыкновенію. — Послы Псковскіе, вручивъ Іоанну дары, молили его, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ древнихъ уставахъ ихъ отечества; а Князь Ярославъ, тамошній Намѣстникъ, пріѣхавъ самъ въ Новгородъ, жаловался, что Посадники и граждане не даютъ ему всѣхъ законныхъ доходовъ. Великій Князь отправилъ туда Бояръ, Василія Китая и Морозова, сказать Псковитянамъ, чтобы они въ пять дней удовлетворили требованіямъ Намѣстника, или будутъ имѣть дѣло съ Государемъ раздраженнымъ[125]. Ярославъ получилъ все желаемое. — Бывъ девять недѣль въ Новѣгородѣ, Іоаннъ выѣхалъ оттуда со множествомъ серебра и золота, какъ сказано въ лѣтописи[126]. Воинская дружина его стояла по монастырямъ вокругъ города и плавала въ изобиліи; брала, что хотѣла: никто не смѣлъ жаловаться. Архі-

епископъ Өеофилъ и знатнѣйшіе чиновники проводили Государя до перваго стана, гдѣ онъ съ ними обѣдалъ, казался веселъ, доволенъ. Но судьба сей народной Державы уже была рѣшена въ умѣ его. г. 1476.

Заточеніе шести Бояръ Новогородскихъ, сосланныхъ въ Муромъ и въ Коломну, оставило горестное впечатлѣніе въ ихъ многочисленныхъ друзьяхъ: они жаловались на самовластіе Великокняжеское, противное древнему уставу, по коему Новогородецъ могъ быть наказываемъ только въ своемъ отечествѣ. Народъ молчалъ, изъявляя равнодушіе; но знатнѣйшіе граждане взяли ихъ сторону, и нарядили Посольство къ Великому Князю: самъ Архіепископъ, три Посадника и нѣсколько Житыхъ людей пріѣхали въ Москву бить челомъ за своихъ несчастныхъ Бояръ. Два раза Владыка Өеофилъ обѣдалъ во дворцѣ, однакожь не могъ умолить Іоанна, и съ горестію уѣхалъ на Страстной недѣлѣ, не хотѣвъ праздновать Пасхи съ Государемъ и съ Митрополитомъ[127].

Между тѣмъ рѣшительный судъ Великокняжескій полюбился многимъ Новогородцамъ, такъ, что въ слѣдующій годъ нѣкоторые изъ нихъ отправились съ жалобами въ Москву; въ слѣдъ за ними и отвѣтчики, знатные и простые граждане, отъ Посадниковъ до земледѣльцевъ: вдовы, сироты, Монахини. Другихъ же позвалъ самъ Государь: никто не дерзнулъ ослушаться. «Отъ временъ г. 1477.

Г. 1477. «Рюрика (говорятъ Лѣтописцы) не бывало «подобнаго случая: ни въ Кіевъ, ни въ Владимiръ не ѣздили судиться Новогородцы: «Іоаннъ умѣлъ довести ихъ до сего уничиженія[123].» Еще онъ не сдѣлалъ всего: пришло время довершить начатое.

Умное правосудіе Іоанново плѣняло сердца тѣхъ, которые искали правды и любили оную: утѣсненная слабость, оклеветанная невинность находили въ немъ защитника, спасителя, то есть, истиннаго Монарха, или судію непричастнаго низкимъ побужденіямъ личности: они желали видѣть судную власть въ однѣхъ рукахъ его. Другіе, или завидуя силѣ первостепенныхъ сограждань, или ласкаемые Іоанномъ, внутренно благопріятствовали Самодержавію. Сіи многочисленные друзья Великаго Князя, можетъ быть, *сами собою*, а можетъ быть и по согласію съ нимъ, замыслили слѣдующую хитрость. Двое изъ оныхъ, чиновникъ Назарій и Дьякъ Вѣча, Захарія, въ видѣ Пословъ отъ Архіепископа и всѣхъ соотечественниковъ, явились предъ Іоанномъ (въ 1477 году) и торжественно наименовали его *Государемъ* Новагорода, вмѣсто *Господина*, какъ прежде именовались Великіе Князья въ отношеніи къ сей народной Державѣ. Въ слѣдствіе того Іоаннъ отправилъ къ Новогородцамъ Боярина, Ѳеодора Давидовича, спросить, что они разумѣютъ подъ названіемъ *Государя*? хотятъ ли присягнуть ему

какъ *полному Властителю*, единственному законодателю и судіи? соглашаются ли не имѣть у себя Тіуновъ, кромѣ Княжескихъ, и отдать ему Дворъ Ярославовъ, древнее мѣсто Вѣча[129]? Изумленные граждане отвѣтствовали: «мы не посылали съ тѣмъ къ «Великому Князю; это ложь.» Сдѣлалось общее волненіе. Они терпѣли оказанное Іоанномъ самовластіе въ дѣлахъ судныхъ какъ *чрезвычайность*, но ужаснулись мысли, что сія чрезвычайность будетъ уже *закономъ*; что древняя пословица: *Новгородъ судится своимъ судомъ*, утратитъ навсегда смыслъ, и что Московскіе Тіуны будутъ рѣшить судьбу ихъ. Древнее Вѣче уже не могло ставить себя выше Князя, но по крайней мѣрѣ существовало именемъ и видомъ: Дворъ Ярославовъ былъ святилищемъ народныхъ правъ: отдать его Іоанну значило торжественно и навѣки отвергнуться оныхъ. Сіи мысли возмутили даже и самыхъ мирныхъ гражданъ, расположенныхъ повиноваться Великому Князю, но въ угодность собственному, внутреннему чувству блага, не слѣпо, не подъ остріемъ меча, готоваго казнить всякаго по мановенію Самовластителя. Забвенные единомышленники Марѳины воспрянули какъ бы отъ глубокаго сна, и говорили народу, что они лучше его предвидѣли будущее; что друзья или слуги Московскаго Князя суть измѣнники, коихъ торжество есть гробъ отечества. Народъ ос-

г. 1477.

г. 1477. шервенился, искалъ предателей, требовалъ мести. Схватили одного знаменитаго мужа, Василія Никифорова, и привели на Вѣче, обвиняя его въ томъ, что онъ былъ у Великаго Князя и далъ клятву служить ему противъ отечества. «Нѣтъ», отвѣтствовалъ Василій: «я клялся Іоанну единственно «въ вѣрности, въ доброжелательствѣ, но «безъ измѣны моему истинному Государю, «Великому Новугороду; безъ измѣны вамъ, «моимъ господамъ и братьямъ.» Сего несчастнаго изрубили въ куски топорами[130]; умертвили еще Посадника, Захарію Овина, который ѣздилъ судиться въ Москву и самъ доносилъ гражданамъ на Василія Никифорова; казнили и брата его, Козьму, на дворѣ Архіепископскомъ; многихъ иныхъ ограбили, посадили въ темницу, называя ихъ совѣтниками Іоанновыми: другіе разбѣжались. Между тѣмъ народъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла Послу Московскому и многочисленной дружинѣ его: сановники честили ихъ, держали около шести недѣль, и наконецъ отпустили именемъ Вѣча съ такою грамотою къ Іоанну: «Кланяемся тебѣ, *Господину нашему*, Великому Князю; а *Государемъ* не «зовемъ. Судъ твоимъ Намѣстникамъ бу«детъ на Городищѣ по старинѣ; но твоего «суда, ни твоихъ Тіуновъ у насъ не бу«детъ. *Дворища Ярославля* не даемъ. Хо«тимъ жить по договору, клятвенно утвер«жденному на Коростынѣ тобою и нами (въ

«1471 году). Кто же предлагалъ тебѣ быть г.
«*Государемъ* Новогородскимъ, тѣхъ самъ 1477.
«знаешь и казни за обманъ; мы здѣсь так-
«же казнимъ сихъ лживыхъ предателей. А
«тебѣ, Господинъ, челомъ бьемъ, чтобы
«ты держалъ насъ въ старинѣ, по крест-
«ному цѣлованію[131].» Такъ писали они, и
еще сильнѣе говорили на Вѣчѣ, не скрывая
мысли снова поддаться Литвѣ, буде Вели-
кій Князь не откажется отъ своихъ тре-
бованій[132].

Но Іоаннъ не любилъ уступать, и безъ сомнѣнія предвидѣлъ отказъ Новогородцевъ, желая только имѣть видъ справедливости въ семъ раздорѣ. Получивъ ихъ смѣлый отвѣтъ, онъ съ печалью объявилъ Митрополиту Геронтію, матери, Боярамъ, что Новгородъ, произвольно давъ ему имя Государя, запирается въ томъ, дѣлаетъ его лжецомъ предъ глазами всей земли Русской, казнитъ людей вѣрныхъ своему законному Монарху какъ злодѣевъ, и грозится вторично измѣнить святѣйшимъ клятвамъ, Православію, отечеству. Митрополитъ, Дворъ и вся Москва думали согласно, что сіи мятежники должны почувствовать всю тягость Государева гнѣва. Началось молебствіе въ церквахъ; раздавали милостыню по монастырямъ и богадѣльнямъ; отправили гонца въ Новгородъ съ *грамотою складною*[133] или съ объявленіемъ войны, и полки собралися подъ стѣнами Москвы. Медленный

г. въ замыслахъ важныхъ, но скорый въ исполне-
1477. нiи, Iоаннъ или не дѣйствовалъ или дѣйствовалъ рѣшительно, всѣми силами: не осталось ни одного мѣстечка, которое не прислало бы ратниковъ на службу Великокняжескую. Въ числѣ ихъ находились и жители областей Кашинской, Бѣжецкой, Новоторжской: ибо Iоаннъ присоединилъ къ Москвѣ часть сихъ Тверскихъ и Новогородскихъ земель.

Поручивъ столицу юному Великому Князю, сыну своему, онъ самъ выступилъ съ войскомъ 9 Октября, презирая трудности и неудобства осенняго похода въ мѣстахъ болотистыхъ. Хотя Новогородцы и взяли нѣкоторыя мѣры для обороны, но знали слабость свою, и прислали требовать *опасныхъ грамотъ* отъ Великаго Князя для Архiепископа Ѳеофила и Посадниковъ, коимъ надлежало ѣхать къ нему для мирныхъ переговоровъ[134]. Iоаннъ велѣлъ остановить сего посланнаго въ Торжкѣ, также и другаго; обѣдалъ въ Волокѣ у брата, Бориса Васильевича, и былъ встрѣченъ именитымъ Тверскимъ Вельможею, Княземъ Микулинскимъ, съ учтивымъ приглашенiемъ заѣхать въ Тверь, отвѣдать хлѣба-соли у Государя его, Михаила. Iоаннъ вмѣсто угощенiя требовалъ полковъ, и Михаилъ не смѣлъ ослушаться, заготовивъ, сверхъ того, всѣ нужные съѣстные припасы для войска Московскаго. Самъ Великiй Князь шелъ съ отборными полками между Яжелбицкою

дорогою и Мстою; Царевичь Даніяръ и Василій Образецъ по Замстѣ; Даніилъ Холмскій предъ Іоанномъ съ Дѣтьми Боярскими, Владимірцами, Переславцами и Костромитянами; за нимъ два Боярина съ Дмитровцами и Кашинцами; на правой сторонѣ Князь Симеонъ Ряполовскій съ Суздальцами и Юрьевцами; на лѣвой братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, и Василій Сабуровъ съ Ростовцами, Ярославцами, Угличанами и Бѣжичанами; съ ними также Воевода матери Іоанновой, Семенъ Пѣшекъ, съ ея дворомъ; между дорогами Яжелбицкою и Демонскою Князья Александръ Васильевичь и Борисъ Михайловичь Оболенскіе; первый съ Калужанами, Алексинцами, Серпуховцами, Хотуничами, Москвитянами, Радонежцами, Новоторжцами[138]; вторый съ Можайцами, Волочанами, Звенигородцами и Ружанами; по дорогѣ Яжелбицкой Бояринъ Ѳеодоръ Давидовичь съ Дѣтьми Боярскими Двора Великокняжескаго и Коломенцами, также Князь Иванъ Васильевичь Оболенскій со всѣми его братьями и многими Дѣтьми Боярскими. 4 Ноября присоединились къ войску Іоаннову полки Тверскіе, предводимые Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Микулинскимъ. г. 1477.

Въ Еглинѣ, Ноября 8, Великій Князь потребовалъ къ себѣ задержанныхъ Новогородскихъ *опасчиковъ* (то есть, присланныхъ за *опасными грамотами*): Старосту Даниславской улицы, Ѳедора Калитина, и гра-

г. 1477. жданина Житаго, Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челомъ, именуя его *Государемъ.* Іоаннъ велѣлъ имъ дать пропускъ для пословъ Новогородскихъ. — Между тѣмъ многіе знатные Новогородцы прибыли въ Московскій станъ и вступили въ службу къ Великому Князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь отъ злобы тамошняго народа, который гналъ всѣхъ Бояръ, подозрѣваемыхъ въ тайныхъ связяхъ съ Москвою.

Ноября 19, въ Палинѣ, Іоаннъ вновь устроилъ войско для начатія непріятельскихъ дѣйствій: ввѣрилъ передовый отрядъ брату своему, Андрею Меньшему, и тремъ храбрѣйшимъ Воеводамъ: Холмскому съ Костромитянами, Ѳеодору Давидовичу съ Коломенцами, Князю Ивану Оболенскому Стригѣ съ Владимірцами; *въ правой рукѣ* велѣлъ быть брату, Андрею Большему, съ Тверскимъ Воеводою, Княземъ Микулинскимъ, съ Григоріемъ Никитичемъ, съ Иваномъ Житомъ, съ Дмитровцами и Кашинцами; въ *лѣвой* брату, Князю Борису Васильевичу, съ Княземъ Васильемъ Михайловичемъ Верейскимъ и съ Воеводою матери своей, Семеномъ Пѣшкомъ; а въ собственномъ полку Великокняжескомъ знатнѣйшему Боярину, Ивану Юрьевичу Патрекееву, Василію Образцу съ Боровичами, Симеону Ряполовскому, Князю Александру Васильевичу, Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову съ ихъ

дружинами, также всѣмъ Переславцамъ и Муромцамъ. Передовый отрядъ долженъ былъ занять Бронницы. г. 1477.

Еще не довольный многочисленностію своей рати, Государь ждалъ Псковитянъ. Тамошній Князь Ярославъ, ненавидимый народомъ, но долго покровительствуемый Іоанномъ — бывъ даже въ явной войнѣ съ гражданами, не смѣвшими выгнать его, и пьяный имѣвъ съ ними битву среди города[136] — наконецъ по указу Государеву выѣхалъ оттуда. Псковитяне желали себѣ въ Намѣстники Князя Василія Васильевича Шуйскаго: Іоаннъ отправилъ его къ нимъ изъ Торжка, и велѣлъ, чтобы они немедленно вооружились противъ Новагорода. Обыкновенное ихъ благоразуміе не измѣнилось и въ семъ случаѣ: Псковитяне предложили Новогородцамъ быть за нихъ ходатаями у Великаго Князя; но получили въ отвѣтъ: «или заключите съ нами «особенный тѣсный союзъ какъ люди воль-«ные, или обойдемся безъ вашего ходатай-«ства»[137]. Когда же Псковитяне, исполняя Іоанново приказаніе, грамотою объявили имъ войну, Новогородцы одумались и хотѣли, чтобы они вмѣстѣ съ ними послали чиновниковъ къ Великому Князю; но Дьякъ Московскій, Григорій Волнинъ, пріѣхавъ во Псковъ отъ Государя, нудилъ ихъ немедленно сѣсть на коней и выступить въ поле. Между тѣмъ сдѣлался тамъ пожаръ: граждане письменно извѣстили Іоанна о своей

Г. 1477. бѣдѣ, называли его *Царемъ Русскимъ* и давали ему разумѣть, что не время воевать людямъ, которые льютъ слезы на пеплѣ своихъ жилищъ[138]; однимъ словомъ, всячески уклонялись отъ похода, предвидя, что въ паденіи Новагорода можетъ не устоять и Псковъ. Отговорки были тщетны: Іоаннъ велѣлъ, и Князь Шуйскій[139], взявъ осадныя *орудія* — пушки, пищали, самострѣлы — съ семью Посадниками вывелъ рать Псковскую, которой надлежало стать на берегахъ Ильменя, при устьѣ Шелони.

Ноября 23 Великій Князь находился въ Сытинѣ, когда донесли ему о прибытіи Архіепископа Ѳеофила и знатнѣйшихъ сановниковъ Новогородскихъ. Они явились. Ѳеофилъ сказалъ: «*Государь* Князь Великій! я, богомолецъ твой, Архимандриты, Игумены и «Священники всѣхъ семи Соборовъ бьемъ «тебѣ челомъ. Ты возложилъ гнѣвъ *на свою* «*отчину*, на Великій Новгородъ; огнь и мечь «твой ходятъ по землѣ нашей; кровь Христіанская льется. Государь! смилуйся: молимъ тебя со слезами[140]; дай намъ миръ «и освободи Бояръ Новогородскихъ, заточенныхъ въ Москвѣ!» А Посадники и Житые люди говорили такъ: «*Государь* Князь «Великій! Степенный Посадникъ Ѳома Андреевъ и Старые Посадники, Степенный «Тысячскій Василій Максимовъ и Старые «Тысячскіе, Бояре, Житые, купцы, черные «люди и весь Великій Новгородъ, твоя от-

«чина, мужи вольные, бьютъ тебѣ челомъ, г. 1477.
«и молятъ о мирѣ и свободѣ нашихъ Бояръ «заключенныхъ.» Посадникъ Лука Ѳедоровъ примолвилъ: «Государь! челобитье Велика-«го Новагорода предъ тобою: повели намъ «говорить съ твоими Боярами.» Іоаннъ не отвѣтствовалъ ни слова, но пригласилъ ихъ обѣдать за столомъ своимъ.

На другой день Послы Новогородскіе были съ дарами у брата Іоаннова, Андрея Меньшаго, требуя его заступленія. Іоаннъ приказалъ говорить съ ними Боярину, Князю Ивану Юрьевичу. Посадникъ Яковъ Коробъ сказалъ: «Желаемъ, чтобы Государь при-«нялъ въ милость Великій Новгородъ, му-«жей вольныхъ, и мечь свой унялъ. — Ѳеофилактъ Посадникъ: «Желаемъ освобожде-«нія Бояръ Новогородскихъ.» — Лука Посадникъ: «Желаемъ, чтобы Государь всякіе «четыре года ѣздилъ въ свою отчину, Ве-«ликій Новгородъ, и бралъ съ насъ по ты-«сячѣ рублей; чтобы Намѣстникъ его су-«дилъ съ Посадникомъ въ городѣ; а чего «они не управятъ, то рѣшитъ самъ Вели-«кій Князь, пріѣхавъ къ намъ на четвер-«тый годъ; но въ Москву да не зоветъ су-«дящихся!» — Яковъ Ѳедоровъ: «Да не ве-«литъ Государь вступаться своему Намѣст-«нику въ особенные суды Архіепископа и «Посадника!» — Житые люди сказали, что подданные Великокняжескіе зовутъ ихъ на судъ къ Намѣстнику и Посаднику въ Новѣ-

г. 1477 городѣ, а сами хотятъ судиться единственно на Городищѣ; что сіе несправедливо, и что они просятъ Великаго Князя подчинить тѣхъ и другихъ суду Новогородскому. — Посадникъ Яковъ Коробъ заключилъ сими словами: «Челобитье наше предъ Государемъ: «да сдѣлаетъ, что ему Богъ положитъ на «сердце!»

Іоаннъ въ тотъ же день велѣлъ Холмскому, Боярину Ѳеодору Давидовичу, Князю Оболенскому-Стригѣ и другимъ Воеводамъ подъ главнымъ начальствомъ брата его, Андрея Меньшаго, итти изъ Бронницъ къ Городищу и занять монастыри, чтобы Новогородцы не выжгли оныхъ. Воеводы перешли озеро Ильмень по льду, и въ одну ночь заняли всѣ окрестности Новогородскія[141].

25 Ноября Бояре Великокняжескіе, Иванъ Юрьевичь, Василій и Иванъ Борисовичи, дали отвѣтъ Посламъ. Первый сказалъ: «Князь «Великій Іоаннъ Василіевичь всея Руси тебѣ, своему богомольцу Владыкѣ, Посадни«камъ и Житымъ людямъ такъ отвѣт«ствуетъ на ваше челобитье.» — Бояринъ Василій Борисовичь продолжалъ: «Вѣдаете «сами, что вы предлагали намъ, мнѣ и сы«ну моему, чрезъ сановника Назарія и Дьяка «Вѣчеваго, Захарію, быть вашими Госуда«рями; а мы послали Бояръ своихъ въ Нов«городъ узнать, что разумѣете подъ симъ «именемъ? Но вы заперлися, укоряя насъ, «Великихъ Князей, насиліемъ и ложью; сверхъ

«того дѣлали намъ и многія иныя досады. Г.
«Мы терпѣли, ожидая вашего исправленія; 1477.
«но вы болѣе и болѣе лукавствовали, и мы «обнажили мечь, по слову Господню: *аще «согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, обличи «его наединѣ; аще не послушаетъ, поими «съ собою два или три свидѣтеля; аще ли «и тѣхъ не послушаетъ, повѣждь Церкви; «аще ли и о Церкви нерадѣти начнетъ, бу«дете яко же язычникъ и мытарь.* Мы по«сылали къ вамъ и говорили: *уймитесь, и «будемъ васъ жаловать;* но вы не захотѣли «того, и сдѣлались намъ какъ бы чужды. И «такъ, возложивъ упованіе на Бога и на мо«литву нашихъ предковъ, Великихъ Князей «Русскихъ, идемъ наказать дерзость.» — Бояринъ Иванъ Борисовичь говорилъ далѣе именемъ Великаго Князя: «Вы хотите свободы «Бояръ вашихъ, мною осужденныхъ; но вѣ«даете, что весь Новгородъ жаловался на «ихъ беззаконія, грабежи, убійства: ты «самъ, Лука Исаковъ, находился въ числѣ «истцевъ; и ты, Григорій Кипріановъ, отъ «имени Никитиной улицы; и ты, Владыка, «и вы, Посадники, были свидѣтелями ихъ «уличенія. Я мыслилъ казнить преступни«ковъ, но даровалъ имъ жизнь, ибо вы мо«лили меня о томъ. Пристойно ли вамъ ны«нѣ упоминать о сихъ людяхъ?» — Князь Иванъ Юрьевичь заключилъ сими словами отвѣтъ Государевъ: «буде Новгородъ дѣйстви-

г. 1477. «тельно желаетъ нашей милости, то ему «извѣстны условія.»

Архіепископъ и Посадники отправились назадъ съ Великокняжескимъ приставомъ для ихъ безопасности. — 27 Ноября Іоаннъ, подступивъ къ Новугороду съ братомъ Андреемъ Меньшимъ и съ юнымъ Верейскимъ Княземъ, Василіемъ Михайловичемъ, расположился у Троицы Паозерской на берегу Волхова, въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ Лошинскаго, гдѣ былъ нѣкогда домъ Ярослава Великаго, именуемый Ракомлею[142]; велѣлъ брату стать въ монастырѣ Благовѣщенія, Князю Ивану Юрьевичу въ Юрьевѣ, Холмскому въ Аркадьевскомъ, Сабурову у Св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищахъ, Борису Оболенскому на Соковѣ у Богоявленія, Ряполовскому на Пидьбѣ, Князю Василію Верейскому на Лисьей Горкѣ, а Боярину Ѳеодору Давидовичу и Князю Ивану Стригѣ на Городищѣ. 29 Ноября пришелъ съ полкомъ братъ Іоанновъ, Князь Борисъ Васильевичь, и сталъ на берегу Волхова въ Кречневѣ, селѣ Архіепископа. — 30 Ноября Государь велѣлъ Воеводамъ отпускать половину людей для собранія съѣстныхъ припасовъ до 10 Декабря, а 11 число быть всѣмъ на-лицѣ, каждому на своемъ мѣстѣ; и въ тотъ же день послалъ гонца сказать Намѣстнику Псковскому, Князю Василію Шуйскому, чтобы онъ спѣшилъ къ Новугороду съ огнестрѣльнымъ снарядомъ.

Новогородцы хотѣли сперва изъявлять неустрашимость; дозволили всѣмъ купцамъ иноземнымъ выѣхать во Псковъ съ товарами; укрѣпились деревянною стѣною по обѣимъ сторонамъ Волхова; заградили сію рѣку судами; избрали Князя Василія Шуйскаго-Гребенку въ Военачальники, и не имѣя друзей, ни союзниковъ, не ожидая ни откуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единодушными, показывая, что надѣются въ крайности на самое отчаяніе, и готовы отразить приступъ, какъ нѣкогда предки ихъ отразили сильную рать Андрея Боголюбскаго. Но Іоаннъ не хотѣлъ кровопролитія, въ надеждѣ, что они покорятся, и взялъ мѣры для доставленія всего нужнаго многочисленной рати своей. Исполняя его повелѣніе, богатые Псковитяне отправили къ нему обозъ съ хлѣбомъ, пшеничною мукою, колачами, рыбою, медомъ и разными товарами для вольной продажи; прислали также и мостниковъ[143]. Великокняжескій станъ имѣлъ видъ шумнаго торжища, изобилія; а Новгородъ, окруженный полками Московскими, былъ лишенъ всякаго сообщенія. Окрестности также представляли жалкое зрѣлище: воины Іоанновы не щадили бѣдныхъ жителей, которые въ 1471 году безопасно скрывались отъ нихъ въ лѣсахъ и болотахъ, но въ сіе время умирали тамъ отъ морозовъ и голода[144].

Г. 1477.

Декабря 4 вторично прибылъ къ Госуда-

г. 1477. рю Архіепископъ Θеофилъ съ тѣми же чиновниками и молилъ его только о мирѣ, не упоминая ни о чемъ иномъ. Бояре Московскіе, Князь Иванъ Юрьевичь, Θеодоръ Давидовичь и Князь Иванъ Стрига отпустили ихъ съ прежнимъ отвѣтомъ, что Новогородцы знаютъ, какъ надобно бить челомъ Великому Князю. – Въ сей день пришли къ городу Царевичь Даніяръ съ Воеводою, Василіемъ Образцемъ, и братъ Великаго Князя, Андрей Старшій, съ Тверскимъ Воеводою: они расположились въ монастыряхъ Кирилловѣ, Андреевѣ, Ковалевскомъ, Волотовѣ, на Деревеницѣ и у Св. Николы на Островкѣ[145].

Видя умноженіе силъ и непреклонность Великаго Князя – не имѣя ни смѣлости отважиться на рѣшительную битву, ни запасовъ для выдержанія осады долговременной – угрожаемые и мечемъ и голодомъ, Новогородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время, и безъ надежды спасти вольность надѣялись переговорами сохранить хотя нѣкоторыя изъ ея правъ. Декабря 5 Владыка Θеофилъ съ Посадниками и съ людьми Житьими, ударивъ челомъ Великому Князю въ присутствіи его трехъ братьевъ, именемъ Новагорода сказалъ: «Государь! мы, виновные, ожида«емъ твоей милости: *признаемъ* истину «Посольства Назаріева и Дьяка Захаріи; но «какую власть желаешь имѣть надъ нами?»

Іоаннъ отвѣтствовалъ имъ чрезъ Бояръ: г.
«Я доволенъ, что вы признаете вину свою 1477.
«и сами на себя свидѣтельствуете. Хочу «властвовать въ Новѣгородѣ, какъ вла«ствую въ Москвѣ.» — Архіепископъ и Посадники требовали времени для размышленія. Онъ отпустилъ ихъ съ повелѣніемъ дать рѣшительный отвѣтъ въ третій день. — Между тѣмъ пришло войско Псковское, и Великій Князь, расположивъ его въ Бискупицахъ, въ селѣ Ѳедошинѣ, въ монастырѣ Троицкомъ на Варяжи, приказалъ знаменитому своему художнику, Аристотелю, строить мостъ подъ Городищемъ, какъ бы для приступа. Сей мостъ, съ удивительною скоростію сдѣланный на судахъ черезъ рѣку Волховъ, своею твердостію и красою заслужилъ похвалу Іоаннову[146].

7 Декабря Ѳеофилъ возвратился въ станъ Великокняжескій съ Посадниками и съ Выборными отъ пяти Концевъ Новогородскихъ. Іоаннъ выслалъ къ нимъ Бояръ. Архіепископъ молчалъ: говорили только Посадники. Яковъ Коробъ сказалъ: «Желаемъ, чтобы Государь «велѣлъ Намѣстнику своему судить вмѣстѣ «съ нашимъ Степеннымъ Посадникомъ.» — Ѳеофилактъ: «Предлагаемъ Государю еже«годную дань со всѣхъ волостей Новогород«скихъ, съ двухъ сохъ гривну.» — Лука: «Пусть «Государь держитъ Намѣстниковъ въ на«шихъ пригородахъ; но судъ да будетъ по «старинѣ.» — Яковъ Ѳедоровъ билъ челомъ,

г. 1477. чтобы Великій Князь не выводилъ людей изъ владѣній Новогородскихъ, не вступался въ отчины и земли Боярскія, не звалъ никого на судъ въ Москву. Наконецъ всѣ просили, чтобы Государь не требовалъ Новогородцевъ къ себѣ на службу, и поручилъ имъ единственно оберегать сѣверо-западные предѣлы Россіи.

Бояре донесли о томъ Великому Князю, и вышли отъ него съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Ты, богомолецъ нашъ, и весь Новгородъ «признали меня Государемъ; а теперь хотите «мнѣ указывать, какъ править вами?»—Ѳеофилъ и Посадники били челомъ и сказали: «Не «смѣемъ *указывать*; но только желаемъ вѣ«дать, какъ Государь намѣренъ властво«вать въ своей Новогородской отчинѣ: ибо «Московскихъ обыкновеній не знаемъ.» Великій Князь велѣлъ своему Боярину, Ивану Юрьевичу, отвѣтствовать такъ: «Знайте «же, что въ Новѣгородѣ не быть ни Вѣчево«му колоколу, ни Посаднику, а будетъ одна «власть Государева; что какъ въ странѣ «Московской, такъ и здѣсь хочу имѣть во«лости и села; что древнія земли Велико«княжескія, вами отнятыя, суть отнынѣ «моя собственность. Но снисходя на ваше «моленіе, обѣщаю не выводить людей изъ «Новагорода, не вступаться въ отчины Бо«яръ, и судъ оставить по старинѣ.»

Прошла цѣлая недѣля: Новгородъ не присылалъ отвѣта Іоанну. Декабря 14 явился

Θеофилъ съ чиновниками и сказалъ Боярамъ Великокняжескимъ: «Соглашаемся не имѣть «ни Вѣча, ни Посадника, молимъ только, «чтобы Государь утолилъ навѣки гнѣвъ свой «и простилъ насъ искренно, съ условіемъ «не выводить Новогородцевъ въ Низовскую «землю, не касаться собственности Боярской, «не судить насъ въ Москвѣ и не звать ту-«да на службу.» Великій Князь далъ слово. Они требовали присяги. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что Государь не присягаетъ. «Удо-«вольствуемся клятвою Бояръ Великокняже-«скихъ или его будущаго Намѣстника Нового-«родскаго,» сказали Θеофилъ и Посадники: но и въ томъ получили отказъ; просили *опасной грамоты:* и той имъ не дали. Бояре Московскіе объявили, что переговоры кончились. г. 1477.

Тутъ любовь къ древней свободѣ въ послѣдній разъ сильно обнаружилась на Вѣчѣ. Новогородцы думали, что Великій Князь хочетъ обмануть ихъ, и для того не даетъ клятвы въ вѣрномъ исполненіи его слова. Сія мысль поколебала въ особенности Бояръ, которые не стояли ни за Вѣчевый колоколъ, ни за Посадника, но стояли за свои отчины. «Требуемъ битвы!» восклицали тысячи: «умремъ за вольность и Святую Софію!» Но сей порывъ великодушія не произвелъ ничего, кромѣ шума, и долженъ былъ уступить хладнокровію разсудка. Нѣсколько дней народъ слушалъ прѣніе между друзьями

г. 1477. свободы и мирнаго подданства: первые могли обѣщать ему одну славную гибель среди ужасовъ голода и тщетнаго кровопролитія; другіе жизнь, безопасность, спокойствіе, цѣлость имѣнія: и сіи наконецъ превозмогли. Тогда Князь Василій Васильевичь Шуйскій-Гребенка, доселѣ вѣрный защитникъ свободныхъ Новогородцевъ, торжественно сложилъ съ себя чинъ ихъ Воеводы и перешелъ въ службу къ Великому Князю, который принялъ его съ особенною милостію[147].

29 Декабря Послы Вѣча, Архіепископъ Ѳеофилъ и знатнѣйшіе граждане, снова прибыли въ Великокняжескій станъ, хотя и не имѣли *опаса*; изъявили смиреніе, и молили, чтобы Государь, отложивъ гнѣвъ, сказалъ имъ изустно, чѣмъ жалуетъ свою Новогородскую отчину. Іоаннъ приказалъ впустить ихъ и говорилъ такъ: «Милость «моя не измѣнилась, что обѣщалъ, то обѣ«щаю и нынѣ: забвеніе прошедшаго, судъ «по старинѣ, цѣлость собственности ча«стной, увольненіе отъ Низовской службы; «не буду звать васъ въ Москву; не буду «выводить людей изъ страны Новогород«ской.» Послы ударили челомъ и вышли; а Бояре Великокняжескіе напомнили имъ, что Государь требуетъ волостей и селъ въ землѣ ихъ. Новогородцы предложили ему Луки Великія и Ржеву Пустую: онъ не взялъ. Предложили еще десять волостей Архіепи-

скопскихъ и монастырскихъ: не взялъ и тѣхъ. «Избери же, что тебѣ самому угод- г. 1477.
«но,» сказали они: «полагаемся во всемъ на «Бога и на тебя.» Великій Князь хотѣлъ половины всѣхъ волостей Архіепископскихъ и монастырскихъ: Новогородцы согласились, но убѣдили его не отнимать земель у нѣкоторыхъ бѣдныхъ монастырей. Іоаннъ требовалъ вѣрной описи волостей, и въ знакъ милости взялъ изъ Ѳеофиловыхъ только десять: что, вмѣстѣ съ монастырскими, составляло около 2700 *обежъ* или тяголъ, кромѣ земель Новоторжскихъ, также ему от- г.
данныхъ[148]. — Прошло шесть дней въ пере- 1478.
говорахъ.

Января 8 Владыка Ѳеофилъ, Посадники и Житые люди молили Великаго Князя снять осаду: ибо тѣснота и недостатокъ въ хлѣбѣ произвели болѣзни въ городѣ, такъ, что многіе умирали. Іоаннъ велѣлъ Боярамъ своимъ условиться съ ними о дани, и хотѣлъ брать по семи денегъ съ каждаго земледѣльца; но согласился уменьшить сію дань втрое[149]. «Желаемъ еще другой милости,» сказалъ Ѳеофилъ: «молимъ, чтобы Великій «Князь не посылалъ къ намъ своихъ писцовъ «и даньщиковъ, которые обыкновенно тѣснятъ народъ; но да вѣритъ онъ совѣсти «Новогородской: сами исчислимъ людей, и «вручимъ деньги, кому прикажетъ; а кто «утаитъ хотя единую душу, да будетъ «казненъ.» Іоаннъ обѣщалъ.

г. 1478. Января 10 Бояре Московскіе требовали отъ Θеофила и Посадниковъ, чтобы Дворъ Ярославовъ былъ немедленно очищенъ для Великаго Князя, и чтобы народъ далъ ему клятву въ вѣрности. Новогородцы хотѣли слышать присягу; Государь послалъ ее къ нимъ въ Архіепископскую палату, съ своимъ Подъячимъ[130]. На третій день Владыка и сановники ихъ сказали Боярамъ Іоанновымъ: « Дворъ Ярославовъ есть наслѣдіе Государей, « Великихъ Князей, когда имъ угодно взять « его, и съ площадью, да будетъ ихъ воля. « Народъ слышалъ присягу и готовъ цѣло- « вать крестъ, ожидая всего отъ Государей, « какъ Богъ положитъ имъ на сердце, и не « имѣя уже инаго упованія. » Дьякъ Новогородскій списалъ сію клятвенную грамоту, а Владыка и пять Концевъ утвердили оную своими печатями. Января 13 многіе Бояре Новогордоскіе, Житые люди и купцы присягнули въ станѣ Іоанновомъ. Тутъ Государь велѣлъ сказать имъ, что пригороды ихъ, Заволочане и Двиняне будутъ отполѣ цѣловать крестъ на имя Великихъ Князей, не упоминая о Новѣгородѣ; чтобы они не дерзали мстить своимъ единоземцамъ, находящимся у него въ службѣ, ни Псковитянамъ, и въ случаѣ споровъ о земляхъ ждали рѣшенія отъ Намѣстниковъ, не присвоивая себѣ никакой своевольной управы. Новогородцы обѣщались, и вмѣстѣ съ Θеофиломъ просили, чтобы Государь благоволилъ изу-

спно и громко объявить имъ свое милосердіе. Іоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: «Прощаю, и буду отпынѣ жаловать тебя, «своего богомольца, и нашу отчину, Великій Новгородъ.» г. 1478.

Января 15 рушилось древнее Вѣче, которое до сего дня еще собиралось на Дворѣ Ярослава. Вельможи Московскіе, Князь Иванъ Юрьевичь, Өеодоръ Давидовичь и Стрига-Оболенскій, вступивъ въ палату Архіепископскую, сказали, что Государь, внявъ моленію Өеофила, всего священнаго Собора, Бояръ и гражданъ, навѣки забываетъ вины ихъ, въ особенности изъ уваженія къ ходатайству своихъ братьевъ, съ условіемъ, чтобы Новгородъ, давъ искренній обѣтъ вѣрности, не измѣнялъ ему ни дѣломъ, ни мыслію[151]. Всѣ знатнѣйшіе граждане, Бояре, Житые люди, купцы цѣловали крестъ въ Архіепископскомъ домѣ, а Дьяки и воинскіе чиновники Іоанновы взяли присягу съ народа, съ Боярскихъ слугъ и женъ въ пяти Концахъ. Новогородцы выдали Іоанну ту грамоту, коею они условились стоять противъ него единодушно, и которая скрѣплена была пятидесятью-осмью печатями[152].

Января 18 всѣ Бояре Новогородскіе, Дѣти Боярскіе и Житые люди били челомъ Іоанну, чтобы онъ принялъ ихъ въ свою службу. Имъ объявили, что сія служба, сверхъ иныхъ обязанностей, повелѣваетъ каждому изъ нихъ извѣщать Великаго Князя о вся-

г. 1478. кихъ злыхъ противъ него умыслахъ, не исключая ни брата, ни друга, и требуетъ скромности въ тайнахъ Государевыхъ[153]. Они обѣщали то и другое. — Въ сей день Іоаннъ позволилъ городу имѣть свободное сообщеніе съ окрестностями; Января 20 отправилъ гонца въ Москву къ матери своей (которая безъ него постриглась въ Инокини), къ Митрополиту и къ сыну съ извѣстіемъ, что онъ *привелъ Великій Новгородъ во всю волю свою;* на другой день допустилъ къ себѣ тамошнихъ Бояръ, Житыхъ людей и купцевъ съ дарами, и послалъ своихъ Намѣстниковъ, Князя Ивана Стригу и брата его, Ярослава, занять Дворъ Ярославовъ; а самъ не ѣхалъ въ городъ, ибо тамъ свирѣпствовали болѣзни.

Наконецъ, 29 Января, въ Четвертокъ Масленой недѣли, онъ съ тремя братьями и съ Княземъ Василіемъ Верейскимъ прибылъ въ церковь Софійскую, отслушалъ Литургію, возвратился на Паозерье, и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ знатнѣйшихъ Новогородцевъ. Архіепископъ предъ столомъ поднесъ ему въ даръ панагію обложенную золотомъ и жемчугами, струѳово яицо окованное серебромъ въ видѣ кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису въ 6 фунтовъ и 200 корабельниковъ или 400 червонцевъ. Гости пили, ѣли и бесѣдовали съ Іоанномъ.

Февраля 1 онъ велѣлъ взять подъ стра-

жу Купеческаго Старосту, Марка Памфилiева, Февраля 2 славную Марфу Борецкую съ ея внукомъ Василiемъ Θеодоровымъ (коего отецъ умеръ въ Муромской темницѣ), а послѣ изъ Житыхъ людей Григорiя Кипрiанова, Ивана Кузмина, Акинθа съ сыномъ Романомъ и Юрiя Репехова, отвезти въ Москву, и все ихъ имѣнiе описать въ казну. Сiи люди были единственною жертвою грознаго Московскаго Самодержавiя, или какъ явные, непримиримые враги его, или какъ извѣстные друзья Литвы. Никто не смѣлъ за нихъ вступиться. Февраля 3 Намѣстникъ Великокняжескiй, Иванъ Оболенскiй-Стрига, отыскалъ всѣ письменные договоры, заключенные Новогородцами съ Литвою, и вручилъ ихъ Iоанну. — Все было спокойно; но Великiй Князь прислалъ въ городъ еще двухъ иныхъ Намѣстниковъ, Василiя Китая и Боярина Ивана Зиновьевича, для соблюденiя тишины, велѣвъ имъ занять домъ Архiепископскiй. г. 1478.

Февраля 8 Iоаннъ вторично слушалъ Литургiю въ Софiйской церкви и обѣдалъ у себя въ станѣ съ братомъ Андреемъ Меньшимъ, съ Архiепископомъ и знатнѣйшими Новогородцами. Февраля 12 Владыка Θеофилъ предъ Обѣднею вручилъ Государю дары: цѣпь, двѣ чары и ковшъ золотые, вѣсомъ около девяти фунтовъ; вызолоченную кружку, два кубка, мису и поясъ серебряные, вѣсомъ въ тридцать одинъ фунтъ съ

г. 1478 половиною, и 200 корабельниковъ. — Февраля 17, рано по утру, Великій Князь отправился въ Москву; на первомъ станѣ, въ Ямнахъ, угостилъ обѣдомъ Архіепископа, Бояръ и Житыхъ людей Новогородскихъ; принялъ отъ нихъ нѣсколько бочекъ вина и меда; самъ отдарилъ всѣхъ, отпустилъ съ милостію въ Новгородъ, и пріѣхалъ въ столицу 5 Марта. Въ слѣдъ за нимъ привезли въ Москву славный Вѣчевый колоколъ Новогородскій и повѣсили его на колокольнѣ Успенскаго Собора, на площади. — Если вѣрить сказанію современнаго Историка, Длугоша, то Іоаннъ пріобрѣлъ несмѣтное богатство въ Новѣгородѣ, и нагрузилъ 300 возовъ серебромъ, золотомъ, каменьями драгоцѣнными, найденными имъ въ древней казнѣ Епископской, или у Бояръ, коихъ имѣніе было описано, сверхъ безчисленнаго множества шелковыхъ тканей, суконъ, мѣховъ и проч. Другіе цѣнятъ сію добычу въ 14,000,000 флориновъ[154]: что безъ сомнѣнія увеличено.

Такъ Новгородъ покорился Іоанну, болѣе шести вѣковъ слывъ въ Россіи и въ Европѣ Державою народною или Республикою, и дѣйствительно имѣвъ образъ Демократіи: ибо Вѣче гражданское присвоивало себѣ не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть; избирало, смѣняло не только Посадниковъ, Тысячскихъ, но и Князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великаго; давало имъ власть, но

подчиняло ее своей верховной; принимало г. жалобы, судило и наказывало въ случаяхъ 1478. важныхъ; даже съ Московскими Государями, даже и съ Іоанномъ заключало условія, *взаимною* клятвою утверждаемыя, и въ нарушеніи оныхъ имѣя право мести или войны; однимъ словомъ, владычествовало какъ собраніе народа Аѳинскаго или Франковъ на полѣ Марсовомъ, представляя лице Новагорода, который именовался *Государемъ*. Не въ правленіи вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ — какъ думали нѣкоторые Писатели — но въ первобытномъ составѣ всѣхъ Державъ народныхъ, отъ Аѳинъ и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежитъ искать образцевъ Новогородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народовъ, когда они, избирая сановниковъ вмѣстѣ для войны и суда, оставляли себѣ право наблюдать за ними, свергать въ случаѣ неспособности, казнить въ случаѣ измѣны или несправедливости, и рѣшить все важное или чрезвычайное въ общихъ совѣтахъ. Мы видѣли, что Князья, Посадники, Тысяцкіе въ Новѣгородѣ судили тяжбы и предводительствовали войскомъ: такъ древніе Славяне, такъ нѣкогда и всѣ иные народы не знали различія между воинскою и судебною властію. Сердцемъ или главнымъ составомъ сей Державы были Огнищане или Житые люди, то есть, домовитые или владѣльцы: они же и первые воины, какъ естественные защитники оте-

Г. 1478. чества; изъ нихъ выходили *Бояре* или граждане знаменитые заслугами. Торговля произвела купцевъ: они, какъ менѣе способные къ ратному дѣлу, занимали вторую степень; а третью свободные, но бѣднѣйшіе люди, названные Черными. Граждане *Младшіе* явились въ новѣйшія времена и стали между купцами и Черными людьми. Каждая степень безъ сомнѣнія имѣла свои права: вѣроятно, что Посадники и Тысячскіе избирались только изъ Бояръ; а другіе сановники изъ Житыхъ, купцевъ и Младшихъ гражданъ, но не изъ Черныхъ людей, хотя и послѣдніе участвовали въ приговорахъ Вѣча[185]. Бывшіе Посадники, въ отличіе отъ Степенныхъ или настоящихъ именуясь *Старыми*, преимущественно уважались до конца жизни. — Умъ, сила и властолюбіе нѣкоторыхъ Князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невскаго, Калиты, Донскаго, сына и внука его, обуздывали свободу Новогородскую, однакожь не перемѣнили ея главныхъ уставовъ, коими она столько вѣковъ держалась, стѣсняемая временно, но никогда не отказываясь отъ своихъ правъ.

Обозрѣніе Исторіи Новагорода. Исторія Новагорода составляетъ любопытнѣйшую часть древней Россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ основанный, можетъ быть, толпою Славянскихъ рыбарей, которые въ водахъ Ильменя наполняли свои мрежи изобильнымъ ловомъ, онъ умѣлъ возвыситься до степени

Державы знаменитой. Окруженный слабыми, г. мирными племенами Финскими, рано научился 1478. ся господствовать въ сосѣдствѣ; покоренный смѣлыми Варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купечества, предпріимчивость и мореплаваніе; изгналъ сихъ завоевателей, и будучи жертвою внутренняго безпорядка, замыслилъ Монархію, въ надеждѣ доставить себѣ тишину для успѣховъ гражданскаго общежитія и силу для отраженія внѣшнихъ непріятелей; рѣшилъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной, и давъ бытіе, давъ Государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властію, усиленный толпами мужественныхъ пришельцевъ Варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности: сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судіею, ограничивъ власть Княжескую; воевалъ и купечествовалъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемградомъ[136], еще во XII посылалъ корабли въ Любекъ[137]; сквозь дремучіе лѣса открылъ себѣ путь до Сибири, и горстію людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обію и нынѣшнею Уфою, насадилъ тамъ первыя сѣмена гражданственности и Вѣры Христіанской; передавалъ Европѣ товары Азіатскіе и Византійскіе, сверхъ драгоцѣнныхъ произведеній дикой Натуры; сообщалъ Россіи первые плоды ремесла Европейскаго, первыя открытія Искусствъ благодѣтельныхъ; славясь хитростію въ торговлѣ[138],

г. 1478. славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостію указывая на свои стѣны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альту, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными Новогородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мстиславъ Храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченіе Князей Суздальскихъ[159]; на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля Ливонскія, гдѣ Орденъ Меченосцевъ столь часто уклонялъ знамена предъ Святою Софіею, обращаясь въ бѣгство. Такія воспоминанія, питая народное честолюбіе, произвели извѣстную пословицу: *Кто противъ Бога и Великаго Новагорода*[160]? Жители его хвалились и тѣмъ, что они не были рабами Моголовъ, какъ иные Россіяне: хотя и платили дань Ординскую, но Великимъ Князьямъ, не зная Баскаковъ и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству.

Лѣтописи Республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и не рѣдко умилительное торжество добродѣтели, среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію: такъ и лѣтописи Новагорода въ неискусственной простотѣ своей являютъ черты плѣнительныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый омерзѣніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава I,

хотящаго удалиться къ Варягамъ; разсѣ- г.
каетъ ладіи, приготовленныя для его бѣг- 1478.
ства, и говоритъ ему: «ты умертвилъ на-
«шихъ братьевъ, но мы идемъ съ тобою
«на Святополка и Болеслава; у тебя нѣтъ
«казны: возьми все, что имѣемъ[161]. «Здѣсь
Посадникъ Твердиславъ, несправедливо гонимый, слышитъ вопли убійцъ, посланныхъ вонзить ему мечь въ сердце, и велитъ нести себя больнаго на градскую площадь, да умретъ предъ глазами народа, если виновенъ, или будетъ спасенъ его защитою, если невиненъ; торжествуетъ, и навѣки заключается въ монастырь, жертвуя спокойствію согражданъ всѣми пріятностями честолюбія и самой жизни[162]. Тутъ достойный Архіепископъ, держа въ рукѣ крестъ, является среди ужасовъ междоусобной брани; возноситъ руку благословляющую, именуетъ Новогородцевъ дѣтьми своими, и стукъ оружія умолкаетъ: они смиряются и братски обнимаютъ другъ друга[163]. Въ битвахъ съ врагами иноплеменными Посадники, Тысячскіе умирали впереди за Святую Софію[164]. Святители Новогородскіе, избираемые гласомъ народа, по всеобщему уваженію къ ихъ личнымъ свойствамъ, превосходили иныхъ достоинствами Пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общаго блага; строили стѣны, башни, мосты, и даже посылали на войну особенный полкъ, который назывался *Владычнимъ*[165]; будучи

г. 1478. главными блюстителями правосудія, внутренняго благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгородъ, и не боялись ни гнѣва Митрополитовъ, ни мести Государей Московскихъ[166]. — Видимъ также нѣкоторыя постоянныя правила великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часто легкомысленнаго народа: таковымъ было не превозноситься въ успѣхахъ, изъявлять умѣренность въ счастіи, твердость въ бѣдствіяхъ, давать пристанище изгнанникамъ, вѣрно исполнять договоры, и слово: *Новогородская честь*, *Новогородская душа*, служило иногда вмѣсто клятвы[167]. — Республика держится добродѣтелію, и безъ нее упадаетъ.

Паденіе Новагорода ознаменовалось утратою воинскаго мужества, которое уменьшается въ Державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ и внѣшнихъ[168]: такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя, и почти свободный отъ ига Моголовъ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со временъ Іоанна Калиты. Богатые Новогородцы стали откупаться серебромъ отъ Князей Московскихъ и Литвы; но вольность

спасается не серебромъ, а готовностію умереть за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе, и манитъ къ себѣ Властелина. Ополченія Новогородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства видимъ въ послѣднихъ рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ Государей, Литовскаго или Московскаго: къ счастію, наслѣдники Витовтовы не наслѣдовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать Республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самыя опасности и безпокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный; хотя Новогородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими Нѣмцами, безъ сомнѣнія отличались благородными качествами отъ другихъ Россіянъ, униженныхъ тиранствомъ Моголовъ: однакожь Исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то есть, чтобы не

г. 1478.

г. 1478. погибла отъ ударовъ новаго Батыя или Витовта; тогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ: взявъ его владѣнія, Государь Московскій поставилъ одну грань своего Царства на берегу Наровы, въ угрозу Нѣмцамъ и Шведамъ, а другую за Каменнымъ Поясомъ или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная Древность воображала источники богатства, и гдѣ они дѣйствительно находились, во глубинѣ земли, обильной металлами, и во тьмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями. — Императоръ Гальба сказалъ: «Я былъ бы достоинъ возстановить свободу Рима, если бы Римъ могъ пользоваться ею[169].» Историкъ Русскій, любя и человѣческія и государственныя добродѣтели, можетъ сказать: Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить утлую вольность Новогородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи.

Здѣсь умолкаетъ *особенная* Исторія Новагорода. Прибавимъ къ ней остальныя извѣстія о судьбѣ его въ государствованіе Іоанна. Въ 1479 году Великій Князь ѣздилъ туда, смѣнилъ Архіепископа Ѳеофила, будто бы за тайную связь съ Литвою[170], и прислалъ въ Москву, гдѣ онъ черезъ шесть лѣтъ умеръ въ Обители Чудовской, какъ послѣдній изъ знаменитыхъ народныхъ Владыкъ; преемникомъ его былъ Іеромонахъ Троицкій, именемъ Сергій, избранный *по жребію* изъ трехъ духовныхъ особъ: чѣмъ Великій Князь хотѣлъ изъявить уваженіе къ древне-

му обычаю Новогородцевъ, отнявъ у нихъ право имѣть *собственныхъ* Святителей. Сей Архіепископъ, не любимый гражданами, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ Троицкую Обитель за болѣзнію[471]. Мѣсто его заступилъ Чудовскій Архимандритъ Геннадій. г. 1478.
—Не могъ вдругъ исчезнуть духъ свободы въ народѣ, который пользовался ею столько вѣковъ, и хотя не было общаго мятежа, однакожь Іоаннъ видѣлъ неудовольствіе и слышалъ тайныя жалобы Новогородцевъ: надежда, что вольность можетъ воскреснуть, еще жила въ ихъ сердцѣ; не рѣдко обнаруживалась природная имъ строптивость; открывались и злые умыслы. Чтобы искоренить сей опасный духъ, онъ прибѣгнулъ къ средству рѣшительному: въ 1481 году велѣлъ взять тамъ подъ стражу знатныхъ людей: Василія Казимера съ братомъ Яковомъ Коробомъ, Михаила Берденева и Луку Ѳедорова, а скоро и всѣхъ главныхъ Бояръ, коихъ имущество, движимое и недвижимое, описали на Государя. Нѣкоторыхъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ, пытали: они сами доносили другъ на друга; но приговоренные къ смерти, объявили, что взаимные ихъ доносы были клеветою, вынужденною муками: Іоаннъ велѣлъ разослать ихъ по темницамъ; другимъ, явно невиннымъ, далъ помѣстья въ областяхъ Московскихъ. Въ числѣ богатѣйшихъ граждан тогда заточенныхъ, Лѣтописецъ именуетъ *славную* жену

г. Анастасію и Боярина Ивана Козмина: у пер-
1478. вой въ 1476 году пировалъ Великій Князь съ Дворомъ своимъ; а второй уходилъ въ Литву съ тридцатью слугами, но будучи недоволенъ Казимиромъ, возвратился въ отчизну и думалъ по крайней мѣрѣ умереть тамъ спокойно[172]. – Въ 1487 году перевели изъ Новагорода въ Владиміръ 50 лучшихъ семействъ купеческихъ. Въ 1488 году Намѣстникъ Новогородскій, Яковъ Захарьевичь, казнилъ и повѣсилъ многихъ Житыхъ людей, которые хотѣли убить его, и прислалъ въ Москву болѣе осьми тысячь Бояръ, именитыхъ граждан и купцевъ, получившихъ земли въ Владимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ, Переславлѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, Костромѣ; а на ихъ земли, въ Новгородъ, послали Москвитянъ, людей служивыхъ и гостей[173]. Симъ переселеніемъ былъ навѣки усмиренъ Новгородъ. Остался трупъ: душа исчезла; иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные Самодержавію. Іоаннъ въ 1500 году, съ согласія Митрополитова, роздалъ всѣ Новогородскія церковныя имѣнія въ помѣстье Дѣтямъ Боярскимъ[174].

Одинъ Псковъ еще сохранилъ древнее гражданское образованіе, Вѣче и народныхъ сановниковъ, обязанный тѣмъ своему послушанію. Великій Князь, довольный его содѣйствіемъ въ походѣ Новогородскомъ, прислалъ ему въ даръ кубокъ, и милостиво обѣщалъ *не премѣнять старины*; а свѣдавъ, что По-

слы Великокняжескіе дѣлаютъ тамъ наглыя обиды жителямъ, съ гордостію отвергаютъ дары Вѣча, но своевольно берутъ у гражданъ и поселянъ, что имъ вздумается, онъ строго запретилъ такія насилія[175]. Въ семъ случаѣ, какъ и въ другихъ, видимъ Іоанново правило соглашать вводимое имъ Единовластіе съ уставомъ естественной справедливости, и не отнимать ничего безъ вины. Псковъ удержалъ до времени свои законы гражданскіе, ибо не оспоривалъ Государевой власти отмѣнить ихъ. г. 1478.

Довольный славнымъ успѣхомъ Новогородскаго похода, Іоаннъ скоро насладился и живѣйшею семейственною радостію. Софія была уже матерію трехъ дочерей: Елены, Ѳеодосіи и второй Елены[176]; хотѣла сына, и вмѣстѣ съ супругомъ печалилась, что Богъ не исполняетъ ихъ желанія. Для сего ходила она пѣшкомъ молиться въ Обитель Троицкую, гдѣ, какъ пишутъ, явился ей Св. Сергій, держа на рукахъ своихъ благовиднаго младенца, приблизился къ Великой Княгинѣ и *ввергнулъ его въ ея нѣдра*: Софія затрепетала отъ видѣнія столь удивительнаго; съ усердіемъ облобызала мощи Святаго, и чрезъ девять мѣсяцевъ родила сына, Василія-Гавріила. Сію повѣсть разсказывалъ самъ Василій (уже будучи Государемъ) Митрополиту Іоасафу[177]. Послѣ того Софія имѣла четырехъ сыновей: Георгія, Димитрія, Симеона, Андрея, дочерей Ѳеодосію и Евдокію[178].

Рожденіе Василія-Гавріила.

6**

Покореніе Новагорода есть важная эпоха сего славнаго княженія: слѣдуетъ другая, еще важнѣйшая: торжественное возстановленіе нашей государственной независимости, соединенное съ конечнымъ паденіемъ Большей или Золотой Орды. Тутъ ясно открылась мудрость Іоанновой Политики, которая неусыпно искала дружбы Хановъ Таврическихъ, чтобы силою ихъ обуздывать Ахмата и Литву. Не долго Зенебекъ господствовалъ въ Тавридѣ: Менгли-Гирей изгналъ его, воцарился снова и прислалъ извѣстить о томъ Іоанна, который немедленно отправилъ къ нему гонца съ поздравленіемъ, а скоро (въ 1480 году) и Боярина, Князя Ивана Звенца[179]. Сей Посолъ долженъ былъ сказать Хану, что Великій Князь, изъ особенной къ нему дружбы, принялъ къ себѣ не только изгнаннаго Царя Зенебека, но и двухъ братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулата и Айдара, жившихъ прежде въ Литвѣ, дабы отнять у нихъ способъ вредить ему; что Государь согласенъ дѣйствовать съ Менгли-Гиреемъ противъ Ахмата, если онъ будетъ ему поборникомъ противъ Казимира Литовскаго. На сихъ условіяхъ надлежало Послу заключить союзъ съ Ханомъ: для чего и дали ему *шертную* или клятвенную грамоту съ повелѣніемъ изъяснить Вельможамъ Крымскимъ, сколь усердно Государь доброжелательствуетъ ихъ Царю. Сверхъ того Бояринъ Звенецъ имѣлъ

Г. 1478 —80.

Посольство въ Крым.

порученіе отдать Хану на-единѣ тайную грамоту, утвержденную крестнымъ цѣлованіемъ и золотою печатію: сею грамотою, по желанію Менгли-Гирея написанною, Великій Князь обязывался дружески принять его въ Россіи, буде онъ въ третій разъ лишится престола; не только обходиться съ нимъ какъ съ Государемъ вольнымъ, независимымъ, но и способствовать ему всѣми силами къ возвращенію Царства. Испытавъ непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотѣлъ взять мѣры на случай ея новыхъ превратностей и заблаговременно изготовить себѣ убѣжище: сія печальная мысль расположила его къ самому вѣрному дружеству съ Іоанномъ. Бояринъ Звенецъ успѣлъ совершенно въ дѣлѣ своемъ: заключили союзъ, искренностію и Политикою утвержденный; условились вмѣстѣ воевать или мириться; наблюдать всѣ движенія Ахмата и Литвы; тайно или явно мѣшать ихъ замысламъ, вреднымъ для той или другой стороны; наконецъ обѣимъ Державамъ, Москвѣ и Крыму, дѣйствовать какъ единой во всѣхъ случаяхъ.

Г. 1478 —80.

Увѣренный въ дружбѣ Менгли-Гирея и въ собственныхъ силахъ, Іоаннъ по извѣстію нѣкоторыхъ Лѣтописцевъ, рѣшился вывести Ахмата изъ заблужденія и торжественно объявить свободу Россіи слѣдующимъ образомъ. Сей Ханъ отправилъ въ Москву новыхъ Пословъ требовать дани. Ихъ пред-

Свер-жепіе ига Хан-скаго.

г. 1478 — 80. ставили къ Іоанну: онъ взялъ *басму* (или образъ Царя), изломалъ ее, бросилъ на землю, растопталъ ногами[180]; велѣлъ умертвить Пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: «спѣши объявить Царю видѣнное тобою; что сдѣлалось съ его *басмою* и Послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ «не оставитъ меня въ покоѣ.» Ахматъ воскипѣлъ яростію. «Такъ поступаетъ рабъ «нашъ, Князь Московскій!» говорилъ онъ своимъ Вельможамъ, и началъ собирать войско. Другіе Лѣтописцы, согласнѣе съ характеромъ Іоанновой осторожности и съ послѣдствіями, приписываютъ ополченіе Ханское единственно наущеніямъ Казимировымъ. Съ ужасомъ видя возрастающее величіе Россіи, сей Государь послалъ одного служащаго ему Князя Татарскаго, именемъ Акирея Муратовича[181], въ Золотую Орду, склонять Ахмата къ сильному впаденію въ Россію, обѣщая съ своей стороны сдѣлать то же. Время казалось благопріятнымъ: Орда была спокойна; племянникъ Ахматовъ, именемъ Касыда, долго споривъ съ дядею о Царствѣ, наконецъ съ нимъ примирился[182]. Злобствуя на Великаго Князя за его ослушаніе[183] и не довольный умѣренностію даровъ его, Ханъ условился съ Королемъ, чтобы Татарамъ итти изъ Волжскихъ Улусовъ къ Окѣ, а Литовцамъ къ берегамъ Угры, и съ двухъ сторонъ въ одно время вступить въ Россію. Первый сдержалъ слово, и лѣтомъ (въ 1480

году) двинулся къ предѣламъ Московскимъ со всею Ордою, съ племянникомъ Касыдою, съ шестью сыновьями и множествомъ Князей Татарскихъ. — Къ ободренію враговъ нашихъ служила тогда и несчастная распря Іоаннова съ братьями: обстоятельства ея достойны замѣчанія[184]. г. 1478 —80.

Государь, смѣнивъ Намѣстника бывшаго въ Великихъ Лукахъ, Князя Ивана Оболенскаго-Лыка, велѣлъ ему заплатить большее количество серебра тамошнимъ гражданамъ, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливыя. Князь Лыко въ досадѣ уѣхалъ къ брату Іоаннову, Борису, въ Волокъ Ламскій, пользуясь древнимъ правомъ Боярскимъ переходить изъ службы Государя Московскаго къ Князьямъ Удѣльнымъ. Іоаннъ требовалъ сего бѣглеца отъ брата; но Борисъ отвѣтствовалъ: «не выдаю; а «если онъ виновенъ, то нарядимъ судъ.» Вмѣсто суда Великій Князь приказалъ Намѣстнику Боровскому тайно схватить Лыка, гдѣ бы то ни было, и скованнаго представить въ Москву: что онъ и сдѣлалъ. Князь Борисъ Васильевичь оскорбился; писалъ къ брату, Андрею Суздальскому, о семъ беззаконномъ насиліи, и говорилъ, что Іоаннъ тиранствуетъ, презираетъ святые древніе уставы и единоутробныхъ, не далъ имъ части ни изъ Удѣла Юріева, ни изъ областей Новогородскихъ, завоевавъ ихъ вмѣстѣ съ ними; что терпѣніо долженъ быть Ссора Великаго Князя съ братьями.

г. 1478—80. конецъ, и что они не могутъ послѣ того жить въ Государствѣ Московскомъ. Андрей былъ такого же мнѣнія: собравъ многочисленную дружину, оба съ женами и дѣтьми выѣхали изъ своихъ Удѣловъ; не хотѣли слушать Боярина Іоаннова посланнаго уговорить ихъ[185]; спѣшили къ Литовской границѣ, злодѣйствуя на пути огнемъ и мечемъ, какъ въ землѣ непріятельской; остановились въ Великихъ Лукахъ и требовали отъ Казимира, чтобы онъ за нихъ вступился. Король, обрадованный симъ случаемъ[186], далъ городъ Витебскъ на содержаніе ихъ семействъ, къ крайнему безпокойству всѣхъ Россіянъ, устрашенныхъ вѣроятностію междоусобной войны[187]. Между тѣмъ Великій Князь подозрѣвалъ мать свою въ тайномъ согласіи съ его братьями, зная отмѣнную любовь ея къ Андрею[188], и хотѣлъ быть великодушнымъ: послалъ къ нимъ Ростовскаго Святителя, Вассіана, съ Бояриномъ Василіемъ Ѳедоровичемъ Образцемъ, и предлагалъ миръ искренній, обѣщая Андрею, сверхъ наслѣдственнаго Удѣла, Алексинъ и Калугу. Но братья съ гордостію отвергнули всѣ убѣжденія Вассіановы и милость Іоаннову.

Походъ Ахмата на Россію. Тогда услышали въ Москвѣ о походѣ Ахмата, который шелъ медленно, ожидая вѣстей отъ Казимира. Іоаннъ все предвидѣлъ: какъ скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, вѣрный его союзникъ, по усло-

вію съ нимъ напалъ на Литовскую Подолію г. 1478—80.
и тѣмъ отвлекъ Казимира отъ содѣйствія съ Ахматомъ. Зная же, что сей послѣдній оставилъ въ своихъ улусахъ только женъ, дѣтей и старцевъ, Іоаннъ велѣлъ Крымскому Царевичу Нордоулату и Воеводѣ Звенигородскому, Князю Василію Ноздроватому, съ небольшимъ отрядомъ сѣсть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащитную Орду или по крайней мѣрѣ устрашить Хана[189]. Москва въ нѣсколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сынъ Великаго Князя, Младый Іоаннъ, выступилъ со всѣми полками изъ столицы въ Серпуховъ 8 Іюня; а дядя его, Андрей Меньшій, изъ своего Удѣла. Самъ Государь еще оставался въ Москвѣ недѣль шесть; наконецъ, свѣдавъ о приближеніи Ахмата къ Дону, 23 Іюня отправился въ Коломну, поручивъ храненіе столицы дядѣ своему, Михаилу Андреевичу Верейскому, и Боярину Князю Ивану Юрьевичу, Духовенству, купцамъ и народу. Кромѣ Митрополита, находился тамъ Архіепископъ Ростовскій, Вассіанъ, старецъ ревностный ко славѣ отечества[190]. Супруга Іоаннова выѣхала съ Дворомъ своимъ въ Дмитровъ, откуда на судахъ удалилась къ предѣламъ Бѣлаозера: а мать его, Инокиня Мароа, внявъ убѣжденіямъ Духовенства, къ утѣшенію народа осталась въ Москвѣ[191].

Великій Князь принялъ самъ начальство

г. 1480. надъ войскомъ, прекраснымъ и многочисленнымъ, которое стояло на берегахъ Оки рѣки, готовое къ битвѣ.[192] Вся Россія съ надеждою и страхомъ ожидала слѣдствій. Іоаннъ былъ въ положеніи Димитрія Донскаго, шедшаго сразиться съ Мамаемъ: имѣлъ полки лучше устроенные, Воеводъ опытнѣйшихъ, болѣе славы и величія; но зрѣлостію лѣтъ, природнымъ хладнокровіемъ, осторожностію располагаемый не вѣрить слѣпому счастію, которое иногда бываетъ сильнѣе доблести въ битвахъ, онъ не могъ спокойно думать, что одинъ часъ рѣшитъ судьбу Россіи; что всѣ его великодушные замыслы, всѣ успѣхи медленные, постепенные, могутъ кончиться гибелію нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею отечества, и единственно *отъ нетерпѣнія*: ибо Золотая Орда нынѣ или завтра долженствовала исчезнуть по ея собственнымъ, внутреннимъ причинамъ разрушенія. Димитрій побѣдилъ Мамая, чтобы видѣть пепелъ Москвы и платить дань Тохтамышу: гордый Витовтъ, презирая остатки Капчакскаго Ханства, хотѣлъ однимъ ударомъ сокрушить ихъ, и погубилъ рать свою на берегахъ Ворсклы. Іоаннъ имѣлъ славолюбіе не воина, но Государя: а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости Государства, не въ личномъ мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостію, славнѣе гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣдствію. Сіи мысли ка-

зались благоразуміемъ Великому Князю и нѣкоторымъ изъ Бояръ, такъ, что онъ желалъ, если можно, удалить рѣшительную битву. г. 1480.

Ахматъ, слыша, что берега Оки къ Рязанскимъ предѣламъ вездѣ заняты Іоанновымъ войскомъ, пошелъ отъ Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска къ Угрѣ, въ надеждѣ соединиться тамъ съ Королевскими полками, или вступить въ Россію съ той стороны, откуда его не ожидали. Великій Князь, давъ повелѣніе сыну и брату итти къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу Угры, самъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ жители посадовъ перебиралися въ Кремль съ своимъ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ, и видя Іоанна, вообразили, что онъ бѣжитъ отъ Хана. Многіе кричали въ ужасѣ: «Государь выдаетъ насъ «Татарамъ! отягощалъ землю налогами, и «не платилъ дани Ординской! разгнѣвилъ «Царя, и не стоитъ за отечество!» Сіе неудовольствіе народное, по словамъ одного Лѣтописца[193], столь огорчило Великаго Князя, что онъ не въѣхалъ въ Кремль, но остановился въ Красномъ селѣ, объявивъ, что прибылъ въ Москву для совѣта съ матерію, Духовенствомъ и Боярами. «Иди же смѣло на врага!» сказали ему единодушно всѣ Духовные и мірскіе сановники. Архіепископъ Вассіанъ, сѣдый, ветхій старецъ, въ великодушномъ порывѣ ревностной любви къ отечеству воскликнулъ: «Смертнымъ ли бояться

г. 1480. «ся смерти? Рокъ неизбѣженъ. Я старъ и «слабъ; но не убоюся меча Татарскаго, не «отвращу лица моего отъ его блеска[194].» — Іоаннъ желалъ видѣть сына, и велѣлъ ему быть въ столицу съ Даніиломъ Холмскимъ: сей пылкій юноша не поѣхалъ, отвѣтствуя родителю: «ждемъ Татаръ»; а Холмскому: «лучше мнѣ умереть здѣсь, нежели уда-«литься отъ войска.» Великій Князь уступилъ общему мнѣнію, и далъ слово крѣпко противоборствовать Хану. Въ сіе время онъ помирился съ братьями, коихъ Послы находились въ Москвѣ; обѣщалъ жить съ ними дружно, надѣлить ихъ новыми волостями, требуя единственно, чтобы они спѣшили къ нему съ своею воинскою дружиною для спасенія отечества. Мать, Митрополитъ, Архіепископъ Вассіанъ, добрые совѣтники, а всего болѣе опасность Россіи, къ чести обѣихъ сторонъ, прекратили вражду единокровныхъ[195]. — Іоаннъ взялъ мѣры для защиты городовъ; отрядилъ Дмитровцевъ въ Переславль[196], Москвитянъ въ Дмитровъ; велѣлъ сжечь посады вокругъ столицы, и 3 Октября, принявъ благословеніе отъ Митрополита, поѣхалъ къ войску. Никто ревностнѣе Духовенства не ходатайствовалъ тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечемъ. Первосвятитель Геронтій, знаменуя Государя крестомъ, съ умиленіемъ сказалъ: «Богъ да «сохранитъ твое Царство и дастъ тебѣ

«побѣду, якоже древле Давиду и Констан- г.
«тину! Мужайся и крѣпися, о сынъ духов- 1480.
«ный! какъ истинный воинъ Христовъ. «Добрый пастырь полагаетъ душу свою за «овцы: ты не наемникъ! Избави врученное «тебѣ Богомъ словесное стадо отъ гряду- «щаго нынѣ звѣря. Господь намъ поборникъ!» Всѣ Духовные примолвили: *Аминь! буди тако!* и молили Великаго Князя не слушать мнимыхъ друзей мира, коварныхъ или малодушныхъ.

Іоаннъ пріѣхалъ въ Кременецъ, городокъ на берегу Лужи[197], и далъ знать Воеводамъ, что будетъ оттуда управлять ихъ движеніями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстахъ, ждали непріятеля, отразивъ легкій передовый отрядъ его, который искалъ переправы черезъ Угру. 8 Октября, на восходѣ солнца, вся сила Ханская подступила къ сей рѣкѣ. Сынъ и братъ Великаго Князя стояли на противномъ берегу. Съ обѣихъ сторонъ пускали стрѣлы: Россіяне дѣйствовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третій и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бѣгутъ, и стрѣляютъ мѣтко, въ особенности изъ пищалей, Ахматъ удалился за двѣ версты отъ рѣки, сталъ на обширныхъ лугахъ и распустилъ войско по Литовской землѣ для собранія съѣстныхъ припасовъ[198]. Между тѣмъ многіе Татары выѣзжали изъ стана на берегъ и кричали на-

г. 1480. шимъ: «Дайте путь Царю, или онъ силою «дойдетъ до Великаго Князя, а вамъ будетъ худо.»

Миновало нѣсколько дней. Іоаннъ совѣтовался съ Воеводами: всѣ изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы непріятельскія велики. Но онъ имѣлъ двухъ любимцевъ, Боярина Ощеру и Григорія Мамона, коего мать была сожжена Княземъ Іоанномъ Можайскимъ за мнимое волшебство[199]: сіи, какъ сказано въ лѣтописи, тучные Вельможи любили свое имѣніе, женъ и дѣтей гораздо болѣе отечества, и не преставали *шептать* Государю, что лучше искать мира. Они смѣялись надъ геройствомъ нашего Духовенства, которое, не имѣя понятія о случайностяхъ войны, хочетъ кровопролитія и битвы; напоминали Великому Князю о судьбѣ его родителя, Василія Темнаго, плѣненнаго Татарами; не устыдились думать, что Государи Московскіе, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на Хановъ, не могутъ безъ вѣроломства воевать съ ними. Сіи внушенія дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что были согласны съ правилами собственнаго опасливаго ума Іоаннова. Любимцы его жалѣли своего богатства: онъ жалѣлъ своего величія, снисканнаго трудами осьмнадцати лѣтъ, и не увѣренный въ побѣдѣ, мыслилъ сохранить оное дарами, учтивостями, обѣщаніями. Однимъ словомъ, Государь послалъ Боярина, Ивана Ѳедоро-

вича Товаркова, съ мирными предложеніями г.
къ Ахмату и Князю Ординскому, Темиру. 1480.
Но Царь не хотѣлъ слушать ихъ, отвергнулъ дары, и сказалъ Боярину: «я пришелъ «сюда наказать *Ивана* за его неправду, за «то, что онъ не ѣдетъ ко мнѣ, не бьетъ «челомъ и уже *девять* лѣтъ не платилъ да«ни. Пусть самъ явится предо мною: тог«да Князья наши будутъ за него ходатай«ствовать, и я могу оказать ему милость[200].» Темиръ также не взялъ даровъ, отвѣтствуя, что Ахматъ гнѣвенъ, и что Іоаннъ долженъ у *Царскаго стремени* вымолить себѣ прощеніе. Великій Князь не могъ унизиться до такой степени раболѣпства. Получивъ отказъ, Ахматъ сдѣлался снисходительнѣе, и велѣлъ объявить Іоанну, чтобы онъ прислалъ сына или брата, или хотя Вельможу, Никифора Басенка, угодника Ординскаго. Государь и на то не согласился[201]. Переговоры кончились.

Свѣдавъ объ нихъ, Митрополитъ Геронтій, Архіепископъ Вассіанъ и Паисій, Игуменъ Троицкій, убѣдительными грамотами напоминали Великому Князю обѣтъ его стоять крѣпко за отечество и Вѣру. Старецъ Вассіанъ писалъ такъ[202]:

Посланіе Архіепископа Вассіана къ Великому Князю

«Наше дѣло говорить Царямъ истину: «что я прежде изустно сказалъ тебѣ, славнѣйшему изъ Владыкъ земныхъ, о томъ «нынѣ пишу, ревностно желая утвердить «твою душу и Державу. Когда ты, внявъ

Г. 1480. «моленію и доброй думѣ Митрополита, сво-
«ей родительницы, благовѣрныхъ Князей и
«Бояръ, поѣхалъ изъ Москвы къ воинству съ
«намѣреніемъ ударить на врага Христіан-
«скаго, мы, усердные твои богомольцы, ден-
«но и нощно припадали къ олтарямъ Все-
«вышняго, да увѣнчаетъ тебя Господь по-
«бѣдою. Что же слышимъ? Ахматъ прибли-
«жается, губитъ Христіанство, грозитъ
«тебѣ и отечеству: ты же предъ нимъ
«уклоняешься, молишь о мирѣ и шлешь къ
«нему Пословъ; а нечестивый дышетъ гнѣ-
«вомъ и презираетъ твое моленіе! Го-
«сударь! какимъ совѣтамъ внимаешь? людей
«недостойныхъ имени Христіанскаго. И что
«совѣтуютъ? повергнуть ли щиты, обра-
«титься ли въ бѣгство? Но помысли, отъ
«какой славы и въ какое уничиженіе низво-
«дятъ они твое величество! Предать зем-
«лю Русскую огню и мечу, церкви разоренію,
«тьмы людей погибели! Чье сердце камен-
«ное не изліется въ слезахъ отъ единыя
«мысли? О Государь! кровь паствы вопіетъ
«на небо, обвиняя пастыря. И куда бѣжать?
«гдѣ воцариться, погубивъ данное тебѣ Бо-
«гомъ стадо? *Взыграеши ли яко орелъ, и*
«*посреди ли звѣздъ гнѣздо себѣ устроишь?*
«*свергнетъ тебя Господь и оттуду*... Нѣтъ,
«нѣтъ! уповаемъ на Вседержителя. Нѣтъ,
«ты не оставишь насъ, не явишься бѣгле-
«цомъ, и не будешь именоваться предате-
«лемъ отечества! . . . Отложи страхъ и

«возмогай о Господѣ въ державѣ крѣпости г.
«Его! Единъ поженетъ тысящу, и два двиг- 1480.
«нутъ тьму, по слову мужа святаго: *не суть
«боги ихъ яко Богъ нашъ!* Господь мерт-
«витъ и живитъ: Онъ дастъ силу твоимъ
«воинамъ. Язычникъ, Философъ Демокритъ,
«въ числѣ главныхъ Царскихъ добродѣтелей
«ставитъ прозорливость въ мірскихъ слу-
«чаяхъ, твердость и мужество. Поревнуй
«предкамъ своимъ: они не только землю Рус-
«скую хранили, но и многія иныя страны
«покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Вла-
«диміра, коихъ данники были Цари Грече-
«скіе, и Владиміра Мономаха, ужаснаго для
«Половцевъ; а прадѣдъ твой великій, хвалы
«достойный Димитрій, не сихъ ли невѣр-
«ныхъ Татаръ побѣдилъ за Дономъ? Прези-
«рая опасность, сражался впереди; не думалъ:
«*имѣю жену, дѣтей и богатство; когда
«возьмутъ землю мою, вселюся индѣ* — но
«сталъ въ лице Мамаю, и Богъ осѣнилъ главу
«его въ день брани. Не уже ли скажешь,
«что ты обязанъ клятвою своихъ предковъ
«не поднимать руки на Хановъ? Но Димит-
«рій поднялъ оную. Клятва принужденная
«разрѣшается Митрополитомъ и нами: мы
«всѣ благословляемъ тебя на Ахмата, не Ца-
«ря, но разбойника и *Богоборца.* Лучше со-
«лгать и спасти Государство, нежели истин-
«ствовать и погубить его. По какому свя-
«тому закону ты, Государь православный,
«обязанъ уважать сего злочестиваго само-

Г. 1480. «званца, который силою поработилъ нашихъ «отцевъ за ихъ малодушіе, и воцарился, не «будучи ни Царемъ, ни племени Царскаго? «То было дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго; но «Богъ есть отецъ чадолюбивый: наказуетъ «и милуетъ; древле потопилъ Фараона и «спасъ Израиля: спасетъ и народъ твой, и «тебя, когда покаяніемъ очистишь свое серд-«це: ибо ты человѣкъ и грѣшенъ. Покаяніе «Государя есть искренній обѣтъ блюсти «правду въ судахъ, любить народъ, не упот-«реблять насилія, оказывать милость и ви-«новнымъ. . . Тогда Богъ возставитъ намъ «тебя, Государя, яко древле Моисея, Іисуса «и другихъ, освободившихъ Израиля, да и «новый Израиль, земля Русская, освободится «тобою отъ нечестиваго Ахмата, новаго «Фараона: Ангелы снидутъ съ небесъ въ по-«мощь твою; Господь пошлетъ тебѣ отъ «Сіона жезлъ силы, и одолѣеши враговъ, и «смятутся, и погибнутъ. Тако глаголетъ «Господь: *Азъ воздвигохъ тя, Царя правды,* «*и пріяхъ тя за руку десную, и укрѣпихъ* «*тя, да послушаютъ тебе языцы, и крѣ-* «*пость Царей разрушиши; и Азъ предъ то-* «*бою иду, и горы сравняю, и двери мѣдныя* «*сокрушу, и затворы желѣзныя сломлю...* «и даруетъ тебѣ Всевышній Царство слав-«ное, и сынамъ сыновъ твоихъ въ родъ и «родъ во вѣки. А мы Соборами Святитель-«скими день и нощь молимъ Его, да разсы-«плются племена нечестивыя, хотящія бра-

«ни; да будутъ омрачены молніею небесною «и яко псы гладные да лижутъ землю язы- «ками своими! Радуемся и веселимся, слыша «о доблести твоей и Богомъ даннаго тебѣ «сына: уже вы поразили невѣрныхъ; но не «забуди слова Евангельскаго: *претерпѣвый «до конца, той спасенъ будетъ.* — Наконецъ «прошу тебя, Государь, не осудить моего «худоумія; писано бо есть: *дай мудрому ви-«ну, и будетъ мудрѣе.* Да будетъ тако! «Благословеніе нашего смиренія на тебѣ, на «твоемъ сынѣ, на всѣхъ Боярахъ и Воево-«дахъ, на всемъ Христолюбивомъ воинствѣ... «Аминь.»

г. 1480.

Прочитавъ сіе письмо, достойное великой души безсмертнаго мужа, Іоаннъ, какъ сказано въ лѣтописи[203], *исполнился веселія, мужества и крѣпости*; не мыслилъ болѣе о средствахъ мира, но мыслилъ единственно о средствахъ побѣды, и готовился къ битвѣ. Скоро прибыли къ нему братья его, Андрей и Борисъ, съ ихъ многочисленною дружиною: не было ни упрековъ, ни извиненій, ни условій; единокровные обнялися съ видомъ искренней любви, чтобы вмѣстѣ служить отечеству и Христіанству.

Прошло около двухъ недѣль въ бездѣйствіи: Россіяне и Татары смотрѣли другъ на друга чрезъ Угру, которую первые называли *поясомъ Богоматери*, охраняющимъ Московскія владѣнія. Ахматъ послалъ лучшую свою конницу къ Городищу Опакову,

Г. и велѣлъ ей украдкою переплыть Оку[204]:
1480. Воеводы Іоанновы не пустили Татаръ на свой берегъ. Ахматъ злобился; грозилъ, что морозы откроютъ ему путь чрезъ рѣки; ждалъ Литовцевъ и зимы. О Литовцахъ не было слуха; но въ исходѣ Октября настали сильные морозы: Угра покрывалась льдомъ, и Великій Князь приказалъ всѣмъ нашимъ Воеводамъ отступить къ Кременцу, чтобы сразиться съ Ханомъ на поляхъ Боровскихъ, удобнѣйшихъ для битвы[205].

Такъ говорилъ онъ; такъ, вѣроятно, и мыслилъ. Но Бояре и Князья изумились, а воины оробѣли, думая, что Іоаннъ страшится и не хочетъ битвы. Полки не отступали, но бѣжали отъ непріятеля, который могъ ударить на нихъ съ тылу. Сдѣлалось чудо, по словамъ Лѣтописцевъ: Татары, видя лѣвый берегъ Угры оставленный Россіянами, вообразили, что они манятъ ихъ въ сѣти, и вызываютъ на бой, приготовивъ засады: объятый страннымъ ужасомъ, Ханъ спѣшилъ удалиться. Представилось
Нояб. зрѣлище удивительное: два воинства бѣжа-
7. ли другъ отъ друга, никѣмъ не гонимыя! Россіяне наконецъ остановились; но Ахматъ ушелъ во-свояси, разоривъ въ Литвѣ двѣнадцать городовъ, за то, что Казимиръ не далъ ему помощи[206]. Такъ кончилось сіе послѣднее нашествіе Ханское на Россію: Царь не могъ ворваться въ ея предѣлы; не вывелъ ни одного плѣнника Московскаго. Толь-

ко сынъ его, Амуртоза, на возвратномъ пути захватилъ часть нашей Украйны[207]; но былъ немедленно изгнанъ оттуда братьями Великаго Князя, посланными съ войскомъ въ слѣдъ за непріятелемъ. Одинъ Лѣтописецъ Казанскій удовлетворительно изъясняетъ сіе бѣгство Ахматово, сказывая, что Крымскій Царевичь, Нордоулатъ, и Князь Василій Ноздроватый счастливо исполнили повелѣніе Іоанново: достигли Орды, взяли *Юртъ Батыевъ* (вѣроятно Сарай), множество плѣнниковъ, добычи, и могли бы въ конецъ истребить сіе гнѣздо нашихъ злодѣевъ, если бы Уланъ Нордоулатовъ, именемъ Обуязъ, не помѣшалъ тому своими представленіями. «Что дѣлаешь?» сказалъ онъ своему Царевичу: «вспомни, что сія древ-«няя Орда есть наша общая мать; всѣ мы «отъ нее родились. Ты исполнилъ долгъ «чести и службы Московской: нанесъ ударъ «Ахмату: довольно; не губи остатковъ!» Нордоулатъ удалился; а Ханъ, свѣдавъ о разореніи Улусовъ, оставилъ Россію, чтобы защитить свою собственную землю[208]. Сіе обстоятельство служитъ къ чести Іоаннова ума: заблаговременно взявъ мѣры отвлечь Ахмата отъ Россіи, Великій Князь ждалъ ихъ дѣйствія, и для того не хотѣлъ битвы. Но всѣ другіе Лѣтописцы славятъ единственно милость Божію, и говорятъ: «Да не похвалятся легкомысленные стра-«хомъ ихъ оружія! Нѣтъ, не оружіе и не

г. 1480.

г. 1480. «мудрость человѣческая, но Господь спасъ «нынѣ Россію[209]!» Іоаннъ, распустивъ войско, съ сыномъ и съ братьями пріѣхалъ въ Москву славословить Всевышняго, за побѣду, данную ему безъ кровопролитія. Онъ не увѣнчалъ себя лаврами, какъ побѣдитель Мамаевъ, но утвердилъ вѣнецъ на главѣ своей и независимость Государства. Народъ веселился; а Митрополитъ уставилъ особенный ежегодный праздникъ Богоматери и крестный ходъ Іюня 23[210] въ память освобожденія Россіи отъ ига Моголовъ: ибо здѣсь конецъ нашему рабству.

Разореніе Большой Орды и смерть Ахмата. Ахматъ имѣлъ участь Мамая. Онъ вышелъ изъ Литвы съ богатою добычею: Князь *Шибанскихъ* или Тюменскихъ Улусовъ, Ивакъ, желая отнять ее, съ Ногайскими Мурзами, Ямгурчеемъ, Мусою, и съ шестнадцатью тысячами Козаковъ гнался за нимъ отъ береговъ Волги до Малаго Донца, гдѣ сей Ханъ, близъ Азова, остановился зимовать, распустивъ своихъ Улановъ. Ивакъ приближился ночью, окружилъ на разсвѣтѣ Царскую *бѣлую вежу*, собственною рукою умертвилъ спящаго Ахмата, безъ сраженія взялъ Орду, его женъ, дочерей, богатство, множество Литовскихъ плѣнниковъ, скота; возвратился въ Тюмень и прислалъ объявить Великому Князю, что злодѣй Россіи лежитъ въ могилѣ[211]. Еще такъ называемая Большая Орда не совсѣмъ исчезла, и сыновья Ахматовы удержали въ степяхъ Волжскихъ имя Царей;

но Россія уже не поклонялась имъ, и знаменитая столица Батыева, гдѣ наши Князья болѣе двухъ вѣковъ раболѣпствовали Ханамъ, обратилась въ развалины, донынѣ видимыя на берегу Ахтубы: тамъ среди обломковъ гнѣздятся змѣи и ехидны[212]. — Отселѣ Татары Шибанскіе и Ногайскіе, коихъ Улусы находились между рѣкою Бузулукомъ и моремъ Аральскимъ[213], являются дѣйствующими въ нашей Исторіи и въ сношеніяхъ съ Москвою, не рѣдко служа орудіемъ ея Политикѣ. Князь Инакъ Тюменскій хвалился происхожденіемъ своимъ отъ Чингиса и правомъ на тронъ Батыевъ, называя Ахмата, его братьевъ и сыновей дѣтьми Темиръ-Кутлуя, а себя истиннымъ Царемъ *Бесерменскимъ*[214]; искалъ дружбы Іоанновой и величался именемъ равнаго ему Государя, уже не дерзая требовать съ насъ дани и мыслить, чтобы Россіяне были природными подданными всякаго Хана Татарскаго. г. 1480.

Замѣтимъ тогдашнее расположеніе умовъ. Не смотря на благоразумныя мѣры, взятыя Іоанномъ для избавленія Государства отъ злобы Ахматовой; не смотря на бѣгство непріятеля, на цѣлость войска и Державы, Москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны Государемъ: ибо думали, что онъ не явилъ въ семъ случаѣ свойственнаго великимъ душамъ мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что

г. 1480. Іоаннъ, готовясь къ войнѣ, послалъ супругу въ отдаленныя сѣверныя земли, думая о личной ея безопасности болѣе, нежели о столицѣ, гдѣ надлежало ободрить народъ присутствіемъ Великокняжескаго семейства. Строго осуждали и Софію, что она безъ всякой явной опасности бѣгала съ знатнѣйшими женами Боярскими изъ мѣста въ мѣсто, не хотѣла даже остаться и въ Бѣлозерскѣ, уѣхала далѣе къ морю, и на пути позволяла многочисленнымъ слугамъ своимъ грабить жителей какъ непріятелей[215]. И такъ славнѣйшее дѣло Іоанново для потомства, конечное сверженіе Ханскаго ига, въ глазахъ современниковъ не имѣло полной, чистой славы, обнаруживъ въ немъ, по ихъ мнѣнію, боязливость или нерѣшительность, хотя сія мнимая слабость происходитъ иногда отъ самой глубокой мудрости человѣческой, которая не есть Божественная, и предвидя многое, знаетъ, что не предвидитъ всего.

Тѣмъ болѣе народъ славилъ твердость нашего Духовенства, и въ особенности Вассіана, коего посланіе къ Великому Князю ревностные друзья отечества читали и переписывали съ слезами умиленія. Сей добродѣтельный старецъ едва имѣлъ время благословить начало государственной независимости въ Россіи:
г. 1481. занемогъ и скончался, оплакиваемый всѣми добрыми согражданами[216]. Славная память его осталась навѣки нераз-

лучною съ памятію нашей свободы. — Тогда же преставился и братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, любимый народомъ за вѣрность и бодрую дѣятельность, оказанную имъ противъ Ахмата [217]. Въ духовномъ завѣщаніи онъ признаетъ себя должникомъ Іоанна, получивъ отъ него 30,000 рублей для платежа въ Орды, въ Казань и Царевичу Даніяру; велитъ выкупить разныя вещи, отданныя имъ въ залогъ Ивану Фрязину и другимъ; не оставивъ ни дѣтей, ни жены, отказываетъ Государю Удѣлъ свой, его сыновьямъ иконы, кресты, поясы и цѣпи золотыя, братьямъ Андрею и Борису нѣкоторыя волости, Троицкому монастырю 40 деревень на Вологдѣ и проч. [218]. Такимъ образомъ дѣлая себя единственнымъ наслѣдникомъ своихъ ближнихъ, умирающихъ бездѣтными, Великій Князь новыми договорными грамотами утвердилъ за Андреемъ старшимъ, за Борисомъ и за дѣтьми ихъ, Удѣлы родительскіе съ частію Московскихъ пошлинъ; далъ еще первому городъ Можайскъ, а второму нѣсколько селъ, съ условіемъ, чтобы они не вступались въ его пріобрѣтенія, настоящія и будущія. Въ сихъ грамотахъ упоминается объ издержкахъ Ординскихъ [219]: хотя Великій Князь уже не мыслилъ быть данникомъ, но предвидѣлъ необходимость подкупать Татаръ, чтобы располагать ихъ остальными силами въ нашу пользу. Содержаніе Царевича Даніяра и

г. 1481. Кончина Андрея, меньшаго брата Іоаннова.

г. 1481. братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулата и Айдара, сосланнаго за что-то въ Вологду[220]; наконецъ дары посылаемые въ Тавриду, въ Казань, въ Ногайскіе Улусы, требовали не малыхъ расходовъ, въ коихъ Андрей и Борисъ Васильевичи обязывались участвовать[221].

Посольство въ Крым. Благополучно отразивъ Ахмата, свѣдавъ о гибели его, и миромъ съ братьями успокоивъ какъ Россію, такъ и собственное сердце, Іоаннъ послалъ къ Менгли-Гирею Боярина Тимоѳея Игнатьевича Скрябу[222], съ извѣстіемъ о своемъ успѣхѣ и съ напоминаніемъ, чтобы сей Ханъ не забывалъ ихъ договора дѣйствовать всегда общими силами противъ Волжской Орды и Казимира, въ случаѣ, если преемники Ахматовы или Король замыслятъ опять воевать Россію. Бояринъ Тимоѳей долженъ былъ говорить въ особенности съ Княземъ Крымскимъ, Именекомъ, нашимъ доброжелателемъ, и вручить его сыну, Довлетеку, *опасную грамоту* съ золотою печатію для свободнаго пребыванія во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ: ибо Довлетекъ, не вѣря спокойствію мятежной Тавриды, просилъ о томъ Іоанна. Странное дѣйствіе судьбы: Россія, столь долго губимая Татарами, сдѣлалась ихъ покровительницею и вѣрнымъ убѣжищемъ въ несчастіяхъ!

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Война съ Ливонскимъ Орденомъ. Литовскія дѣла. Ханъ Крымскій опустошаетъ Кіевъ. Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ. Король Венгерскій Матѳей въ дружбѣ съ Іоанномъ. Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго. Завоеваніе Твери. Присоединеніе Удѣла Верейскаго къ Москвѣ. Князья Ростовскіе. Ярославскіе лишены правъ Владѣтельныхъ. Происшествія Рязанскія. Покореніе Казани. Сношенія съ Ханомъ Крымскимъ. Посольство Муртозы, сына Ахматова, въ Москву. Посольство Ногайское. Покореніе Вятки. Завоеваніе земли Арской. Кончина Іоанна Младаго. Казнь врача. Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ. Сверженіе Митрополита; избраніе новаго.

Г. 1480 — 1490.

Въ сіе время Іоаннъ предпріялъ нанести ударъ Ливонскимъ Нѣмцамъ. Еще въ 1478 году, покоряя Новгородъ, Московская рать входила въ ихъ Нарвскіе предѣлы и возвратилась оттуда съ добычею[225]. Скоро послѣ того купцы Псковскіе были задержаны въ Ригѣ и въ Дерптѣ: у нѣкоторыхъ отняли товары, другихъ заключили въ темницу. Псковитяне сдѣлали то же и съ купцами Дерптскими; но не хотѣли войны, и считая себя въ мирѣ съ Нѣмцами, удивились, когда Рыцари заняли Вышегородокъ. Сіе извѣстіе

Г. 1480. Война съ Ливонскимъ Орденомъ.

Г. 1480. пришло во Псковъ ночью: ударили въ Вѣчевый колоколъ; граждане собралися, и на разсвѣтѣ выступили противъ непріятеля. Оставивъ Вышегородокъ, Нѣмцы явились подъ Гдовомъ. Съ помощію Великаго Князя, и съ его Воеводою, Княземъ Андреемъ Никитичемъ Ногтемъ, присланнымъ изъ Новагорода, Псковитяне заставили ихъ бѣжать, сожгли костеръ на рѣкѣ Эмбахѣ, взяли тамъ нѣсколько пушекъ, осаждали Дерптъ и возвратились обремененные добычею. Сіе впаденіе Россіянъ въ Дерптскую землю описано самимъ Магистромъ Ливонскимъ, Бернгардомъ, въ донесеніи его къ Главѣ Прусскаго Ордена [224]: нѣтъ лютости, въ которой бы онъ не обвинялъ ихъ; убіеніе людей безоружныхъ было легчайшимъ изъ злодѣйствъ, ими будто бы совершенныхъ. Напомнимъ читателю сказаніе Византійскихъ Историковъ о свирѣпости древнихъ Славянъ или повѣствованіе нашихъ Лѣтописцевъ о набѣгахъ Татарскихъ: Россіяне, по словамъ Бернгарда, едва ли не превзошли тогда сихъ варваровъ. Магистръ готовилъ месть: свѣдавъ, что Воевода Московскій, недовольный Псковитянами, ушелъ отъ нихъ съ своею дружиною, и что Іоаннъ занятъ войною съ Ахматомъ, Бернгардъ требовалъ помощи, людей и денегъ отъ Прусскаго Ордена; желая дѣйствовать всѣми силами, но боясь упустить время, приступилъ къ Изборску: не могъ взять его, и выжегъ только окрестности. Песко-

витяне, видя огонь и дымъ, жаловались на своего Князя, Василія Шуйскаго, что онъ пьетъ и грабитъ ихъ, а защитить не умѣетъ. Нѣмцы обратили въ пепелъ городокъ Кобылій, умертвивъ до четырехъ тысячь жителей, и наконецъ (въ 1480 году, Августа 20) осадили Псковъ. Войско ихъ, какъ пишутъ, состояло изъ 100,000 человѣкъ, большею частію крестьянъ, худо вооруженныхъ и совсѣмъ неспособныхъ къ ратнымъ дѣйствіямъ, такъ, что необозримый станъ его за рѣкою Великою походилъ на Цыганскій[225]: шумъ и безпорядокъ господствовали въономъ. Но Псковитяне ужаснулись. Многіе бѣжали, и самъ Князь Шуйскій уже садился на коня, чтобы слѣдовать примѣру малодушныхъ: граждане остановили его; дѣлали мирныя предложенія Магистру, съ обрядами священными носили вокругъ стѣнъ одежду своего незабвеннаго Героя Довмонта, и наконецъ исполнились мужества. Бернгардъ, имѣя 13 Дерптскихъ судовъ съ пушками, старался зажечь городъ. Нѣмцы пристали къ берегу: тутъ Россіяне, вооруженные сѣкирами, мечами, камнями, устремились въ бой, и смяли ихъ въ рѣку. Нѣмцы тонули, бросаясь на суда; а ночью, снявъ осаду, ушли[226]. «Мы тщетно предлагали «Россіянамъ битву въ полѣ,» говоритъ Бернгардъ въ письмѣ къ начальнику Прусскаго Ордена: «рѣка Великая не допустила «насъ до города»[227]. Ожидая новаго нападе- Г. 1480.

г. 1480. нія, Псковитяне требовали защиты отъ братьевъ Іоанновыхъ, Андрея и Бориса, которые ѣхали тогда изъ Великихъ Лукъ въ Москву съ сильною дружиною; но сіи Князья отвѣтствовали, что имъ не время думать о Нѣмцахъ, и мимоѣздомъ ограбили нѣсколько деревень, за то, какъ сказано въ одной лѣтописи, что Псковитяне, опасаясь Іоаннова гнѣва, не хотѣли принять къ себѣ ихъ Княгинь, бывшихъ въ Литвѣ[228].

Магистръ, испытавъ неудачу, распустилъ войско: сія оплошность дорого стоила бѣдной землѣ его. Свѣдавъ о непріятельскихъ дѣйствіяхъ Ордена, и не имѣя уже другихъ враговъ, Іоаннъ послалъ Воеводъ, Князей Ивана Булгака и Ярослава Оболенскаго, съ двадцатью тысячами на Ливонію, кромѣ особенныхъ полковъ Новогородскихъ, предводимыхъ Намѣстниками, Княземъ Василіемъ Ѳедоровичемъ и Бояриномъ Иваномъ Зиновьевичемъ. Псковъ былъ мѣстомъ соединенія Россійскихъ силъ, достаточныхъ для завоеванія всей Ливоніи; но умѣренный Іоаннъ не хотѣлъ онаго, имѣя въ виду иныя, существеннѣйшія пріобрѣтенія: желалъ единственно вселить ужасъ въ Нѣмцевъ и тѣмъ на-долго успокоить наши сѣверозападные предѣлы. Въ исходѣ Февраля,
г. 1481. 1481 году, рать Великокняжеская, конница и пѣхота, вступила въ Орденскія владѣнія и раздѣлилась на три части: одна пошла къ Маріенбургу, другая къ Дерпту,

треснья къ Вальку[229]. Непріятель нигдѣ не смѣлъ явиться въ полѣ: Россіяне цѣлый мѣсяцъ дѣлали, что хотѣли въ землѣ его; жгли, грабили; взяли Феллинъ, Тарвастъ, множество людей, лошадей, колоколовъ, серебра, золота; захватили обозъ Магистра: едва и самъ Бернгардъ не попался имъ въ руки, бѣжавъ изъ Феллина за день до ихъ прихода. Нѣкоторые города откупались: Лѣтописецъ обвиняетъ корыстолюбіе Князей Булгака и Ярослава, тайно бравшихъ съ нихъ деньги[230]. Всѣхъ болѣе потерпѣли Священники: Москвитяне ругались надъ ними, сѣкли ихъ и жгли, какъ сказано въ бумагахъ Орденскихъ[231]: Дворянъ, купцевъ, земледѣльцевъ, женъ, дѣтей отправляли тысячами въ Россію и тяжелые обозы съ добычею. Весенняя распутица освободила наконецъ Ливонію: полки наши возвратились во Псковъ; а Бернгардъ, оплакивая судьбу Ордена, винилъ во всемъ Великаго Магистра Прусскаго, не давшаго ему помощи; другіе же обвиняли Епископа Дерптскаго, который, имѣя свое особенное войско, не хотѣлъ дѣйствовать совокупно съ Рыцарями[232]. Но обстоятельства перемѣнились: Орденъ три вѣка боролся съ Новогородцами и Псковитянами, часто несогласными между собою: Единовластіе давало Россіи такую силу, что бытіе Ливоніи уже находилось въ опасности. — Въ 1483 году Послы Іоанновы заключили

Г. 1481.

г. 1482 — 88. въ Нарвѣ перемиріе съ Нѣмцами на 20 лѣтъ[233].

Литовскія дѣла. Съ Литвою не было ни войны, ни мира. Іоаннъ предлагалъ миръ, но требовалъ нашихъ городовъ и земель, коими завладѣлъ Витовтъ; а Король требовалъ Великихъ Лукъ и даже Новагорода[234]. Съ обѣихъ сторонъ недоброжелательствовали другъ другу, стараясь вредить тайно и явно. Россія имѣла друзей въ Литвѣ между Князьями единовѣрными: трое изъ нихъ, Ольшанскій, Михаилъ Олельковичь и Ѳедоръ Бѣльскій, правнуки славнаго Ольгерда, будучи недовольны Казимиромъ, замыслили поддаться Іоанну съ ихъ Удѣлами въ землѣ Сѣверской[235]. Сіе намѣреніе открылось: Король велѣлъ схватить двухъ первыхъ; а Бѣльскій (въ 1482 году) ушелъ въ Москву, оставивъ въ Литвѣ юную супругу на другой день своей женитьбы. Такъ сказано о семъ происшествіи въ нашихъ лѣтописяхъ. Историкъ Польскій говоритъ слѣдующее: «Князья «Сѣверскіе, пріѣхавъ въ Вильну, хотѣли видѣть Короля; но стражъ не позволилъ имъ «войти во дворецъ, и дверью прихлопнулъ «одному изъ нихъ ногу: Казимиръ осудилъ «сего воина на смерть, однакожь не могъ «укротить тѣмъ злобы Князей: считая себя несносно обиженными, и давно имѣя разныя досады на Правительство Литовское, «къ нимъ неблагосклонное за иновѣріе, они «поддалися Государю Московскому[236].» Іоаннъ,

въ надеждѣ воспользоваться услугами Бѣльскаго, принялъ его съ отмѣнною милостію и далъ ему въ отчину городокъ Демонъ. Г. 1482 — 88.

Казимиръ поставилъ 10,000 ратниковъ въ Смоленскъ[237], однакожь не смѣлъ начать войны; ласково угостилъ въ Гроднѣ чиновниковъ Пскова и снисходительно удовлетворилъ всѣмъ ихъ требованіямъ въ спорныхъ дѣлахъ съ Литвою; между тѣмъ совѣтовалъ Ахматовымъ сыновьямъ, Сеидъ-Ахмату и Муртозѣ, тревожить Россію, и старался отвлечь Хана Менгли-Гирея отъ нашего союза: въ чемъ едва было и не успѣлъ, подкупивъ Вельможу Крымскаго, Именека, который склонилъ Государя своего заключить (въ 1482 году) миръ съ Литвою. Но Іоаннъ разрушилъ сей замыслъ: Послы Великокняжескіе[238], Юрій Шестакъ и Михайло Кутузовъ, сильными представленіями заставили Менгли-Гирея снова объявить себя непріятелемъ Казимировымъ, такъ, что онъ въ 1482 году, осенью, со многочисленными конными толпами явился на берегахъ Днѣпра, взялъ Кіевъ, плѣнилъ тамошняго Воеводу, Ивана Хотковича, опустошилъ городъ, сжегъ монастырь Печерскій и прислалъ къ Великому Князю Дискосъ и Потиръ Софійскаго храма, вылитые изъ золота[239]. Сей случай оскорбилъ православныхъ Москвитянъ, которые видѣли съ сожалѣніемъ, что Россія насылаетъ варваровъ на единовѣрныхъ, жечь и грабить святыя церкви, древнѣйшіе па- Ханъ Крымскій опустошилъ Кіевъ.

г. 1482 — 88. мятники нашего Христіанства; но Великій Князь, думая единственно о выгодахъ государственныхъ, изъявилъ благодарность Хану[210], убѣждая его и впредь ревностно исполнять условія ихъ союза. «Я съ своей стороны»— приказывалъ къ нему Іоаннъ — «не упускаю «ни единаго случая дѣлать тебѣ угодное: «содержу твоихъ братьевъ въ Россіи, Нордоулата и Айдара, съ немалымъ убыткомъ «для казны моей.» Великій Князь въ самомъ дѣлѣ поступалъ какъ истинный, усердный другъ Менгли-Гиреевъ. Взаимная ненависть Хановъ Крымской и Золотой Орды не прекратилась смертію Ахмата, не смотря на то, что Султанъ Турецкій, правомъ верховнаго Мусульманскаго Властителя, запретилъ имъ воевать между собою[241]. Скитаясь въ Донскихъ степяхъ съ особеннымъ своимъ Улусомъ, Царь Муртоза, при наступленіи жестокой зимы (въ 1485 году), искалъ убѣжища отъ голода въ окрестностяхъ Тавриды: Менгли-Гирей вооружился, плѣнилъ его, отослалъ въ Кафу и разбилъ еще Улусъ Князя Золотой Орды, Темира; но сей Князь въ слѣдующее лѣто, соединясь съ другимъ Ахматовымъ сыномъ[242], нечаянно напалъ на Тавриду — когда жители и воины ея занимались хлѣбопашествомъ — едва не схватилъ самаго Менгли-Гирея, освободилъ Муртозу и съ добычею удалился въ степи. Великій Князь, свѣдавъ о томъ, немедленно отрядилъ войско на Улусы Ахматовыхъ сы-

Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ.

новей и прислалъ къ Менгли-Гирею многихъ Крымскихъ плѣнниковъ, вырученныхъ Россіянами[243]. г. 1482 — 88

Въ Венгріи царствовалъ Матѳей Корвинъ, сынъ славнаго Гуніада, знаменитый остроуміемъ и мужествомъ: будучи непріятелемъ Казимира, онъ искалъ дружбы Государя Московскаго, и въ 1482 году прислалъ къ нему чиновника, именемъ Яна[244]; а Великій Князь, принявъ его благосклонно, вмѣстѣ съ нимъ отправилъ къ Королю Дьяка Ѳедора Курицына, чтобы утвердить договоръ, заключенный въ Москвѣ между сими двумя Государствами, и размѣняться грамотами. Обѣ Державы условились вмѣстѣ воевать Королевство Польское въ удобное для того время. — Венгрія, бывъ нѣкогда въ частыхъ сношеніяхъ съ южною Россіею, уже около двухъ сотъ лѣтъ какъ бы не существовала для нашей Исторіи: Іоаннъ возобновилъ сію древнюю связь, которая могла распространить славу его имени въ Европѣ и способствовать нашему гражданскому образованію. Великій Князь требовалъ отъ Матѳея, чтобы онъ доставилъ ему 1) художниковъ, умѣющихъ лить пушки и стрѣлять изъ оныхъ; 2) *Размысловъ* или Инженеровъ; 3) серебрениковъ для дѣланія большихъ и малыхъ сосудовъ; 4) зодчихъ для строенія церквей, палатъ и городовъ; 5) горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебреной, также въ отдѣленіи ме-

Король Венгерскій Матѳей въ дружбѣ съ Іоанномъ.

г. 1482 — 88. шалла отъ земли. «У насъ есть серебро и «золото,» велѣлъ онъ сказать Королю: «но «мы не умѣемъ чистить руды. Услужи намъ, «и тебѣ услужимъ всѣмъ, что находится «въ моемъ Государствѣ[245].» — Дьякъ Курицынъ, возвращаясь въ Москву, былъ задержанъ Турками въ Бѣлѣгородѣ, но освобожденъ стараніемъ Короля и Менгли-Гирея. Новыя взаимныя Посольства, ласковыя письма и дары утверждали сію пріязнь. Іоаннъ (въ 1488 году) подарилъ Матѳею чернаго соболя съ коваными золотыми ногтками, обсаженными крупнымъ Новогородскимъ жемчугомъ[246]; въ знакъ особеннаго уваженія допускалъ къ себѣ Пословъ Венгерскихъ, изустно говорилъ съ ними, дозволялъ имъ садиться и самъ подавалъ кубокъ вина. Зная, что дружество Государей бываетъ основано на Политикѣ, онъ внимательно наблюдалъ Матѳееву и предписывалъ своимъ Посламъ развѣдывать о всѣхъ его сношеніяхъ съ Турціею, Римскимъ Императоромъ, съ Богеміею и съ Казиміромъ.

Въ сіе время явилась новая знаменитая Держава въ сосѣдствѣ съ Литвою и сдѣлалась предметомъ Іоанновой Политики. Мы говорили о началѣ Молдавскаго Княжества[247], управляемаго Воеводами, коихъ имена едва намъ извѣстны до самаго Стефана IV или Великаго, дерзнувшаго обнажить мечь на ужаснаго Магомета II, и славными побѣдами, одержанными имъ надъ многочисленными Турецкими воинствами, вписавшаго

имя свое въ Исторію рѣдкихъ Героевъ: мужественный въ опасностяхъ, твердый въ бѣдствіяхъ, скромный въ счастіи, приписывая его только Богу, покровителю добродѣтели, онъ былъ удивленіемъ Государей и народовъ, съ малыми средствами творя великое. Вѣра Греческая, сходство въ обычаяхъ, употребленіе одного языка въ церковномъ служеніи и въ дѣлахъ государственныхъ, необыкновенный умъ обоихъ Властителей, Россійскаго и Молдавскаго, согласіе ихъ выгодъ и правилъ служили естественною связію между ими. Стефанъ, кромѣ Турковъ, опасался честолюбиваго Казимира и Менгли-Гирея: первый хотѣлъ, чтобы Молдавія зависѣла отъ Королевства Польскаго; вторый, будучи присяжникомъ Султана, угрожалъ ей нападеніемъ. Іоаннъ могъ содѣйствовать ея независимости и безопасности, обуздывая Короля страхомъ войны, а Менгли-Гирея дружественными представленіями, съ условіемъ, чтобы и Стефанъ, въ случаѣ нужды, помогалъ Россіи усердно. Сей *Воевода* и *Господарь*, такъ называетъ онъ себя въ своихъ грамотахъ[248] — противоборствуя насиліямъ Султановъ, утѣснителей Греціи, имѣлъ еще особенное право на дружество зятя Палеологовъ, который принялъ гербъ ихъ и съ нимъ обязательство быть врагомъ Магометовыхъ наслѣдниковъ.

Г. 1482 — 88.

Такимъ образомъ расположенные къ искреннему союзу, Іоаннъ и Стефанъ утвер-

Г. 1482 —88.

Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго.

дили оный семейственнымъ: вторый предложилъ выдать дочь свою, Елену, за старшаго сына Іоаннова, избравъ въ посредницы мать Великаго Князя [249]. Бояринъ Михайло Плещеевъ съ знатною дружиною въ 1482 году отправился за невѣстою въ Молдавію, гдѣ и совершилось обрученіе. Стефанъ отпустилъ дочь въ Россію съ своими Боярами: Ланкомъ, Синкомъ, Герасимомъ и съ женами ихъ. Она ѣхала черезъ Литву: Казимиръ не только далъ ей свободный путь, но и прислалъ дары въ знакъ учтивости [250]. Прибывъ въ Москву послѣ Филиппова заговѣнья, Елена жила въ Вознесенскомъ монастырѣ у матери Великаго Князя, и до свадьбы имѣла время познакомиться съ женихомъ. Ихъ обвѣнчали въ самый праздникъ Крещенія. Увидимъ, что Судьба не благословила сего союза.

Хитрою внѣшнею Политикою утверждая безопасность Государства, Іоаннъ возвеличилъ его внутри новымъ успѣхомъ Единовластія. Онъ уже покорилъ Новгородъ, взялъ Двинскую землю, завоевалъ Пермь отдаленную; но въ осмидесяти верстахъ отъ Москвы видѣлъ Россійское особенное Княжество, Державу равнаго себѣ Государя, по крайнѣй мѣрѣ именемъ и правами. Со всѣхъ сторонъ окруженная Московскими владѣніями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, какъ малый островъ среди моря, ежечасно угрожаемый потопленіемъ. Князь

Завоеваніе Твери.

Михаилъ Борисовичь, шуринъ Іоанновъ, зналъ опасность и не вѣрилъ ни свойству, ни грамотамъ договорнымъ, коими сей Государь утвердилъ его независимость. Надлежало по первому слову смиренно оставить тронъ или защитить себя иноземнымъ союзомъ. Одна Литва могла служить ему опорою, хотя и весьма слабою, какъ то свидѣтельствовалъ жребій Новагорода; но личная ненависть Казимирова къ Великому Князю, примѣръ бывшихъ Тверскихъ Владѣтелей, искони друзей Литвы, и легковѣріе надежды, вселяемое страхомъ въ малодушныхъ, обратили Михаила къ Королю: будучи вдовцемъ[251], онъ вздумалъ жениться на его внукѣ[252], и вступилъ съ нимъ въ тѣсную связь. Дотолѣ Іоаннъ, въ нужныхъ случаяхъ располагая Тверскимъ войскомъ, оставлялъ шурина въ покоѣ: узнавъ же о семъ тайномъ союзѣ и, какъ вѣроятно, обрадованный справедливымъ поводомъ къ разрыву, немедленно объявилъ Михаилу войну (въ 1485 году). Сей Князь, затрепетавъ, спѣшилъ умилостивить Іоанна жертвами: отказался отъ имени *равнаго* ему брата, призналъ себя *младшимъ*, уступилъ Москвѣ нѣкоторыя земли, обязался всюду ходить съ нимъ на войну[253]. Тверскій Епископъ былъ посредникомъ, и Великій Князь, желая обыкновенно казаться умѣреннымъ, долготерпѣливымъ, отсрочилъ гибель сей Державы. Въ мирной договорной грамотѣ, тогда на-

Г. 1482. —88.

г. 1482. —88. писанной, сказано, что Михаилъ разрываетъ союзъ съ Королемъ и безъ вѣдома Іоаннова не долженъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, ни съ сыновьями Шемяки, Князя Можайскаго, Боровскаго, ни съ другими Россійскими бѣглецами; что онъ клянется за себя и за дѣтей своихъ вовѣки не поддаваться Литвѣ; что Великій Князь обѣщаетъ не вступаться въ Тверь, и проч.[254]. Но сей договоръ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ Тверской независимости: Іоаннъ въ умѣ своемъ рѣшилъ ея судьбу, какъ прежде Новогородскую; началъ тѣснить землю и подданныхъ Михаиловыхъ: если они чѣмъ нибудь досаждали Москвитянамъ, то онъ грозилъ и требовалъ ихъ казни; а если Москвитяне отнимали у нихъ собственность, и дѣлали имъ самыя несносныя обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаилъ писалъ и жаловался: его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имѣютъ защитника въ своемъ Государѣ, искали его въ Московскомъ: Князья Микулинскій и Дорогобужскій вступили въ службу Великаго Князя, который далъ первому въ помѣстье Дмитровъ, а второму Ярославль. Въ слѣдъ за ними пріѣхали и многіе Бояре Тверскіе[255]. Что оставалось Михаилу? готовить себѣ убѣжище въ Литвѣ. Онъ послалъ туда вѣрнаго человѣка: его задержали, и представили Іоанну письмо Михаилово къ Королю, достаточное свидѣтельство измѣны и вѣроломства: ибо Князь

Тверскій обѣщался не сноситься съ Литвою, а въ семъ письмѣ еще возбуждалъ Казимира противъ Іоанна. Несчастный Михаилъ отправилъ въ Москву Епископа и Князя Холмскаго съ извиненіями: ихъ не приняли. Іоаннъ велѣлъ Намѣстнику Новогородскому, Боярину Якову Захарьевичу, итти со всѣми силами ко Твери, а самъ, провождаемый сыномъ и братьями, выступилъ изъ Москвы 21 Августа со многочисленнымъ войскомъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (ввѣреннымъ искусному Аристотелю); Сентября 8 осадилъ Михаилову столицу и зажегъ предмѣстіе. Чрезъ два дни явились къ нему всѣ тайные его доброжелатели Тверскіе, Князья и Бояре, оставивъ Государя своего въ несчастіи. Михаилъ видѣлъ необходимость или спасаться бѣгствомъ или отдаться въ руки Іоанну; рѣшился на первое, и ночью ушелъ въ Литву. Тогда Епископъ, Князь Михаилъ Холмскій съ другими Князьями, Боярами и земскими людьми, сохранивъ до конца вѣрность къ ихъ законному Властителю, отворили городъ Іоанну, вышли и поклонились ему какъ общему Монарху Россіи. Великій Князь послалъ Бояръ своихъ и Дьяковъ взять присягу съ жителей; запретилъ воинамъ грабить; 15 Сентября въѣхалъ въ Тверь, слушалъ Литургію въ храмѣ Преображенія, и торжественно объявилъ, что даруетъ сіе Княжество сыну, Іоанну Іоанновичу; оставилъ его тамъ, и возвратился

г. 1482 —88. въ Москву. Чрезъ нѣкоторое время онъ послалъ Бояръ своихъ въ Тверь, въ Старицу, Зубцовъ, Опоки, Клинъ, Холмъ, Новогородокъ, описать всѣ тамошнія земли и раздѣлить ихъ на сохи для платежа казенныхъ податей[256].

Столь легко исчезло бытіе Тверской знаменитой Державы, которая отъ временъ Святаго Михаила Ярославича именовалась *Великимъ* Княженіемъ и долго спорила съ Москвою о первенствѣ. Ея народъ, уступая другимъ Россіянамъ въ промышлености, славился мужествомъ и вѣрностію къ Государямъ. Князья Тверскіе имѣли до 40,000 коннаго войска; но будучи врагами Московскихъ, не хотѣли участвовать въ великомъ подвигѣ нашего освобожденія и тѣмъ лишились права на общее сожалѣніе въ ихъ бѣдствіи. Михаилъ Борисовичь кончилъ дни свои изгнанникомъ въ Литвѣ, не оставивъ сыновей.

Іоаннъ извѣстилъ Матѳея, Короля Венгерскаго, о покореніи Твери, и велѣлъ сказать ему: «Я уже началъ воевать съ Кази«миромъ, ибо Князь Тверскій его союзникъ. «Намѣстники мои заняли разныя мѣста въ «Литовскихъ предѣлахъ, и Ханъ Менгли-«Гирей, исполняя мою волю, огнемъ и ме«чемъ опустошаетъ Казимировы владѣнія. «И такъ помогай мнѣ, какъ мы условились.[257]» Но Матѳей, отнявъ тогда у Императора знатную часть Австріи и Вѣну, хотѣлъ отдохновенія въ старости. «Душевно раду-

«юсь» — писалъ онъ къ Великому Князю — «успѣхамъ твоего Единовластія въ Россіи. «Я готовъ исполнить договоръ и вступить «въ землю общаго врага нашего, когда узнаю, «что ты всѣми силами противъ него дѣй-«ствуешь. Ожидаю сей вѣсти.» Между тѣмъ, возбуждая другъ друга къ войнѣ Польской, они не начинали ее и занимались иными дѣлами. Г. 1482 —88.

Взявъ Тверь мечемъ, Іоаннъ грамотою присвоилъ себѣ Удѣлъ Верейскій. Единственный сынъ и наслѣдникъ Князя Михаила Андреевича, Василій, женатый на Гречанкѣ Маріи, Софіиной племянницѣ, долженъ былъ еще при жизни родителя выѣхать изъ отечества, бывъ виною раздора въ семействѣ Великокняжескомъ, какъ сказываетъ Лѣтописецъ[258]. Іоаннъ, въ концѣ 1483 года обрадованный рожденіемъ внука, именемъ Димитрія[259], хотѣлъ подарить невѣсткѣ, Еленѣ, драгоцѣнное узорочье первой Княгини своей; узнавъ же, что Софія отдала его Маріи или мужу ея, Василію Михайловичу Верейскому, такъ разгнѣвался, что велѣлъ отнять у него все женнино приданое и грозилъ ему темницею. Василій въ досадѣ и страхѣ бѣжалъ съ супругою въ Литву; а Великій Князь, объявивъ его навѣки лишеннымъ отцевскаго наслѣдія, клятвенною грамотою обязалъ Михаила Андреевича не имѣть никакого сообщенія съ сыномъ измѣнникомъ, и города Ярославецъ, Бѣлоозеро, Верею по

Присоединеніе Верейскаго Удѣла къ Москвѣ. Князья Ростовскіе, Ярославскіе лишены правъ владѣтельныхъ.

г. 1482 —88. кончинѣ своей уступить ему, Государю Московскому, въ потомственное владѣніе[260]. Михаилъ Андреевичь умеръ весною въ 1485 году[261], сдѣлавъ Великаго Князя наслѣдникомъ и душеприкащикомъ, не смѣвъ въ духовной ничего отказать сыну въ знакъ благословенія, ни иконы, ни креста, и моля единственно о томъ, чтобы Государь не пересуживалъ его судовъ[262].

Присоединяя Удѣлы къ Великому Княженію, Іоаннъ искоренялъ и всѣ остатки сей несчастной для Государства системы. Ярославль уже давно зависѣлъ отъ Москвы, но его Князья еще имѣли особенныя наслѣдственныя права, несогласныя съ Единовластіемъ: они добровольно уступили ихъ Государю. Половина Ростова еще называлась отчиною тамошнихъ Князей, Владиміра Андреевича, Ивана Ивановича, дѣтей ихъ и племянниковъ: они продали ее Великому Князю[263]. — Симъ возстановилась цѣлость сѣверной Россійской Державы, какъ была оная при Андреѣ Боголюбскомъ или Всеволодѣ III. Усиленное сверхъ того подданствомъ Новагорода и всѣхъ его обширныхъ владѣній, также Удѣловъ Муромскаго и нѣкоторыхъ Черниговскихъ, Великое Княженіе Московское было уже достойно имени Государства. — Но Рязань еще сохраняла видъ

Происшествія Рязанскія. Державы особенной: любя сестру свою, Княгиню Анну, Іоаннъ позволялъ супругу и сыновьямъ ея господствовать тамъ независи-

мо. Зять его, Василій Ивановичь, преставился въ 1483 году, отказавъ большему сыну, Ивану, Великое Княженіе Рязанское, съ городами Переславлемъ, Роспиславлемъ и Пронскимъ, а Ѳеодору меньшему Перевитескъ и Старую Рязань съ третію доходовъ Переяславскихъ. Сіи два браша жили мирно, слушаясь родительницы, которая брала себѣ четвертую часть изъ всѣхъ казенныхъ пошлинъ, и въ 1486 году заключили между собою договоръ[264], чтобы одному наслѣдовать послѣ другаго, если не будетъ у нихъ дѣтей, и чтобы никакимъ образомъ не отдавать своего Княжества въ иной родъ. Они боялись, кажется, чтобъ Государь Московскій не объявилъ себя ихъ наслѣдникомъ.

Новый блестящій успѣхъ прославилъ оружіе Іоанново. Еще въ 1478 году Царь Казанскій, нарушивъ клятвенные обѣты, воевалъ зимою область Вятскую, приступалъ къ ея городамъ, опустошилъ села и вывелъ оттуда многихъ плѣнниковъ, будучи обманутъ ложною вѣстію, что Іоаннъ разбитъ Новогородцами и самъ-четвертъ ушелъ раненный въ Москву[265]. Великій Князь отмстилъ ему весною: Устюжане и Вятчане выжгли селенія въ окрестностяхъ Камы; а Воевода Московскій, Василій Образецъ, на берегахъ Волги: онъ доходилъ изъ Нижняго до самой Казани и приступилъ къ городу; но страшная буря заставила его удалиться. Царь Ибрагимъ просилъ мира, заключилъ

его и скоро умеръ[266], оставивъ многихъ дѣтей отъ разныхъ женъ. Казань сдѣлалась ѳеатромъ несогласія и мятежа чиновниковъ: одни хотѣли имѣть Царемъ Магметъ-Аминя, меньшаго Ибрагимова сына, коего мать, именемъ Нурсалтанъ, дочь Темирова, сочеталась вторымъ бракомъ съ Ханомъ Таврическимъ, Менгли-Гиреемъ[267]; другіе держали сторону Алегама, старшаго сына, и съ помощію Ногаевъ возвели его на престолъ, къ неудовольствію Іоанна, который доброжелательствовалъ пасынку своего друга, Менгли-Гирея, зналъ ненависть Алегамову къ Россіи и сверхъ того опасался тѣснаго союза Казани съ Ногаями. Юный Магметъ-Аминь пріѣхалъ въ Москву[268]: Великій Князь далъ ему въ помѣстье Каширу и наблюдалъ всѣ движенія Алегамовы. Воеводы Московскіе стояли на границахъ; вступали иногда и въ Казанскую землю[269]. Царь мирился; нелюбимый подданными, обѣщалъ быть намъ другомъ, обманывалъ и злодѣйствовалъ[270]. Наконецъ Іоаннъ, видя непримиримую его злобу, въ Апрѣлѣ 1487 года послалъ Магметъ-Аминя и славнаго Даніила Холмскаго съ сильною ратію къ Казани. Маія 18 Холмскій осадилъ ее:
Г. 1487. Іюля 9 взялъ городъ и Царя. Сію радостную вѣсть привезъ въ Москву Князь Ѳеодоръ Ряполовскій[271]: Іоаннъ велѣлъ пѣть молебны, звонить въ колокола, и съ умиленіемъ благодарилъ Небо, что Оно предало ему въ руки Мамутеково Царство, гдѣ отецъ его Василій Темный,

лилъ слезы въ неволѣ. Но мысль, совершенно овладѣть симъ древнимъ Болгарскимъ Царствомъ и присоединить оное къ Россіи, еще не представлялась ему или казалась неблагоразумною: народъ вѣры Магометовой, духа ратнаго, безпокойнаго, не легко могъ быть обузданъ властію Государя Христіанскаго, и мы еще не имѣли всегдашняго, непремѣннаго войска, коему надлежало бы хранить страну завоеванную, обширную и многолюдную. Іоаннъ только назвался *Государемъ Болгаріи*[272], но далъ ей собственнаго Царя: Холмскій его именемъ возвелъ Магметъ-Аминя на престолъ, казнилъ нѣкоторыхъ знатныхъ Улановъ или Князей, и прислалъ Алегама въ Москву, гдѣ народъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, видя Царя Татарскаго плѣнникомъ въ нашей столицѣ. Алегамъ съ двумя женами былъ сосланъ въ Вологду; а мать, братья и сестры его въ Карголомъ на Бѣлѣозерѣ. г. 1487.

Іоаннъ немедленно увѣдомилъ о семъ счастливомъ происшествіи Менгли-Гирея, и въ особенности Царицу Нурсалтанъ, умную, честолюбивую, желая, чтобы она, изъ благодарности за ея сына, имъ возвеличеннаго, способствовала твердости союза между Россіею и Крымомъ[273]. Сія искренняя, взаимная пріязнь не измѣнялась. Великій Князь увѣдомлялъ Менгли-Гирея о замыслахъ Хановъ Ординскихъ, о частыхъ ихъ сношеніяхъ съ Казимиромъ; и свѣдавъ, что они двинулись Сношенія съ Ханомъ Крымскимъ.

г. 1487. къ Тавридѣ, отрядилъ Козаковъ съ Нордоулатомъ, бывшимъ Царемъ Крымскимъ, на Улусы Золотой Орды; велѣлъ и Магмедъ-Аминю тревожить ее нападеніями[274]; совѣтовалъ также Менгли-Гирею возбудить Ногаевъ противъ сыновей Ахматовыхъ. Сообщеніе между Тавридою и Россіею подвергалось крайнимъ затрудненіямъ, ибо Волжскіе Татары хватали въ степяхъ, кого встрѣчали, на берегахъ Оскола и Мерли: для того Іоаннъ предлагалъ Хану уставить новый путь черезъ Азовъ, съ условіемъ, чтобы Турки освобождали Россіянъ отъ всякой пошлины. Сія безопасность пути нужна была не только для государственныхъ сношеній и купцевъ, но и для иноземныхъ художниковъ, вызываемыхъ Великимъ Княземъ изъ Италіи и ѣздившихъ въ Москву черезъ Кафу. Кромѣ обыкновенныхъ гонцевъ, отправлялись въ Тавриду и знаменитые Послы: въ 1486 году Семенъ Борисовичь, въ 1487 Бояринъ Дмитрій Васильевичь Шеинъ[275], съ ласковыми грамотами и дарами, весьма умѣренными; на примѣръ, въ 1486 году Іоаннъ послалъ Царю три шубы–рысью, кунью и бѣличью – три соболя и корабельникъ, женѣ его и брату, Калгѣ Ямгурчею, по корабельнику, а дѣтямъ по червонцу. За то и самъ хотѣлъ даровъ: узнавъ, что Царица Нурсалтанъ достала славную Тохтамышеву жемчужину (которую, можетъ быть, сей Ханъ похитилъ въ Москвѣ при

Димитріи Донскомъ) онъ неотступно требовалъ ее въ письмахъ и наконецъ получилъ отъ Царицы. — Какъ истинный другъ Менгли-Гирея, Іоаннъ способствовалъ его союзу съ Королемъ Венгерскимъ, и не далъ ему сдѣлать важной политической ошибки. Сей случай достопамятенъ, показывая умъ Великаго Князя и простосердечіе Хана. Братья Менгли-Гиреевы, Айдаръ и Нордоулатъ, добровольно пріѣхавъ въ Россію, уже не имѣли свободы выѣхать оттуда. Ханъ Золотой Орды, Муртоза, желалъ переманить Нордоулата къ себѣ и (въ 1487 году) прислалъ своего чиновника въ Москву съ письмами къ нему и къ Великому Князю, говоря первому: «Братъ и другъ мой, сердцемъ «праведный, величествомъ знаменитый, опо«ра Бесерменскаго Царства! ты вѣдаешь, «что мы дѣти единаго отца; предки наши, «омраченные властолюбіемъ, возстали другъ «на друга: не мало было зла и кровопроли«тія; но раздоры утихли: слѣды крови «омылися млекомъ, и пламень вражды по«гасъ отъ воды любовной. Братъ твой, «Менгли-Гирей, снова возбудилъ междоусо«біе: за что Господь наказалъ его столь «многими бѣдствіями. Ты, краса отечества, «живешь среди невѣрныхъ: сего мы не мо«жемъ видѣть спокойно, и шлемъ твоему «величеству *тяжелый поклонъ съ легкимъ «даромъ* чрезъ слугу, Шихъ-Баглула: от«крой ему тайныя свои мысли. Хочешь ли

г. 1487.

Посольство Муртозы, сына Ахматова, въ Москву.

г. «оставить страну злочестія? Мы пишемъ
1487. «о томъ къ *Ивану*. Гдѣ ни будешь, будь «здравъ и люби наше братство[276].» Письмо къ Великому Князю содержало въ себѣ слѣдующее: «Муртозино слово Ивану: Знай, «что Царь Нордоулатъ всегда любилъ ме«ня: отпусти его, да возведу на Царство, «свергнувъ моего злодѣя, Менгли-Гирея. «Удержи въ залогъ жену и дѣтей Нордоу«латовыхъ: когда онъ сядетъ на престолъ, «тогда возметъ ихъ у тебя добромъ и лю«бовію.» Великій Князь посмѣялся надъ гордостію Муртозы; задержавъ его Посла, извѣстилъ о томъ Менгли-Гирея; и прибавилъ, что Король Польскій тайно зоветъ къ себѣ другаго брата Ханскаго, Айдара. Но Менгли-Гирей, не весьма прозорливый, скучая множествомъ заботъ, самъ желалъ уступить Нордоулату половину трона, чтобы онъ, вмѣстѣ съ нимъ царствуя, своимъ умомъ и мужествомъ облегчилъ ему тягость власти. «Отправь его ко мнѣ,» писалъ Менгли-Гирей къ Іоанну: «мы забу«демъ прошедшее. Айдара же не боюсь: «пусть идетъ, куда хочетъ.» Великій Князь отвѣтствовалъ, что не можетъ исполнить требованія столь неблагоразумнаго; что властолюбіе не знаетъ ни братства, ни благодарности; что Нордоулатъ, бывъ самъ Царемъ въ Тавридѣ, не удовольствуется частію власти, имѣя дарованія и многихъ единомышленниковъ; что долгъ пріязни есть остерегать

пріятеля, и не соглашаться на то, что ему вредно[277]. Сіи представленія образумили и, можетъ быть, спасли Менгли-Гирея. Г. 1487.

Несчастная судьба Алегама оскорбила Шибанскихъ и Ногайскихъ Владѣтелей, связанныхъ съ нимъ родствомъ: Царь Ивакъ, Мурзы Алачь, Муса, Ямгурчей и жена его, прислали въ Москву грамоты, убѣждая въ нихъ Іоанна освободить сего плѣнника. Ивакъ писалъ къ Великому Князю: «Ты мнѣ братъ: «я Государь Бесерменскій, а ты Христіанскій. Хочешь ли быть въ любви со мною? «отпусти моего брата, Алегама. Какая тебѣ польза держать его въ неволѣ? Вспомни, что ты, заключая съ нимъ договоры, «обѣщалъ ему доброжелательство и пріязнь.» Мурзы изъявляли въ своихъ письмахъ болѣе смиренія, говоря, что они шлютъ Великому Князю *тяжелые поклоны съ легкимъ даромъ*, и ждутъ отъ него милости; что отцы ихъ жили всегда въ любви съ Государями Московскими; что обстоятельства удаляли Юртъ Иваковъ отъ предѣловъ Россіи, но что сей Царь, побѣдивъ недруговъ, снова къ ней приближился и хочетъ Іоанновой дружбы. Послы Ногайскіе желали еще, чтобы купцы ихъ могли свободно пріѣзжать къ намъ и торговать вездѣ безъ пошлинъ. Государь велѣлъ объявить имъ слѣдующій отвѣтъ: «Алегама, обманщика и клятво-«преступника, мною сверженнаго, не отпу-«скаю; а другомъ вашимъ быть соглашаюсь,

Посольство Ногайское.

Г. 1489.

г. 1489. «если Царь Ивакъ казнитъ разбойниковъ, «людей Алегамовыхъ, которые у него живутъ и грабятъ землю мою и сына моего, «Магметъ-Аминя; если возвратитъ все похищенное ими и не будетъ впредь терпѣть «подобныхъ злодѣйствъ.» Въ ожиданіи сего требуемаго удовлетворенія Іоаннъ задержалъ въ Москвѣ одного изъ Пословъ, отпустилъ другихъ, и велѣлъ, чтобы Ногайцы ѣздили въ Россію всегда чрезъ Казань и Нижній, а не Мордовскою землею, какъ они, пріѣхали[278]. Сіи сношенія продолжались и въ слѣдующіе годы, представляя мало достопамятнаго для Исторіи. Видимъ только, что Орда Ногайская, кочуя на берегахъ Яика и близъ Тюменя, имѣла разныхъ Царей и сильныхъ Мурзъ или Князей Владѣтельныхъ; называясь ихъ другомъ, Іоаннъ говорилъ съ ними языкомъ повелителя; *дозволилъ* Князю Мусѣ, внуку Эдигееву и племяннику Темирову, выдать дочь свою за Магмедъ-Аминя, но не велѣлъ послѣднему выдавать сестры за сына Мурзы Ногайскаго, Ямгурчея, коего люди, вмѣстѣ съ жителями Астраханскими, грабили нашихъ рыболововъ на Волгѣ[279]; не смотря на всѣ убѣдительныя прозьбы Ногайскихъ Владѣтелей, держалъ Алегама въ неволѣ, отвѣтствуя: «изъ уваженія къ вамъ даю ему всякую льго«ту;» посылалъ къ нимъ гонцевъ и дары, Ипрскія сукна, кречетовъ, рыбьи зубы, не забывая и женъ ихъ, которыя въ своихъ при-

писках именовались его *сестрами*; но, строго наблюдая пристойность въ Дворскихъ обрядахъ и различая Пословъ, Великій Князь изъяснялся съ Ногайскими единственно черезъ второстепенныхъ сановниковъ, Казначеевъ и Дьяковъ. Главною цѣлію Іоанновой Политики въ разсужденіи сего кочеваго народа было возбуждать его противъ Ахматовыхъ сыновей и не допускать до впаденія въ землю Казанскую, гдѣ Магмедъ-Аминь царствовалъ какъ присяжникъ и *данникъ* Россіи: ибо въ тогдашнихъ бумагахъ находимъ жалобу Магмедъ-Аминя на чиновника Московскаго, Ѳедора Киселева, который сверхъ обыкновенныхъ пошлинъ взялъ у жителей Цывильской области нѣсколько кадокъ меда, лошадей, куницъ, бобровъ, лисьихъ шкуръ и проч.[280] г. 1489.

Подчинивъ себѣ Казань, Государь утвердилъ власть свою надъ Вяткою. Въ то время, когда Холмскій дѣйствовалъ противъ Алегама, безпокойный ея народъ, не менѣе своихъ братьевъ, Новогородцевъ, привязанный къ древнимъ уставамъ вольности, изъявилъ непослушаніе, и выгналъ Намѣстника Великокняжескаго. Не смотря на многочисленность войска, бывшаго въ Казанскомъ походѣ, Іоаннъ имѣлъ еще иное въ готовности, и послалъ Воеводу, Юрія Шестака-Кутузова, смирить мятежниковъ; но Вятчане умѣли обольстить Кутузова: принявъ ихъ оправданіе, онъ возвратился съ миромъ[281]. Покореніе Вятки.

г. 1489. Великій Князь назначилъ другихъ Полководцевъ, Князя Даніила Щеню и Григорья Морозова, которые съ 60,000 воиновъ приступили къ Хлынову. Жители объщались повиноваться, платить дань и *служить службы* Великому Князю, но не хотѣли выдать главныхъ виновниковъ бунта: Аникіева, Лазарева и Богодайщикова. Воеводы грозили огнемъ: велѣли окружить городъ плетнями, а плетни берестомъ и смолою. Оставалось нѣсколько минутъ на размышленіе: Вятчане представили Аникіева съ товарищами, коихъ немедленно послали окованныхъ къ Государю. Народъ присягнулъ въ вѣрности. Ему дали новый уставъ гражданскій, согласный съ Самодержавіемъ, и вывели оттуда всѣхъ нарочитыхъ земскихъ людей, гражданъ, купцевъ съ женами и дѣтьми въ Москву[282]. Іоаннъ поселилъ земскихъ людей въ Боровскѣ и въ Кременцѣ, купцевъ въ Дмитровѣ, а трехъ виновнѣйшихъ мятежниковъ казнилъ: чѣмъ и пресѣклось бытіе сей достопамятной народной Державы, основанной выходцами Новогородскими, въ исходѣ вторагонадесять вѣка[283], среди пустынь и лѣсовъ, гдѣ въ тишинѣ и неизвѣстности обитали Вотяки съ Черемисами. Долго Исторія молчала о Вяткѣ: малочисленный ея народъ, управляемый законами Демократіи, строилъ жилища и крѣпости, пахалъ землю, ловилъ звѣрей, отражалъ нападенія Вотяковъ, и мало по малу

усиливаясь размноженіемъ людей, болѣе и болѣе успѣвая въ гражданскомъ хозяйствѣ, вытѣснилъ первобытныхъ жителей изъ мѣстъ привольныхъ, загналъ ихъ во глубину болотистыхъ лѣсовъ, овладѣлъ всею землею между Камою и Югомъ, устьемъ Вятки и Сысолою; началъ торговать съ Пермяками, Казанскими Болгарами, съ восточными Новогородскими и Великокняжескими областями; но еще не довольный выгодами купечества, благопріятствуемаго рѣками судоходными, сдѣлался ужасенъ своими дерзкими разбоями, не щадя и самыхъ единоплеменниковъ. Вологда, Устюгъ, Двинская земля опасались сихъ Русскихъ Нормановъ столько же, какъ и Болгарія: легкія вооруженныя суда ихъ непрестанно носились по Камѣ и Волгѣ. Въ исходѣ XIV вѣка уже часто упоминается въ лѣтописяхъ о Вяткѣ. Полководецъ Тохтамыша выжегъ ея города: сынъ Донскаго присвоилъ себѣ власть надъ оною, внукъ стѣснилъ тамъ вольность народную, правнукъ уничтожилъ навѣки. Воеводы Іоанновы вмѣстѣ съ Вяткою покорили и землю *Арскую* (гдѣ нынѣ городъ Арскъ); сія область древней Болгаріи имѣла своихъ Князей, взятыхъ тогда въ плѣнъ и приведенныхъ въ Москву: Государь отпустилъ ихъ назадъ, обязавъ клятвою подданства.

Г. 1489.

Завоеваніе земли Арской.

Кончина Іоанна Младаго.

Среди блестящихъ дѣяній государственныхъ, ознаменованныхъ мудростію и счастіемъ Вѣнценосца, онъ былъ пораженъ не-

г. 1490. счастіемъ семейственнымъ. Достойный наслѣдникъ Великаго Князя, Іоаннъ Младый, любимый отцемъ и народомъ, пылкій, мужественный въ опасностяхъ войны, въ 1490 году занемогъ ломотою въ ногахъ (что называли тогда *камчюгою*[284]). За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ сыновья Рала Палеолога, бывъ въ Италіи, привезли съ собою изъ Венеціи, вмѣстѣ съ разными художниками, лекаря, именемъ Мистра Леона, родомъ Жидовина[285]: онъ взялся вылечить больнаго, сказавъ Государю, что ручается за то своею головою. Іоаннъ повѣрилъ и велѣлъ ему лечить сына. Сей Медикъ, болѣе смѣлый, нежели искусный, жегъ больному ноги стеклянными сосудами, наполненными горячею водою, и давалъ пить какое-то зеліе. Недугъ усилился: юный Князь, долго страдавъ, къ неописанной скорби отца и подданныхъ скончался, имѣвъ отъ рожденія 32 года[286]. Іоаннъ немедленно приказалъ заключить Мистра Леона въ темницу и чрезъ шесть недѣль казнилъ всенародно на Болвановѣ за Москвою рѣкою[287]. Въ семъ, для насъ жестокомъ дѣлѣ народъ видѣлъ одну справедливость: ибо Леонъ обманулъ Государя и самъ себя обрекъ на казнь. Такую же участь имѣлъ въ 1485 году и другой врачь, Нѣмецъ Антонъ, лекарствами уморивъ Князя Татарскаго, сына Даніярова: онъ былъ выданъ роднымъ головою, и зарѣзанъ ножемъ подъ Москворѣцкимъ мостомъ,

Казнь врача.

къ ужасу всѣхъ иноземцевъ[288], такъ, что и славный Аристотель хотѣлъ немедленно уѣхать изъ Россіи: Іоаннъ разгнѣвался и велѣлъ заключить его въ домѣ; но скоро простилъ. Г. 1490.

Строгій въ наказаніи бѣдныхъ неискусныхъ врачей, сей Государь въ то же время изъявилъ похвальную умѣренность въ случаѣ важномъ для Вѣры, въ расколѣ столь бѣдственномъ, по выраженію современника, Св. Іосифа Волоцкаго, что благочестивая земля Русская не видала подобнаго соблазна отъ вѣка Ольгина и Владимірова. Разскажемъ обстоятельства. Былъ въ Кіевѣ Жидъ именемъ Схарія, умомъ хитрый, языкомъ острый: въ 1470 году пріѣхавъ въ Новгородъ съ Княземъ Михайломъ Олельковичемъ, онъ умѣлъ обольстить тамъ двухъ Священниковъ, Діонисія и Алексія: увѣрилъ ихъ, что законъ Моисеевъ есть единый Божественный; что Исторія Спасителя выдумана; что Христосъ еще не родился; что не должно покланяться иконамъ, и проч. Завелась Жидовская ересь[289]. Попъ Алексій назвалъ себя Авраамомъ, жену свою Саррою, и развратилъ, вмѣстѣ съ Діонисіемъ, многихъ Духовныхъ и мірянъ, между коими находился Протоіерей Софійской церкви, Гавріилъ, и сынъ знатнаго Боярина, Григорій Михайловичь Тучинъ. Но трудно понять, чтобы Схарія могъ столь легко размножить число своихъ учениковъ Новогородскихъ, если бы мудрость его со-

Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ.

г. 1490. стояла единственно въ отверженіи Христіанства и въ прославленіи Жидовства; Св. Іосифъ Волоцкій даетъ ему имя *Астролога* и *чернокнижника:* и такъ вѣроятно, что Схаріа обольщалъ Россіянъ Іудейскою Каббалою, наукою плѣнительною для невѣждъ любопытныхъ и славною въ XV вѣкѣ, когда многіе изъ самыхъ ученыхъ людей (на примѣръ, Іоаннъ Пикъ Мирандольскій) искали въ ней разрѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ загадокъ для ума человѣческаго. Каббалисты хвалились древними преданіями, будто бы дошедшими до нихъ отъ Моисея; многіе увѣряли даже, что имѣютъ книгу, полученную Адамомъ отъ Бога, и главный источникъ Соломоновой мудрости; что они знаютъ всѣ тайны Природы, могутъ изъяснять сновидѣнія, угадывать будущее, повелѣвать Духами; что сею наукою Моисей восторжествовалъ надъ Египетскими волхвами, Илія повелѣвалъ огнемъ небеснымъ, Даніилъ смыкалъ челюсти львамъ; что Ветхій Завѣтъ исполненъ хитрыхъ иносказаній, объясняемыхъ Каббалою; что она творитъ чудеса посредствомъ нѣкоторыхъ словъ Библіи, и проч. Неудивительно, если сіи внушенія произвели сильное дѣйствіе въ умахъ слабыхъ, и хитрый Жидъ, овладѣвъ ими, увѣрилъ ихъ и въ томъ, что Мессія еще не являлся въ мірѣ. — Внутренно отвергая святыню Христіанства, Новогородскіе еретики соблюдали наружную пристой-

ность, казались смиренными постниками, г. 1490.
ревностными въ исполненіи всѣхъ обязанностей благочестія, такъ, что Великій Князь въ 1480 году взялъ Поповъ Алексія и Діонисія въ Москву, какъ Пастырей отличныхъ достоинствами: первый сдѣлался Протоіереемъ храма Успенскаго, а второй Архангельскаго. Съ ними перешелъ туда и расколъ, оставивъ корень въ Новѣгородѣ. Алексій снискалъ особенную милость Государя, имѣлъ къ нему свободный доступъ, и тайнымъ своимъ ученіемъ прельстилъ Архимандрита Симоновскаго, Зосиму, Инока Захарію, Дьяка Великокняжескаго Ѳедора Курицына и другихъ. Самъ Государь, не подозрѣвая ереси, слыхалъ отъ него рѣчи двусмысленныя, таинственныя: въ чемъ послѣ каялся наединѣ Святому Іосифу, говоря, что и невѣстка его, Княгиня Елена, была вовлечена въ сей Жидовскій расколъ однимъ изъ учениковъ Алексіевыхъ, Иваномъ Максимовымъ [290]. Между тѣмъ Алексій до конца жизни пользовался довѣренностію Государя, и всегда хваля ему Зосиму, своего единомышленника, былъ главною виною того, что Іоаннъ, по смерти Митрополита Геронтія, возвелъ сего Архимандрита Симоновскаго (въ 1490 году) на степень Первосвятителя [291]. «Мы увидѣли» — пишетъ Іосифъ — «чадо Сатаны на престо-«лѣ Угодниковъ Божіихъ, Петра и Алексія; «увидѣли хищнаго волка въ одеждѣ мирнаго

Г. 1490. «пастыря.» Тайный Жидовинъ еще скрывался подъ личиною Христіанскихъ добродѣтелей.

Наконецъ Архіепископъ Геннадій открылъ ересь въ Новѣгородѣ: собравъ всѣ объ ней извѣстія и доказательства, прислалъ дѣло на судъ Государю и Митрополиту вмѣстѣ съ виновными, большею частію Попами и Діаконами; онъ наименовалъ и Московскихъ ихъ единомышленниковъ, кромѣ Зосимы и Дьяка Ѳедора Курицына. Государь призвалъ Епископовъ, Тихона Ростовскаго, Нифонта Суздальскаго, Симеона Рязанскаго, Вассіана Тверскаго, Прохора Сарскаго, Филоѳея Пермскаго, также многихъ Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ, и велѣлъ Соборомъ изслѣдовать ересь[292]. Митрополитъ предсѣдательствовалъ. Съ ужасомъ слушали Геннадіеву обвинительную грамоту: самъ Зосима казался изумленнымъ. Архіепископъ Новогородскій доносилъ, что сіи отступники злословятъ Христа и Богоматерь, плюютъ на кресты, называютъ иконы болванами, *грызутъ оныя зубами*, повергаютъ въ мѣста нечистыя, не вѣрятъ ни Царству Небесному, ни воскресенію мертвыхъ, и безмолвствуя при усердныхъ Христіанахъ, дерзостно развращаютъ слабыхъ. Призвали обвиняемыхъ: Инока Захарію, Новогородскаго Протопопа Гавріила, Священника Діонисія и другихъ (глава ихъ, Алексій, умеръ года за два до сего времени). Они во всемъ заперлися[293]; но свидѣтельства, Новогородскія

и Московскія, были не сомнительны. Нѣкоторые думали, что уличенныхъ надобно пытать и казнить: Великій Князь не захотѣлъ того, и Соборъ, дѣйствуя согласно съ его волею, проклялъ ересь, а безумныхъ еретиковъ осудилъ на заточеніе [294]. Такое наказаніе по суровости вѣка и по важности разврата было весьма человѣколюбиво. Многіе изъ осужденныхъ были посланы въ Новгородъ: Архіепископъ Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней, лицемъ къ хвосту, въ одеждѣ вывороченной, въ шлемахъ берестовыхъ, острыхъ, какіе изображаются на бѣсахъ, съ мочальными кистями, съ вѣнцемъ соломеннымъ и съ надписью: *се есть Сатанино воинство!* Такимъ образомъ возили сихъ несчастныхъ изъ улицы въ улицу; народъ плевалъ имъ въ глаза, восклицая: *се враги Христовы!* и въ заключеніе сжегъ у нихъ на головѣ шлемы. Тѣ, которые хвалили сіе дѣйствіе какъ достойное ревности Христіанской, безъ сомнѣнія осуждали умѣренность Великаго Князя, не хотѣвшаго употребить ни меча, ни огня для истребленія ереси. Онъ думалъ, что клятва Церковная достаточна для отвращенія людей слабыхъ отъ подобныхъ заблужденій. г. 1490.

Но Зосима, не дерзнувъ на Соборѣ покровительствовать своихъ обличенныхъ тайныхъ друзей, остался въ душѣ еретикомъ; соблюдая наружную пристойность, скрытно вредилъ Христіанству, то изъясняя

Г. 1490. ложно Св. Писаніе, то будто бы съ удивленіемъ находя въ немъ противорѣчія; иногда же, въ порывѣ искренности, совершенно отвергая ученіе Евангельское, Апостольское, Святыхъ Отцевъ, говорилъ пріятелямъ: «что такое Царство Небесное? что «второе пришествіе и воскресеніе мертвыхъ? кто умеръ, того нѣтъ и не будетъ.» Придворный Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ и многіе его сообщники также дѣйствовали во мракѣ; имѣли учениковъ; толковали имъ Астрологію, Іудейскую мудрость, ослабляя въ сердцахъ Вѣру истинную. Духъ суетнаго любопытства и сомнѣнія въ важнѣйшихъ истинахъ Христіанства обнаруживался въ домахъ и на торжищахъ: Иноки и свѣтскіе люди спорили о Естествѣ Спасителя, о Троицѣ, о святости иконъ, и проч. Всѣ зараженные ересію составляли между собою нѣкоторый родъ тайнаго общества, коего гнѣздо находилось въ палатахъ Митрополитовыхъ: тамъ они сходились умствовать и пировать. — Ревностные враги ихъ заблужденій были предметомъ гоненія: Зосима удалилъ отъ церкви многихъ Священниковъ и Діаконовъ, которые отличались усердіемъ къ православію и ненавистію къ Жидовскому расколу. «Не должно (говорилъ онъ) злобиться и на еретиковъ: Пастыри духовные да проповѣдуютъ только миръ!»

Такъ повѣствуетъ Св. Іосифъ, основатель и начальникъ монастыря Волоколамскаго,

Историкъ, можетъ быть, не совсѣмъ безпристрастный: по крайней мѣрѣ смѣлый, неустрашимый противникъ ереси: ибо онъ еще во время Зосимина Первосвятительства дерзалъ обличать ее, какъ то видимъ изъ письма его къ Суздальскому Епископу, Нифонту. «Сокрылись отъ насъ» — пишетъ Іосифъ — «отлетѣли ко Христу древніе орлы Вѣры, Святители добродѣтельные, «коихъ гласъ возвѣщалъ истину въ саду «Церкви, и которые истерзали бы когтями всякое око, не право зрящее на божественность Спасителя. Нынѣ шипитъ тамо «змій пагубный, изрыгая хулу на Господа и «на Его Матерь[295].» Онъ заклинаетъ Нифонта очистить Церковь отъ неслыханнаго дотолѣ соблазна, открыть глаза Государю, свергнуть Зосиму: что и совершилось. Увѣрился ли Великій Князь въ расколѣ Митрополита, неизвѣстно; но въ 1494 году, безъ суда и безъ шума, велѣлъ ему какъ бы добровольно удалиться въ Симоновъ, а оттуда въ Троицкій монастырь, за то, какъ сказано въ лѣтописи, что сей Первосвятитель не радѣлъ о Церкви и любилъ вино[296]. Благоразумный Іоаннъ не хотѣлъ, можетъ быть, соблазнить Россіянъ всенароднымъ осужденіемъ Архипастыря, имъ избраннаго, и для того не огласилъ его дѣйствительной вины.

Г. 1490.

Сверженіе Митрополита.

Преемникъ Зосимы въ Митрополіи былъ Игуменъ Троицкій, Симонъ. Здѣсь Лѣто-

Г. 1490. Избраніе новаго.

писцы сообщаютъ намъ нѣкоторыя, весьма любопытныя обстоятельства. Когда Владыки Россійскіе въ Великокняжеской Думѣ нарекли Симона достойнымъ Первосвятительства, Государь пошелъ съ нимъ изъ Дворца въ церковь Успенія, провождаемый сыновьями, внукомъ, Епископами, всѣми Боярами и Дьяками. Поклонились иконамъ и гробамъ Святительскимъ; пѣли, читали молитвы и тропари. Іоаннъ взялъ будущаго Архипастыря за руку, и выходя изъ церкви, въ западныхъ дверяхъ *предалъ* Епископамъ, которые отвели его въ домъ Митрополитовъ. Тамъ, отпустивъ ихъ съ благословеніемъ, сей скромный мужъ обѣдалъ съ Иноками Троицкаго монастыря, съ своими Боярами и Дѣтьми Боярскими. Въ день посвященія онъ ѣхалъ на *осляти*, коего велъ знатный сановникъ Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый Митрополитъ долженъ былъ итти на свое мѣсто. Вдругъ священнодѣйствіе остановилось; пѣніе умолкло: взоры Духовенства и Вельможъ устремились на Іоанна. Государь выступилъ и громогласно сказалъ Митрополиту: «Всемо«гущая и Животворящая Святая Троица, «дарующая намъ Государство всея Руси, «подаетъ тебѣ сей великій престолъ Архіе«рейства руковозложеніемъ Архіепископовъ и «Епископовъ нашего Царства. Воспріими «жезлъ Пастырства; взыди на сѣдалище «старѣйшинства во имя Господа Іисуса; мо-

«ли Бога о насъ — и да подастъ тебѣ Гос- г. 1490.
«подь здравіе со многоденствомъ.» Тутъ хоръ пѣвчихъ возгласилъ *Исполлаэти Деспота.* Митрополитъ отвѣтствовалъ: «Всемогу-«щая и вседержащая десница Вышняго да со-«хранитъ мирное твое Богопоставленное Цар-«ство, Самодержавный Владыко! да будетъ «оно многолѣтно и побѣдительно со всѣми по-«винующимися тебѣ Христолюбивыми воин-«ствами и народами! Во вся дни живота «твоего буди здравъ, творя добро, о Го-«сударь Самодержавный!» Пѣвчіе возгласили Іоанну многолѣтіе. — Великіе Князья всегда располагали Митрополіею, и нѣтъ примѣра въ нашей Исторіи, чтобы власть духовная спорила съ ними о семъ важномъ правѣ; но Іоаннъ хотѣлъ утвердить оное священнымъ обрядомъ: самъ указалъ Митрополиту престолъ, и торжественно дѣйствовалъ въ храмѣ: чего мы доселѣ не видали.

Къ успокоенію правовѣрныхъ, новый Митрополитъ ревностно старался искоренить Жидовскую ересь; еще ревностнѣе Іосифъ Волоцкій, который, имѣя доступъ къ Государю, требовалъ отъ него, чтобы онъ велѣлъ по всѣмъ городамъ искать и казнить еретиковъ. Великій Князь говорилъ, что надобно истреблять развратъ, но безъ казни, противной духу Христіанства; иногда, выводимый изъ терпѣнія, приказывалъ Іосифу умолкнуть; иногда обѣщалъ ему подумать [297], и не могъ рѣшиться на жесто-

Г. 1490. кія средства, такъ что многіе дѣйствительные или мнимые еретики умерли спокойно; а знатный Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ еще долго пользовался довѣренностію Государя и былъ употребляемъ въ дѣлахъ Посольскихъ. [298].

ГЛАВА V.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Заключеніе Андрея, Іоаннова брата. Смерть его и Бориса Василіевича. Посольства Императора Римскаго и наши къ нему. Открытіе Печерскихъ рудниковъ. Посольство Датское, Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ. Посольства въ Крымъ. Литовскія дѣла. Смерть Казимира: сынъ его, Александръ, на тронѣ Литовскомъ. Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы. Переговоры о мирѣ и сватовствѣ. Злоумышленіе на жизнь Іоаннову. Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву. Миръ съ Литвою. Іоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра. Новыя неудовольствія между Россіею и Литвою.

Г. 1491 — 1496.

Обратимся къ государственнымъ происшествіямъ. — Великій Князь жилъ мирно съ братьями до кончины матери, Инокини Мар-

ѳы: она преставилась въ 1484 году[299], и съ того времени началось взаимное подозрѣніе между ими. Андрей и Борисъ не могли привыкнуть къ новому порядку вещей и досадовали на властолюбіе Іоанна, который, непрестанно усиливая Государство Московское, не давалъ имъ части въ своихъ пріобрѣтеніяхъ. Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись, чтобы Великій Князь не отнялъ у нихъ и наслѣдственныхъ Удѣловъ. Іоаннъ также, зная сіе внутреннее расположеніе братьевъ, помня ихъ бѣгство въ Литву и наглыя злодѣйства въ предѣлахъ Россійскихъ, не имѣлъ къ нимъ ни довѣренности, ни любви; но соблюдалъ пристойность, не хотѣлъ быть явнымъ утѣснителемъ, и въ 1486 году обязался новою договорною грамотою не присвоивать себѣ ни Андреевыхъ, ни Борисовыхъ городовъ, требуя, чтобы сіи Князья не входили въ переговоры съ Казимиромъ, съ Тверскимъ изгнанникомъ Михаиломъ, съ Литовскими Панами, Новогородцами, Псковитянами, и немедленно сообщали ему всѣ ихъ письма[300]. Слѣдственно Іоаннъ опасался тайно связи между братьями, Литвою и тѣми Россіянами, которые не любили Самодержавія: можетъ быть, и зналъ объ ней, желая прервать оную или въ противномъ случаѣ не оставить братьямъ уже никакого извиненія. Еще они съ обѣихъ сторонъ удерживались

Г. 1491 — 93. Заключеніе Андрея, Іоаннова брата

Г. 1491 — 93. отъ явныхъ знаковъ взаимнаго недоброжелательства, когда Андрею Василіевичу сказали, что Великій Князь намѣренъ взять его подъ стражу: Андрей хотѣлъ бѣжать; одумался, и велѣлъ Московскому Боярину, Ивану Юрьевичу, спросить у Государя, чѣмъ онъ заслужилъ гнѣвъ его? Бояринъ не дерзнулъ вмѣшаться въ дѣло столь опасное. Андрей самъ пришелъ къ брату, и хотѣлъ знать вину свою. Великій Князь изумился: ставилъ Небо во свидѣтели, что не думалъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, и требовалъ, чтобы онъ наименовалъ клеветника. Андрей сослался на своего Боярина, Образца: Образецъ на слугу Іоаннова, Мунта Татищева; а послѣдній признался, что сказалъ то единственно въ шутку. Государь, успокоивъ брата, далъ повелѣніе отрѣзать Татищеву языкъ: ходатайство Митрополитово спасло несчастнаго отъ сей казни; однакожь его высѣкли кнутомъ[301]. Въ 1491 году Великій Князь посылалъ войско противъ Ординскихъ Царей, Сеидъ-Ахмута и Шигъ-Ахмета, которые хотѣли итти на Тавриду, но удалились отъ ея границъ, свѣдавъ, что Московская рать уже стоитъ на берегахъ Донца. Полководцы Іоанновы, Царевичь Салтаганъ, сынъ Нордоулатовъ, и Князья Оболенскіе, Петръ Никитичь и Рѣпня, возвратились, не сдѣлавъ ничего важнаго[302]. Въ семъ походѣ долженствовали участвовать и братья Великаго Князя; но Андрей не при-

слалъ вспомогательной дружины къ Салтагану. Іоаннъ скрылъ свою досаду. Осенью, Сентября 19, пріѣхавъ изъ Углича въ Москву, Андрей былъ цѣлый вечеръ во дворцѣ у Великаго Князя. Они казались совершенными друзьями: бесѣдовали искренно и весело. На другой день Іоаннъ чрезъ Дворецкаго, Князя Петра Шастунова, звалъ брата къ себѣ на обѣдъ, встрѣтилъ ласково, поговорилъ съ нимъ, и вышелъ въ другую комнату, отославъ Андреевыхъ Бояръ въ столовую *гридню*, гдѣ ихъ всѣхъ немедленно взяли подъ стражу. Въ то же время Князь Симеонъ Ивановичь Ряполовскій со многими иными Вельможами явился передъ Андреемъ, хотѣлъ говорить и не могъ ясно произнести ни одного слова, заливаясь слезами; наконецъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: *Государь Князь Андрей Василіевичь! пойманъ еси Богомъ, да Государемъ Великимъ Княземъ, Иваномъ Василіевичемъ, всея Руси, братомъ твоимъ старѣйшимъ.* Андрей всталъ и съ твердостію отвѣтствовалъ: «*воленъ Богъ,* «*да Государь братъ мой; а Всевышній раз*«*судитъ насъ въ томъ, что лишаюсь свобо*«*ды безвинно.*» Андрея свели на Казенный дворъ, оковали цѣпями, и приставили къ нему многочисленную стражу, состоящую изъ Князей и Бояръ; двухъ его сыновей, Ивана и Димитрія, заключили въ Переславлѣ; дочерей оставили на свободѣ[203]: Удѣлъ же ихъ родителя присоединили къ Великому

Г. 1491. — 93.

Г. 1491 — 93. Княженію. Чтобы оправдать себя, Іоаннъ объявилъ Андрея измѣнникомъ: ибо сей Князь, нарушивъ клятвенный обѣтъ, замышлялъ возстать на Государя съ братьями Юріемъ, Борисомъ и съ Андреемъ Меньшимъ, переписывался съ Казимиромъ и съ Ахматомъ, наводя ихъ на Россію; вмѣстѣ съ Борисомъ уѣзжалъ въ Литву; наконецъ ослушался Великаго Князя и не посылалъ Воеводъ своихъ противъ Сеидъ-Ахмута[304]. Только послѣдняя вина имѣла видъ справедливости: другія, какъ старыя, были заглажены миромъ въ 1479 году; или надлежало уличить Андрея, что онъ уже послѣ того писалъ къ Казимиру. Однимъ словомъ, Іоаннъ въ семъ случаѣ поступилъ жестоко, оправдываясь, какъ вѣроятно, въ собственныхъ глазахъ извѣстною строптивостію Андрея, государственною пользою, требующею безпрекословнаго Единовластія, и примѣромъ Ярослава I, который также заключилъ брата. — Государь тогда же потребовалъ къ себѣ и Бориса Василіевича: сей Князь съ ужасомъ и трепетомъ явился въ Московскомъ дворцѣ, но черезъ три дни былъ съ милостію отпущенъ назадъ въ Волокъ[305]. Андрей въ 1493 году умеръ въ темницѣ, къ горести Великаго Князя, по увѣренію Лѣтописцевъ. Разсказываютъ, что онъ (въ 1498 году) призвавъ Митрополита и Епископовъ во дворецъ, встрѣтилъ ихъ съ лицемъ печальнымъ, безмолвствовалъ, заплакалъ и началъ

Смерт Андрея и Бориса Василіевича.

смиренно каяться въ своей жестокости, быввъ виною жалостной, безвременной кончины брата. Митрополитъ и Епископы сидѣли: Государь стоялъ передъ ними и требовалъ прощенія. Они успокоили его совѣсть: отпустили ему грѣхъ, но съ пастырскимъ душеспасительнымъ увѣщаніемъ[306]. — Борисъ Василіевичь также скоро преставился. Сыновья его, Ѳеодоръ и Иванъ, наслѣдовали достояніе родителя. Въ 1497 году они уступили Великому Князю Коломенскія и другія села, взявъ за нихъ Тверскія. Иванъ Борисовичь, умирая въ 1503 году, отказалъ Государю Рузу и половину Ржева, вмѣстѣ съ его *воинскою рухлядью,* доспѣхами и конями[307]. Такъ въ Государствѣ Московскомъ исчезали всѣ особенныя наслѣдственныя власти, уступая Великокняжеской. г. 1491 — 93.

Между тѣмъ и внѣшнія политическія отношенія Россіи болѣе и болѣе возвышали достоинство ея Монарха. Послы Ольгины находились въ Германіи, при Оттонѣ I, а Нѣмецкіе въ Кіевѣ около 1075 года; Изяславъ I и Владиміръ Галицкій искали покровительства Римскихъ Императоровъ; Генрикъ IV былъ женатъ на Княжнѣ Россійской, и Фридерикъ Барбарусса уважалъ Всеволода III[308]: но съ того времени мы не имѣли сообщенія съ Имперіею, до 1486 года, когда знатный Рыцарь, именемъ Николай Поппель, пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ Фридерика III, безъ всякаго особеннаго порученія, единственно

Посольства Императора Римскаго и наши къ нему.

Г. 1491 — 93. изъ любопытства. «Я видѣлъ» — говорилъ онъ — «всѣ земли Христіанскія и всѣхъ Ко-«ролей: желаю узнать Россію и Великаго «Князя[309].» Бояре ему не вѣрили и думали, что сей иноземецъ съ какимъ нибудь злымъ намѣреніемъ подосланъ Казимиромъ Литовскимъ; однакожь Поппель, удовлетворивъ своему любопытству, благополучно выѣхалъ изъ Россіи, и чрезъ два года возвратился въ качествѣ Посла Императорскаго съ новою грамотою отъ Фридерика и сына его, Короля Римскаго, Максимиліана, писанною въ Ульмѣ 26 Декабря, 1488 года. Принятый ласково, онъ въ первомъ свиданіи съ Московскими Боярами, Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, Даніиломъ Холмскимъ и Яковомъ Захарьевичемъ, говорилъ слѣдующее: «Выѣхавъ «изъ Россіи, я нашелъ Императора и Кня-«зей Германскихъ въ Нюренбергѣ; бесѣдо-«валъ съ ними о странѣ вашей, о Великомъ «Князѣ, и вывелъ ихъ изъ заблужденія: они «думали, что Іоаннъ есть данникъ Казими-«ровъ. *Нѣтъ,* сказалъ я: *Государь Москов-«скій сильнѣе и богатѣе Польскаго; Держа-«ва его неизмѣрима, народы многочислен-«ны, мудрость знаменита.* Однимъ словомъ, «самый усерднѣйшій изъ слугъ Іоанновыхъ «не могъ бы говорить объ немъ иначе, рев-«ностнѣе и справедливѣе. Меня слушали съ «удивленіемъ, особенно Императоръ, въ часъ «обѣда ежедневно разговаривая со мною. На-«конецъ сей Монархъ, желая быть союзни-

«комъ Россіи, велѣлъ мнѣ ѣхать къ вамъ «Посломъ со многочисленною дружиною. Еще «ли не вѣрите истинѣ моего званія? За два «года я казался здѣсь обманщикомъ, ибо «имѣлъ съ собою только двухъ служителей. «Пусть Великій Князь пошлетъ собствен-«наго чиновника къ моему Государю: тогда «не останется ни малѣйшаго сомнѣнія.» Но Іоаннъ уже вѣрилъ Послу, который именемъ Фридериковымъ предложилъ ему выдать его дочь, Елену или Ѳеодосію, за Албрехта, Маркграфа Баденскаго, племянника Императорова, и желалъ видѣть невѣсту. Великій Князь отвѣтствовалъ ему черезъ Дьяка, Ѳедора Курицына, что вмѣстѣ съ нимъ отправится въ Германію Посолъ Россійскій, коему велѣно будетъ изъясниться о семъ съ Императоромъ, и что обычаи наши не дозволяютъ прежде времени показывать юныхъ дѣвицъ женихамъ или сватамъ. — Второе предложеніе Поппелево состояло въ томъ, чтобы Іоаннъ запретилъ Псковитянамъ вступаться въ земли Ливонскихъ Нѣмцевъ, подданныхъ Имперіи. Государь велѣлъ отвѣтствовать, что Псковитяне владѣютъ только собственными ихъ землями и не вступаются въ чужія. Г. 1491 — 93.

Весьма достопамятна третія аудіенція, данная Послу Фридерикову въ *набережныхъ сѣняхъ*, гдѣ самъ Великій Князь слушалъ его, отступивъ нѣсколько шаговъ отъ своихъ Бояръ. «Молю о скромности и тайнѣ,»

г. 1491 — 93. сказалъ Поппель: «ежели непріятели твои, «Ляхи и Богемцы, узнаютъ, о чемъ я гово-«рить намѣренъ: то жизнь моя будетъ въ «опасности. Мы слышали, что ты, Госу-«дарь, требовалъ себѣ отъ Папы *Королев-«скаго* достоинства; но знай, что не Папа, «а только Императоръ жалуетъ въ Коро-«ли, въ Принцы и въ Рыцари. Если жела-«ешь быть Королемъ, то предлагаю те-«бѣ свои услуги. Надлежитъ единственно «скрыть сіе дѣло отъ Монарха Польскаго, «который боится, чтобы ты, сдѣлавшись «ему равнымъ Государемъ, не отнялъ у него «древнихъ земель Россійскихъ.» Отвѣтъ Іоанновъ изображаетъ благородную, истинно Царскую гордость. Бояре сказали Послу такъ: «Государь, Великій Князь, Божіею мило-«стію наслѣдовалъ Державу Русскую отъ «своихъ предковъ, и *поставленіе* имѣетъ «отъ Бога, и молитъ Бога, да сохранитъ «оную ему и дѣтямъ его вовѣки; а поставле-«нія отъ иной власти никогда не хотѣлъ и «не хочетъ»[510]. Поппель не смѣлъ болѣе говорить о томъ, и вторично обратился къ сватовству. «Великій Князь» — сказалъ онъ — «имѣетъ двухъ дочерей: если не благоволитъ «выдать ни которой за Маркграфа Баденска-«го, то Императоръ представляетъ ему въ «женихи одного изъ Саксонскихъ знаменитыхъ «Принцевъ, сыновей его племянника (Курфир-«ста Фридерика), а другая Княжна Россійская «можетъ быть супругою Сигизмунда, Марк-

«графа Бранденбургскаго, коего старшій «братъ есть зять Короля Польскаго.» На сіе не было отвѣта, и Поппель скоро отправился изъ Москвы въ Данію чрезъ Швецію, для какого-то особеннаго Императорскаго дѣла: Государь же послалъ въ Нѣмецкую землю Грека, именемъ Юрія Траханіота, или Трахонита, выѣхавшаго къ намъ съ Великою Княгинею, Софіею, давъ ему слѣдующее наставленіе: г. 1491 — 93.

I. «Явить Императору и сыну его, Рим-«скому Королю Максимиліану, вѣрющую По-«сольскую грамоту. Увѣрить ихъ въ искрен-«ней пріязни Іоанновой. — II. Условиться о «взаимныхъ дружественныхъ Посольствахъ «и свободномъ сообщеніи обѣихъ Державъ. — «III. Ежели спросятъ, намѣренъ ли Великій «Князь выдать свою дочь за Маркграфа Ба-«денскаго? то отвѣтствовать, что сей со-«юзъ не пристоенъ для знаменитости и силы «Государя Россійскаго, брата древнихъ Царей «Греческихъ, которые, переселясь въ Визан-«тію, уступили Римъ Папамъ. Но буде Им-«ператоръ пожелаетъ сватать нашу Княжну «за сына своего, Короля Максимиліана: то «ему не отказывать, и дать надежду. — «IV. Искать въ Германіи и принять въ служ-«бу Россійскую полезныхъ художниковъ, гор-«ныхъ мастеровъ, Архитекторовъ и проч.» На издержки дано было ему 80 соболей и 3000 бѣлокъ. Іоаннъ написалъ съ нимъ друже-

г. ственныя грамоты къ Бургомистрамъ Нарв-
1491 — 93. скому, Ревельскому и Любекскому.

Траханіотъ поѣхалъ (22 Марта) изъ Москвы въ Ревель, оттуда въ Любекъ и Франкфуртъ, гдѣ былъ представленъ Римскому Королю Максимиліану, говорилъ ему рѣчь на языкѣ Ломбардскомъ и вручилъ дары Великокняжескіе, 40 соболей, шубы горностаевую и бѣличью. Докторъ, Георгъ Торнъ, именемъ Максимиліана отвѣчалъ Послу на томъ же языкѣ, изъявляя благодарность и пріязнь сего Вѣнценосца къ Государю Московскому[311]. Посла осыпали въ Германіи ласками и привѣтствіями. Король Римскій, встрѣчая его, сходилъ обыкновенно съ трона и сажалъ подлѣ себя; то же дѣлалъ и самъ Императоръ. Они стоя подавали ему руку въ знакъ уваженія къ Великому Князю[312]. Болѣе ничего не знаемъ о переговорахъ Траханіота, который возвратился въ Москву 16 Іюля, 1490 года, съ новымъ Посломъ Максимиліановымъ, Георгомъ Делаторомъ[313]. Не за-долго до того времени умеръ славный Король Матѳей, и Папы Венгерскіе соглашались избрать на его мѣсто Казимирова сына, Владислава, Государя Богемскаго, въ досаду Максимиліану, считавшему себя законнымъ наслѣдникомъ Матѳеевымъ. Сіе обстоятельство соединяло Австрійскую Политику съ нашею: Максимиліанъ хотѣлъ завоевать Венгрію, Іоаннъ южную Литовскую Россію: они признавали Казимира общимъ

врагомъ, и Делаторъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе успѣть въ государственномъ дѣлѣ, объявилъ желаніе Римскаго Короля (тогда вдоваго) быть Іоанну зятемъ: хотѣлъ видѣть юную Княжну и спрашивалъ о цѣнѣ ея приданаго. Отвѣтъ состоялъ въ учтивомъ отказѣ: Послу изъяснили наши обычаи. Какой стыдъ для отца и невѣсты, если бы сватъ отвергнулъ ее! Могъ ли знаменитый Государь съ безпокойствомъ и страхомъ ждать, что слуга иноземнаго Властителя скажетъ объ его дочери? Изъяснили также Делатору, что Вѣнценосцамъ не прилично торговаться въ приданомъ; что Великій Князь безъ сомнѣнія назначитъ его по достоинству жениха и невѣсты, но уже послѣ брака; что надобно согласиться прежде въ дѣлѣ важнѣйшемъ, а именно въ томъ, чтобы Княжна Россійская, если будетъ супругою Максимиліана, не перемѣняла Вѣры, имѣла у себя церковь Греческую и Священниковъ. Для послѣдняго Великій Князь требовалъ увѣрительной записи; но Делаторъ сказалъ, что онъ для сего не уполномоченъ. И такъ перестали говорить о бракѣ. Г. 1491 —93.

Однакожь союзъ государственный заключился, и написали договоръ слѣдующаго содержанія:

«По волѣ Божіей и нашей любви мы Іо-«аннъ, Божіею милостію Государь всея Ру-«сіи, Владимірскій, Московскій, Новогород-«скій, Псковскій, Югорскій, Вятскій, Перм-

г. «скій, Болгарскій» (то есть, Казанскій) «и
1491. «проч. условились съ своимъ братомъ, Мак-
-93. «симиліаномъ, Королемъ Римскимъ и Кня-
«земъ Австрійскимъ, Бургонскимъ, Лота-
«рингскимъ, Стирскимъ, Каринтійскимъ и
«проч. быть въ вѣчной любви и согласіи,
«чтобы помогать другъ другу во всѣхъ слу-
«чаяхъ. Если Король Польскій и дѣти его
«будутъ воевать съ тобою, братомъ мо-
«имъ, за Венгрію, твою отчину: то извѣ-
«сти насъ, и поможемъ тебѣ усердно, безъ
«обмана. Если же и мы начнемъ *добывать*
«Великаго Княженія Кіевскаго и другихъ зе-
«мель Русскихъ, коими владѣетъ Литва: то
«увѣдомимъ тебя, и поможешь намъ усердно,
«безъ обмана. Если и не успѣемъ обослать-
«ся, но узнаемъ, что война началася съ
«твоей или моей стороны: то обязываемся
«немедленно итти другъ ко другу на по-
«мощь. — Послы и купцы наши да ѣздятъ
«свободно изъ одной земли въ другую. На
«семъ цѣлую крестъ къ тебѣ, моему бра-
«ту.... Въ Москвѣ, въ лѣто 6998 (1490),
«Августа 16[314].»

Сей первый договоръ съ Австріею, написанный на хартіи, былъ скрѣпленъ золотою Великокняжескою печатію. Делаторъ, видѣвъ супругу Іоаннову, Софію[315], поднесъ ей въ даръ отъ Максимиліана сѣрое сукно и попугая; а Государь, пожаловавъ его въ *Золотоносцы*, далъ ему золотую цѣпь съ крестомъ, горностаевую шубу и серебря-

ныя *остроги* или шпоры, какъ бы въ знакъ Рыцарскаго достоинства[316]. Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы Августа 19, вмѣстѣ съ нашими Послами, Трахаліотомъ и Дьякомъ Васильемъ Кулешинымъ. Наказъ, имъ данный, состоялъ въ слѣдующемъ: 1) «Вру-«чить Максимиліану договорную Іоаннову «грамоту и присягнуть въ вѣрномъ испол-«неніи условій. 2) Взять съ него такую же, «писанную языкомъ Славянскимъ; а буде на-«пишутъ оную по-Нѣмецки или по-Латин-«ни[317], то изъяснить, что обязательство «Великаго Князя не имѣетъ силы, ежели «въ грамотѣ будутъ отмѣны противъ Рус-«ской» (ибо Трахаліотъ и Кулешинъ не знали сихъ двухъ языковъ). 3) «Максимиліанъ «долженъ утвердить союзъ цѣлованіемъ «креста передъ нашими Послами. 4) Объя-«вить Королю согласіе Іоанново выдать за «него дочь, съ условіемъ, чтобы она не пе-«ремѣняла Закона. 5) Сказать ему, что По-«сламъ его и Московскимъ лучше ѣздить «впредь чрезъ Данію и Швецію, для избѣ-«жанія непріятностей, какія могутъ имъ «встрѣтиться въ Польскихъ Владѣніяхъ. 6) «Требовать, чтобы онъ далъ Великому Кня-«зю лекаря искуснаго въ цѣленіи внутрен-«нихъ болѣзней и ранъ. 7) Привѣтствовать «единственно Короля Римскаго, а не Импе-«ратора: ибо Делаторъ, будучи въ Москвѣ, «не сказалъ Великому Князю ни слова отъ «Фридерика.» Не смотря на государствен-

г. 1491—93.

г. 1491 —93. ную важность заключаемаго съ Австріею союза, Іоаннъ, какъ видимъ, строго наблюдалъ достоинство Россійскаго Монарха, и въ сіе же время отослалъ изъ Москвы безъ отвѣта слугу Поппелева, который пріѣзжалъ въ Россію за живыми лосями для Императора, но съ письмомъ не довольно учтивымъ отъ господина своего. Не взявъ даровъ Поппелевыхъ, богатаго мониста съ ожерельемъ, Великій Князь милостиво принялъ отъ его слуги двѣ обьяри, и далъ ему за то 120 соболей, цѣною въ 30 червонцевъ[318].

Траханіотъ и Кулешевъ писали къ Государю изъ Любека, что Король Датскій и Князья Нѣмецкіе, свѣдавъ объ ихъ прибытіи въ Германію, и желая добра Казимиру, замышляли сдѣлать имъ остановку въ пути; что Посолъ Максиміяновъ ѣдетъ вмѣстѣ съ ними и возметъ мѣры для ихъ безопасности; что Римскій Король уже завоевалъ многія мѣста въ Венгріи. Они наѣхали Максиміліана въ Нюренбергѣ, вручили ему дары отъ Іоанна и Великой Княгини (80 соболей, камку и птицу кречета); явили письменный договоръ, имъ одобренный и клятвенно утвержденный, но не упоминали о сватовствѣ, ибо слышали, что Максиміліанъ, долго не имѣвъ отвѣта отъ Великаго Князя, въ угожденіе своему отцу помолвилъ на Княжнѣ Бретанской. Пробывъ тамъ отъ 22 Марта до 23 Іюня (1491 года), Послы Іоанновы воз-

вратились въ Москву Августа 30 съ Максимиліановою союзною грамотою, которую Великій Князь приказалъ отдать въ хранилище государственное[319]. г. 1491 —93.

Въ слѣдъ за ними Король Римскій вторично прислалъ Делатора, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ клятвеннаго Іоаннова обѣта исполнять заключенный договоръ. Государь сдѣлалъ то же, что Максимиліанъ: цѣловалъ крестъ передъ его Посломъ. Изъявивъ совершенное удовольствіе и благодарность Короля, Делаторъ молилъ Великаго Князя не досадовать за помолвку его на Принцессѣ Бретанской, и разсказалъ длинную исторію въ оправданіе сего поступка. «Король Рим-«скій » — говорилъ онъ — «весьма желалъ «чести быть зятемъ Великаго Князя; но «Богъ не захотѣлъ того. Разнесся въ Гер-«маніи слухъ, что я и Послы Московскіе, «въ 1490 году отплывъ на двадцати че-«тырехъ корабляхъ изъ Любека, утонули «въ морѣ. Государь нашъ думалъ, что Іоаннъ «не свѣдалъ о его намѣреніи вступить въ «бракъ съ Княжною Россійскою. Дальнее раз-«стояніе не дозволяло отправить новаго «Посольства, и согласіе Великаго Князя бы-«ло еще не вѣрно. Между тѣмъ время те-«кло. Князья Нѣмецкіе требовали отъ Им-«ператора, чтобы онъ женилъ сына и пре-«дложили въ невѣсты Анну Бретанскую. «Фридерикъ убѣдилъ Максимиліана принять «ея руку. Когда же Государь нашъ узналъ,

Г. 1491 —93. «что мы живы, и что Княжна Россійская «могла быть его супругою: то искренно «огорчился, и донынѣ жалѣетъ о невѣстѣ «столь знаменитой.» Сія справедливая или выдуманная повѣсть удовлетворила Іоанновой чести: онъ не изъявилъ ни малѣйшей досады и не отвѣчалъ Послу ни слова. Делаторъ, какъ бы въ знакъ особенной, неограниченной къ нему довѣренности Максиміліановой, извѣстилъ Великаго Князя о тайныхъ видахъ Австрійской Политики. Долговременная война Нѣмецкаго Ордена съ Польшею рѣшилась (въ 1466 году) совершенною зависимостію перваго отъ Казимира, такъ, что Великій Магистръ Лудвигъ назвалъ себя его присяжникомъ, и Рыцарство, нѣкогда Державное, стенало подъ игомъ чужеземной власти. Максиміліанъ тайно возбуждалъ Орденъ свергнуть сіе иго и снова прибѣгнуть къ оружію; но Магистры Нѣмецкій и Ливонскій требовали отъ него, чтобы онъ прежде доставилъ имъ важное покровительство Монарха Россійскаго, сильнаго и грознаго. Делаторъ убѣждалъ Великаго Князя послать Московскаго чиновника въ Ливонію для переговоровъ, дать ея Рыцарямъ вѣчный миръ, не тѣснить ихъ и *взять Орденъ въ его милостивое соблюденіе.* — Столь же усердно ходатайствовалъ Посолъ за Швецію. Государственный ея Правитель, Стенъ-Стуръ, находился въ дружественной связи съ Максиміліаномъ, и жаловался ему на оби-

ды Россіянъ, которые въ 1490 году ужаснымъ образомъ свирѣпствовали въ Остерботнѣ: жгли, рѣзали, мучили жителей, присвоивая себѣ господство надъ Финляндіею[320]. Делаторъ молилъ Іоанна оставить сію несчастную землю въ покоѣ. Наконецъ предлагалъ, чтобы Московскіе Послы ѣздили въ Имперію чрезъ Мекленбургъ и Любекъ, а не чрезъ Данію, гдѣ въ разсужденіи ихъ не соблюдаются уставы чести и гостепріимства: ибо Король держитъ сторону Казимирову. — Замѣтимъ, что Посолъ Максимиліановъ въ своихъ аудіенціяхъ именовалъ Великаго Князя *Царемъ*; такъ и наши Послы называли Іоанна въ Германіи: Нѣмцы же въ переводѣ дипломатическихъ бумагъ употребляли имя Kayser, Imperator, вмѣсто Царя[321].

г. 1491 — 93.

Отвѣтъ Великаго Князя, сообщенный Послу Казначеемъ Дмитріемъ Владиміровичемъ и Дьякомъ Ѳедоромъ Курицынымъ, былъ такой: «Я заключилъ искренній союзъ съ «моимъ братомъ Максимиліаномъ; хотѣлъ «помогать ему всѣми силами въ завоеваніи «Венгріи, и готовился самъ сѣсть на коня; «но слышу, что Владиславъ, сынъ Казими«ровъ, объявленъ тамъ Королемъ, и что «Максимиліанъ съ нимъ примирился: слѣд«ственно мнѣ теперь нечего дѣлать. Одна«кожъ вмѣстѣ съ тобою отправлю къ нему «Пословъ. Не измѣню клятвѣ. Если братъ «мой рѣшится воевать, то иду немедленно «на Казимира и сыновей его, Владислава и Ал-

г. 1491 — 93. «брехта. Въ угодность Максимиліану буду «посредникомъ его союза съ Господаремъ Молдавскимъ, Стефаномъ. Что касается до «Магистровъ Прусскаго и Ливонскаго, то я «готовъ взять ихъ въ мое храненіе. Послѣд«ній желаетъ условиться о мирѣ съ моими «особенными Послами и вмѣсто *челобитья* «писать въ договорахъ *моленіе*; но да бу«детъ все по старому. Прежде онъ *билъ* «*челомъ* вольному Новугороду: нынѣ да имѣ«етъ дѣло съ тамошними моими Намѣстни«ками, людьми знатными.» — О Швеціи не было слова въ отвѣтѣ.

Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы 12 Апрѣля, 1492 года[322], съ Великокняжескимъ Приставомъ, коему надлежало довольствовать его всѣмъ нужнымъ до самой границы. Такъ обыкновенно бывало: Приставы встрѣчали и провожали Пословъ. Маія 6 снова отправился Траханіотъ съ Дьякомъ Михайломъ Яропкинымъ въ Германію. Ему велѣно было именемъ Іоанновымъ *спросить Максимиліана о здравіи, но не править поклона:* ибо Делаторъ въ первой аудіенціи не кланялся ни Великому Князю, ни супругѣ его отъ своего Короля, а спрашивалъ только о здравіи[323]. Наказъ сего Посольства былъ слѣдующій:

«Объявить Максимиліану, что Великій «Князь, вступивъ съ нимъ въ союзъ, желалъ «вѣрно исполнять условія, и для того не «хотѣлъ говорить о мирѣ съ Посломъ Ли«товскимъ, бывшимъ въ Москвѣ: слѣдствен-

«но и Король Римскій не долженъ мириться г.
«съ Богеміею и Польшею безъ Іоанна, кото- 1491
«рый готовъ, въ случаѣ его вѣрности, дѣй- — 93.
«ствовать съ нимъ за-одно всѣми силами,
«ему Богомъ данными. — Если онъ заключилъ миръ съ Владиславомъ, то развѣдать «о тайныхъ причинахъ онаго. Узнать всѣ «обстоятельства и виды Австрійской Политики: имѣетъ ли Максиміліанъ сильныхъ доброжелателей въ Венгріи, и кого «именно? не для того ли уступаетъ оную «Владиславу, чтобы воевать съ Государемъ «Французскимъ, который, по слуху, отнимаетъ у него невѣсту, Анну Бретанскую? — «Ежели бракъ Римскаго Короля не состоялся, «то искуснымъ образомъ внушить ему, что «Великій Князь, можетъ быть, не отринетъ его вторичнаго сватовства, когда «Императоръ и Максиміліанъ пришлютъ къ «нему убѣдительную грамоту съ *человѣкомъ добрымъ* (то есть, знатнымъ). Въ «такомъ случаѣ изъясниться о Вѣрѣ Греческой, о церкви и Священникахъ. А буде «Король женится на Принцессѣ Бретанской, «то говорить о сынѣ его, Филиппѣ, или о «Саксонскомъ Курфирстѣ Фридерикѣ. Навѣдаться также о пристойныхъ невѣстахъ «для сына Государева, Василія, изъ дочерей «Королевскихъ, и проч.; но соблюдать благоразумную осторожность, чтобы не повредить Государевой чести. — Заѣхать къ «Саксонскому Курфирсту, поднести ему въ

Г. 1491 — 93. «даръ 40 соболей и сказать: Великій Князь «благодаритъ тебя за охраненіе его Пословъ «въ землѣ твоей: и впредь охраняй ихъ, «равномѣрно и тѣхъ, которые ѣздятъ къ «намъ изъ *стра́нъ Италійскихъ*. Дозволяй «художникамъ, твоимъ подданнымъ, пересе«ляться въ Россію: за что Великій Князь «готовъ служить тебѣ всѣмъ, чѣмъ изоби«луетъ земля его.»

Послы наши имѣли письма къ Герцогу Мекленбургскому, къ Бургомистрамъ и Ратманамъ городовъ Нѣмецкихъ, о свободномъ ихъ пропускѣ; въ Нарвѣ и въ Ревелѣ они должны были вручить сіи грамоты *сидя*. — Донесенія, писанныя ими къ Государю въ пути, любопытны своею подробностію, вмѣщая въ себѣ извѣстія не только о главныхъ дѣлахъ Европейской Политики, но и купеческія: на примѣръ, о дороговизнѣ хлѣба во Фландріи, гдѣ ластъ ржи стоилъ тогда 100 червонцевъ[324]. Описывая войну Максиміліана съ Королемъ Французскимъ, Траханіотъ и Яропкинъ говорятъ о союзѣ перваго съ Англіею, Шотландіею, Испаніею, Португалліею и со всѣми Князьями Нѣмецкими; о мирѣ его съ Владиславомъ, который обязался ему заплатить за Венгрію 100,000 червонцевъ, объявивъ Максиміліана послѣ себя наслѣдникомъ; увѣдомляютъ также о походѣ Султанскаго войска въ Сервію; однимъ словомъ, представляютъ всѣ движенія Европы очамъ любопытнаго Іоанна, который хотѣлъ

быть самъ однимъ изъ ея великихъ Монар- г. 1491 — 93.
ховъ.

Приплывъ на кораблѣ изъ Ревеля въ Германію, Траханіотъ и Яропкинъ жили нѣсколько мѣсяцевъ въ Любекѣ — не зная, куда ѣхать къ Максимиліану, занятому тогда Французскою войною — и для перевода Нѣмецкихъ бумагъ, ими получаемыхъ, приняли въ Государеву службу тамошняго славнаго *книгопечатника*, Варѳоломея, который далъ имъ клятву таить содержаніе оныхъ. Они нашли Максимиліана въ Кольмарѣ, гдѣ и были отъ 15 Генваря до 23-го Марта. Политика его уже перемѣнилась: сей Государь, довольный условіями заключеннаго съ Владиславомъ мира, не думалъ болѣе о сѣверномъ союзѣ, употребляя всѣ усилія противъ Франціи. Послы наши — не сдѣлавъ, кажется, ничего — возвратились въ Москву въ Іюлѣ 1493 года[328].

Такимъ образомъ прекратились на сей разъ сношенія Великокняжескаго Двора съ Имперіею, хотя и не имѣвъ важныхъ государственныхъ слѣдствій, однакожь удовлетворивъ честолюбію Іоанна, который поставилъ себя въ оныхъ наравнѣ съ первымъ Монархомъ Европы. — Связь съ Германіею доставила намъ и другую существенную выгоду. Новое велелѣпіе Двора Московскаго, новыя Кремлевскія зданія, сильныя ополченія, Посольства, дары, требовали издержекъ, которыя испо-

Г. 1491 — 93. щали казну болѣе, нежели прежняя дань Ханская. Доселѣ мы пользовались единственно чужими драгоцѣнными металлами, добываемыми внѣшнею торговлею и мѣною съ Сибирскими народами черезъ Югру: сей послѣдній источникъ, какъ вѣроятно, оскудѣлъ или совсѣмъ закрылся: ибо въ лѣтописяхъ и въ договорахъ XV вѣка уже нѣтъ ни слова о *серебрѣ Закамскомъ*[326]. Но издавна былъ у насъ слухъ, что страны полунощныя, близъ Каменнаго Пояса, изобилуютъ металлами: присоединивъ къ Московской Державѣ Пермь, Двинскую землю, Вятку, Іоаннъ желалъ имѣть людей свѣдущихъ въ горномъ искусствѣ. Мы видѣли, что онъ писалъ о томъ къ Королю Венгерскому[327]; но Траханіотъ, кажется, первый вывезъ ихъ изъ Германіи. Въ 1491 году два Нѣмца, Иванъ и Викторъ, съ Андреемъ Петровымъ и Василіемъ Болтинымъ отправились изъ Москвы искать серебряной руды въ окрестностяхъ Печеры[328]. Черезъ семь мѣсяцевъ они возвратились съ извѣстіемъ, что нашли оную, вмѣстѣ съ мѣдною, на рѣкѣ Цыльмѣ, верстахъ въ двадцати отъ Космы, въ трехъ стахъ отъ Печеры и въ 3500 отъ Москвы, на пространствѣ десяти верстъ. Сіе важное открытіе сдѣлало Государю величайшее удовольствіе, и съ того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету изъ своего серебра; имѣли и золотыя деньги или медали Россій-

Открытіе Печерскихъ рудниковъ.

скія. Въ собраніи нашихъ древностей хранится снимокъ золотой медали 1497 году съ изображеніемъ Св. Николая: въ надписи сказано, что *Великій Государь* вылилъ сей *единый талеръ* изъ золота для *Княгини* (Княжны) своей, Ѳеодосіи[329]. На серебряныхъ деньгахъ Іоаннова времени обыкновенно представлялся всадникъ съ мечемъ. г. 1491 — 93.

Можетъ быть, слухъ о новыхъ, въ сѣверной Россіи открытыхъ, богатыхъ рудникахъ скоро дошелъ до Германіи и возбудилъ тамъ любопытство увѣриться въ справедливости онаго (Европа еще не знала Америки, и нуждаясь въ драгоцѣнныхъ металлахъ, долженствовала брать живѣйшее участіе въ такомъ открытіи): по крайней мѣрѣ въ 1492 году пріѣхалъ въ Москву Нѣмецъ Михаилъ Снупсъ съ письмомъ къ Великому Князю отъ Максимиліана и дяди его, Австрійскаго Эрцгерцога Зигмунда, княжившаго въ Инспрукѣ: они дружески просили Іоанна, чтобы онъ дозволилъ сему путешественнику осмотрѣть все любопытное въ нашемъ отечествѣ, учиться языку Русскому, видѣть обычаи народа и пріобрѣсти знанія нужныя для успѣховъ общей Исторіи и Географіи. Снупсъ, обласканный Великимъ Княземъ, немедленно изъявилъ желаніе ѣхать въ дальнѣйшія страны полунощныя и на Востокъ, къ берегамъ Оби. Іоаннъ усомнился и наконецъ рѣшительно отказалъ ему. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ,

г. 1491 — 93. Спустъ отправился назадъ въ Германію прежнимъ путемъ, чрезъ Ливонію, съ слѣдующимъ письмомъ отъ Великаго Князя къ Максимиліану и Зигмунду: «Изъ дружбы къ вамъ «мы ласково приняли вашего человѣка, но «не пустили его въ страны отдаленныя, «гдѣ течетъ рѣка Обь, за неудобностію «пути: ибо самые люди наши, ѣздящіе ту-«да для собранія дани, подвергаются не ма-«лымъ трудамъ и бѣдствіямъ. Мы не доз-«волили ему также возвратиться къ вамъ «чрезъ владѣнія Польскія или Турецкія: ибо «не можемъ отвѣтствовать за безопасность «сего пути. Богъ да блюдетъ ваше здра-«віе[330].» Вѣроятно, что Іоаннъ опасался сего Нѣмца какъ лазутчика, и не хотѣлъ, чтобы онъ видѣлъ наши сѣверо-восточныя земли, гдѣ открылся новый источникъ богатства для Россіи.

Посольство Датское. Вторымъ достопамятнымъ Посольствомъ описываемыхъ нами временъ было Датское. Если не Данія, то по крайней мѣрѣ Норвегія издревле имѣла сношенія съ Новымгородомъ, по сосѣдству съ его сѣверными областями. Дворъ Ярослава Великаго служилъ убѣжищемъ для ея знаменитыхъ изгнанниковъ[331]; Александръ Невскій хотѣлъ женить сына на дочери Гаконовой[332]; мы упоминали также о договорѣ Норвегіи съ Правительствомъ Новогородскимъ въ 1326 году[333]: но отдаленная Москва скрывалась во мракѣ неизвѣстности для трехъ Сѣверныхъ Ко-

ролевствъ до того времени, какъ Великій Князь сдѣлался Самодержцемъ всей Россіи, отъ береговъ Волги до Лапландіи. Пріязнь, бывшая между тогдашнимъ Королемъ Датскимъ, Іоанномъ, сыномъ Христіановымъ, и Казимиромъ, заставила перваго нарушить долгъ гостепріимства въ разсужденіи Пословъ Московскихъ, когда они ѣхали въ Любекъ чрезъ его землю: ибо Траханіотъ и Яропкинъ жаловались на претерпѣнныя ими въ ней обиды; но существенныя выгоды государственныя перемѣнили образъ мыслей сего Монарха: будучи врагомъ Шведскаго Правителя, онъ увидѣлъ пользу быть другомъ Великаго Князя, чтобы страхомъ нашего оружія обуздывать Шведовъ, и Посолъ Датскій (въ 1493 году) заключилъ въ Москвѣ союзъ любви и братства съ Россіею. Грекъ Дмитрій Ралевъ и Дьякъ Зайцовъ отправились въ Данію для размѣна договорныхъ грамотъ[334]. Г. 1491 — 93.

Упомянемъ также о двухъ Посольствахъ Азіатскихъ. Неизмѣримая Держава, основанная завоеваніями дикаго Героя, Тамерлана, хотя не могла по его смерти устоять въ своемъ величіи и раздѣлилась: однакожь имя Царства Чагатайскаго, составленнаго изъ Бухаріи и Хорасана, еще гремѣло въ Азіи: Султанъ Абусаидъ, внукъ Тамерланова сына, Мирана, господствовалъ отъ береговъ моря Каспійскаго до Мультана въ Индіи, и въ 1468 году убитый Персидскимъ Царемъ

г. 1491 — 93. Гассаномъ, оставилъ сію обширную страну въ наслѣдіе сыновьямъ, коихъ междоусобіе предвѣстило ихъ общую гибель. Гуссеинъ Мирза, правнукъ втораго Тамерланова сына, Омара, завладѣлъ Хорасаномъ; прославился многими побѣдами, одержанными имъ надъ Татарами-Узбеками; любилъ добродѣтель, Науки; слышалъ о величіи Государя Россійскаго, и желая его дружбы, въ 1489 году прислалъ въ Москву какого-то *богатыря* Уруса для заключенія союза съ Іоанномъ[335]. Можетъ быть, онъ хотѣлъ, чтобы Великій Князь, имѣя связь съ Ногаями, возбудилъ ихъ противъ Узбековъ. Но Царство Чагатайское отжило вѣкъ свой: Ханъ Узбекскій, Шай-Бегъ, въ началѣ XVI вѣка изгналъ Гуссеиновыхъ сыновей изъ Хорасана, овладѣвъ и Бухаріею, откуда послѣдній Султанъ Тамерланова рода, Баборъ, ушелъ въ Индостанъ, гдѣ Судьба опредѣлила ему быть основателемъ Имперіи такъ называемаго *Великаго Могола*.

Чагатайское, Иверское посольство.

Иверія, или нынѣшняя Грузія, искони славилась воинскою доблестію своего народа, такъ, что ни Персидское, ни Македонское оружіе не могло поработить его; славилась также богатствомъ (древніе Аргонавты искали *Златаго руна* въ сосѣдственной съ нею Мингреліи). Завоеванная Помпеемъ, она дѣлается съ того времени извѣстною въ Римской Исторіи, которая именуетъ намъ ея разныхъ Царей, данниковъ Рима. Одинъ изъ

нихъ, Фарасманъ II, вѣрный другъ Императора Адріана, удостоился чести приносить богамъ жертву въ Капитоліи и видѣть свой изваянный образъ въ храмѣ Беллоны на берегу Тибра. Но далѣе не находимъ уже никакихъ извѣстій о сей странѣ до раздѣленія Имперіи; знаемъ только, что Христіанская Вѣра начала тамъ утверждаться еще со временъ Константина Великаго; что Св. Симеонъ Столпникъ способствовалъ успѣхамъ ея; что Иверія, имѣя всегда собственныхъ Царей или Князей, зависѣла то отъ Монарховъ Персидскихъ, то отъ Императоровъ Греческихъ, была покорена Моголами и въ 1476 году подвластна Царю Персидскому, Узунъ-Гассану[336]. Нѣтъ сомнѣнія, что Россія издревле находилась въ связи съ единовѣрною Грузіею: Изяславъ I, какъ извѣстно, былъ женатъ на Княжнѣ Абассинской, а сынъ Андрея Боголюбскаго супругомъ славной Грузинской Царицы, Тамари[337]. Сія связь, прерванная нашествіемъ Батыевымъ, возобновилась: Послы Князя Иверскаго, Александра, именемъ Нариманъ и Хоземарумъ, въ 1492 году пріѣхали къ Іоанну, требовать его покровительства[338]. Уважаемый въ Персіи и въ странахъ окрестныхъ, Великій Князь могъ дѣйствительно быть заступникомъ своихъ утѣсненныхъ единовѣрцевъ, которые оплакивали паденіе Греціи, и подъ игомъ варваровъ закоснѣвъ въ невѣжествѣ, имѣли нужду въ совѣтахъ нашего Духовен-

г. 1491—93.

г. 1491 — 93. ства для Христіанскаго просвѣщенія. Александръ въ грамотѣ своей смиренно именуетъ себя *холопомъ* Іоанна, его же называетъ великимъ Царемъ, *свѣтомъ зеленаго неба*, *звѣздою темныхъ*, *надеждою Христіанъ*, *подпорою бѣдныхъ*, *закономъ*, *истинною управою всѣхъ Государей*, *тишиною земли* и ревностнымъ *обѣтникомъ Св. Николая.*

Занимаясь дѣлами Европы и Азіи, могъ ли Іоаннъ оставить безъ примѣчанія Державу Оттоманскую, которая уже столь сильно дѣйствовала на судьбу трехъ частей міра? Какъ зять Палеологовъ и сынъ Греческой Церкви, утѣсняемой Турками, онъ долженствовалъ быть врагомъ Султановъ; но не хотѣлъ себя обманывать: видѣлъ, что еще не пришло время для Россіи бороться съ ними; что здравая Политика велитъ ей употреблять свои юныя силы на иные предметы, ближайшіе къ истинному благу ея: для того, заключая союзы съ Венгріею и Молдавіею, не касался дѣлъ Турецкихъ, имѣя въ виду одну Литву, нашего врага естественнаго. Выгодная торговля купцевъ Московскихъ въ Азовѣ и Кафѣ, управляемой Константинопольскими Пашами, зависимость Менгли-Гирея (важнѣйшаго союзника Россіи) отъ Султановъ, и надежда вредить Казиміру чрезъ Оттоманскую Порту склоняли Іоанна къ дружбѣ съ нею: онъ ждалъ только пристойнаго случая, и тѣмъ болѣе обрадовался, узнавъ, что Султанскіе

Паши, говоря въ Бѣлѣгородѣ съ Дьякомъ его, Ѳедоромъ Курицынымъ, объявили ему желаніе ихъ Государя искать Іоанновой пріязни [339]. Великій Князь поручилъ Менгли-Гирею основательно развѣдать о семъ предложеніи, и Султанъ, Баязетъ II, отвѣтствовалъ: «ежели Государь Московскій тебѣ, «Менгли-Гирею, братъ: то будетъ и мнѣ «братъ [340].» Слѣдующее происшествіе служило поводомъ къ первому государственному сношенію между нами и Портою. Купцевъ Россійскихъ обижали въ Азовѣ и въ Кафѣ, такъ, что они перестали наконецъ ѣздить въ Султанскія владѣнія. Паша Кафинскій жаловался на то Баязету, слагая вину на Менгли-Гирея, будто бы отвратившаго Россіянъ отъ торговли съ симъ городомъ; а Менгли-Гирей хотѣлъ, чтобы Іоаннъ оправдалъ его въ глазахъ Султана. Удовлетворяя требованію оклеветаннаго друга, и какъ бы единственно изъ снисхожденія, Великій Князь написалъ такую грамоту къ Баязету [341]:

г. 1491 — 93.

«Султану, *вольному* Царю Государей Турскихъ и *Азямскихъ*, земли и моря, Баязету, «Іоаннъ Божіею милостію единый правый, «наслѣдственный Государь всея Русіи и многихъ иныхъ земель отъ Сѣвера до Востока. Се наше слово къ твоему Величеству. «Мы не посылали людей другъ ко другу спрашивать о здравіи; но купцы мои ѣздили въ «страну твою и торговали, съ выгодою для «обѣихъ Державъ. Они уже нѣсколько разъ

Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ Турецкимъ.

Г. 1491 — 93. «жаловались мнѣ на твоихъ чиновниковъ: я «молчалъ. Наконецъ, въ теченіе минувшаго «лѣта, Азовскій Паша принудилъ ихъ ко-«пать ровъ и носить каменья для городска-«го строенія. Сего мало: въ Азовѣ и въ Ка-«фѣ отнимаютъ у нашихъ купцевъ товары «за полцѣны; въ случаѣ болѣзни одного изъ «нихъ, кладутъ печать на имѣніе всѣхъ: ес-«ли умираетъ, то все остается въ казнѣ; «если выздоравливаетъ, отдаютъ назадъ «только половину. Духовныя завѣщанія не «уважаемы: Турецкіе чиновники не призна-«ютъ наслѣдниковъ, кромѣ самихъ себя, въ «Русскомъ достояніи. Узнавъ о сихъ обидахъ, «я не велѣлъ купцамъ ѣздить въ твою зем-«лю. Прежде они платили единственно за-«конную пошлину и торговали свободно: отъ «чего же родилось насиліе? знаешь или не «знаешь онаго? . . . Еще одно слово: отецъ «твой (Магометъ II) былъ Государь вели-«кій и славный: онъ хотѣлъ, какъ сказыва-«ютъ, отправить къ намъ Пословъ съ дру-«жескимъ привѣтствіемъ; но его намѣреніе, «по волѣ Божіей, не исполнилось. Для чего «же не быть тому нынѣ? Ожидаемъ отвѣта. «Писано въ Москвѣ, 31 Августа» (въ 1492 году). — Менгли-Гирей долженъ былъ до-ставить сію грамоту Баязету: увидимъ слѣдствіе.

Посольство въ Крым. Тѣсная связь Іоаннова съ Ханомъ Таврическимъ не ослабѣвала, утверждаемая частыми Посольствами и дарами. Въ 1490

году ѣздилъ въ Тавриду Князь Василій Ромодановскій съ увѣреніемъ, что войско наше готово всегда тревожить Золотую Орду[342]. Сія тѣнь Батыева Царства скиталась изъ мѣста въ мѣсто: иногда переходила за Днѣпръ, иногда удалялась къ предѣламъ страны Черкесской, къ берегамъ Кумы. Тщетно сыновья Ахматовы вмѣстѣ съ Царемъ Астраханскимъ, Абдылъ-Керимомъ, замышляли впаденіе въ Тавриду, оберегаемую съ одной стороны Россіянами, Магметъ-Аминемъ Казанскимъ и Ногаями, а съ другой Султаномъ, который далъ Менгли-Гирею 2000 воиновъ для его защиты. Крымцы отгоняли стада у Волжскихъ Татаръ, и въ одной кровопролитной сшибкѣ убили сына Ахматова, Едигея. — Въ 1492 году новый Посолъ Іоанновъ, Лобанъ Колычевъ, убѣждалъ Менгли-Гирея воевать Литовскія владѣнія, представляя, что Ординскіе Цари злодѣйствуютъ ему единственно по внушеніямъ Казимировымъ[343]. Ханъ отвѣтствовалъ: «Я «съ братомъ моимъ, Великимъ Княземъ, всег-«да одинъ человѣкъ, и строю теперь при «устьѣ Днѣпра, на старомъ *городищѣ*, но-«вую крѣпость, чтобы оттуда вредить «Польшѣ.» Сія крѣпость была *Очаковъ*, основанный на какихъ-то древнихъ развалинахъ. Братъ Ханскій, Усмемиръ, и племянникъ Довлетъ жили у Казимира: Великій Князь, для безопасности Менгли-Гирея, старался переманить ихъ въ Россію, но не могъ;

г. 1491 — 93.

г. 1491 — 93. въ угодность ему принялъ также меньшаго пасынка его, Абдылъ-Летифа, и съ честію отправилъ къ Царю Казанскому, Магметъ-Аминю. Менгли-Гирей желалъ еще, чтобы онъ далъ Коширу въ помѣстье Царевичу Мамышеку, сыну Мустафы: сіе требованіе не было уважено, равно какъ и другое, чтобы Іоаннъ заплатилъ 33,000 алтынъ, взятыхъ Ханомъ въ долгъ у жителей Кафинскихъ для строенія Очакова. «Не строеніемъ безполезныхъ крѣпостей, отдаленныхъ «отъ Литвы» — приказывалъ Великій Князь къ своему другу — «но частыми впаденіями «въ ея земли долженъ ты безпокоить об«щихъ враговъ нашихъ.» Ханъ любилъ дары; просилъ кречетовъ и соболей для Турецкаго Султана: Государь давалъ, однакожь не безкорыстно, и (въ 1491 году) походомъ Воеводъ Московскихъ на Улусы Золотой Орды оказавъ услугу Менгли-Гирею, хотѣлъ, чтобы онъ въ знакъ благодарности прислалъ къ нему свой *большой красной лалъ*. Замѣтимъ еще, что Ханъ Крымскій, опасаясь Іоаннова подозрѣнія, сносился съ Царемъ Казанскимъ только чрезъ Москву: всякую грамоту ихъ переводили и читали Государю, который думалъ, что осторожность не мѣшаетъ дружбѣ[344].

Литовскія дѣла. Такъ было до 1492 года, когда важная перемѣна случилась въ Литвѣ и перемѣнила систему Россіи. Не смотря на взаимную ненависть между сими двумя Державами, ни

которая не хотѣла явной войны. Казиміръ, уже старый и всегда малодушный, боялся твердаго, хитраго, дѣятельнаго и счастливаго Іоанна, увѣнчаннаго славою побѣдъ; а Великій Князь отлагалъ войну по внушенію государственной мудрости: чѣмъ болѣе медлилъ, тѣмъ болѣе усиливался и вѣрнѣе могъ обѣщать себѣ успѣхи; неусыпно стараясь вредить Литвѣ, казался готовымъ къ миру и не отвергалъ случаевъ объясняться съ Королемъ въ ихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ. Съ 1487 до 1492 года Литовскіе Послы, Князь Тимоѳей Мосальскій, Смоленскій Бояринъ Плюсковъ, Стромиловъ, Хребтовичь и Намѣстникъ Утенскій, Клочко, пріѣзжали въ Москву съ разными жалобами. Со временъ Витовта Удѣльные Князья древней земли Черниговской, въ нынѣшнихъ Губерніяхъ Тульской, Калужской, Орловской, были подданными Литвы: видя наконецъ возрастающую силу Іоанна, склоняемые къ нему единовѣріемъ и любезнымъ ихъ сердцу именемъ Русскимъ, они начали переходить къ намъ съ своими отчинами, и для успокоенія совѣсти давали только знать Казиміру, что слагаютъ съ себя обязанность его присяжниковъ. Уже нѣкоторые Одоевскіе, Воротынскіе, Бѣлевскіе, Перемышльскіе Князья служили Московскому Государю, и вели непрестанную войну съ своими родственниками, которые еще оставались въ Литвѣ. Такъ Василій Кривый, Князь Воротынскій, опу-

Г. 1491 — 93.

г. 1491 —93. спошилъ нѣсколько мѣспъ въ землѣ Королевской[345]. Сыновья Князя Симеона Одоевскаго взяли городъ ихъ дяди, Θеодора, Одоевъ; расхипили казну, плѣнили мапь его. Дружина Князя Дмипрія Воропынскаго обрапила въ пепелъ многія Брянскія села. Князь Иванъ Бѣлевскій силою принудилъ брапа, Андрея, опложипься опъ Короля. Казимиръ жаловался, чпо Іоаннъ принимаепъ измѣнниковъ и перпипъ ихъ разбои; чпо многія Липовскія мѣспа опошли къ намъ; чпо Великія Луки и Ржева не хопяпъ плапипь ему дани, и проч. Іоаннъ опвѣпсшвовалъ ему на словахъ и чрезъ собспвенныхъ Пословъ, чпо сіи жалобы большею часпію несправедливы; чпо Великія Луки и Ржева супь искони Новогородскія обласпи; чпо Казимировы подданные сами обижаюпъ Россіянъ; чпо ссорныя дѣла должны бышь рѣшены на мѣспѣ общими судіями; чпо Князья племени Владимірова, добровольно служивъ Липвѣ, имѣюпъ право съ наслѣдспвеннымъ своимъ досшояніемъ возврапипься подъ сѣнь ихъ древняго опечеспва. Государь пребовалъ, чпобы Казимиръ оппуспилъ въ Россію жену Князя Бѣльскаго, не обременялъ нашихъ купцевъ налогами и возврапилъ опнящое у нихъ насиліемъ въ его землѣ, казнилъ обидчиковъ, дозволилъ Посламъ Великокняжескимъ свободно ѣздипь чрезъ Липву въ Молдавію, и проч. «Государь вашъ» — сказалъ Король чиновнику Іоаннову, Ропкину — «любипъ пре-

«бовать, а не удовлетворять: я долженъ «слѣдовать его примѣру.» Однакожь взаимно соблюдалась учтивость: Литовскіе Послы обѣдали у Государя; не только онъ, но и юный сынъ его, Василій Іоанновичь, приказывалъ съ ними дружескіе поклоны къ Казимиру; въ знакъ пріязни Великій Князь освободилъ даже многихъ Поляковъ, которые находились плѣнниками въ Ордѣ. Въ Маѣ 1492 году былъ отправленъ въ Варшаву Иванъ Никитичь Беклемишевъ съ предложеніемъ, чтобы Король отдалъ намъ городки Хлепенъ, Рогачевъ и другія мѣста, издревле Россійскія, и чтобы съ обѣихъ сторонъ выслать Бояръ на границу для изслѣдованія взаимныхъ обидъ. Но Беклемишевъ возвратился съ извѣстіемъ, что Казимиръ умеръ 25 Іюня; что старшій его сынъ, Албертъ, сдѣлался Королемъ Польскимъ, а меньшій, Александръ, Великимъ Княземъ Литовскимъ.

Г. 1491. — 93.

Смерт Казимира. Сынъ его Александръ на тронѣ Литовскомъ.

Сей случай казался благопріятнымъ для Россіи: Литва, избравъ себѣ инаго Властителя, уже не могла располагать силами Польши, которая не имѣла вражды съ нами и долженствовала слѣдовать особенной государственной системѣ. Іоаннъ немедленно послалъ Константина Заболоцкаго къ Менгли-Гирею, убѣдить его, чтобы онъ воспользовался смертію Короля и шелъ на Литовскую землю, не отлагая похода до весны; что Волжская Орда кочуетъ въ отдаленныхъ восточныхъ предѣлахъ и не опасна для

Г. 1491 — 93. Тавриды; что ему никогда не будетъ лучшаго времени отмстить Казимировымъ сыновьямъ за всѣ злыя козни отца ихъ[346]. — Другой Великокняжескій чиновникъ, Иванъ Плещеевъ, отправился къ Стефану Молдавскому, вѣроятно съ такими же представленіями[347]. Начались и непріятельскія дѣйствія съ нашей стороны: Князь Ѳеодоръ Телепня-Оболенскій, вступивъ съ полкомъ въ Литву, разорилъ Мценскъ и Любутскъ; Князья Перемышльскіе и Одоевскіе, служащіе Іоанну, плѣнили въ Мосальскѣ многихъ жителей, Намѣстниковъ и Князей съ ихъ семействами; другой отрядъ завоевалъ Хлепенъ и Рогачевъ[348].

Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы.

Между тѣмъ новый Государь Литовскій, Александръ, всего болѣе желалъ мира съ Россіею, отъ юныхъ лѣтъ слышавъ непрестанно о величіи и побѣдахъ ея Самодержца. Вѣрнѣйшимъ средствомъ снискать Іоаннову пріязнь казалось ему супружество съ одною изъ его дочерей, и Намѣстникъ Полоцкій, Янъ, писалъ о томъ къ первому Воеводѣ Московскому, Князю Ивану Юрьевичу, представляя, что Россія и Литва наслаждались счастливымъ миромъ, когда дѣдъ Іоанновъ, Василій Димитріевичъ, совокупился бракомъ съ дочерію Витовта[349]. Скоро явилось въ Москвѣ и торжественное Посольство Литовское[350]. Панъ Станиславъ Глѣбовичъ, вручивъ вѣрющую грамоту, объявилъ Іоанну о смерти Казимира, о восшествіи Алек-

сандра на престолъ, и требовалъ удовлетворенія за разореніе Мценска и другихъ городовъ. Ему отвѣтствовали, что мы должны были отмстить Литвѣ за грабежи ея подданныхъ; что плѣнники будутъ освобождены, когда Александръ удовольствуетъ всѣхъ обиженныхъ Россіянъ, и проч. Станиславъ, пируя у Воеводы Московскаго, Князя Ивана Юрьевича, въ веселомъ разговорѣ упомянулъ о сватовствѣ: онъ былъ не трезвъ, и для того не получилъ отвѣта; а на другой день сказалъ, что Литовскіе Сенаторы желаютъ сего брака, но что ему велѣно тайно развѣдать о мысляхъ Великаго Князя. Дѣло столь важное требовало осторожности: не входя ни въ какія изъясненія, Послу дали чувствовать, что надобно утвердить искренній, вѣчный миръ прежде, нежели говорить о сватовствѣ; что миръ легко можетъ быть заключенъ, если Правительство Литовское удержится отъ *лишнихъ рѣчей* и требованій неосновательныхъ. То же написалъ и Князь Иванъ Юрьевичь къ Намѣстнику Полоцкому.

Г. 1491 — 93.

Переговоры о мирѣ и сватовствѣ.

Станиславъ уѣхалъ изъ Москвы и непріятельскія дѣйствія продолжались. Князья Воротынскіе, Симеонъ Ѳеодоровичь съ племянникомъ Иваномъ Михайловичемъ, вступивъ въ нашу службу, засѣли города Литовскіе, Серпейскъ и Мещовскъ: Воевода Смоленскій, Панъ Юрій, и Князь Симеонъ Можайскій выгнали ихъ оттуда; но Государь послалъ сильное войско, Московское и Ря-

Г. 1493.

Г. 1493. занское, которое взяло приступомъ Серпейскъ и городокъ Опаковъ; а Мещовскъ сдался. Въ числѣ плѣнниковъ находились многіе знатные Смоляне и Паны Двора Александрова[351]. Другое наше войско покорило Вязьму: ея Князья, присягнувъ Государю, остались въ наслѣдственномъ владѣніи; также и Князь Мезецкій, выдавъ Іоанну своихъ двухъ братьевъ, сосланныхъ въ Ярославль за ихъ усердіе къ Литвѣ[352]. Князья Воротынскіе завоевали Мосальскъ[353].

Злоумышленіе на жизнь Іоанову.

Въ сіе время открылось въ Москвѣ гнусное злоумышленіе, коего истинный виновникъ уже тлѣлъ во гробѣ, но которое едва не исполнилось и не пресѣкло славнаго теченія Іоанновой жизни. Никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣянія; нравственность существуетъ не только для частныхъ людей, но и для Государей: они должны поступать такъ, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами. Кто же уставитъ, что Вѣнценосецъ имѣетъ право тайно убить другаго, находя его опаснымъ для своей Державы: тотъ разрушитъ связь между гражданскими обществами, уставитъ вѣчную войну, безпорядокъ, ненависть, страхъ, подозрѣніе между ими, совершенно противные ихъ цѣли, которыя есть безопасность, спокойствіе, миръ. Не такъ разсуждалъ отецъ Александровъ, Казимиръ: онъ подослалъ къ Іоанну Князя Ивана Лукомскаго, племени Вла-

димірова, съ тѣмъ, чтобы злодѣйски убить г.
или отравить его. Лукомскій клялся испол- 1493.
нить сіе адское порученіе, привезъ съ собою въ Москву ядъ, составленный въ Варшавѣ, и будучи милостиво обласканъ Государемъ, вступилъ въ нашу службу; но какою-то счастливою нескромностію обнаружилъ свой умыселъ: его взяли подъ стражу; нашли и ядъ, коимъ онъ хотѣлъ умертвить Государя, чтобы сдержать данное Казимиру слово. Злодѣйство столь необыкновенное требовало и наказанія чрезвычайнаго: Лукомскаго и единомышленника его, Литинскаго толмача, Поляка Матіаса, сожгли въ клѣткѣ на берегу Москвы-рѣки[384]. Князь Ѳеодоръ Бѣльскій также впалъ въ подозрѣніе, и былъ сосланъ въ Галичь: ибо Лукомскій доказывалъ, что сей легкомысленный родственникъ Казимировъ хотѣлъ тайно уѣхать отъ насъ въ Литву. Открылись и другіе преступники, два брата, Алексѣй и Богданъ Селевины, граждане Смоленскіе: будучи плѣнниками въ Москвѣ, они жили на свободѣ, употребляли во зло довѣренность Государеву къ ихъ честности, имѣли связь съ Литвою и посылали вѣсти къ Александру Литовскому. Богдана засѣкли кнутомъ до смерти: Алексѣю отрубили голову.

Такое происшествіе не могло расположить Іоанна къ миру: онъ непрестанно побуждалъ Менгли-Гирея воевать Литву. Посолъ Александра, Князь Глинскій, находился тогда въ

г. Крыму, и требовалъ, чтобы Ханъ снесъ
1493. городъ Очаковъ, построенный имъ на Литовской землѣ. Въ угодность Великому Князю, Менгли-Гирей задержалъ Глинскаго, зимою подступилъ къ Кіеву, и выжегъ окрестности Чернигова, но за разлитіемъ Днѣпра возвратился въ Перекопъ[355]. Между тѣмъ Воевода Черкасскій, Богданъ, разорилъ Очаковъ, къ великой досадѣ Хана, истратившаго 150,000 алтынъ на строеніе онаго. «Мы ничего важнаго не сдѣлаемъ врагамъ своимъ, если не будемъ имѣть крѣпости при устьѣ Днѣпра,» писалъ Менгли-Гирей къ Великому Князю[356], увѣдомляя, что Александръ посредствомъ Султана Турецкаго предлагалъ ему миръ и 13,500 червонцевъ за Литовскихъ плѣнниковъ, но что онъ, какъ вѣрный союзникъ Іоанновъ, не хотѣлъ о томъ слышать; что сей новый Государь Литовскій, слѣдуя Политикѣ отца, возбуждаетъ Ахматовыхъ сыновей противъ Тавриды и Россіи; что Царь Ординскій, Шигъ-Ахмедъ, женатый на дочери Ногайскаго Князя Мусы, и за то сверженный съ престола, опять царствуетъ вмѣстѣ съ братомъ Сеидъ-Махмутомъ[357]; что войско Крымское всегда готово итти на нихъ и на Литву, и проч. Въ самомъ дѣлѣ Менгли-Гирей не переставалъ тревожить Александровыхъ владѣній набѣгами и грабежемъ.

Новый союзникъ представился Іоанну, Владѣтельный Князь Мазовецкій, Конрадъ,

племени древнихъ Вѣнценосцевъ Польскихъ. Будучи тогда врагомъ сыновей Казимировыхъ, онъ желалъ вступить въ тѣсную связь съ Россіею и прислалъ въ Москву Варшавскаго Намѣстника, Ивана Подосю, сватать за него одну изъ дочерей Великаго Князя. Сей бракъ казался пристойнымъ и выгоднымъ для нашей Политики; но Государь не хотѣлъ вдругъ изъявить согласія, и самъ отправилъ Пословъ въ Мазовію для заключенія предварительнаго договора съ ея Княземъ: 1) о вспоможеніи, которое онъ даетъ Россіи противъ сыновей Казимировыхъ; 2) о назначеніи вѣна для будущей супруги его: то есть, Іоаннъ требовалъ, чтобы она имѣла въ собственномъ владѣніи нѣкоторые города и волости въ Мазовіи[358]. — Не знаемъ, съ какимъ отвѣтомъ возвратились Послы; но сіе сватовство не имѣло дальнѣйшихъ слѣдствій, вѣроятно отъ перемѣны обстоятельствъ.

г. 1493. Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву.

Если и Казимиръ, Государь Литвы и Польши, опасался войны съ Іоанномъ: то Александръ, властвуя единственно надъ первою, и не увѣренный въ усердной помощи брата, могъ ли безъ крайности отважиться на кровопролитіе? Менгли-Гирей опустошалъ, Стефанъ Молдавскій грозилъ, заключивъ тѣсный союзъ между собою посредствомъ Іоанна[359], и слѣдуя его указаніямъ. Но всего опаснѣе былъ самъ Великій Князь, именемъ отечества и единовѣрія призывая

Г. 1493. къ себѣ всѣхъ древнихъ Россіянъ, которые составляли большую часть Александровыхъ подданныхъ. Уже Москва расширила свои предѣлы до Жиздры и самаго Днѣпра, дѣйствуя не столько мечемъ, сколько приманомъ. Въ городахъ, въ селахъ и въ битвахъ страшились измѣны. — И такъ Александръ рѣшительно хотѣлъ искренняго, вѣчнаго мира.

Не столь легко изъяснить обстоятельствами миролюбіе Іоанна; все ему благопріятствовало: онъ имѣлъ сильное, опытное войско, друзей въ Литвѣ и счастіе, важное въ дѣлахъ человѣческихъ; видѣлъ ея боязнь и слабость; могъ обѣщать себѣ рѣдкую славу и даже Христіанскую заслугу, то есть, возвратить отечеству лучшую его половину, а Церкви шесть или семь знаменитыхъ Епархій, насиліемъ Латинскимъ отторженныхъ отъ ея истиннаго, общаго Пастырства. Но мы знаемъ характеръ Іоанновъ, для коего умѣренность была закономъ въ самомъ счастіи; знаемъ умъ его, который не любилъ отважности, кромѣ необходимой. Властвовавъ уже болѣе тридцати лѣтъ въ непрестанной и часто безпокойной дѣятельности, онъ хотѣлъ тишины, согласной съ достоинствомъ великаго Монарха и благомъ Державы. Вообще люди на шестомъ десятилѣтіи жизни рѣдко предпринимаютъ трудное и менѣе обольщаются успѣхами отдаленными. Покушеніе завоевать

всю древнюю южную Россію возбудило бы г.
противъ насъ не только Польшу, но и Вен- 1493.
грію, и Богемію, гдѣ царствовалъ братъ Александровъ, Владиславъ; надлежало бы воевать долго и не распускать полковъ: что казалось тогда невозможностію. Союзъ Хана Крымскаго и Стефана Великаго, полезный для усмиренія Литвы, не могъ быть весьма надеженъ въ усильномъ бореніи съ сими тремя Государствами. Менгли-Гирей зависѣлъ отъ Султана, готоваго иногда оказывать услуги Венгріи и Польшѣ: хотя не измѣнялъ Іоанну, однакожъ не во всемъ удовлетворялъ ему: напримѣръ, безъ его вѣдома освободилъ Глинскаго, ссылался съ Александромъ и дѣйствовалъ противъ Литвы слабо, недружно[360]. Стефанъ же имѣлъ болѣе ума и мужества, нежели силъ, истощаемыхъ имъ въ войнахъ съ Турками. — Замѣтимъ наконецъ, что время уже пріучило Сѣверную Россію смотрѣть на Литовскую какъ на чуждую землю; въ обычаяхъ и нравахъ сдѣлалась перемѣна, и связь единородства ослабѣла. Іоаннъ, отнявъ у Литвы нѣкоторыя области, былъ доволенъ симъ знакомъ превосходства силъ, и лучше хотѣлъ миромъ утвердить пріобрѣтенное, нежели войною искать новыхъ пріобрѣтеній.

Въ слѣдъ за Литовскими Послами, бывшими въ Москвѣ, Великій Князь отправилъ Дворянина Загряскаго къ Александру, съ объ-

г. 1493. явленіемъ, что отчины Князей Воротынскихъ, Бѣлевскихъ, Мезецкихъ и Вяземскихъ, служащихъ Государю, будутъ впредь частію Россіи, и что Литовское Правительство не должно вступаться въ оныя. Въ вѣрющей грамотѣ, данной Загряскому, Іоаннъ по своему обыкновенію назвалъ себя Государемъ *всей Россіи.* Сей Посолъ имѣлъ также письмо отъ юнаго сына Іоаннова, Василія, къ изгнаннику, Князю Василію Михайловичу Верейскому, коему дозволялось возвратиться въ Москву: ибо Великая Княгиня Софія исходатайствовала ему прощеніе[361]. Въ Вильнѣ отвѣчали Загряскому, что новые Послы Александровы будутъ въ Москву: они дѣйствительно пріѣхали въ исходѣ Іюня съ требованіемъ, чтобы Іоаннъ не только отдалъ ихъ Государю всѣ захваченныя Россіянами Литовскія области, но и казнилъ виновниковъ сего насилія; сверхъ того изъявили негодованіе, что Великій Князь употребляетъ въ грамотахъ титулъ новый и *высокій*, именуясь Государемъ *всей Россіи* и многихъ земель; а въ заключеніе сказали Воеводѣ Московскому, Ивану Юрьевичу, что Александръ, по желанію Сенаторовъ Литовскихъ, готовъ начать переговоры о вѣчномъ мирѣ[362]. Отвѣтъ Іоанновыхъ Бояръ состоялъ въ слѣдующемъ: « Князья Воротынскіе «и другіе искони были слугами нашихъ Го«сударей. Пользуясь *незгодою Россіи*, Литва «завладѣла ихъ странами: теперь иныя вре-

«мена. — Великій Князь не пишетъ въ гра-
«мотахъ своихъ ничего *высокаго* , а назы-
«вается Властителемъ земель, данныхъ ему
«Богомъ.»

Въ Генварѣ 1494 году *Великіе Послы* Литовскіе, Воевода Троцкій, Петръ Яновичь Бѣлой и Станиславъ Гастольдъ, Староста Жмудскій, прибыли въ Москву для заключенія мира. Они хотѣли возобновить договоръ Казимировъ съ Василіемъ Темнымъ, а наши Бояре древнѣйшій Ольгердовъ съ Симеономъ Гордымъ и отцемъ Донскаго. Первые уступали Іоанну Новгородъ, Псковъ и Тверь въ вѣчное потомственное владѣніе, но требовали всѣхъ иныхъ городовъ, коими завладѣли Россіяне въ новѣйшія времена. «Вы уступаете намъ не свое, а наше,» сказали Бояре. Спорили долго, хитрили и нѣсколько разъ прерывали сношенія; наконецъ согласились, чтобы Вязьма, Алексинъ, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль, Торуса, Оболенскъ, Козельскъ, Серенскъ, Новосиль, Одоевъ, Воротынскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Мещера остались за Россіею; а Смоленскъ, Любутскъ, Мценскъ, Брянскъ, Серпейскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмитровъ, Лужинъ и нѣкоторыя иныя мѣста по Угру за Литвою[363]. Князьямъ Мезецкимъ или Мещовскимъ дали волю служить, кому они хотятъ. Александръ обѣщалъ признать Великаго Князя *Государемъ всей Россіи*, съ тѣмъ, чтобы онъ не требовалъ Кіева. Тогда Послы

Г. 1494.

Миръ съ Литвою.

Г. 1494. Іоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра

Литовскіе, вторично представленные Іоанну, начали дѣло сватовства, и Государь изъявилъ согласіе выдать дочь свою, Елену, за Александра, взявъ слово, что онъ не будетъ нудить ее къ перемѣнѣ Вѣры. На другой день, Февраля 6, въ комнатахъ у Великой Княгини Софіи они увидѣли невѣсту, которая чрезъ Окольничаго спросила у нихъ о здоровьѣ будущаго супруга. Тутъ, въ присутствіи всѣхъ Бояръ, совершилось обрученіе. Станиславъ Гастольдъ заступалъ мѣсто жениха, ибо старшему Послу, Воеводѣ Петру, *имѣвшему вторую жену*, не дозволили быть дѣйствующимъ въ семъ обрядѣ. Іереи читали молитвы. Обмѣнялись перстнями и крестами, висящими на золотыхъ цѣпяхъ.

Февраля 7 Послы именемъ Александра присягнули въ вѣрномъ соблюденіи мира; а Великій Князь цѣловалъ крестъ въ томъ же. Главныя условія договора, написаннаго на харатіи съ золотою печатію, были слѣдующія: 1) «Жить обоимъ Государямъ и дѣ«тямъ ихъ въ вѣчной любви и помогать «другъ другу во всякомъ случаѣ; 2) владѣть «каждому своими землями по древнимъ рубе«жамъ; 3) Александру не принимать къ себѣ «Князей Вяземскихъ, Новосильскихъ, Одоев«скихъ, Воротынскихъ, Перемышльскихъ, «Бѣлевскихъ, Мещерскихъ, Говдыревскихъ, «ни Великихъ Князей Рязанскихъ, остаю«щихся *на сторонѣ* Государя Московскаго,

«коему и рѣшить ихъ спорныя дѣла съ Литвою; 4) двухъ Князей Мезецкихъ, сосланныхъ въ Ярославль, освободить; 5) въ случаѣ обидъ выслать общихъ судей на границу; 6) измѣнниковъ Россійскихъ, Михаила «Тверскаго, сыновей Князя Можайскаго, Шемяки, Боровскаго, Верейскаго, никуда не «отпускать изъ Литвы: буде же уйдутъ, «то вновь не принимать ихъ; 7) Посламъ и «купцамъ ѣздить свободно изъ земли въ «землю,» и проч.[364]. — Сверхъ того Послы дали слово, что Александръ обяжется грамотою не безпокоить супруги въ разсужденіи Вѣры. Они три раза обѣдали у Государя и получили въ даръ богатыя шубы съ серебряными ковшами. Отпуская ихъ, Великій Князь сказалъ изустно: «Петръ и Станиславъ! милостію Божіею мы утвердили «дружбу съ зятемъ и братомъ Александромъ; что обѣщали, то исполнимъ. Послы «мои будутъ свидѣтелями его клятвы.» г. 1494.

Для сего Князья Василій и Симеонъ Ряполовскіе, Михайло Яропкинъ и Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ были посланы въ Вильну[365]. Александръ, присягнувъ, размѣнялся мирными договорами; написалъ также грамоту о Законѣ будущей супруги, но вмѣстилъ слова: «если же Великая Княгиня «Елена сама захочетъ принять Римскую Вѣ«ру, то ея воля.» Сіе дополненіе едва не остановило брака: Іоаннъ гнѣвно велѣлъ сказать Александру, что онъ по видимому не

хочетъ быть его зятемъ. Бумагу переписали, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилось
Г. 1495. Генваря 6. въ нашей столицѣ Великое Посольство Литовское. Воевода Виленскій, Князь Александръ Юрьевичь, Князь Янъ Заберезенскій, Намѣстникъ Полоцкій, Панъ Юрій, Намѣстникъ Бряславскій, и множество знатнѣйшихъ Дворянъ пріѣхали за невѣстою, блистая великолѣпіемъ въ одеждѣ, въ услугѣ и въ украшеніи коней своихъ. Въ вѣрющей грамотѣ Александръ именовалъ Великаго Князя отцемъ и тестемъ. Выслушавъ рѣчь Посольскую, Іоаннъ сказалъ: «Государь «вашъ, братъ и зять мой, восхотѣлъ прочной любви и дружбы съ нами: да будетъ! «Отдаемъ за него дочь свою. — Онъ дол«женъ помнить условіе, скрѣпленное его пе«чатію, чтобы дочь наша не перемѣняла «Закона ни въ какомъ случаѣ, ни принужден«но, ни собственною волею. Скажите ему «отъ насъ, чтобы онъ дозволилъ ей имѣть «придворную церковь Греческую. Скажите, «да любитъ жену, какъ Законъ Божествен«ный повелѣваетъ, и да веселится сердце «родителя счастіемъ супруговъ! — Скажи«те отъ насъ Епископу и Панамъ вашей «Думы Государственной, чтобы они утвер«ждали Великаго Князя Александра въ люб«ви къ его супругѣ и въ дружбѣ съ нами. «Всевышній да благословитъ сей союзъ!»

Генваря 13 Іоаннъ, отслушавъ Литургію въ Успенскомъ храмѣ со всѣмъ Великокня-

жескимъ семействомъ и съ Боярами, призвалъ Литовскихъ Вельможъ къ церковнымъ дверямъ, вручилъ имъ невѣсту и проводилъ до саней. Въ Дорогомиловѣ Елена остановилась и жила два дни: братъ ея, Василій, угостилъ тамъ Пановъ роскошнымъ обѣдомъ; мать ночевала съ нею, а Великій Князь два раза пріѣзжалъ обнять любезную ему дочь, съ которою разставался навѣки. Онъ далъ ей слѣдующую записку: «Память Великой Княжнѣ «Еленѣ. Въ божницу Латинскую не ходить, а «ходить въ Греческую церковь: изъ любо«пытства можешь видѣть первую или мона«стырь Латинскій, но только однажды или «два раза. Если свекровь твоя будетъ въ Виль«нѣ и прикажетъ тебѣ итти съ собою въ «божницу, то проводи ее до дверей и скажи «учтиво, что идешь въ свою церковь.» - Невѣсту провожали Князь Симеонъ Ряполовскій, Бояринъ Михайло Яковлевичь Русалка и Прокофій Зиновьевичь съ женами, Дворецкій Дмитрій Пѣшковъ, Дьякъ и Казначей Василій Кулешинъ, нѣсколько Окольничихъ, Стольниковъ, Конюшихъ и болѣе сорока знатныхъ Дѣтей Боярскихъ. Въ тайномъ наказѣ, данномъ Ряполовскому, велѣно было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ Греческой церкви, въ Русской одеждѣ, и при совершеніи брачнаго обряда на вопросъ Епископа о любви ея къ Александру отвѣтствовала: *любъ ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болѣзни, кромѣ Закона; дер-*

Г. 1495.

г. 1495. *жать мнѣ Греческій, а ему не нудить меня къ Римскому.* Іоаннъ не забылъ ничего въ своихъ предписаніяхъ, назначая даже, какъ Еленѣ одѣваться въ пути, гдѣ и въ какихъ церквахъ пѣть молебны, кого видѣть, съ кѣмъ обѣдать, и проч[366].

Ея путешествіе отъ предѣловъ Россіи до Вильны было веселымъ торжествомъ для народа Литовскаго, который видѣлъ въ ней залогъ долговременнаго, счастливаго мира. Въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Вельможи и Духовенство встрѣчали ее съ дарами и съ любовію, радуясь, что кровь Св. Владиміра соединяется съ Гедиминовою; что Церковь Православная, сирая, безгласная въ Литвѣ, найдетъ ревностную покровительницу на тронѣ; что симъ брачнымъ союзомъ возобновляется древняя связь между единоплеменными народами. Александръ выслалъ знатнѣйшихъ чиновниковъ привѣтствовать Елену на пути и самъ встрѣтилъ ее за три версты отъ Вильны, окруженный Дворомъ и всѣми Думными Панами. Невѣста и женихъ, ступивъ на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку другъ другу, сказали нѣсколько ласковыхъ словъ, и вмѣстѣ въѣхали въ столицу, онъ на конѣ, она въ саняхъ, богато украшенныхъ[367]. Невѣста въ Греческой церкви Св. Богоматери отслушала молебенъ: Боярыни Московскія расплели ей косу, надѣли на голову кику съ покрываломъ, осыпали ее хмѣ-

лемъ и повели къ жениху въ церковь Св. Станислава, гдѣ вѣнчалъ ихъ, на бархатѣ и на соболяхъ, Латинскій Епископъ и нашъ Священникъ Ѳома. Тутъ былъ и Виленскій Архимандритъ Макарій, Намѣстникъ Кіевскаго Митрополита[368]; но не смѣлъ читать молитвъ. Княгиня Ряполовская держала надъ Еленою вѣнецъ, а Дьякъ Кулешинъ скляницу съ виномъ. — По совершеніи обрядовъ Александръ торжественно принялъ Бояръ Іоанновыхъ; начались веселые пиры: открылись и взаимныя неудовольствія.

г. 1495.

Давно замѣчено Историками, что рѣдко брачные союзы между Государями способствуютъ благу Государствъ: каждый Вѣнценосецъ желаетъ употребить свойство себѣ въ пользу; вмѣсто уступчивости раждаются новыя требованія, и тѣмъ чувствительнѣе бываютъ отказы. Кажется, что Іоаннъ и Александръ въ семъ случаѣ не хотѣли обмануть другъ друга, но сами обманулись: по крайней мѣрѣ первый дѣйствовалъ откровеннѣе, великодушнѣе, какъ должно сильнѣйшему; не уступалъ, однакожь и не мыслилъ коварствовать, съ прискорбіемъ видя, что надежда обѣихъ Державъ не исполнилась, и что свойство не принесло ему мира надежнаго.

Новыя неудовольствія.

Еще во время сватовства Александръ съ досадою писалъ въ Москву о новыхъ обидахъ, дѣлаемыхъ Россіянами Литвѣ[369]. Іоаннъ обѣщалъ управу; но самъ былъ не доволенъ

между Россіею и Литвою. тѣмъ, что Александръ именовалъ его въ грамотахъ только Великимъ Княземъ, а не *Государемъ всей Россіи.* Весною пріѣхалъ изъ Литвы Маршалокъ Станиславъ съ брачными дарами: вручивъ ихъ Государю и семейству его, онъ жаловался ему на Молдавскаго Воеводу, Стефана, разорившаго городъ
г. 1495. Брясдавль, и на Пословъ Московскихъ, Князя Ряполовскаго и Михайла Русалку, которые, ѣдучи изъ Вильны въ Москву, будто бы грабили жителей; требовалъ еще, чтобы всѣ Россійскіе чиновники, служащіе Еленѣ, были отозваны назадъ: «ибо она имѣетъ «довольно своихъ подданныхъ для услуги.» Іоаннъ обѣщалъ примирить Стефана съ зятемъ; но досадовалъ, что Александръ не позволилъ ни православному Епископу, ни Архимандриту Макарію вѣнчать Елены, не соглашается построить ей домовую церковь Греческаго Закона, удалилъ отъ нее почти всѣхъ Россіянъ, и весьма худо содержитъ остальныхъ. Жалоба на Московскихъ Пословъ была клеветою: напротивъ того они дорогою терпѣли во всемъ недостатокъ [370]. — Отпустивъ Станислава, Великій Князь послалъ гонца въ Вильну навѣдаться о здоровьѣ Елены, и далъ ему два письма: одно съ обыкновенными привѣтствіями, а другое съ тайными наставленіями, желая, чтобы она не имѣла при себѣ чиновниковъ, ни слугъ Латинской Вѣры, и никакъ не отпускала нашихъ Бояръ, изъ коихъ главнымъ былъ тогда Князь Василій

Ромодановскій, присланный въ Вильну съ женою[371]. Для переписки съ родителемъ Елена употребляла Московскаго Подьячаго и должна была скрывать оную отъ супруга: положеніе весьма опасное и непріятное! Юная Великая Княгиня, одаренная здравымъ смысломъ и нѣжнымъ сердцемъ, вела себя съ удивительнымъ благоразуміемъ, и сохраняя долгъ покорной дочери, не измѣняла мужу, ни государственнымъ выгодамъ ея новаго отечества; никогда не жаловалась родителю на свои домашнія неудовольствія, и старалась утвердить его въ союзѣ съ Александромъ. Въ сіе время разнесся слухъ въ Вильнѣ, что Ханъ Менгли-Гирей идетъ на Литву: Елена вмѣстѣ съ супругомъ писала къ Іоанну, чтобы онъ, исполняя договоръ, защитилъ ихъ; о томъ же писала и къ матери въ выраженіяхъ убѣдительныхъ и ласковыхъ[372]. г. 1495.

Великій Князь находился въ обстоятельствахъ затруднительныхъ: безъ вѣдома и безъ участія Менгли-Гиреева вступивъ въ тѣсный союзъ съ Александромъ, ихъ бывшимъ непріятелемъ, онъ извѣстилъ Хана Таврическаго о семъ важномъ происшествіи, увѣряя его въ неизмѣнной дружбѣ своей, и предлагая ему также помириться съ Литвою. Отвѣтъ Менгли-Гиреевъ, сильный искренностію и прямодушіемъ, содержалъ въ себѣ упреки, отчасти справедливые. «Съ «удивленіемъ читаю твою грамоту,» писалъ Ханъ къ Государю: «ты вѣдаешь, из-

г. 1495. «мѣнялъ ли я тебѣ въ дружбѣ, предпочи-
«талъ ли ей мои особенныя выгоды, усер-
«дно ли помогалъ тебѣ на враговъ твоихъ!
«*Другъ и братъ великое дѣло*; *не скоро до-*
«*будешь его*: такъ я мыслилъ, и жегъ Литву,
«громилъ Улусы Ахматовыхъ сыновей, не
«слушалъ ихъ предложеній, ни Казимировыхъ,
«ни Александровыхъ: что жь моя награда? Ты
«сталъ другомъ нашихъ злодѣевъ, а меня оста-
«вилъ имъ въ жертву!... Сказалъ ли намъ хотя
«единое слово о своемъ намѣреніи? Не раз-
«судилъ и подумать съ твоимъ братомъ[373].!»
Однакожь Менгли-Гирей все еще держался
Великаго Князя, и даже снова клялся уме-
реть его вѣрнымъ союзникомъ; не отвер-
галъ и мира съ Литвою, требуя единствен-
но, чтобы Александръ удовлетворилъ ему
за понесенные имъ въ войнѣ убытки.

И такъ Іоаннъ могъ бы легко примирить
зятя съ Ханомъ; но прежде надлежало удо-
стовѣриться въ искренней дружбѣ перваго:
отвѣтствуя ему, что договоръ съ нашей
стороны будетъ исполненъ, и что войско Рос-
сійское готово защитить Литву, если Мен-
гли-Гирей не согласится на миръ, Іоаннъ
послалъ въ Вильну Боярина Кутузова, съ
требованіемъ, чтобы Александръ непре-
мѣнно позволилъ супругѣ своей имѣть до-
мовую церковь, не принуждалъ ее носить
Польскую одежду, не давалъ ей слугъ Рим-
скаго Исповѣданія, писалъ въ грамотахъ
весь титулъ Государя согласно съ услові-

емъ, не запрещалъ вывозить серебра изъ Литвы въ Россію, и чтобы наконецъ отпустилъ въ Москву жену Князя Бѣльскаго[374]. Въ угодность зятю, Великій Князь отозвалъ изъ Вильны Бояръ Московскихъ, коихъ Александръ считалъ опасными доносителями и ссорщиками: остались при Еленѣ только Священникъ Ѳома съ двумя Крестовыми Дьяками и нѣсколько Русскихъ поваровъ. Не смотря на то, зять не хотѣлъ исполнить ни одного изъ требованій Іоанновыхъ, отвѣтствуя на первое, что уставъ предковъ его запрещаетъ строить вновь церкви нашего Исповѣданія, и что Елена можетъ ходить въ приходскую, которая недалеко отъ дворца. «Какое мнѣ дѣло до ва-«шихъ уставовъ?» возражалъ Государь: «у «тебя супруга православной Вѣры, и ты обѣ-«щалъ ей свободу въ Богослуженіи.» Но Александръ упрямился; не отпустилъ даже и Княгини Бѣльской, говоря, что она сама не ѣдетъ въ Россію. г. 1495.

Къ симъ досадамъ онъ присовокупилъ новую. Султанъ Турецкій, Баязетъ, получивъ грамоту Великаго Князя[375], и строго запретивъ утѣснять купцевъ нашихъ, торгующихъ въ Кафѣ и Азовѣ, немедленно отправилъ въ Москву Посла съ дружественными увѣреніями: Александръ велѣлъ ему и бывшимъ съ нимъ Константинопольскимъ гостямъ возвратиться изъ Кіева въ Турцію, приказавъ къ Іоанну, что никогда Султан- г. 1496.

г. 1496. скіе Послы не ѣзжали въ Россію чрезъ Литву, и что они могутъ быть лазутчиками[376].

Однакожь Великій Князь еще изъявлялъ доброхотство зятю, и далъ ему знать, что Стефанъ Молдавскій и Менгли-Гирей соглашаются жить въ мирѣ съ Литвою[377]. Сего недовольно: услышавъ, что Александръ, по совѣту Думныхъ Пановъ, готовъ отдать въ Удѣлъ меньшему брату, Сигизмунду, Кіевскую область, Іоаннъ писалъ къ Еленѣ, чтобы она всячески старалась отвратить мужа отъ намѣренія столь вреднаго. Повторимъ собственныя слова его: «Я слыхалъ «о неустройствахъ, какія были въ Литвѣ «отъ Удѣльнаго Правленія. И ты слыхала «о нашихъ собственныхъ бѣдствіяхъ, произ«веденныхъ разновластіемъ въ княженіе «отца моего; помнишь, что и самъ я тер«пѣлъ отъ братьевъ. Чему быть доброму, «когда Сигизмундъ сдѣлается у васъ осо«беннымъ Государемъ? Совѣтую, ибо лю«блю тебя, милую дочь свою; не хочу ва«шего зла. Если будешь говорить мужу, то «говори единственно отъ себя[378].» Въ семъ случаѣ Іоаннъ явилъ образъ мыслей достойный Монарха сильнаго и великодушнаго: имѣлъ досаду на зятя, но какъ искренній другъ предостерегалъ его отъ гибельной погрѣшности, не смотря на то, что Россія могла бы воспользоваться ею.

Сіе великодушіе, по видимому, не трону-

ло Александра: онъ съ грубостію отвѣтствовалъ, что не видитъ расположенія къ миру въ нашихъ союзникахъ, Менгли-Гиреѣ и Стефанѣ, непрестанно враждующихъ Литвѣ; что тесть указываетъ ему въ его дѣлахъ, и не даетъ никакой управы. Огорченный Великій Князь, жалуясь Еленѣ на мужа ея, спрашивалъ, для чего онъ не хочетъ жить съ нимъ въ любви и братствѣ? «Для «того» — писалъ Александръ къ тестю — «что «ты завладѣлъ многими городами и волостями, издавна Литовскими; что пересылаешься съ нашими недругами, Султаномъ Турецкимъ, Господаремъ Молдавскимъ «и Ханомъ Крымскимъ, а доселѣ не помирилъ «меня съ ними, вопреки нашему условію «имѣть однихъ друзей и непріятелей; что «Россіяне, не взирая на миръ, всегда обижаютъ Литовцевъ. Если дѣйствительно «желаешь братства между нами, то возврати «мое и съ убытками, запрети обиды, и «докажи тѣмъ свою искренность: союзники «твои, увидѣвъ оную, престанутъ мнѣ злодѣйствовать[379].» Елена въ сей грамотѣ приписала только поклонъ родителю. г. 1495 — 96.

Всѣ неудовольствія Александровы происходили, кажется, отъ того, что онъ жалѣлъ о городахъ, уступленныхъ имъ Россіи, и съ прискорбіемъ оставлялъ Елену Греческою Христіанкою. Іоаннъ не отнялъ ничего новаго у Литвы послѣ заключеннаго договора; видя же упрямство,

несправедливость и грубости зятя, бралъ свои мѣры. Бояринъ Князь Звенецъ поѣхалъ къ Менгли-Гирею: извиняясь, что за худою зимнею дорогою не увѣдомилъ его во-время о сватовствѣ Александровомъ, Іоаннъ убѣждалъ Хана забыть прошедшее. «Не «требую» — говорилъ онъ — «но соглашаюсь, «чтобы ты жилъ въ мирѣ съ Литвою; а «если зять мой будетъ опять тебѣ или «мнѣ врагомъ, то мы возстанемъ на него «общими силами[380].» Вѣроятно, что Іоаннъ такимъ же образомъ писалъ и къ Стефану Молдавскому: по крайней мѣрѣ сіи два союзника Россіи не спѣшили мириться съ Александромъ, и Великій Князь въ случаѣ войны могъ надѣяться на ихъ усердную помощь.

ГЛАВА VI.

Продолженіе Государствованія Іоаннова.

Заложенъ Иваньгородъ. Гнѣвъ Вел. Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи. Союзъ съ Даніею. Война съ Шведами. Іоаннъ въ Новѣгородѣ. Походъ на Гамскую землю или Финляндію. Дѣла Казанскія. Первое наше Посольство въ Константинополь. Рязанская Княгиня въ Москвѣ и выдаетъ дочь за Бѣльскаго. Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и сына, Василія. Великій Князь торжественно вѣн-

чаетъ на Царство внука своего, юнаго Димитрія Іоанновича; мирится съ супругою, казнитъ Бояръ и называетъ Василія Вел. Княземъ Новагорода и Пскова. Посолъ изъ Шамахи. Посольство въ Венецію и въ Константинополь. Завоеваніе земли Югорской или сѣверо-западной Сибири. Посланъ Воевода въ Казань. Разрывъ съ Литвою. Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну. Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья Трубчевскіе доброволно покоряются. Мѣстничество нашихъ Воеводъ. Битва на берегахъ Ведроши. Ханъ Крымскій опустошаетъ Литву и Польшу. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ. Переговоры о мирѣ. Александръ избранъ въ Польскіе Короли. Новая побѣда надъ Литвою близъ Мстиславля. Война съ Орденомъ. Сраженіе близъ Изборска. Болѣзнь въ Ливонской рати. Россіяне опустошаютъ Ливонію. Царь Большой Орды, Шихъ-Ахметъ, помогаетъ Литвѣ. Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Батыева Царства. Александръ вѣроломно заключаетъ Шихъ-Ахмета. Досада Хана Крымскаго на Великаго Князя. Іоаннъ, заключивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ. Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва съ Магистромъ Ливонскимъ близъ Пскова. Папа старается о мирѣ. Перемиріе съ Литвою и съ Орденомъ. Хитрость Вел. Князя. Александръ безразсудно досаждаетъ ему.

Г. 1495 — 1503.

Имѣя Литву главнымъ предметомъ своей Политики, Государь съ тою же дѣятельностію занимался и другими внѣшними дѣлами, важными для чести и безопасности России. Онъ велѣлъ въ 1492 году заложить каменную крѣпость противъ Нарвы, на Дѣвичьей горѣ, съ высокими башнями, и назвалъ ее, по своему имени, *Иваньгородъ*, къ Заложенъ Иванъ городъ

великому безпокойству Ливонскихъ Нѣмцевъ, которые однакожь не могли ему въ томъ воспрепятствовать, и въ 1493 году продолжили миръ съ Россіею на десять лѣтъ[381]. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ — такъ пишетъ Нѣмецкій Историкъ — «всенародно сожгли въ Ревелѣ одно-«го Россіянина, уличеннаго въ гнусномъ престу-«пленіи[382], и легкомысленные изъ тамошнихъ «гражданъ сказали его единоземцамъ: *мы сож-«гли бы и вашего Князя, если бы онъ сдѣлалъ у «насъ то же*. Сіи безразсудныя слова, переска-«занныя Государю Московскому, возбудили въ «немъ столь великій гнѣвъ, что онъ изломалъ «тростъ свою, бросилъ на землю, и взгля-«нувъ на небо, грозно произнесъ: *Богъ суди мое «дѣло и казни дерзость*.» А нашъ Лѣтописецъ говоритъ, что Ревельцы обижали купцевъ Новогородскихъ, грабили ихъ на морѣ, безъ обсылки съ Іоанномъ и безъ изслѣдованія варили его подданныхъ въ котлахъ, дѣлая несносныя грубости Посламъ Московскимъ, которые ѣздили въ Италію и въ Нѣмецкую землю[383]. Раздраженный Государь требовалъ, чтобы Ливонское Правительство выдало ему Магистратъ Ревельскій[384], и получивъ отказъ, велѣлъ схватить Ганзейскихъ купцевъ въ Новѣгородѣ: ихъ было тамъ 49 человѣкъ, изъ Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дордтмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали Нѣмецкіе гостиные дворы, лавки и божни-

Гнѣвъ Великаго Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ, и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи.

цу; отняли и послали въ Москву всѣ товары, цѣною на милліонъ гульденовъ[385]; заключили несчастныхъ въ тяжкія оковы и въ душныя темницы. Вѣсть о семъ бѣдственномъ случаѣ произвела тревогу во всей Германіи. Давно не бывало подобнаго: Новгородъ въ самыхъ пылкихъ ссорахъ съ Ливонскимъ Орденомъ щадилъ купцевъ Ганзейскихъ, имѣя нужду во многихъ вещахъ, ими доставляемыхъ Россіи: ибо они привозили къ намъ не только Фламандскія сукна и другія Нѣмецкія рукодѣлія, но и соль, медъ, пшеницу[386]. Ганза находилась тогда на вышней степени ея силы и богатства. Новогородская Контора сего достопамятнаго купеческаго союза издавна считалась матерію другихъ: ударъ столь жестокій произвелъ всеобщее замѣшательство въ дѣлахъ онаго. Послы Великаго Магистра, семидесяти городовъ Нѣмецкихъ и зятя Іоаннова, Александра, пріѣхали въ Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобожденія купцевъ, предлагая съ обѣихъ сторонъ выслать судей на островъ рѣки Наровы для разбора всѣхъ неудовольствій[387]. Миновало болѣе года: заключенные томились въ темницахъ. Наконецъ Государь умилостивился, и велѣлъ отпустить ихъ: нѣкоторые умерли въ оковахъ, другіе потонули въ морѣ на пути изъ Ревеля въ Любекъ; не многіе возвратились въ отечество, и всѣ лишились имѣнія: ибо имъ не отдали товаровъ[388]. Симъ пресѣклась

г. 1495.

г. торговля Ганзейская въ Новѣгородѣ, бывъ
1495. для него источникомъ богатства и самаго гражданскаго просвѣщенія въ то время, когда Россія, омраченная густыми тѣнями варварства Могольскаго, симъ однимъ путемъ сообщалась съ Европою. Іоаннъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ ошибку, послѣдовавъ движенію гнѣва; хотѣлъ исправить оную и не могъ: Нѣмецкіе купцы уже страшились ввѣрять судьбу свою такой землѣ, гдѣ единое мановеніе грознаго Самовластителя лишало ихъ вольности, имѣнія и жизни, не отличая виновныхъ отъ невинныхъ. Любекъ, Гамбургъ и другіе союзные города, пострадавъ за Ревель, имѣли причину жаловаться на жестокость Іоанна, который думалъ только явить гнѣвъ и милость, въ надеждѣ, что Нѣмцы, смиренные наказаніемъ, съ благодарностію возвратятся на свое древнее торжище: чего однакожь не случилось. Люди охотнѣе подвергаются морскимъ волнамъ и бурямъ, нежели беззаконному насилію Правительствъ. Дворы, божница, лавки Нѣмецкія опустѣли въ Новѣгородѣ; торговля перешла оттуда въ Ригу, Дерптъ и Ревель, а послѣ въ Нарву, гдѣ Россіяне мѣнялись своими произведеніями съ чужестранными купцами[389].

Такъ Великій Князь въ порывѣ досады разрушилъ благое дѣло вѣковъ, къ обоюдному вреду Ганзы и Россіи, въ противность собственному его всегдашнему стара-

нію быть въ связи съ образованною Европою. Нѣкоторые Историки умствуютъ, что Іоаннъ видѣлъ въ Ганзейскихъ купцахъ проповѣдниковъ народной вольности, питающихъ духъ мятежа въ Новѣгородѣ, и для того гналъ ихъ[390]; но сія мысль не имѣетъ никакого историческаго основанія, и не согласна ни съ духомъ времени, ни съ характеромъ Ганзы, которая думала единственно о своихъ торговыхъ выгодахъ, не вмѣшиваясь въ политическія отношенія гражданъ къ Правительству, и не смотря на покореніе Новагорода, еще нѣсколько лѣтъ купечествовала тамъ свободно. Другіе пишутъ, что Великій Князь сдѣлалъ то въ угожденіе Королю Датскому, ея непріятелю; что они условились вмѣстѣ воевать Швецію; что Король уступалъ Іоанну знатную часть Финляндіи, требуя уничтоженія Ганзейской Конторы въ Новѣгородѣ[391]. Сіи два Монарха дѣйствительно заключили между собою тѣсный союзъ. Наши Послы возвратились изъ Копенгагена съ новымъ Посломъ Датскимъ[392], и скоро Воеводы Россійскіе, Князь Щеня, Бояринъ Яковъ Захарьевичь, Князь Василій Ѳедоровичь Шуйскій, осадили Выборгъ. Приготовленія и силы наши были велики. Желая изъявить особенное усердіе, Псковитяне съ каждыхъ десяти сохъ поставили вооруженнаго всадника, и на шумномъ Вѣчѣ обезчестили многихъ Іереевъ, которые доказывали Номоканономъ, что жители

Г. 1495.

Союзъ съ Даніею.

Война съ Шведами.

г. 1495. церковныхъ селъ не должны участвовать въ земскихъ ополченіяхъ[393]. Но Россіяне около трехъ мѣсяцевъ стояли подъ Выборгомъ, и не могли взять его. Увѣряютъ, что тамошній начальникъ, храбрый витязь Кнутъ Поссе, видя ихъ уже на стѣнѣ крѣпости, зажегъ башню, гдѣ лежалъ порохъ: она съ ужаснымъ трескомъ взлетѣла на воздухъ, а съ нею и множество Россіянъ; другіе, оглушенные, израненные обломками, пали на землю; остальные бѣжали, гонимые страхомъ и мечемъ осажденныхъ. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жилъ въ памяти Финновъ подъ именемъ *Выборгскаго треска* и прославилъ мнимое волшебное искусство Кнута Поссе[394]. Воеводы наши удовольствовались только опустошеніемъ селъ на пространствѣ тридцати или сорока миль.

Іоаннъ въ Новѣгородѣ. Желая распорядить на мѣстѣ военныя дѣйствія, Іоаннъ самъ ѣздилъ въ Новгородъ со внукомъ Димитріемъ и сыномъ Юріемъ, оставивъ старшаго сына, Василія, въ Москвѣ. Уже сей городъ не имѣлъ ни прежняго многолюдства, ни величавыхъ Бояръ, ни купцевъ именитыхъ; но Архіепископъ Геннадій и Намѣстники старались пышною встрѣчею удовлетворить вкусу Іоаннову ко всему торжественному: Святитель, Духовенство, чиновники, народъ ждали Государя на Московской дорогѣ; радостныя восклицанія провождали его до Софійской церкви: онъ объ-

далъ у Геннадія со Дворомъ своимъ, который состоялъ изъ осьми Бояръ Московскихъ, четырехъ Тверскихъ, трехъ Окольничихъ, Великаго Дворецкаго, Постельничаго, Спальничаго, трехъ Дьяковъ, пятидесяти Князей и многихъ Дѣтей Боярскихъ[395]. г. 1495.

Воеводы, Князь Василій Косой, Андрей Ѳедоровичь Челяднинъ, Александръ Владиміровичь Ростовскій и Дмитрій Васильевичь Шеинъ, посланные на *Гамскую землю, Ямь* или Финляндію, разбили 7000 Шведовъ. Самъ Государственный Правитель, Стенъ Стуръ, находился въ Або, имѣя сорокъ тысячь воиновъ, и хотѣлъ встрѣтить Россіянъ въ полѣ; но далъ имъ время уйти назадъ съ добычею и плѣнниками[396]. Іоаннъ возвратился въ Москву, приказавъ двумъ братьямъ, Князьямъ Ивану и Петру Ушатымъ, собрать войско въ области Устюжской, Двинской, Онѣжской, Вагской, и весною итти на Каянію или на *десять рѣкъ*[397]. Сей походъ имѣлъ важнѣйшее слѣдствіе: Князья Ушатые не только разорили всю землю отъ Кореліи до Лапландіи, но и присоединили къ Россійскимъ владѣніямъ берега Лименги, коихъ жители отправили Посольство къ Великому Князю въ Москву и дали клятву быть его вѣрноподданными. За то Шведскій чиновникъ, Свантъ Стуръ, съ двумя тысячами воиновъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ приплывъ на семидесяти легкихъ судахъ изъ Стокгольма въ рѣку

Походъ на Гамскую землю или Финляндію. Г. 1496.

г. 1496. Нарову, взялъ Иваньгородъ. Тамошній начальникъ, Князь Юрій Бабичь, первый ушелъ изъ крѣпости; а Воеводы, Князья Иванъ Брюхо и Гундоровъ, стояли не далеко оттуда съ полкомъ многочисленнымъ, видѣли приступъ Шведовъ и не дали ни какой помощи гражданамъ[398]. Зная, что ему нельзя удержать сего мѣста, Сванть уступалъ оное Ливонскому Рыцарству; но Магистръ отказался отъ пріобрѣтенія столь опаснаго. Шведы разорили часть крѣпости, и спѣшили удалиться съ тремя стами плѣнниковъ.

Война кончилась тѣмъ, что Король Датскій, другъ Іоанновъ, сдѣлался Государемъ Швеціи, согласно съ желаніемъ ея Сената и Духовенства. Онъ старался всячески соблюсти пріязнь Великаго Князя и, можетъ быть, отдалъ ему нѣкоторыя мѣста въ Финляндіи. Два раза (въ 1500 и въ 1501 году) Послы его были въ Москвѣ, а наши въ Даніи[399], вѣроятно для утвержденія безспорныхъ границъ между обѣими Державами. Финляндія наконецъ отдохнула, претерпѣвъ ужасныя бѣдствія отъ нашихъ частыхъ впаденій, такъ, что Шведскій Государственный Совѣтъ, обвиняя бывшаго Правителя Стена во многихъ жестокостяхъ, сказалъ въ Манифестѣ: «онъ злодѣйствовалъ «въ Швеціи какъ Россіяне въ Финляндіи[400]!» Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никакъ не хотѣлъ относиться къ Новогородскимъ На-

мѣстникамъ, требуя, чтобы самъ Великій Князь договаривался съ нимъ о мирѣ: Іоаннъ досадовалъ на такую гордость и желалъ смирить оную[401]. г. 1496.

Доселѣ Царь Казанскій вѣрно исполнялъ обязанность нашего присяжника; но угождая Іоанну, тѣснилъ подданныхъ и былъ ненавидимъ Вельможами, которые тайно предлагали Владѣтелю Шибанскому, Мамуку, избавить ихъ отъ тирана. Магмедъ-Аминь, узнавъ о томъ, требовалъ защиты въ Москвѣ, и Государь прислалъ къ нему Воеводу Князя Ряполовскаго, съ сильною ратію[402]. Измѣнники бѣжали: Мамукъ удалился отъ предѣловъ Казанскихъ; все было тихо и спокойно. Магмедъ-Аминь отпустилъ Ряполовскаго, но чрезъ мѣсяцъ самъ явился въ Москвѣ, съ вѣстію, что Мамукъ, незапно изгнавъ его, царствуетъ въ Казани. Сей новый Царь умѣлъ только грабить: жадный къ богатству, отнималъ у купцевъ товары, у Вельможъ сокровища, и посадилъ въ темницу главныхъ своихъ доброжелателей, которые предали ему Казань, измѣнивъ Магмедъ-Аминю. Онъ хотѣлъ завоевать городокъ Арскій: не взялъ его, и не могъ уже возвратиться въ Казань, гдѣ граждане стояли на стѣнахъ съ оружіемъ, велѣвъ сказать ему, что имъ не надобенъ Царь-разбойникъ. Мамукъ ушелъ во-свояси; а Вельможи Казанскіе отправили Посольство къ Іоанну, смиренно извиняясь передъ нимъ, но

Дѣла Казанскія.

г. 1497

г. 1497. виня и Магмедъ-Аминя въ несносныхъ для народа утѣсненіяхъ. «Хотимъ имѣть инаго «Царя отъ руки твоей,» говорили они: «дай намъ втораго Ибрагимова сына, Абдылъ-«Летифа.» Іоаннъ согласился и послалъ сего меньшаго пасынка Менгли-Гиреева въ Казань, гдѣ Князья Симеонъ Даниловичь Холмскій и Ѳедоръ Палецкій возвели его на Царство, заставивъ народъ присягнуть въ вѣрности къ Россійскому Монарху. — Чтобы удовольствовать и Магмедъ-Аминя, Великій Князь далъ ему въ помѣстье Коширу, Серпуховъ и Хотунь, къ бѣдствію жителей, коимъ онъ сдѣлался ненавистенъ своимъ алчнымъ корыстолюбіемъ и злобнымъ нравомъ.

Сіе происшествіе могло обезпокоить Нурсалтанъ, жену Менгли-Гирееву: Іоаннъ далъ ей знать о томъ въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ, увѣряя, что Казань всегда будетъ собственностію ея рода [403]. Благодаря Великаго Князя, она увѣдомляла его о своемъ возвращеніи изъ Мекки и намѣреніи ѣхать въ Россію для свиданія съ сыновьями. Менгли-Гирей прислалъ Іоанну въ даръ яхонтовый перстень Магомета II [404], и старался утвердить Султана Баязета въ благосклонномъ

Первое нашее Посольство въ Константинополь.

къ намъ расположеніи. Хотя Посолъ Турецкій и не доѣхалъ до Москвы [405], однакожь Іоаннъ рѣшился тогда отправить своего въ Константинополь, чтобы изъявить признательность Султану за его доброе намѣреніе, и поручилъ сіе дѣло Михайлу Андрее-

вичу Плещееву[406]: Ханъ Крымскій далъ ему письма и вожатыхъ. Цѣлію Посольства было доставить нашимъ купцамъ безопасность и свободу въ торговлѣ съ областями Султанскими: по крайней мѣрѣ въ бумагахъ онаго не упоминается ни о чемъ иномъ; сказано только, чтобы Плещеевъ въ изъявленіяхъ Іоаннова дружества къ Баязету и къ юному сыну его, Магмеду Шихзодѣ, Кафинскому Султану, строго наблюдалъ достоинство Великаго Князя; чтобы *правилъ имъ поклонъ стоя*, *не на колѣняхъ*, и никому изъ другихъ Пословъ не уступалъ мѣста; чтобы говорилъ рѣчь единственно Султану, а не Пашамъ, и проч. Плещеевъ, исполняя въ точности наказъ Государевъ, своею гордостію удивилъ Дворъ Баязетовъ. Обласканный Пашами въ Константинополѣ, и слыша, что его на другой день представятъ Султану, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ на обѣдъ, не взялъ ихъ даровъ, которые состояли въ драгоцѣнной одеждѣ, ни десяти тысячь Оттоманскихъ денегъ, назначенныхъ ему на содержаніе и сказалъ присланному отъ нихъ чиновнику: «Мнѣ съ «Пашами нѣтъ рѣчи; ихъ платья не надѣ«ну; денегъ не хочу; буду говорить толь«ко съ Султаномъ.» Однакожъ Баязетъ отпустилъ Плещеева съ ласковою отвѣтною грамотою, и сдѣлалъ все, чего требовалъ Іоаннъ въ разсужденіи нашихъ купцевъ. «Го«сударь Россійскій,» – писалъ онъ къ Менгли-

г. 1497.

г. 1497. Гирею — «съ коимъ искренно желаю быть «въ любви, прислалъ ко мнѣ какого-то невѣжду: для сего не посылаю съ нимъ моихъ людей въ Россію, опасаясь, чтобы «ихъ тамъ не оскорбили. Уважаемый отъ «Востока до Запада, не хочу подвергнуть «себя такому стыду. Пусть сынъ мой, Правитель Кафы, сносится съ Іоанномъ.» Но соблюдая учтивость, Баязетъ не жаловался самому Великому Князю на его Посла, и писалъ къ нему слѣдующее: «Ты отъ чистаго сердца прислалъ *добраго* мужа *къ* «*моему порогу*: онъ видѣлъ меня и вручилъ «мнѣ твою грамоту, которую я приложилъ «къ своему сердцу, видя, что желаешь быть «намъ другомъ. Послы и гости твои да ѣздятъ часто въ мою землю: они увидятъ «и скажутъ тебѣ нашу правду, равно какъ «и сей, ѣдущій назадъ въ свое отечество. «Дай Богъ, чтобы онъ благополучно возвратился съ *нашимъ великимъ поклономъ* къ «тебѣ и ко всѣмъ друзьямъ твоимъ: ибо «кого ты любишь, того и мы любимъ[407].» Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношеніе Россіи съ Оттоманскою Державою! Ни та, ни другая не могла предвидѣть, что Судьба готовитъ ихъ къ ужасному взаимному противоборству, коему надлежало рѣшить паденіе Магометанскихъ Царствъ въ мірѣ и первенство Христіанскаго оружія!

Плещеевъ возвратился въ Москву тогда, г.
какъ Дворъ, Вельможи и народъ были ужа- 1498.
снымъ образомъ волнуемы происшествіями горестными для Іоаннова сердца. Мы видѣли, что съ XV вѣка уставилось новое право наслѣдственное въ Россіи, по коему уже не братья, а сыновья были преемниками Великокняжескаго достоинства; но кончина старшаго Іоаннова сына произвела вопросъ: «кому быть наслѣдникомъ Государства, вну-«ку ли Димитрію или Василію Іоанновичу?» Великій Князь колебался: Бояре думали разно, одни доброхотствуя Еленѣ и юному сыну ея, другіе Софіи и Василію; первыхъ было гораздо болѣе, отчасти по любви, которую всѣ имѣли къ великодушному отцу Димитріеву, отчасти и потому, что мать его окружали только Россіяне: Софію же многіе Греки, непріятные нашимъ Вельможамъ. Друзья Еленины утверждали, что Димитрій естественнымъ образомъ наслѣдовалъ право своего родителя на Великое Княженіе; а Софіины доброжелатели отвѣтствовали, что внукъ не можетъ быть предпочтенъ сыну – и какому? происшедшему отъ крови Императоровъ Греческихъ. Софія и Елена, обѣ хитрыя, честолюбивыя, ненавидѣли другъ друга, но соблюдали наружную пристойность. Великая Княгиня Рязанская, Анна, гостила тогда въ Рязан-
Москвѣ у брата, равно ласкаемая его супру- ская Кня-
гою и невѣсткою: онъ могъ еще насла- гиня

въ Москвѣ и выдаетъ дочь за Бѣльскаго.

ждаться семейственными удовольствіями; продержалъ сестру нѣсколько мѣсяцевъ, склонилъ ее выдать дочь за Князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго, и съ любовію отпустилъ въ Рязань, гдѣ надлежало быть свадьбѣ.

Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и на сына Василія.

Скоро по отъѣздѣ Анны донесли Государю о важномъ заговорѣ. Дьякъ Ѳедоръ Стромиловъ увѣрилъ юнаго Василія, что родитель его хочетъ объявить внука наслѣдникомъ: сей Дьякъ и нѣкоторые безразсудные молодые люди предлагали Василію погубить Димитрія, уйти въ Вологду, и захватить тамъ казну Государеву. Они втайнѣ умножали число своихъ единомышленниковъ и клятвою обязались усердно служить сыну противъ отца и Государя. Іоаннъ, узнавъ о томъ, воспылалъ гнѣвомъ. Обвиняемыхъ взяли въ допросъ, пытали, и вынудивъ отъ нихъ признаніе, казнили на Москвѣ-рѣкѣ: Дьякамъ Стромилову и Гусеву, Князю Ивану Палецкому и Скрябину отсѣкли голову: Аѳанасію Яропкину и Поярку ноги, руки и голову; многихъ иныхъ Дѣтей Боярскихъ посадили въ темницу, и къ самому Василію приставили во дворцѣ стражу. Гнѣвъ Іоанновъ палъ и на Софію: ему сказали, что къ ней ходятъ мнимыя колдуньи съ зеліемъ; ихъ схватили, обыскали, и ночью утопили въ Москвѣ-рѣкѣ[408]. Съ того времени Государь не хотѣлъ видѣть супруги, подозрѣвая, кажется, что она мыслила отравить ядомъ невѣстку Елену и Димитрія. Въ семъ

случаѣ Намѣстникъ Московскій Князь Иванъ Юрьевичь, и Воевода Симеонъ Ряполовскій дѣйствовали явно какъ ревностные друзья Іоаннова внука и недоброжелатели Софіины. г. 1498

Елена торжествовала: Великій Князь немедленно назвалъ ея сына своимъ преемникомъ, и возложилъ на него вѣнецъ Мономаховъ. Искони Духовные Россійскіе Пастыри благословляли Государей при восшествіи ихъ на престолъ, и сей обрядъ совершался въ церкви[409]; но древніе Лѣтописцы не сказываютъ ничего болѣе: здѣсь въ первый разъ видимъ Царское вѣнчаніе, описанное со всѣми любопытными обстоятельствами. Въ назначенный день Государь, провождаемый всѣмъ Двором, Боярами и Чиновниками, ввелъ юнаго, пятнадцатилѣтняго Димитрія въ Соборную церковь Успенія, гдѣ Митрополитъ съ пятью Епископами, многими Архимандритами, Игуменами, пѣлъ молебенъ Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвонъ съ тремя сѣдалищами: для Государя, Димитрія и Митрополита. Близъ сего мѣста лежали на столѣ вѣнецъ и бармы Мономаховы. Послѣ молебна Іоаннъ и Митрополитъ сѣли: Димитрій стоялъ предъ ними на вышней степени амвона. Іоаннъ сказалъ: «Отче Митрополитъ! издревле Го«судари, предки наши, давали Великое Кня«жество первымъ сынамъ своимъ: я также «благословилъ онымъ моего перворechоднаго, «Іоанна. Но по волѣ Божіей его не стало:

Великій Князь торжественно вѣнчаетъ на Царство внука. Февр. 4.

г. 1498. «благословляю нынѣ внука Димитрія, его «сына, при себѣ и послѣ себя Великимъ Княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новогородскимъ: и ты, отче, дай ему благословеніе.» Митрополитъ велѣлъ юному Князю ступить на амвонъ, всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ, и положивъ руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, отъ святаго жилища Своего благоволитъ возрѣть съ любовію на Димитрія; да сподобитъ его помазатися елеемъ радости, пріять силу свыше, вѣнецъ и скипетръ Царствія; да возсядетъ юноша на престолъ правды, оградится всеоружіемъ Святаго Духа и твердою мышцею покоритъ народы варварскіе; да живетъ въ сердцѣ его добродѣтель, вѣра чистая и правосудіе. Тутъ два Архимандрита подали бармы: Митрополитъ, ознаменовавъ Димитрія крестомъ, вручилъ ихъ Іоанну, который возложилъ оныя на внука. Митрополитъ тихо произнесъ слѣдующее: «Господи Вседержителю и Царю вѣковъ! се земный человѣкъ, «Тобою Царемъ сотворенный, преклоняетъ «главу въ моленіи къ Тебѣ, Владыкѣ міра. «Храни его подъ кровомъ Своимъ: правда и «миръ да сіяютъ во дни его; да живемъ съ нимъ «тихо и покойно въ чистотѣ душевной!»... Архимандриты подали вѣнецъ: Іоаннъ взялъ его изъ рукъ Первосвятителя и возложилъ на внука. Митрополитъ сказалъ: «во «имя Отца и Сына и Святаго Духа!»

Читали Ектенію и молитву Богоматери. Великій Князь и Митрополитъ сѣли на своихъ мѣстахъ. Архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе обоимъ Государямъ: за нимъ ликъ Священниковъ и Діаконовъ. Митрополитъ всталъ, и вмѣстѣ съ Епископами поздравилъ дѣда и внука: также сыновья Государевы, Бояре и всѣ знатные сановники. Въ заключеніе Іоаннъ сказалъ юному Князю: «Внукъ Димитрій! я пожаловалъ «и благословилъ тебя Великимъ Княже«ствомъ; а ты имѣй страхъ Божій въ серд«цѣ, люби правду, милость, и пекись о «всемъ Христіанствѣ.» — Великіе Князья сошли съ амвона. Послѣ обѣдни Іоаннъ возвратился въ свой дворецъ, а Димитрій въ вѣнцѣ и въ бармахъ, провождаемый всѣми дѣтьми Государевыми (кромѣ Василія) и Боярами, ходилъ въ Соборъ Архангела Михаила и Благовѣщенія, гдѣ сынъ Іоанновъ, Юрій, осыпалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными деньгами[410]. — Въ тотъ день былъ великолѣпный пиръ у Государя для всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Лаская юнаго Димитрія, онъ подарилъ ему крестъ съ золотою цѣпью, поясъ осыпанный драгоцѣнными каменьями, и сердоликовую крабію Августа Цесаря[411]. г. 1498.

Не смотря на сіи знаки любви ко внуку, грозное чело Іоанново изъявляло мучительное смятеніе его души, такъ, что самые усердные доброжелатели Елены — самые тѣ,

г. 1498. которые своими доносами и внушеніями возбудили гнѣвъ Государевъ на Софію и Василія — не смѣли радоваться, опасаясь перемѣны. Страхъ ихъ былъ весьма основателенъ. Іоаннъ любилъ супругу, по крайней мѣрѣ чтилъ въ ней отрасль знаменитаго Императорскаго Дома, двадцать лѣтъ благоденствовалъ съ нею, пользовался ея совѣтами, и могъ по суевѣрію, свойственному и великимъ людямъ, приписывать счастію Софіи успѣхи своихъ важнѣйшихъ предпріятій. Она имѣла тонкую Греческую хитрость[412] и друзей при Дворѣ. Василій, коего рожденіе, прославленное чудомъ[413], было столь вожделѣнно для отца, не могъ лишиться всѣхъ правъ на любовь его. Вина сего юнаго Князя — если и не сомнительная — находила извиненіе въ незрѣлости ума и въ легкомысліи молодыхъ лѣтъ. Но миновалъ годъ: Россія уже привыкла къ мысли, что Димитрій, любезный, непорочный сынъ отца памятнаго благороднымъ мужествомъ, и внукъ двухъ великихъ Государей[414], будетъ ея Монархомъ. Открылось, что дѣдъ украсилъ вѣнцемъ сего юношу какъ жертву обреченную на погибель.

Іоаннъ мирится съ супругою и казнитъ Бояръ.

Къ сожалѣнію, Лѣтописцы не объясняютъ всѣхъ обстоятельствъ сего любопытнаго происшествія, сказывая только, что Іоаннъ возвратилъ наконецъ свою нѣжность супругѣ и сыну, велѣлъ снова изслѣдовать бывшіе на нихъ доносы, узналъ козни дру-

зей Елениныхъ, и считая себя обманутымъ, явилъ ужасный примѣръ строгости надъ знатнѣйшими Вельможами, Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикеевымъ, двумя его сыновьями и зятемъ, Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, обличенными въ *крамолѣ*[415]: осудилъ ихъ на смертную казнь, не взирая на то, что Иванъ Юрьевичь, праправнукъ славнаго Ольгерда, былъ родный племянникъ Темнаго, сынъ дочери Великаго Князя Василія Димитріевича, Маріи[416], и тридцать-шесть лѣтъ вѣрно служилъ Государю какъ первый Бояринъ въ дѣлахъ войны и мира: отецъ же Ряполовскаго, одинъ изъ потомковъ Всеволода Великаго, спасалъ Іоанна въ юности отъ злобы Шемякиной[417]. Государь по видимому увѣрился, что они, усердствуя Еленѣ, оклеветали предъ нимъ и Софію и Василія: не знаемъ точной истины; но Іоаннъ во всякомъ случаѣ былъ обманутъ кознями той или другой стороны: жалостная участь Монарховъ, коихъ легковѣріе стоитъ чести или жизни невиннымъ! Князю Ряполовскому отсѣкли голову на Москвѣ рѣкѣ; но Митрополитъ Симонъ, Архіепископъ Ростовскій и другіе Святители ревностнымъ ходатайствомъ спасли Патрикеевыхъ отъ казни: Иванъ Юрьевичь и старшій его сынъ, Бояринъ Василій Косой, постриглись въ Монахи: первый въ Обители Св. Сергія, а второй Св. Кирилла Бѣлозерскаго; меньшій сынъ Юрьевича, Иванъ Мынинда, остался

г. 1499.

Февраля 5.

г. 1499. подъ стражею въ домѣ[418]. Сія *первая знаменитая Боярская опала* изумила Вельможъ, доказавъ, что гнѣвъ Самодержца не щадитъ ни сана, ни заслугъ долговременныхъ.

Называетъ Василія Великимъ Княземъ Новагорода и Пскова.

Чрезъ шесть недѣль Іоаннъ назвалъ Василія *Государемъ, Великимъ Княземъ Новагорода и Пскова;* изъявлялъ холодность къ невѣсткѣ и ко внуку; однакожъ долго медлилъ и совѣстился отнять старѣйшинство у послѣдняго, данное ему предъ лицемъ всей Россіи и съ обрядами священными. Еще Димитрій именовался Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ; но Дворъ благоговѣлъ предъ Софіею, удаляясь отъ Елены и сына ея: ибо предвидѣли будущее. Могъ ли Іоаннъ, столь счастливо основавъ Единовластіе въ Россіи, предать ее по своей кончинѣ въ жертву новому, вѣроятному междоусобію двухъ Князей Великихъ, сына и внука? Могла ли и Софія быть спокойною, не свергнувъ Димитрія? Однимъ словомъ, его паденіе казалось уже необходимымъ. — Псковитяне, съ удивленіемъ и неудовольствіемъ свѣдавъ, что Іоаннъ далъ имъ Государя особеннаго, послали къ нему знатнѣйшихъ чиновниковъ, жаловались на такую новость, и молили, чтобы Димитрій, какъ будущій наслѣдникъ Россійской Державы, остался и Главою земли ихъ. Великій Князь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ: «Развѣ я не воленъ «въ моемъ сынѣ и внукѣ? Кому хочу, тому «и дамъ Россію. Служите Василію.» Пословъ

заключили въ башню, но скоро освободили[419]. г. 1499.

Сіе время безъ сомнѣнія было самымъ печальнѣйшимъ Іоанновой жизни: однакожь Монархъ являлъ и тогда непрестанную дѣятельность въ отношеніяхъ государственныхъ. Въ Шамахѣ господствовалъ Султанъ Махмутъ, внукъ Ширванъ-Шаха, данника Тамерланова и сыновей его[420]. Слабость и бѣдствія ихъ преемниковъ, смерть завоевателя Персидскаго, Узунъ-Гассана, и малодушіе его наслѣдниковъ возвратили независимость сей странѣ Каспійской. Махмутъ, величаясь достоинствомъ Монарха, желалъ имѣть любовь и дружбу съ Государями знаменитыми, каковъ былъ Іоаннъ. Посолъ изъ Шамахи. Онъ прислалъ въ Москву Вельможу своего, Шебеддина, съ учтивыми и ласковыми словами, на которыя отвѣтствовали ему такими же: но Государь не счелъ за нужное отправить собственнаго Посла въ Шамаху, свѣдавъ, можетъ быть, о завоеваніяхъ Измаила Софи, мнимаго потомка Аліева, который около сего времени назвался Шахомъ, овладѣлъ Ираномъ, Багдадомъ, южными окрестностями моря Каспійскаго, и сдѣлался основателемъ сильной Державы Персидскихъ Софіевъ, во дни отцевъ нашихъ уничтоженной Тахмасомъ Кулы-Ханомъ.

Тогда же Іоаннъ посылалъ въ Венецію Грека Дмитрія, Ралева сына, съ Митрофаномъ Карачаровымъ и къ Султану Баязету Алексѣя Голохвастова, съ коимъ отправились многіе наши купцы въ Азовъ рѣкою Дономъ

Г. 1499. (они грузились на Мечѣ у Каменнаго Коня[421]). Голохвастовъ, имѣя учтивыя письма къ Баязету и къ сыну его Магмету Шихзодѣ, долженъ былъ исходатайствовать разныя выгоды Московскимъ торговымъ людямъ въ Баязетовыхъ владѣніяхъ, и сказать Пашамъ Султанскимъ слѣдующія слова: «Великій «Князь не вѣдаетъ, чѣмъ вы обвиняете бывшаго у васъ Россійскаго Посла Михаила «Плещеева; но знайте, что многіе Государи «шлютъ Пословъ къ нашему, чтущему и «жалующему ихъ ради своего имени: Султанъ «можетъ въ томъ удостовѣриться опытомъ.» Голохвастовъ через нѣсколько мѣсяцевъ возвратился съ отвѣтными грамотами отъ Баязета и Шихзоды: послѣдній присылалъ изъ Кафы въ Москву и собственнаго чиновника, который обѣдалъ у Великаго Князя[422]. Но дѣло шло, какъ и прежде, единственно о безопасной и свободной торговлѣ.

Посольства въ Венецію и въ Константинополь.

Въ сей годъ Іоаннъ утвердилъ власть свою надъ сѣверо-западною Сибирію, которая издревле платила дань Новугороду. Еще въ 1465 году — по извѣстію одного Лѣтописца[423] — Устюжанинъ, именемъ Василій Скряба, съ толпою вольницы ходилъ за Уральскія горы воевать Югру, и привелъ въ Москву двухъ тамошнихъ Князей Калпака и Течика: взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности, Іоаннъ отпустилъ сихъ Князей въ отечество, обложилъ Югру данію, и милостиво наградилъ Скрябу. Сіе завоеваніе оказалось

недѣйствительнымъ или мнимымъ: подчинивъ себѣ Новгородъ, Іоаннъ (въ Маѣ 1483 году) долженъ былъ отрядить Воеводъ, Князя Ѳедора Курбскаго Чернаго и Салтыка-Травина[424], съ полками Устюжскими и Пермскими на Вогуличей и Югру. Близъ устья рѣки Пелыни разбивъ Князя Вогульскаго, Юмшана, Воеводы Московскіе шли внизъ по рѣкѣ Тавдѣ мимо Тюменя до Сибири, оттуда же берегомъ Иртыша до Великой Оби въ землю Югорскую, плѣнили ея Князя Молдана, и съ богатою добычею возвратились чрезъ пять мѣсяцевъ въ Устюгъ. Владѣтели Югорскіе или *Кодскіе* требовали мира, коего посредникомъ былъ Епископъ Пермскій Филоѳей; присягнули въ вѣрности къ Россіи и *пили воду съ золота* предъ нашими чиновниками, близъ устья Выми; а Юмшанъ Вогульскій съ Епископомъ Филоѳеемъ самъ пріѣзжалъ въ Москву, и милостиво обласканный Великимъ Княземъ, началъ платить ему дань, бывъ дотолѣ, равно какъ и отецъ его, Асыка, ужасомъ Пермской области. Но конечное покореніе сихъ отдаленныхъ земель совершилось уже въ 1499 году: Князья Симеонъ Курбскій, Петръ Ушатовъ и Заболоцкій-Бражникъ, предводительствуя пятью тысячами Устюжанъ, Двинянъ, Вятчанъ, плыли разными рѣками до Печоры, заложили на ея берегу крѣпость, и 21 Ноября отправились на лыжахъ къ Каменному Поясу[425]. Сражаясь съ усиліемъ вѣтровъ, и засыпаемые снѣгомъ, стран-

Г. 1499.

Завоеваніе земли Югорской.

Г. 1499. ствующіе полки Великокняжескіе съ неописаннымъ трудомъ всходили на сіи, во многихъ мѣстахъ неприступныя горы, гдѣ и въ лѣтніе мѣсяцы не является глазамъ ничего, кромѣ ужасныхъ пустынь, голыхъ утесовъ, стремнинъ, печальныхъ кедровъ и хищныхъ бѣлыхъ кречетовъ, но гдѣ, подъ мшистыми гранитами, скрываются богатыя жилы металловъ и цвѣтные камни драгоцѣнные. Тамъ встрѣтили Россіяне толпу мирныхъ Самоѣдовъ, убили 50 человѣкъ и взяли въ добычу 200 оленей; наконецъ спустились въ равнины, и достигнувъ городка Ляпина (нынѣ Вогульскаго мѣстечка въ Березовскомъ уѣздѣ) исчислили, что они прошли уже 4650 верстъ. За Ляпинымъ съѣхались къ нимъ Владѣтели Югорскіе, земли Обдорской, предлагая миръ и вѣчное подданство Государю Московскому. Каждый изъ сихъ Князьковъ сидѣлъ на длинныхъ саняхъ, запряженныхъ оленями. Воеводы Іоанновы ѣхали также на оленяхъ, а воины на собакахъ, держа въ рукахъ огнь и мечь для истребленія бѣдныхъ жителей. Курбскій и Петръ Ушатовъ взяли 32 города, Заболоцкій 8 городовъ (то есть, мѣстъ укрѣпленныхъ острогомъ), болѣе тысячи плѣнниковъ и пятьдесятъ Князей; обязали всѣхъ жителей (Вогуличей, Югорцевъ или, какъ вѣроятно, Остяковъ и Самоѣдовъ) клятвою вѣрности, и благополучно возвратились въ Москву къ Пасхѣ. Сподвижники ихъ разска-

зывали любопытнымъ о трудахъ, ими перенесенныхъ; о высотѣ Уральскихъ горъ, коихъ хребты скрываются въ облакахъ; и которыя, по мнѣнію Географовъ, назывались въ древности Рифейскими или Гиперборейскими; о звѣряхъ и птицахъ неизвѣстныхъ въ нашемъ климатѣ; о видѣ и странныхъ обыкновеніяхъ жителей Сибирскихъ: сіи разсказы, повторяемые съ прибавленіемъ, служили источникомъ баснословія о чудовищахъ и *нѣмыхъ людяхъ*, будто бы обитающихъ на Сѣверо-Востокѣ; о другихъ, которые по смерти снова оживаютъ, и проч.[426].—Съ того времени Государи наши всегда именовались Князьями *Югорскими*; а въ Европѣ разнесся слухъ, что мы завоевали древнее отечество *Угровъ* или Венгерцевъ: сами Россіяне хвалились тѣмъ[427], основываясь на сходствѣ именъ и на преданіи, что единоплеменникъ Аттилинъ, славный Маджарскій Воевода Альмъ, вышелъ изъ глубины Азіи сѣверной, или Скиѳіи, гдѣ много соболей и драгоцѣнныхъ металловъ: Югорія же, какъ извѣстно, доставляла издревле серебро и соболей Новугороду[428]. Даже и новѣйшіе Ученые хотѣли доказывать истину сего мнѣнія сходствомъ между языкомъ Вогуличей и Маджарскимъ или Венгерскимъ[429]. г. 1499.

Іоаннъ посылалъ еще войско въ Казань съ Княземъ Ѳедоромъ Бѣльскимъ, узнавъ, что Шибанскій Царевичь Агалакъ, братъ Мамуковъ, ополчился на Абдылъ-Летифа: Агалакъ ушелъ

Послан Воевода въ Казань г. 1500.

назадъ въ свои Улусы, и Бѣльскій возвратился; а для защиты Царя остались тамъ Воеводы, Князь Михайло Курбскій и Лобанъ Ряполовскій, которые чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отразили Ногайскихъ Мурзъ, Ямгурчея и Мусу, хотѣвшихъ изгнать Абдылъ-Летифа[430].

Разрывъ съ Литвою.

Но дѣла Литовскія всего болѣе заботили тогда Іоанна: взаимныя неудовольствія тестя и зятя произвели наконецъ разрывъ явный и войну, которая осталась навѣки памятною въ лѣтописяхъ обѣихъ Державъ, имѣвъ столь важныя для оныхъ слѣдствія.

Александръ могъ двумя способами исполнить обязанность Монарха благоразумнаго: или стараясь искреннею пріязнію заслужить Іоаннову для цѣлости и безопасности Державы своей, или въ тишинѣ изготовляя средства съ успѣхомъ противоборствовать Великому Князю, умножая свои ратныя силы, отвлекая отъ него союзниковъ, пріобрѣтая ихъ для себя: вмѣсто чего онъ досаждалъ тестю по упрямству, по зависти, по слѣпому усердію къ Латинской Вѣрѣ; приближалъ войну, и не готовился къ оной; не умѣлъ расторгнуть опасной для него связи Іоанновой съ Менгли-Гиреемъ, ни съ Стефаномъ Молдавскимъ, искавъ только безполезной дружбы бывшаго Шведскаго Правителя, Стена, и слабыхъ Царей Ординскихъ; однимъ словомъ, не умѣлъ быть ни пріятелемъ, ни врагомъ сильной Москвы. Великій

Князь еще нѣсколько времени показывалъ миролюбіе: освобождая купцевъ Ганзейскихъ, говорилъ, что дѣлаетъ то изъ уваженія къ ходатайству зятя; не отвергалъ его посредничества въ дѣлахъ съ Швеціею[431]; объяснялъ несправедливость частыхъ Литовскихъ жалобъ на обиды Россіянъ. Въ 1497 году войско Султанское перешло Дунай, угрожая Литвѣ и Польшѣ: Іоаннъ велѣлъ сказать зятю, что Россіяне въ силу мирнаго договора готовы помогать ему, когда Турки дѣйствительно вступятъ въ Литву. Но сіе обѣщаніе не было искреннимъ: Султанъ успѣлъ бы взять Вильну прежде, нежели Россіяне тронулись бы съ мѣста. Къ счастію Александра, Турки удалились[432]. Досадуя на Стефана за разореніе Бряславля, онъ хотѣлъ воевать Молдавію: Великій Князь просилъ его не тревожить союзника Москвы[433]. «Я всегда надѣялся» — отвѣтствовалъ Александръ — «что зять тебѣ дороже свата: вижу иное.» Въ 1499 году пріѣхалъ въ Москву Литовскій Посолъ, Маршалокъ Станиславъ Глѣбовичь, и представленный Іоанну, говорилъ такъ именемъ своего Князя[434]: «Въ угодность тебѣ, нашему брату, я заключилъ наконецъ союзъ любви и «дружбы съ Воеводою Молдавскимъ Стефаномъ. Нынѣ слышимъ, что Баязетъ Сул«танъ ополчается на него всѣми силами, да«бы овладѣть Молдавіею. Братья мои, «Короли Венгерскій, Богемскій, Польскій, г. 1500

г. «хотят вмѣстѣ со мною защитить оную.
1500. «Будь и ты нашимъ сподвижникомъ противъ общаго злодѣя, уже владѣющаго «многими великими Государствами Христіанскими. Держава Стефанова есть ограда «для всѣхъ нашихъ: когда Султанъ покоритъ ее, будетъ равно опасно и намъ и «тебѣ.... Ты желаешь, чтобы я въ своихъ «грамотахъ именовалъ тебя *Государемъ всей «Россіи*, по мирному договору нашему: не «отрицаюсь, но съ условіемъ, чтобы ты «письменно и навѣки утвердилъ за мною «городъ Кіевъ.... Къ изумленію и прискорбію моему свѣдалъ я, что ты, вопреки «клятвенному обѣту искренняго доброжелательства, умышляешь противъ меня зло «въ своихъ тайныхъ сношеніяхъ съ Менгли-«Гиреемъ. Братъ и тесть! вспомяни душу «и Вѣру.» Сей упрекъ имѣлъ видъ справедливости: Іоаннъ, (въ 1498 году) пославъ въ Тавриду Князя Ромодановскаго будто бы для того, чтобъ прекратить вражду Менгли-Гирея съ Александромъ, велѣлъ на-единѣ сказать Хану: «Мирись, если хочешь; а «я всегда буду за-одно съ тобою на Литовскаго Князя и на Ахматовыхъ сыновей.» Александръ — неизвѣстно, какимъ образомъ — имѣлъ въ рукахъ своихъ выписку изъ тайныхъ бумагъ Ромодановскаго, и прислалъ оную въ Москву для улики. Казначей и Дьяки Великокняжескіе отвѣтствовали Послу, что Іоаннъ, будучи сватомъ и другомъ

Стефану, не откажется дать ему войско, г. 1500.
когда онъ самъ того потребуетъ; что Государь никогда не утвердитъ Кіева за Литвою, и что сіе предложеніе есть нелѣпость; что Ромодановскій дѣйствительно говорилъ Менгли-Гирею вышеприведенныя слова, но что виною тому самъ Александръ, будучи въ дружбѣ съ непріятелями Россіи, сыновьями Ахматовыми.

Зная трудныя обстоятельства Воеводы Молдавскаго, Іоаннъ не препятствовалъ ему мириться съ Литвою; но тѣмъ пріятнѣе было Великому Князю, что Менгли-Гирей изъявлялъ постоянную ненависть къ наслѣдникамъ Казимировымъ, отвергая всѣ Александровы мирныя предложенія, или требуя отъ него Кіева, Канева и другихъ городовъ, завоеванныхъ нѣкогда Батыемъ, то есть, невозможнаго. Онъ убѣждалъ Іоанна немедленно итти на Литву войною, обѣщая ему даже помощь Баязетову; но въ то же время самъ не вѣрилъ Султану и писалъ откровенно къ Великому Князю, что мыслитъ на всякой случай о безопасномъ для себя убѣжищѣ внѣ Тавриды. Вотъ собственныя слова его: «Султаны *не прямые люди*; «говорятъ то, дѣлаютъ другое. Прежде «Кафинскіе Намѣстники зависѣли отъ моей «воли; а нынѣ тамъ сынъ Баязетовъ: те«перь еще молодъ и меня слушается; но за «будущее не льзя ручаться. У стариковъ «есть пословица, что *двѣ бараньи головы*

г. 1500. «*въ одинъ котелъ не лѣзутъ*. Если пачнемъ «ссориться, то будетъ худо; а гдѣ худо, «оттуда бѣгутъ люди. Ты можешь до-«стать себѣ Кіевъ и городокъ Черкаскъ: я «съ радостію переселюсь на берегъ Днѣпра; «наши люди будутъ твои, а твои наши. «Когда же *ни добромъ, ни лихомъ* не воз-«мемъ Кіева, ни Черкаска, то не льзя ли хо-«тя вымѣнить ихъ на другія мѣста? что утѣ-«шитъ мое сердце и прославитъ имя твое.» Іоаннъ отвѣчалъ: «Ревностно молю Бога «о возвращеніи намъ древней отчины, Кіева, «и мысль о ближнемъ сосѣдствѣ съ тобою, «моимъ братомъ, весьма для меня пріят-«на[435].» Онъ ласкалъ Менгли-Гирея во всѣхъ письмахъ какъ друга, желая располагать его силами противъ Литвы, въ случаѣ явнаго съ нею разрыва.

Но Александръ столь мало надѣялся на успѣхъ своего оружія, и Великій Князь столь любилъ умѣренность въ счастіи, столь былъ доволенъ послѣднимъ миромъ съ Литвою, что не смотря на безпрестанныя взаимныя досады, жалобы, упреки, война едва ли могла бы открыться между ими, если бы въ распрю ихъ не замѣшалась Вѣра. Іоаннъ долго сносилъ грубости зятя; но терпѣніе его исчезло, когда надлежало защитить Православіе отъ Латинскихъ Фанатиковъ. Какъ ни скромно вела себя Елена, какъ ни таилась въ своихъ домашнихъ прискорбіяхъ, увѣряя родителя, что она люби-

ма мужемъ, свободна въ исполненіи обрядовъ г.
Греческой Вѣры и всѣмъ довольна: однакожь 1500.
Іоаннъ не преставалъ безпокоиться, посылалъ ей душеспасительныя книги, твердилъ о Законѣ, и свѣдавъ, что Духовникъ ея, Священникъ Ѳома, высланъ изъ Вильны, съ удивленіемъ спрашивалъ о винѣ его. «Онъ «мнѣ неугоденъ,» сказала Елена: «буду ис-«кать другаго[436].» Наконецъ (въ 1499 году) увѣдомили Великаго Князя, что въ Литвѣ открылось гоненіе на Восточную Церковь; что Смоленскій Епископъ, Іосифъ, взялся обратить всѣхъ единовѣрцевъ нашихъ въ Латинство; что Александръ нудитъ къ тому и супругу, желая угодить Папѣ и въ лѣтописяхъ Римской Церкви заслужить имя Святаго. Можетъ быть, онъ хотѣлъ и государственнаго блага, думая, что единовѣріе подданныхъ утверждаетъ основаніе Державы: сіе неоспоримо; но предпріятіе опасно: должно знать свойство народа, приготовить умы, избрать время и дѣйствовать болѣе хитростію, нежели явною силою, или вмѣсто желаемаго добра произведешь бѣдствія: для того язычникъ Гедиминъ, Католикъ Витовтъ, и отецъ Александровъ, впрочемъ суевѣрный, никогда не касались совѣсти людей въ дѣлахъ Закона. Встревоженный извѣстіемъ, Іоаннъ немедленно отправилъ въ Вильну Боярскаго сына, Мамонова, узнать подробно всѣ обстоятельства, и велѣлъ ему на-единѣ сказать Еленѣ, чтобы она, прези-

г. рая льстивыя слова и даже муки, сохранила
1500. чистоту Вѣры своей. Такъ и поступила сія юная, добродѣтельная Княгиня: ни ласки, ни гнѣвъ мужа, ни хитрыя убѣжденія коварнаго отступника, Смоленскаго Владыки, не могли поколебать ея твердости въ Законѣ: она всегда гнушалась Латинскимъ, какъ пишутъ Историки Польскіе[437].

Между тѣмъ гоненіе на Греческую Вѣру въ Литвѣ продолжалось. Кіевскаго Митрополита Макарія (въ 1497 году) злодѣйски умертвили Перекопскіе Татары близъ Мозыря[438]: Александръ обѣщалъ Первосвятительство Іосифу Смоленскому. Въ угодность ему, сей честолюбивый Владыка, Епископъ Виленскій Альбертъ Таборъ и Монахи Бернардинскіе ѣздили изъ города въ городъ склонять Духовенство, Князей, Бояръ и народъ къ соединенію съ Римскою Церковію: ибо по смерти Кіевскаго Митрополита, Григорія, Святители Литовской Россіи, отвергнувъ уставъ Флорентійскаго Собора, не хотѣли зависѣть отъ Папы и снова принимали Митрополитовъ отъ Патріарховъ Константинопольскихъ[439]. Іосифъ доказывалъ, что Римскій Первосвятитель есть дѣйствительно Глава Христіанства; Виленскій Епископъ и Бернардины вопили: «да «будетъ едино стадо и единъ Пастырь!» Александръ грозилъ насиліемъ: Папа въ краснорѣчивой Буллѣ изъявлялъ свою радость, что еретики озарятся свѣтомъ истины,

и присылалъ въ Литву мощи Святыхъ[440]. г. 1500.
Но ревностные въ Православіи Христіане гнушались Латинскимъ соблазномъ, и многіе выѣхали въ Россію. Знатный Князь, Симеонъ Бѣльскій, первый поддался Государю Московскому съ своею отчиною: за нимъ Князья Мосальскіе и Хотетовскій, Бояре Мценскіе и Серпейскіе; другіе готовились къ тому же, и вся Литва находилась въ волненіи[441]. Принимая къ себѣ Литовскихъ Князей съ ихъ помѣстьями, Іоаннъ нарушалъ мирный договоръ; но оправдывался необходимостію быть покровителемъ единовѣрцевъ, у коихъ отнимаютъ миръ совѣсти и душевное спасеніе.

Видя опасность своего положенія, Александръ прислалъ въ Москву Намѣстника Смоленскаго, Станислава[442], написавъ въ вѣрющей грамотѣ весь Государевъ титулъ, и требуя, чтобы Іоаннъ взаимно исполнилъ договоръ, удовлетворилъ всѣмъ жалобамъ Литовскихъ подданныхъ, и выдалъ ему Князя Симеона Бѣльскаго вмѣстѣ съ другими бѣглецами, коихъ онъ будто бы никогда не мыслилъ *гнать за Вѣру*, и которые безстыднымъ образомъ на него клевещутъ. «Поздно братъ и зять мой исполняетъ «условія,» отвѣтствовалъ Великій Князь: «именуетъ меня наконецъ Государемъ всей «Россіи; но дочь моя еще не имѣетъ при«дворной церкви и слышитъ хулы на свою «Вѣру отъ Виленскаго Епископа и нашего

г. 1500. «отступника, Іосифа. Что дѣлается въ Ли-«твѣ? строятъ Латинскія божницы въ го-«родахъ Русскихъ; отнимаютъ женъ отъ «мужей, дѣтей у родителей и силою *кре-«стятъ* въ Законъ Римскій. То ли называет-«ся *не гнать за Вѣру*? и могу ли видѣть «равнодушно утѣсняемое Православіе? Од-«нимъ словомъ, я ни въ чемъ не престу-«пилъ условій мира, а зять мой не испол-«няетъ оныхъ.»

Новыя измѣны устрашили Александра. Князь Иванъ Андреевичь Можайскій и сынъ Шемякинъ, Иванъ Димитріевичь, непримиримые враги Государя Московскаго, пользовались въ Литвѣ отмѣнною милостію Казимира, такъ, что онъ далъ имъ въ наслѣдственное владѣніе цѣлыя области въ южной Россіи: первому Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечь; второму Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій[443], гдѣ, по смерти сихъ двухъ Князей, господствовали ихъ дѣти: сынъ Можайскаго, Симеонъ, и внукъ Шемякинъ, Василій, вѣрные присяжники Александра до самаго того времени, какъ онъ вздумалъ обращать Князей и народъ въ Латинство. Сіе безразсудное дѣло рушило узы любви и вѣрности, соединявшіе Государя съ подданными. Слѣдуя примѣру Бѣльскаго, Симеонъ и Василій Ивановичи, забывъ наслѣдственную вражду, предложили Великому Князю избавить ихъ и подвластные имъ города отъ Литовскаго ига[444]. Тогда Іоаннъ рѣшил-

Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну

ся дѣйствовать силою противъ зятя: послалъ чиновника, именемъ Телешева, объявить ему, чтобы онъ уже не вступался въ отчину Симеона Черниговскаго, ни Василія Рыльскаго, которые добровольно присоединяются къ Московской Державѣ, и будутъ охраняемы ея войскомъ[445]. Телешевъ долженъ былъ вручить Александру и *складную грамоту*: то есть, Іоаннъ, *сложивъ съ себя крестное цѣлованіе*, объявлялъ войну Литвѣ за принужденіе Княгини Елены и всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ къ Латинству. Грамота оканчивалась словами: «хочу стоять за «Христіанство, сколько мнѣ Богъ помо«жетъ.» г. 1500.

Тщетно Александръ желалъ отклонить войну, увѣряя, что онъ всякому даетъ полную свободу въ Вѣрѣ, и немедленно отправитъ Пословъ въ Москву: Государь дозволилъ имъ пріѣхать, но уже бралъ города въ Литвѣ. Войскомъ нашимъ предводительствовалъ бывшій Царь Казанскій, Магмедъ-Аминь[446], но дѣйствовалъ и всѣмъ управлялъ Бояринъ Яковъ Захарьевичь. Мценскъ и Серпейскъ сдалися добровольно. Брянскъ не могъ сопротивляться долго: тамошній Епископъ и Намѣстникъ, Станиславъ Бардашевичь, были отосланы въ Москву. Князь Симеонъ Черниговскій и внукъ Шемякинъ, встрѣтивъ Москвитянъ на берегу Кондовы, съ радостію присягнули Іоанну: то же сдѣлали и Князья Трубчевскіе (или Трубецкіе), Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Май.

г. 1500. Князья Трубчевскіе покоряются. Августа 6.

потомки Ольгердовы. Усиленный ихъ дружинами, Воевода Яковъ Захарьевичь овладѣлъ Путивлемъ, плѣнилъ Князя Богдана Глинскаго съ его женою и занялъ безъ кровопролитія всю Литовскую Россію отъ нынѣшней Калужской и Тульской Губерніи до Кіевской. — Другая Московская рать, предводимая Бояриномъ[447], Юріемъ Захарьевичемъ (прапрадѣдомъ Царя Михаила Ѳеодоровича) вступила въ Смоленскую область и взяла Дорогобужъ.

Необходимость защитить свою Державу вооружила наконецъ Александра. Обнаживъ мечь съ трепетомъ, и чувствуя себя неспособнымъ къ ратному дѣлу, онъ искалъ Полководца между своими Вельможами. Не за-долго до того времени Гетманъ Литовскій, Петръ Бѣлый, старецъ уважаемый Дворомъ и любимый народомъ, будучи на смертномъ одрѣ, сказалъ горестному Александру: «Князь Острожскій, Константинъ, «можетъ замѣнить меня отечеству, буду-«чи украшенъ достоинствами рѣдкими[448].» Таковъ дѣйствительно былъ сей мужъ, одинъ изъ потомковъ славнаго Романа Галицкаго[449], имѣя весьма скромную наружность, малый ростъ, но великую душу. Еще не многіе вѣдали его доблесть, которая оказалась послѣ въ тридцати битвахъ, счастливыхъ для оружія Литовскаго; но всѣ отдавали ему справедливость въ добродѣтеляхъ государственныхъ, гражданскихъ и

семейственныхъ: «дома благочестивый Нума» (писалъ объ немъ Легатъ Римскій къ Папѣ) «въ сраженіяхъ Ромулъ: къ сожалѣнію, онъ «*раскольникъ*, ослѣпленъ излишнимъ усердіемъ къ Греческой Вѣрѣ и не хочетъ отступить ни на волосъ отъ ея Догматовъ[480].» Не смотря на то, Александръ возвелъ Константина на степень Гетмана Литовскаго и — что еще важнѣе — вручилъ ему главное Воеводство противъ Россіянъ, его братьевъ и единовѣрцевъ: такую довѣренность имѣлъ къ его чести и присягѣ! Въ самомъ дѣлѣ никто не служилъ Литвѣ и Польшѣ усерднѣе Острожскаго, брата Россіянъ въ Церкви, но страшнаго врага ихъ въ полѣ. Смѣлый, бодрый, славолюбивый, сей Вождь одушевилъ слабые полки Литовскіе: знатнѣйшіе Паны и рядовые воины шли съ нимъ охотно на битву. Самъ Александръ остался въ Борисовѣ: Константинъ выступилъ изъ Смоленска. г. 1500.

Между тѣмъ Іоаннъ прислалъ въ Дорогобужъ Князя Даніила Щеню съ Тверскою силою[481], велѣвъ ему предводительствовать *Большимъ* или главнымъ Полкомъ, а Юрію Захарьевичу *Сторожевымъ* или оберегательнымъ, къ досадѣ сего честолюбиваго Боярина, не хотѣвшаго зависѣть отъ Князя Даніила; но Государь далъ знать Юрію, чтобы онъ не смѣлъ противиться волѣ Самодержца; что всякое мѣсто хорошо, гдѣ служишь отечеству и Монарху; что пред- Мѣстничество нашихъ Воеводъ.

г. 1500. водитель Сторожеваго полку есть товарищъ главнаго Воеводы и не долженъ обижаться своимъ саномъ[452]. Здѣсь видимъ древнѣйшій примѣръ такъ называемаго *Мѣстничества*, столь вреднаго въ послѣдствіи для Россійскихъ воинствъ.

Битва на берегахъ Ведроши. Близъ Дорогобужа, среди обширнаго Митькова поля, на берегахъ рѣки Ведроши стояли Іоанновы Полководцы, Даніилъ Щеня и Юрій, готовые къ бою. Князь Острожскій зналъ отъ плѣнниковъ о числѣ Россіянъ, надѣялся легко управиться съ ними, и смѣло шелъ сквозь болотистыя, лѣсистыя ущелья къ нашему стану. Передовый Московскій полкъ отступилъ, чтобы заманить Литовцевъ на другой берегъ рѣки. Тутъ началась кровопролитная битва. Іюля 14. Долго и мужество и силы казались равными: съ обѣихъ сторонъ сражалось тысячь восемдесятъ или болѣе; но Воеводы Іоанновы имѣли тайную засаду, которая внезапнымъ ударомъ смяла непріятеля[453]. Литовцы искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ легло на мѣстѣ тысячь восемь; множество утонуло въ рѣкѣ: ибо наша пѣхота зашла имъ въ тылъ и подрубила мостъ. Военачальникъ Константинъ, Намѣстникъ Смоленскій Станиславъ, Маршалки Григорій Остюковичь и Литаворъ Хребтовичь, Князья Друцкіе, Мосальскіе, Паны и чиновники были взяты въ плѣнъ; весь обозъ и снарядъ огнестрѣльный достался въ руки побѣдителю. Съ сею ста-

спливою для насъ вѣстію прискакалъ въ Москву Дворянинъ Михайло Плещеевъ. Государь, Бояре, народъ изъявили радость необыкновенную. Никогда еще Россіяне не одерживали такой побѣды надъ Литвою, ужасною для нихъ почти не менѣе Моголовъ въ теченіе спа-пяпидесяпи лѣпъ. Слыхавъ опъ своихъ дѣдовъ, какъ знамена Ольгердовы развѣвались передъ спѣнами Кремлевскими, какъ Витовтъ похищалъ цѣлыя Княжества Россіи, и съ какимъ трудомъ благоразумный сынъ Донскаго, Василій Димитріевичь, спасъ ея послѣднее достояніе, ликующіе Москвитяне дивились Іоанновой и собственной ихъ славѣ! — Князя Острожскаго вмѣстѣ съ другими знатными плѣнниками привезли въ Москву окованнаго цѣпями, по сказанію Литовскаго Историка[454]; но Іоаннъ чтилъ его и склонялъ вступить въ нашу службу. Константинъ долго не соглашался: наконецъ, угрожаемый темницею, присягнулъ въ вѣрности Россійскому Монарху, весьма неискренно; ему дали чинъ Воеводы и земли: но онъ, Литвинъ душею, не могъ простить своихъ побѣдителей, желалъ мести, и совершилъ оную чрезъ нѣсколько лѣтъ, какъ увидимъ. Г. 1500.

Довольный искусствомъ и мужествомъ нашихъ Полководцевъ, Іоаннъ въ знакъ чрезвычайной милости послалъ къ нимъ знатнаго чиновника *спросить о ихъ здравіи*, и велѣлъ ему сказать *первое слово* Князю Да-

г. 1500. шілу Щенѣ, а *второе* Князю Іосифу Дорогобужскому, который отличился въ семъ дѣлѣ[455]. — Скоро также пришла вѣсть, что соединенные полки Новогородскіе, Псковскіе и Великолуцкіе, разбивъ непріятеля близъ Ловати, взяли Торопецъ[456]. Въ семъ войскѣ были племянники Государевы, Князья Иванъ и Ѳеодоръ, сыновья брата его, Бориса: они начальствовали только именемъ, подобно Царю Магмедъ-Аминю: Новогородскій Намѣстникъ, Андрей Ѳедоровичь Челяднинъ, велъ *Большой Полкъ*, имѣлъ знамя Великокняжеское, избиралъ частныхъ предводителей и давалъ всѣ повелѣнія. — Государь хотѣлъ увѣнчать свои успѣхи взятіемъ Смоленска; но дождливая осень, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и зима, отмѣнно снѣжная, заставили его отложить сіе предпріятіе[457].

Въ самомъ началѣ войны онъ спѣшилъ извѣстить Менгли-Гирея, что пришло для нихъ время ударить съ обѣихъ сторонъ на Литву. Сообщеніе между Россіею и Крымомъ было весьма невѣрно: Азовскіе Козаки разбойничали въ степяхъ Воронежскихъ, ограбили нашего Посла, Князя Кубенскаго, принужденнаго бросить свои бумаги въ воду, а другаго, Князя Ѳедора Ромодановскаго, плѣнили[458]! Не смотря на то, Менгли-Гирей, Ханъ Крымскій опустошаетъ какъ усердный нашъ союзникъ, уже въ Августѣ мѣсяцѣ громилъ Литву. Сыновья его, предводительствуя пятнадцатью тысячами

конницы, выжгли Хмѣльникъ, Кременецъ, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Бряславль, нѣсколько городовъ въ Польской Галиціи, и вывели оттуда множество плѣнниковъ[459]. — Желая довершить бѣдствіе зятя, Великій Князь старался воздвигнуть на него и Стефана Молдавскаго, обязаннаго договорами помогать Россіи въ случаѣ войны съ Литвою[460].

Ли-тву и Поль-шу.

Въ сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ Александръ дѣлалъ, что могъ, для спасенія Державы своей: укрѣпилъ Витебскъ, Полоцкъ, Оршу, Смоленскъ[461]; писалъ къ Стефану, что ему будетъ стыдно нарушить мирный договоръ, заключенный между ими, и служить орудіемъ сильному къ утѣсненію слабаго; предлагалъ свою дружбу Менгли-Гирею, убѣждая его слѣдовать примѣру отца, постояннаго союзника Казимирова, и называя Государя Московскаго вѣроломнымъ, хищникомъ, лютымъ *братоубійцею*[462]; въ то же время отправилъ Посла въ Золотую Орду склонять Хана, Шигъ-Ахмета, къ нападенію на Тавриду[463]; въ Польшѣ, въ Богеміи, въ Венгріи, въ Германіи[464] панималъ войско, не жалѣя казны, и заключилъ тѣсный союзъ съ Ливоніею. Хотя силы Ордена никакъ не могли равняться съ нашими; но тогдашній Магистръ онаго, Вальтеръ Фонъ-Плеттенбергъ, былъ мужъ необыкновенныхъ достоинствъ, благоразумный правитель и военачальникъ искусный: такіе лю-

Г. 1501. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ.

г. 1501. ди умѣютъ съ малыми средствами дѣлать великое и бываютъ опасными непріятелями. Воспитанный въ ненависти къ Россіянамъ, иногда безпокойнымъ и всегда неуступчивымъ сосѣдамъ; досадуя на Великаго Князя за бѣдствіе, претерпѣнное Нѣмецкими купцами въ Новѣгородѣ, и за другія новѣйшія обиды, Плеттенбергъ требовалъ помощи отъ Имперскаго Сейма въ Ландау, въ Вормсѣ, также отъ богатыхъ городовъ Ганзейскихъ[465], и думая, что война Литовская не позволитъ Іоанну дѣйствовать противъ Ордена большими силами, обязался быть вѣрнымъ сподвижникомъ Александровымъ. Написали договоръ въ Венденѣ, утвержденный Епископомъ Рижскимъ, Дерптскимъ, Эзельскимъ, Курляндскимъ, Ревельскимъ, и всѣми чиновниками Ливоніи: условились вмѣстѣ ополчиться на Россію, дѣлить между собою *завоеванія*, и въ теченіе десяти лѣтъ одному не мириться безъ другаго[466].

Но Князь Литовскій въ самомъ дѣлѣ не мыслилъ о *завоеваніяхъ*: извѣдавъ опытомъ могущество Іоанново, утративъ и войско и знатную часть своей Державы, не хотѣлъ без крайности искать новыхъ ратныхъ опасностей и бѣдствій. Въ началѣ 1501 года пріѣхали въ Москву Послы отъ Королей, его братьевъ, Владислава Венгерскаго и Альбрехта Польскаго, а за ними и чиновникъ Александровъ, Станиславъ Нарбутъ. Именуя Великаго Князя братомъ и сватомъ,

Переговоры о мирѣ.

Короли желали знать, за что онъ вооружился на зятя; предлагали ему миръ; обѣщали удовлетвореніе; хотѣли, чтобы Іоаннъ освободилъ Литовскихъ плѣнниковъ и возвратилъ завоеванныя имъ области. Посолъ Александровъ предлагалъ то же, и говорилъ: «Ты *открылъ* лютую войну и *пу*«*стилъ огонь* въ нашу землю; *засѣлъ* мно«гія области Александровы, и прислалъ гра«мату складную поздно; взялъ въ плѣнъ Гет«мана и Пановъ, высланныхъ единственно «для обереженія границы[467]. Уйми кровопро«литіе. Большіе Послы Литовскіе готовы «ѣхать къ тебѣ для мирныхъ перегово«ровъ.» Казначей и Дьяки Великокняжескіе именемъ Іоанна отвѣтствовали, что зять его навлекъ на себя войну неисполненіемъ условій; что Государь, обнаживъ мечь за Вѣру, не отвергаетъ мира пристойнаго, но не любитъ даромъ освобождать плѣнныхъ и возвращать завоеванія; что онъ ждетъ Большихъ Пословъ Литовскихъ и согласенъ сдѣлать перемиріе. — Послы обѣдали во дворцѣ; но отпуская ихъ, Государь не подалъ имъ ни вина, ни руки.

г. 1501.

Прошло нѣсколько времени: Александръ молчалъ, и Нѣмецкіе воины, имъ нанятые, грабя жителей въ собственной его землѣ, имѣли сшибки съ нашими отрядами[468]. Великій Князь рѣшился продолжать войну, не смотря на то, что его зять, по смерти Албрехта, сдѣлался Королемъ Польскимъ,

Александръ избранъ въ Польскіе Короли.

г. 1501. слѣдственно могъ располагать силами двухъ Державъ[469]. Сынъ Іоанновъ, Василій, съ Намѣстникомъ Княземъ Симеономъ Романовичемъ долженъ былъ изъ Новагорода итти къ сѣвернымъ предѣламъ Литвы [470]; а другое войско, подъ начальствомъ Князей Симеона Черниговскаго или Стародубскаго, Василія Шемякина, Александра Ростовскаго и Боярина Воронцова, близъ Мстиславля одержало знаменитую побѣду надъ Княземъ Михаиломъ Ижеславскимъ[471] и Воеводою Евстафіемъ Дашковичемъ: положивъ на мѣстѣ около семи тысячь непріятелей, оно взяло множество плѣнниковъ и всѣ знамена; впрочемъ удовольствовалось только разореніемъ Мстиславскихъ окрестностей и возвратилось въ Москву.

Новая побѣда надъ Литвою. Ноября 14.

Уже Магистръ Фон-Плеттенбергъ дѣйствовалъ какъ ревностный союзникъ Литвы и врагъ Іоанновъ. Купцы наши спокойно жили и торговали въ Дерптѣ: ихъ всѣхъ (числомъ болѣе двухъ сотъ) нечаянно схватили, ограбили, заключили въ темницы[472]. Началась война, славная для мужества Рыцарей, еще славнѣйшая для Магистра, но безполезная для Ордена, бѣдственная для несчастной Ливоніи. Исполняя договоръ, и думая, что Король Александръ также исполнитъ его, то есть, всѣми силами съ другой стороны нападетъ на Россію, Плеттенбергъ собралъ 4000 всадниковъ, нѣсколько тысячь пѣхоты и вооруженныхъ земледѣльцевъ[473]; вступилъ

Война съ Орденомъ.

въ область Псковскую; жегъ, истреблялъ все огнемъ и мечемъ. Воеводы, Намѣстникъ Князь Василій Шуйскій съ Новогородцами, а Князь Пенко Ярославскій съ Тверитянами и Московскою дружиною пришли защитить Псковъ, но долго не хотѣли отважиться на битву[474]; ждали особеннаго указа Государева, получили его и сразились съ непріятелемъ, 27 Августа, въ десяти верстахъ отъ Изборска. Ливонскій Историкъ пишетъ, что Россіянъ было 40,000[475]: сіе превосходство силъ оказалось ничтожнымъ въ сравненіи съ искуснымъ дѣйствіемъ огнестрѣльнаго снаряда Нѣмецкаго. Приведенные въ ужасъ пушечнымъ громомъ, омраченные густыми облаками дыма и пыли, Псковитяне бѣжали; за ними и дружина Московская, съ великимъ стыдомъ, хотя и безъ важнаго урона[476]. Въ числѣ убитыхъ находился Воевода, Иванъ Бороздинъ, застрѣленный изъ пушки. — Бѣглецы кидали свои вещи и самое оружіе; но побѣдители не гнались за сею добычею, взятою жителями Изборскими, которые, раздѣливъ ее между собою, зажгли предмѣстіе, изготовились къ битвѣ, и на другой день мужественно отразили Нѣмцевъ.

Г. 1501.

Сраженіе на Сирицѣ.

Псковъ трепеталъ: всѣ граждане вооружились; отъ двухъ третьему надлежало итти съ копьемъ и мечемъ противъ гордаго Магистра, который безжалостно опустошалъ села на берегу Великой, и 7 Сентября сжегъ Островъ, гдѣ погибло 4000

Г. 1501. людей въ пламени, отъ меча или во глубинѣ рѣки, между тѣмъ, какъ наши Воеводы стояли неподвижно въ трехъ верстахъ, а Литовцы приступали къ Опочкѣ, чтобы, взявъ сію крѣпость, вмѣстѣ съ Нѣмцами осадить Псковъ[477]. Къ счастію Россіянъ, открылась тогда жестокая болѣзнь въ войскѣ Плеттенберга: отъ худой пищи и недостатка въ соли сдѣлался кровавый поносъ; всякой день умирало множество людей. Не время было думать о геройскихъ подвигахъ. Нѣмцы спѣшили во-свояси: Литовцы также удалились[478]. Самъ Магистръ занемогъ, съ трудомъ достигнулъ своего замка, и распустилъ войско, желая единственно отдохновенія.

Болѣзнь въ рати Ливонской.

Но Іоаннъ желалъ мести и поручилъ оную храброму Князю Даніилу Щенѣ, побѣдителю Константина Острожскаго. Въ глубокую осень, не смотря на дожди, чрезвычайное разлитіе водъ и худыя дороги[479], сей Московскій Воевода вмѣстѣ съ Княземъ Пенкомъ опустошилъ всѣ мѣста вокругъ Дерпта, Нейгаузена, Маріенбурга, умертвивъ или взявъ въ плѣнъ около 40,000 человѣкъ[480]. Рыцари долго сидѣли въ крѣпостяхъ; наконецъ, въ темную ночь, близъ Гельмета ударили на станъ Россіянъ: стрѣляли изъ пушекъ; сѣклись мечами, во тмѣ и безпорядкѣ. Воевода нашей передовой дружины, Князь Александръ Оболенскій, палъ въ сей кровопролитной битвѣ. Но Рыцари не могли одолѣть, и бѣжали[481]. Полкъ Епископа

Октября 18—24.

Россіяне опустошаютъ Ливонію.

Дерптскаго былъ истребленъ совершенно. «Не осталось ни одного человѣка для вѣсти,» говоритъ Лѣтописецъ Псковскій: «Москви-«тяне и *Татары* не *саблями свѣтлыми* ру-«били поганыхъ, а били ихъ какъ вепрей «шестоперами.» — Щеня и Пенко доходили почти до Ревеля, и зимою возвратились, причинивъ неописанный вредъ Ливоніи. Нѣмцы отплатили намъ разореніемъ предмѣстія Иваногородскаго, умертвивъ тамошняго Воеводу, Лобана Колычева, и множество земледѣльцевъ въ окрестностяхъ Краснаго[482]. Г. 1502.

Какъ мужественный Плеттенбергъ отвлекъ знатную часть Іоанновыхъ силъ отъ Литвы, такъ Шигъ-Ахметъ, непримиримый злодѣй Менгли-Гиреевъ, обуздывалъ Крымцевъ. Онъ съ двадцатью тысячами своихъ Улусниковъ, конныхъ и пѣшихъ, расположился близъ устья Тихой Сосны, подъ Дѣвичьими горами: на другомъ берегу Дона стоялъ Ханъ Крымскій, съ двадцатью пятью тысячами, въ укрѣпленіи, ожидая Россіянъ. «Люди твои» — писалъ онъ къ Великому Князю — » ходятъ въ судахъ рѣкою Дономъ: «пришли съ ними нѣсколько пушекъ, для од-«ной славы: врагъ уйдетъ.» Какъ ни занятъ былъ Іоаннъ войною Литовскою и Нѣмецкою, однакожь немедленно выслалъ помощь союзнику: Магметъ-Аминь велъ нашихъ *служилыхъ* Татаръ, а Князь Василій Ноздроватый Москвитянъ и Рязанцевъ; за ними отправлялись пушки водою. Но Мен-

Царь Большой Орды, Шигъ Ахметъ, помогаетъ Литвѣ.

г. 1502. гли-Гирей не дождался ихъ, отступилъ, извиняясь голодомъ, и ручался Іоанну за скорую гибель Золотой Орды[483]. Съ того времени Крымцы дѣйствительно не давали ей покоя ни лѣтомъ, ни зимою, и зажигали степи, въ коихъ она скиталась. Напрасно Шигъ-Ахметъ звалъ къ себѣ Литовцевъ: подходилъ къ Рыльску и не видалъ ихъ знаменъ; видѣлъ только наши и войско Іоанново готовое къ бою; жаловался, винилъ Александра, говоря ему чрезъ своихъ Пословъ: «Для тебя мы ополчились, сносили труды «и нужду въ пустыняхъ ужасныхъ; а ты о«ставляешь насъ безъ помощи, въ жертву «гладу и Менгли-Гирею.» Новый Король посылалъ Хану дары, обѣщалъ и войско, но обманывалъ или медлилъ, занимаясь тогда празднествами въ Краковѣ[484]. Между тѣмъ Князья, Уланы бѣжали толпами отъ Шигъ-Ахмета. Оставленный и самою любимою женою, которая ушла въ Тавриду[485]; будучи въ ссорѣ съ братомъ, Сеитъ-Махмутомъ, желавшимъ тогда имѣть пристанище въ Россіи[486]; досадуя на Короля Польскаго, и зная худые успѣхи его оружія, Шигъ-Ахметъ рѣшился искать дружбы Іоанновой, и въ концѣ 1501 года прислалъ въ Москву Вельможу Хаза, предлагая союзъ Великому Князю съ условіемъ воевать Литву, ежели онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ вступаться за Менгли-Гирея[487]. Политика не злопамятна: Іоаннъ охотно соглашался быть другомъ

Шигъ-Ахмета, чтобы отвратить его отъ Литвы; только не могъ пожертвовать ему важнѣйшимъ союзникомъ Россіи: для того послалъ въ Орду собственнаго чиновника съ ласковыми привѣтствіями, но съ объявленіемъ, что враги Менгли-Гиреевы не будутъ никогда нашими друзьями[488]. Ослѣпленный личною ненавистію, Шигъ-Ахметъ лучше хотѣлъ зависѣть отъ милости своего бывшаго данника, Государя Московскаго, нежели примириться съ единовѣрнымъ братомъ, Ханомъ Таврическимъ, и погубилъ остатки Батыева Царства: весною въ 1502 году Менгли-Гирей внезапнымъ нападеніемъ сокрушилъ оные; разсыпалъ, истребилъ или взялъ въ плѣнъ изнуренныя голодомъ толпы, которыя еще скитались съ Шигъ-Ахметомъ; прогналъ его въ отдаленныя степи Ногайскія и торжественно извѣстилъ Іоанна, что древняя Большая Орда уже не существуетъ[489]. «Улусы злодѣя «нашего въ рукѣ моей,» говорилъ онъ: «а «ты, братъ любезный, слыша столь доб«рыя вѣсти, ликуй и радуйся!»

Г. 1502.

Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Батыева Царства.

Замѣтимъ, что Лѣтописцы наши едва упоминаютъ о семъ происшествіи: ибо Россіяне уже презирали слабую Орду, еще не давно трепетавъ Ахматова могущества. — Поздравляя Менгли-Гирея съ одолѣніемъ ихъ общаго врага, Іоаннъ писалъ къ нему, чтобы онъ не забывалъ гораздо важнѣйшаго, то есть, Короля Польскаго, и навсегда без-

г. 1502. опасный отъ злобы Ахматовыхъ сыновей, довершилъ побѣду надъ Литвою. Имѣя единственно сію цѣль, Великій Князь мыслилъ даже возстановить Шигъ-Ахмета: пересылаясь съ нимъ, обѣщалъ ему Астрахань, съ условіемъ, чтобы сей изгнанникъ клятвенно обязался быть врагомъ Литвы и доброжелателемъ Хана Крымскаго[490]. Такимъ образомъ Шигъ-Ахметъ могъ еще остаться Царемъ по милости Государя, коему болѣе всѣхъ иныхъ надлежало бы ненавидѣть племя Батыево! Но увлеченный Судьбою, онъ съ двумя братьями, Козякомъ и Халекомъ, поѣхалъ въ Царьградъ къ Султану Баязету. Ихъ остановили. Султанъ велѣлъ имъ сказать, что для враговъ Менгли-Гиреевыхъ нѣтъ пути въ Турецкую Имперію. Гонимые Царевичами Крымскими, они бѣжали въ Кіевъ, и вмѣсто помощи нашли тамъ неволю: Шигъ-Ахмета, братьевъ, слугъ его взяли подъ стражу: ибо Государь Литовскій, уже не имѣя нужды въ союзѣ бѣглеца, думалъ, что сей несчастный можетъ быть для него залогомъ мира съ Тавридою. «Враги твои въ моихъ рукахъ,» приказывалъ онъ къ Менгли-Гирею: «отъ меня зависитъ на зло тебѣ освободить Ахматовыхъ сыновей, если не примиришься со мною[491].» Но Іоаннъ убѣждалъ Хана не вѣрить ему и писалъ: «Въ противность всѣмъ уставамъ Литовцы заключили своего союзника, который долгое время слу-

Александръ вѣроломно заключаетъ Шигъ Ахмета.

«жилъ имъ орудіемъ: такъ нѣкогда поступили и съ Седи-Ахматомъ; такъ и сія новая жертва ихъ вѣроломства погибнетъ «въ темницѣ. Будь спокоенъ: они уже не «освободятъ твоего злодѣя, ибо должны опасаться его мести[492].» Предсказаніе Великаго Князя исполнилось: бывъ еще нѣсколько лѣтъ игралищемъ Литовской Политики — то съ уваженіемъ честимый во дворцѣ какъ знаменитый Властитель, то осуждаемый на самую тяжкую неволю какъ преступникъ — Шигъ-Ахметъ изъявлялъ великодушіе въ бѣдствіи, и представленный на Сеймъ Радомскій, торжественно обвинялъ Короля, сказавъ: «Ты льстивыми обѣщаніями вызвалъ меня изъ дальнихъ странъ «Скиѳіи и предалъ Менгли-Гирею. Утративъ «мое войско и все Царское достояніе, я искалъ убѣжища въ землѣ друга, а другъ «встрѣтилъ меня какъ непріятеля и ввергнулъ въ темницу. Но есть Богъ» (примолвилъ онъ, воздѣвъ руки на небо): «предъ «Нимъ будемъ судиться, и вѣроломство «твое не останется безъ наказанія.» Ни краснорѣчіе, ни истина сихъ упрековъ не тронули Александра, коего Вельможи отвѣтствовали, что Шигъ-Ахметъ долженъ винить самаго себя; что его воины грабили въ окрестностяхъ Кіева; что Король совѣтовалъ ему удалиться къ границамъ Россійскимъ, къ Стародубу, и тамъ искать добычи; что онъ упрямился, не хотѣлъ то-

г. 1502.

г. 1502. го сдѣлать, держался въ сосѣдствѣ съ опасною для него Тавридою, погубилъ свою рать и думалъ тайно уѣхать къ Султану, безъ сомнѣнія съ какимъ нибудь вреднымъ для Польши и Литвы намѣреніемъ. Однимъ словомъ, сей именемъ послѣдній Царь Золотой Орды умеръ невольникомъ въ Ковнѣ, не доставивъ заключеніемъ своимъ ни малѣйшей выгоды Литвѣ. Самая жестокосердая Политика, хваляся иногда злодѣйствами счастливыми, признаетъ безполезныя ошибками. Іоаннъ лучше своего зятя умѣлъ соглашать ея законы съ правилами великодушія: въ то время, когда сыновья Ахматовы кляли вѣроломство Литовское, племянники сего врага нашего, Царевичи Астраханскіе, Исупъ и Шигавліяръ, хвалились милостію Великаго Князя, вступивъ къ нему въ службу[493].

Не слушая никакихъ льстивыхъ предложеній Александровыхъ[494], Менгли-Гирей едва было не размолвился съ Іоанномъ по другой причинѣ. Свѣдавъ о многихъ несправедливостяхъ Царя Казанскаго[495], Абдылъ-Летифа, Государь велѣлъ Князю Василью Ноздроватому взять его, привезти въ Москву, и заточилъ на Бѣлоозеро, а въ Казань послалъ господствовать вторично Магметъ-Аминя, отдавъ ему жену бывшаго Царя, Алегама[496]. Менгли-Гирей оскорбился и просилъ, чтобы Іоаннъ, извинивъ безразсудную молодость Летифа, или отпустилъ его или наградилъ помѣстьемъ. Ханъ писалъ: «Если не

Досада Хана Крымскаго на Великаго Князя

«исполнишь сего, то уничтожится нашъ г. 1502.
«союзъ, весьма для тебя полезный: ибо
«счастливымъ дѣйствіемъ онаго враги твои
«исчезли и Государство твое распростра-
«нилось. Старые, умные люди твердятъ,
«что лучше умереть съ добрымъ именемъ,
«нежели благоденствовать съ худымъ: а
«можешь ли сохранить первое, нарушивъ
«святую клятву братства между нами?....
«Посылаю тебѣ перстень изъ рога *Кагер-*
«*денева*, Индѣйскаго звѣря, коего тайная си-
«ла мѣшаетъ дѣйствію всякаго яда: носи
«его на рукѣ и помни мою дружбу; а свою
«докажешь мнѣ, когда сдѣлаешь то, о чемъ
«молю тебя неотступно[497].» Но Великій
Князь опасался выпустить Летифа изъ Рос-
сіи, и давъ ему пристойное содержаніе, удо-
вольствовалъ Менгли-Гирея, такъ, что сей
Ханъ не переставалъ вмѣстѣ съ нимъ усерд-
но дѣйствовать противъ Литвы. Войско
Крымское, состоящее изъ 90,000 человѣкъ и
предводимое сыновьями Ханскими, въ Авгу-
стѣ 1502 года опустошило всѣ мѣста во-
кругъ Луцка, Турова, Львова, Бряславля,
Люблина, Вишневца, Бельза, Кракова.

Тогда же Стефанъ Молдавскій, пользуясь
обстоятельствами, завоевалъ на Днѣстрѣ
Колымыю, Галичь, Снятинъ, Красное[498], и
тѣмъ ослабилъ могущество Польши, хотя
уже и не думалъ въ сіе время содѣйство-
вать нашимъ выгодамъ, ибо имѣлъ важную
причину къ неудовольствію на Іоанна. Око-

Г. 1502. ло трехъ лѣтъ дочь его, вдовствующая Княгиня Елена, среди Двора Московскаго находилась съ юнымъ сыномъ, Димитріемъ, какъ бы въ изгнаніи, оставленная прежними друзьями, угрожаемая немилостію Великаго Князя и ненавистію Софіи. Можетъ быть, открылись новые недозволенные происки честолюбивой Елены, или нескромныя слова, внушенныя ей досадою, оскорбили ея свекора, или клевета представила ему невѣстку въ видѣ опасной заговорщицы: не знаемъ; но Іоаннъ вдругъ разгнѣвался на Елену и на Димитрія, приставилъ къ нимъ стражу, запретилъ внуку именоваться Великимъ Княземъ и даже поминать ихъ въ церковныхъ молитвахъ; а чрезъ два дни объявилъ сына, Василія, Государемъ, наслѣдникомъ престола Всероссійскаго[499]. Димитрію едва исполнилось 18 лѣтъ: въ такой юности онъ не могъ быть важнымъ соумышленникомъ матери, если и дѣйствительно виновной. Народъ жалѣлъ объ немъ, хотя ни Духовенство, ни Вельможи не смѣли осуждать приговора, изреченнаго Самодержцемъ. Но Россія утратила Стефанову дружбу: сѣдый Герой Молдавскій, оскорбленный бѣдствіемъ своей дочери и внука, возненавидѣлъ Іоанна, и старанія благоразумнаго Менгли-Гирея не могли примирить ихъ. Великій Князь любилъ исполнять только собственную волю; не терпѣлъ гордыхъ требованій, и въ отвѣтъ Хану Крымскому

Іоаннъ заключивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ.

Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ.

на вопросъ: «Для чего Димитрій лишенъ г. 1502.
«отцевскаго наслѣдія?» сказалъ: «Милость
«моя возвела внука на степень Государя, а
«немилость свергнула: ибо онъ и мать его
«досадили мнѣ. Жалую того, кто слу-
«житъ или угождаетъ: грубящихъ за что
«жаловать[500]?» Елена отъ горести и то-
ски скончалась въ Генварѣ 1505 года; а не-
счастный ея сынъ, бывшій наслѣдникъ Рос-
сійской Монархіи, остался подъ стражею
какъ государственный преступникъ: никто
не имѣлъ къ нему доступа, кромѣ малаго
числа слугъ и надзирателей[501].

Впрочемъ сей разрывъ между Стефаномъ и Великимъ Княземъ не имѣлъ никакихъ важныхъ слѣдствій, кромѣ того, что первый задержалъ нашихъ Пословъ и художниковъ Италіянскихъ, которые ѣхали изъ Рима въ Москву[502]: о чемъ Іоаннъ писалъ не только къ Менгли-Гирею, но и къ Султану Кафинскому, Баязетову сыну, убѣждая ихъ вступиться за такое нарушеніе Права Народнаго. Стефанъ отпустилъ Пословъ. Тщетно Король Александръ склонялъ его быть дѣятельнымъ врагомъ Россіи и союзникомъ Польши: Стефанъ не хотѣлъ возвратить ему завоеванной имъ Днѣстровской области до самой своей кончины. Сей великій мужъ умеръ въ 1504 году: готовый закрыть глаза навѣки, онъ далъ совѣтъ сыну Богдану и Вельможамъ покориться Оттоманской Имперіи, сказавъ: «Знаю, какъ

г. 1502. «трудно было мнѣ удерживать право независимаго Властителя. Вы не въ силахъ бороться съ Баязетомъ, и только разорили «бы отечество. Лучше добровольно уступить то, чего сохранить не можете[305].» Богданъ призналъ надъ собою верховную власть Султана, и слава Молдавіи исчезла съ Господаремъ Стефаномъ, бывъ искусственнымъ твореніемъ его души великой.

Іоаннъ не терялъ времени въ бездѣйствіи; и желая увѣнчать свои побѣды новымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, въ Іюлѣ 1502 года отправилъ сына, Димитрія, со многочисленною ратію на Литву[304]. Съ нимъ находились племянники Государевы, Θеодоръ Волоцкій, Иванъ Торускій; Бѣльскій, зять сестры его, Анны; Удѣльный Князь Рязанскій Θеодоръ; Князь Симеонъ Стародубскій и внукъ Шемякинъ, Василій Рыльскій; Бояре Василій Холмскій, Яковъ Захарьевичь Шеинъ; Князья Александръ Ростовскій, Михайло Карамышъ-Курбскій, Теляшевскій, Рѣпня и Телепень Оболенскіе, Константинъ Ярославскій, Стрига-Ряполовскій. Цѣлію столь знаменитаго ополченія былъ нашъ древній, столичный городъ Смоленскъ, укрѣпленный Природою и каменными стѣнами. Осада требовала искусства и большихъ усилій. Димитрій послалъ отряды къ Березинѣ и Двинѣ. Россіяне взяли Оршу, выжгли предмѣстіе Витебское, всѣ деревни до Полоцка, Мстиславля; плѣнили нѣсколько тысячь людей,

Осада Смоленска.

но должны были за недостаткомъ въ продовольствіи удалиться отъ Смоленска[505], гдѣ начальствовали Воеводы Королевскіе, Станиславъ Кишка и Намѣстникъ его, Сологубъ, прославленные Историкомъ Литовскимъ за оказанное ими мужество[506]. — Въ Декабрѣ того же года Князья Сѣверскіе, Симеонъ Стародубскій и внукъ Шемякинъ, Василій, съ Московскими и Рязанскими Воеводами опять ходили на Литву; не завоевали городовъ, но вездѣ распространили ужасъ жестокими опустошеніями[507]. г. 1502.

Вѣрный союзникъ Александровъ, Вальтеръ Плеттенбергъ, снова хотѣлъ отвѣдать счастія въ поляхъ Россійскихъ, и съ 15,000 воиновъ приступилъ къ Изборску: разбилъ пушками стѣны, но боясь терять время, спѣшилъ осадить Псковъ. Онъ ждалъ Короля, давшаго ему слово встрѣтить его на берегахъ Великой[508]. Сего не сдѣлалось: Литовцы остались въ своихъ предѣлахъ; однакожь Магистръ съ жаромъ началъ осаду: стрѣлялъ изъ пушекъ и пищалей; старался разрушить крѣпость[509]. Къ счастію жителей, Воеводы Іоанновы, Даніилъ Щеня и Князь Василій Шуйскій, уже были не далеко съ полками сильными. Нѣмцы отступили: Воеводы отъ Изборска зашли имъ въ тылъ. Они увидѣли другъ друга на берегахъ озера Смолина. Плеттенбергъ, ободривъ своихъ великодушною рѣчью, употребилъ хитрость: двинулся съ войскомъ въ

г. 1502. Битва съ Магистромъ Ливонскимъ близъ Пскова.

сторону, какъ бы имѣя намѣреніе спасаться бѣгствомъ. Россіяне кинулись на обозъ Нѣмецкій; другіе устремились за войскомъ и въ безпорядкѣ наскакали на стройные ряды непріятеля: смѣшенные дѣйствіемъ его огнестрѣльнаго снаряда, хотѣли мужествомъ исправить свою ошибку; сразились, но большею частію легли на мѣстѣ: остальные бѣжали. Магистръ не гнался за ними. Россіяне ободрились, устроились и снова напали. Если вѣрить Ливонскимъ Историкамъ, то нашихъ было 90,000. Нѣмцы бились отчаянно; пѣхота ихъ заслужила въ сей день славное названіе *желѣзной*. Оказавъ неустрашимость, хладнокровіе, искусство, Плеттенбергъ могъ бы одержать побѣду, если бы не случилась измѣна. Пишутъ, что Орденскій Знаменоносецъ, Шварцъ, будучи смертельно уязвленъ стрѣлою, закричалъ своимъ: «кто изъ васъ достоинъ принять «отъ меня знамя?» Одинъ изъ Рыцарей, именемъ Гаммерштетъ, хотѣлъ взять его, получилъ отказъ, и въ досадѣ отсѣкъ руку Шварцу, который, схвативъ знамя въ другую, зубами изорвалъ оное; а Гаммерштетъ бѣжалъ къ Россіянамъ и помогъ имъ истребить знатную часть Нѣмецкой пѣхоты. Однакожь Плеттенбергъ устоялъ на мѣстѣ. Сраженіе кончилось: тѣ и другіе имѣли нужду въ отдыхѣ[510]. Прошло два дни: Магистръ въ порядкѣ удалился къ границѣ и навѣки уставилъ торжествовать 13 Сен-

тября или день Псковской битвы, знаменитой въ лѣтописяхъ Ордена, который долгое время гордился подвигами сей войны какъ славнѣйшими для своего оружія. — Замѣтимъ, что Полководцы Іоанновы гнушались измѣною Гаммерштета: недовольный холодностію Россіянъ, онъ уѣхалъ въ Данію, искалъ службы въ Швеціи, наконецъ возвратился въ Москву уже при Великомъ Князѣ Василіи, гдѣ Послы Императора Максимиліана видѣли его въ богатой одеждѣ среди многочисленныхъ Царедворцевъ. г. 1502.

Не смотря на ревностное содѣйствіе и славу Плеттенберга, Король Польскій не имѣлъ надежды одолѣть Россію, сильную многочисленностію войска и великимъ умомъ ея Государя. Литва истощалась, слабѣла: Польша не охотно участвовала въ сей войнѣ разорительной. Самъ Римскій Первосвященникъ, Александръ VI, взялся быть посредникомъ мира, и въ 1503 году чиновникъ Короля Венгерскаго, Сигизмундъ Сантай, пріѣхалъ въ Москву съ грамотами отъ Папы и Кардинала Регнуса. Оба писали къ Великому Князю, что все Христіанство приведено въ ужасъ завоеваніями Оттоманской Имперіи; что Султанъ взялъ два города Венеціянской Республики, Модонъ и Коронъ, угрожая Италіи; что Папа отправилъ Кардинала Регнуса ко всѣмъ Европейскимъ Государямъ, склонять ихъ на изгнаніе Турковъ изъ Греціи; что Короли Польскій и Венгер- Папа стараетея о мирѣ. Г. 1503.

Г. 1503. скій не могутъ участвовать въ семъ славномъ подвигѣ, имѣя врага въ Іоаннѣ; что Святый Отецъ, какъ Глава Церкви, для общей пользы Христіанства молитъ Великаго Князя заключить миръ съ ними, и вмѣстѣ съ другими Государями воевать Порту[811]. Посолъ вручилъ ему и письмо отъ Владислава такого же содержанія, требуя, чтобы Іоаннъ далъ *опасную грамоту* для проѣзда Вельможъ Литовскихъ въ Москву. Бояре наши отвѣтствовали, что Великій Князь радъ стоять за Христіанъ противъ невѣрныхъ; что онъ, умѣя наказывать враговъ, готовъ всегда и къ миру справедливому; что Александръ, изъявивъ желаніе прекратить войну, обманулъ его: навелъ на Россію Ливонскихъ Нѣмцевъ и Хана Ординскаго; что Государь дозволяетъ Посламъ Королевскимъ пріѣхать въ Москву.

Послы явились, шесть знатнѣйшихъ сановниковъ Королевскихъ[812], изъ коихъ главнымъ былъ Воевода Петръ Мишковскій. Они предлагали вѣчный миръ, съ условіемъ, чтобы Іоаннъ возвратилъ Королю всю его *отчину*, то есть, всѣ завоеванные Россіянами города въ Литвѣ; освободилъ плѣнниковъ, примирился съ Ливонскимъ Орденомъ и съ Швеціею (гдѣ властолюбивый Стурнъ, изгнавъ Датчанъ, снова былъ Правителемъ Государственнымъ). Великій Князь хладнокровно выслушалъ и рѣшительно отвергнулъ столь неумѣренныя требованія.

«*Отчина* Королевская, сказалъ онъ, есть «земля Польская и Литовская, а Русская на«ша. Что мы съ Божіею помощію у него «взяли, того не отдадимъ. Еще Кіевъ, Смо«ленскъ и многіе иные города принадлежатъ «Россіи: мы и тѣхъ добывать намѣрены[313].» Возраженія Пословъ остались безъ дѣйствія: Іоаннъ былъ непоколебимъ. Наконецъ, вмѣсто вѣчнаго мира, условились въ перемиріи на шесть лѣтъ, и только *изъ особеннаго уваженія къ зятю* Государь возвратилъ Литвѣ нѣкоторыя волости, Рудью, Ветлицы, Щучью, Святыя Озерища; велѣлъ Намѣстникамъ, Новогородскому и Псковскому, заключить такое же перемиріе съ Орденомъ, а съ Правителемъ Шведскимъ не хотѣлъ имѣть никакихъ договоровъ. Тогда находились въ Москвѣ и Послы Ливонскіе: они въ письмахъ своихъ къ Магистру жаловались на грубость Іоаннову, Бояръ нашихъ, а еще болѣе на Пословъ Литовскихъ, которые не оказали имъ ни малѣйшаго вспоможенія, ни доброжелательства. Епископъ Дерптскій обязался, за ручательствомъ Магистровымъ, платить намъ какую-то старинную поголовную дань: ибо земля и городъ его, основанный Ярославомъ Великимъ, считались древнею собственностію Россіи. При обнародованіи сего условія во Псковѣ стрѣляли изъ пушекъ и звонили въ колокола[314].

г. 1503.

Перемиріе съ Литвою и съ Орденомъ.

Непріятельскія дѣйствія прекратились — ибо самая Россія, истощенная наборами мно-

Г. 1503. голодныхъ ополченій, желала на время успокоиться — но вражда существовала въ прежней силѣ: ибо Александръ не могъ навсегда уступить намъ Витовтовыхъ завоеваній: Великій же Князь, столь счастливо возвративъ оныя Россіи, надѣялся со временемъ отнять у него и всѣ прочія наши

Хитрость Великаго Князя. земли. Потому Іоаннъ, извѣстивъ Менгли-Гирея о заключенномъ договорѣ, предлагалъ ему для вида также примириться съ Александромъ на 6 лѣтъ; но тайно внушалъ, что лучше продолжать войну; что Россія никогда не будетъ въ истинномъ, вѣчномъ мирѣ съ Королемъ, и время перемирія употребитъ единственно на утвержденіе за собою городовъ Литовскихъ, откуда всѣ худо-расположенные къ намъ жители переводятся въ иныя мѣста, и гдѣ нужно сдѣлать укрѣпленія; что союзъ ея съ Ханомъ противъ Литвы остается неизмѣннымъ[515].

Великій Князь дѣйствовалъ по крайней мѣрѣ согласно съ выгодами своей Державы:

Александръ безразсудно досаждаетъ ему. напротивъ чего Александръ, внутренно недовольный условіями перемирія, хотя и весьма нужнаго для его земли, слѣдовалъ единственно движеніямъ малодушной досады на врага сильнаго, счастливаго: онъ задержалъ въ Литвѣ нашихъ Бояръ и Великихъ Пословъ, Заболоцкаго и Плещеева, коимъ надлежало взять съ него присягу въ соблюденіи договора и требовать увѣрительной грамоты, за печатію Епископовъ Краков-

скаго и Виленскаго, въ томъ, что въ слу- г. чаѣ смерти Александра наслѣдники его не бу- 1503. дутъ принуждать Королевы Елены къ Римскому Закону[816]. Іоаннъ, удивленный симъ нарушеніемъ общихъ государственныхъ уставовъ, желалъ знать предлогъ онаго: Король писалъ, что Послы остановлены за обиды, дѣлаемыя Россіянами Смоленскимъ Боярамъ; но скоро одумался, утвердилъ перемиріе и съ честію отпустилъ ихъ въ Москву[817]. Тогда же схватили въ Литвѣ гонца нашего, посланнаго въ Молдавію: Александръ не хотѣлъ освободить его до рѣшительнаго мира съ Россіею; не хотѣлъ еще, чтобы Королева Елена исполнила волю родителя въ дѣлѣ семейственномъ: Іоаннъ велѣлъ ей искать невѣсты для брата, Василія, между Нѣмецкими Принцессами; но Елена отвѣчала, что не можетъ думать о сватовствѣ, пока Великій Князь не утвердитъ истинной дружбы съ Литвою[818].

Такими ничтожными способами могъ ли Король достигнуть желаемаго мира? скорѣе возобновилъ бы кровопролитіе, если бы Іоаннъ для государственной пользы не умѣлъ презирать маловажныхъ, безразсудныхъ оскорбленій: желая временнаго спокойствія, онъ терпѣлъ ихъ хладнокровно, и готовилъ средства къ дальнѣйшимъ успѣхамъ нашего величія.

ГЛАВА VII.

Продолженіе государствованія Іоаннова.

Кончина Софіи и болѣзнь Іоаннова. Завѣщаніе. Судъ и казнь еретиковъ. Посольство Литовское. Сношеніе съ Императоромъ. Василій женится на Соломоніи. Измѣна Царя Казанскаго. Впаденіе его въ Россію. Кончина Великаго Князя. Тогдашнее состояніе Европы. Іоаннъ творецъ величія Россіи. Устроилъ лучшее войско. Утвердилъ Единовластіе. Имя Грознаго. Жестокость его характера. Мнимая нерѣшительность есть осторожность. Названіе Великаго, приписанное ему иностранцами. Сходство съ Петромъ I. Титулъ Царскій. Бѣлая Россія. Умноженіе доходовъ. Законы Іоанновы. Городская и земская полиція. Соборы. Поставленіе Кессарійскаго Митрополита въ Москвѣ. Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ. Капланъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру. Нѣкоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка. Древнѣйшее описаніе Княжеской свадьбы. Путешествіе въ Индію.

Г. 1503 — 1505.

Г. 1503. Кончина Софіи и болѣзнь Іоаннова.

Сей Монархъ не слабѣлъ ни въ проницаніи, ни въ бодрости, ни въ усердіи ко благу ввѣренной ему Небомъ Державы, вопреки своимъ уже преклоннымъ лѣтамъ и сердечнымъ горестямъ, необходимымъ въ жизни смертнаго. Онъ лишился тогда супруги[519]: хотя, можетъ быть, и не имѣлъ особенной къ ней горячности; но умъ Софіи въ самыхъ важныхъ дѣлахъ государственныхъ, ея

полезные совѣты[520], и наконецъ долговременная свычка между ими сдѣлала для него сію потерю столь чувствительною, что здоровье Іоанново, дотолѣ крѣпкое, разстроилось. Вѣря болѣе дѣйствію усердной молитвы, нежели искусству врачеванія, Государь поѣхалъ въ Лавру Св. Сергія, въ Переславль, въ Ростовъ и Ярославль, гдѣ находились знаменитыя святостію Обители[521]. Тамъ, сопровождаемый всѣми дѣтьми, но безъ всякаго мірскаго великолѣпія, онъ въ видѣ простаго смертнаго умилялся предъ Богомъ, ожидая отъ Него исцѣленія или мирной кончины; но, вкусивъ сладость Христіанской набожности, спѣшилъ возвратиться на престолъ, чтобы устроить будущую судьбу Россіи. г. 1503.

Онъ написалъ завѣщаніе, въ присутствіи знатнѣйшихъ Бояръ, Князей Василія Холмскаго, Данiила Щени, Якова Захарьевича, Казначея Дмитрія Владиміровича и Духовника, Архимандрита Андрониковскаго, именемъ Митрофана, объявивъ старшаго сына, Василія Іоанновича, преемникомъ Монархіи, Государемъ всей Россіи и меньшихъ его братьевъ. Тутъ, въ исчисленіи всѣхъ областей Василіевыхъ, въ первый разъ упоминается о *дикой* Лапландіи[522]; далѣе сказано, что Старая Рязань и Перевитескъ составляютъ уже достояніе Государя Московскаго, бывъ отказаны Іоанну умершимъ его племянникомъ, сыномъ Великой Княгини Ан- Завѣщаніе.

г. 1503. ны, Θеодоромъ; именуются также и всѣ города отнятые у Литвы, Мценскъ, Бѣлевъ, Новосиль, Одоевъ, кромѣ Чернигова, Стародуба, Новагорода Сѣверскаго, Рыльска: ибо тамошніе Князья хотя и поддалися Государю Московскому, но удержали право Владѣтельныхъ. Другимъ сыновьямъ Іоаннъ далъ богатыя отчины: Юрію Дмитровъ, Звенигородъ, Кашинъ, Рузу, Брянскъ, Серпейскъ; Димитрію Угличь, Хлепень, Рогачевъ, Зубцовъ, Опоки, Мещовскъ, Опаковъ, Мологу; Симеону Бѣжецкій Верхъ, Калугу, Козельскъ; Андрею Верею, Вышегородъ, Алексинъ, Любутскъ, Старицу, Холмъ, Новый Городокъ. Имѣя особенныхъ придворныхъ и воинскихъ чиновниковъ, пользуясь всѣми доходами своихъ городовъ и волостей, братья Василіевы не могли въ оныхъ судить душегубства, ни дѣлать монеты, и не участвовали въ выгодѣ откуповъ государственныхъ[523]; однакожь Василій обязывался удѣлять имъ часть нѣкоторыхъ Московскихъ сборовъ и не покупать земель въ ихъ отчинахъ, которыя оставались наслѣдственными для ихъ сыновей и внуковъ[524]. То есть, меньшіе сыновья Іоанновы долженствовали имѣть права только частныхъ владѣльцевъ, а не Князей Владѣтельныхъ. Одна Рязань еще представляла тѣнь вольной Державы: Князь ея, Іоаннъ, умеръ въ 1500 году, оставивъ пятилѣтняго сына, именемъ также Іоанна[525], подъ

опекою матери, Агриппины, и бабки его, г. любимой сестры Великаго Князя, Анны, кото- 1503 рая преставилась въ 1501 году, утвердивъ внука въ достоинствѣ независимаго Владѣтеля, но только именемъ: ибо Государь Московскій былъ въ самомъ дѣлѣ верховнымъ повелителемъ Рязани, ея войска и народа[526].— Исполняя желаніе отца, Василій и братья его обязались между собою грамотами жить въ согласіи, по родительскому завѣщанію[527].

Іоаннъ хотѣлъ утвердить и спокойствіе нашей православной Церкви. Въ сіе время возобновилось дѣло *Жидовской ереси*, нами описанной. Еще она не пресѣклась, хотя и скрывалась. Іосифъ Волоцкій въ Москвѣ, Архіепископъ Геннадій въ Новѣгородѣ неутомимо старались истребить сіе несчастное заблужденіе ума: первый только говорилъ и писалъ, вторый дѣйствовалъ въ своей Епархіи, откуда многіе изъ гонимыхъ еретиковъ бѣжали въ Нѣмецкую землю и въ Литву[528]. Убѣжденный наконецъ представленіями Духовенства, или самъ видя упрямство отступниковъ, не исправленныхъ средствами умѣренности, ни клятвою Церковною, ни заточеніемъ, Великій Князь рѣшился быть строгимъ, опасаясь казаться излишно снисходительнымъ или безпечнымъ въ дѣлѣ душевнаго спасенія. Созвавъ Епископовъ, онъ вмѣстѣ съ ними и съ Митрополитомъ снова выслушалъ доносы. Іосифъ

Судъ и казнь еретиковъ.

г. 1503. Волоцкій засѣдалъ съ судіями, гремѣлъ краснорѣчіемъ, обличалъ еретиковъ и требовалъ для нихъ мірской казни. Главными изъ обвиняемыхъ были Дьякъ Волкъ Иванъ Курицынъ, посыланный къ Императору Максимиліану съ Юріемъ Траханіотомъ[329], — Дмитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, Некрасъ Рукавовъ и Кассіанъ, Архимандритъ Юрьевскаго Новогородскаго монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утверждая мнимую истину своихъ понятій о Вѣрѣ; были осуждены на смерть и всенародно сожжены въ клѣткѣ[330]; инымъ отрѣзали языкъ, другихъ заключили въ темницы или разослали по монастырямъ. Почти всѣ изъявляли раскаяніе; но Іосифъ доказывалъ, что раскаяніе, вынужденное пылающимъ костромъ, не есть истинное и не должно спасти ихъ отъ смерти. Сія жестокость скорѣе можетъ быть оправдана Политикою, нежели Вѣрою Христіанскою, столь небесно-человѣколюбивою, что она ни въ какомъ случаѣ не прибѣгаетъ къ мечу; единственными орудіями служатъ ей мирныя наставленія, молитва, любовь: таковъ по крайней мѣрѣ духъ Евангелія и книгъ Апостольскихъ. Но если кроткія наставленія не имѣютъ дѣйствія; если явный, дерзостный соблазнъ угрожаетъ Церкви и Государству, коего благо тѣсно связано съ ея невредимостію: тогда не Митрополитъ, не Духовенство, но Государь можетъ справед-

ливымъ образомъ казнить еретиковъ. Сія пристойность была соблюдена: ихъ осудили, какъ сказано въ лѣтописяхъ, по *градскому* закону[531]. Г. 1503.

Узнавъ о болѣзни Іоанна, и думая, что приближеніе смерти легко можетъ ослабить твердость его въ правилахъ внѣшней Политики, Александръ чрезъ новыхъ Великихъ Пословъ, Воеводу Станислава Глѣбовича, Пана Юрья Зиновьевича и *Писаря* или Секретаря Государственнаго, Богдана Сапѣгу, предложилъ Великому Князю купить дружество Литвы уступкою ей нашихъ завоеваній. Король именовалъ Іоанна *отцемъ* и *братомъ*: Елена *кланялась* ему съ почтеніемъ и нѣжностію. Сей Монархъ, приближаясь ко гробу, безъ сомнѣнія желалъ бы провести остатокъ дней своихъ въ тишинѣ, тѣмъ болѣе, что спокойствіе его любезной дочери зависѣло отъ согласія между ея родителемъ и супругомъ; но Іоаннъ зналъ свою обязанность: еще сидѣлъ на тронѣ, слѣдственно долженъ былъ мыслить только о благоденствіи отечества; не измѣрялъ вѣкомъ своимъ вѣка Россіи, смотрѣлъ далѣе гроба и хотѣлъ жить въ ея величіи. Бояринъ его, Яковъ Захарьевичь, сказалъ Посламъ Литовскимъ: «Великій Князь никому не отдаетъ своего. Желаете ли истиннаго, прочнаго мира? уступите Россіи «и Смоленскъ и Кіевъ.» По многихъ прѣніяхъ Паны уѣхали[552], и Король увѣрился въ

Посольство Литовское. Г. 1504.

Г. 1504. невозможности заключить вѣчный миръ съ Іоанномъ на условіяхъ, какихъ ему хотѣлось. Предметомъ дальнѣйшихъ сношеній между ими были единственно дѣла пограничныя: жаловались то наши, то Литовскіе подданные на обиды. Съ обѣихъ сторонъ обѣщали удовлетвореніе и раждались новыя неудовольствія. Знатный Королевскій чиновникъ, Евстафій Дашковичь, житель Волыніи, Вѣры Греческой, уѣхалъ въ Москву съ великимъ богатствомъ и со многими Дворянами: Александръ требовалъ, чтобы мы, согласно съ перемирною грамотою, выдали ему сего человѣка. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что грамотою опредѣлено выдавать татей, бѣглецовъ, холопей, должниковъ и злодѣевъ; а Дашковичь былъ у Короля Воеводою, не уличенъ ни въ какомъ преступленіи и добровольно вошелъ къ намъ въ службу, какъ то и въ старину дѣлалось невозбранно. — Чтобы имѣть вѣрныя извѣстія о внутреннихъ обстоятельствахъ Литвы, Государь посылалъ гонцевъ къ Еленѣ съ дарами, приказывая всегда дружески кланяться ея супругу[533].

Мы видѣли, что Политика Западной Европы уже находилась въ связи съ нашею: война Литовская, славная для Іоаннова оружія, придала намъ еще болѣе важности и знаменитости. Императоръ Максиміліанъ вспомнилъ о Россіи и выгодахъ ея союза противъ сыновей Казимировыхъ: онъ жалѣлъ о Венгріи, не охотно имъ уступленной

Сношенія съ Императоромъ.

Владиславу; думалъ возобновить свои требованія на сіе Королевство, и послалъ къ Великому Князю чиновника, именемъ Гарпингера, который, выѣхавъ изъ Аугсбурга въ Августѣ 1502 года, прибылъ въ Москву не прежде, какъ въ Іюлѣ 1504[534]. Слогъ Максиміліанова письма достоинъ замѣчанія. «Слышу, говоритъ Императоръ, что *нѣ-* «*которыя* сосѣдственныя Державы возста- «ли на Россію. Помня клятвенные обѣ- «ты нашей взаимной любви, я готовъ «помогать тебѣ, моему брату, совѣтомъ «и дѣломъ.» Не сказано ни слова о Венгріи; но Посолъ, какъ надобно думать, говорилъ о томъ изустно Іоанновымъ Боярамъ. Въ другомъ особенномъ письмѣ Императоръ проситъ у Великаго Князя бѣлыхъ кречетовъ. Милостиво угостивъ Гартингера обѣденнымъ столомъ во дворцѣ, Іоаннъ отвѣтствовалъ Максиміліану, что Россію воевали Король Польскій и Магистръ Ордена, были наказаны и примирились съ нею на время; что если Императоръ, въ случаѣ новыхъ непріятельскихъ дѣйствій съ ихъ стороны, поможетъ Россіянамъ, то и Россіяне, исполняя договоръ, помогутъ Австріи овладѣть Венгріею. Государь извинялся, что не отправляетъ собственнаго Посла въ Германію: ибо Король Александръ и Магистръ Ливонскій безъ сомнѣнія остановили бы его на пути.— Въ слѣдующемъ году тотъ же Гартингеръ, находясь въ Эстоніи, чрезъ Иваньгородъ до-

Г. 1504.

Г. 1505.

г. ставилъ въ Москву новыя грамоты отъ
1505. Максимиліана и сына его Филиппа, Короля Испанскаго, къ Іоанну и юному Василію, *Царямъ* Россіи [535]. Гартингеръ просилъ отвѣта на языкѣ Латинскомъ, сказывая, что Делаторъ умеръ, и что при Дворѣ ихъ нѣтъ уже ни одного человѣка, знающаго Русской языкъ. Дѣло шло о Ливонскихъ плѣнникахъ: Максимиліанъ и Филиппъ убѣждали Великихъ Князей освободить сихъ несчастныхъ, изнуренныхъ долговременною неволею; а Гартингеръ ручался за безопасность нашего Посольства, если Іоаннъ велитъ кому нибудь изъ своихъ придворныхъ ѣхать въ Нѣмецкую землю на Ригу, чтобы сдѣлать тѣмъ удовольствіе Максимиліану. Но Великій Князь не сдѣлалъ сего; самъ писалъ къ Императору, а Василій къ Королю Филиппу, учтиво и ласково, съ объясненіемъ, что плѣнники немедленно будутъ свободны, когда Магистръ прерветъ дружественную связь съ Литвою. Однимъ словомъ, Іоаннъ по видимому уже худо вѣрилъ Максимиліану: платилъ только ласками за ласки, и дарилъ ему кречетовъ, но не хотѣлъ измѣнить для него своимъ правиламъ и жалѣлъ денегъ на безполезное Посольство въ Австрію.

Василій женится на Соломоніи.

Сынъ и наслѣдникъ Великаго Князя, Василій, имѣлъ уже 25 лѣтъ отъ рожденія и еще не былъ женатъ, въ противность тогдашнему обыкновенію. Политика осуждаетъ

брачные союзы Государей съ подданными, особенно въ Правленіяхъ Самодержавныхъ: свойственники требуютъ отличія безъ достоинствъ, милостей безъ заслугъ; и сіи, такъ сказать, родовые Вельможи, пользуясь исключительными правами, рѣдко не употребляютъ оныхъ во зло, думая, что Государь обязанъ въ нихъ уважать самого себя, то есть, честь своего Дома. Нарушается справедливость, истощается казна, или семейственныя докуки вредятъ драгоцѣнному спокойствію Монарха. Зная сію, какъ и многія другія важныя для Единовластія истины по внушенію собственнаго Генія, Іоаннъ думалъ женить сына на Принцессѣ иностранной: будучи союзникомъ Даніи, онъ предлагалъ ея Королю утвердить ихъ взаимную дружбу свойствомъ: для того, можетъ быть, находился въ Москвѣ Датскій Посолъ около 1503 года[536]; но Король — въ угожденіе ли Шведамъ, коихъ ему хотѣлось снова подчинить Даніи, и которые не любили Россіи, или затрудняясь иновѣріемъ жениха — уклонился отъ чести быть тестемъ наслѣдника Великокняжескаго и выдалъ дочь свою, Елисавету, за Курфирста Бранденбургскаго. Видя предъ собою близкую кончину, желая благословить счастливый бракъ сына и не имѣя уже времени искать невѣсты въ странахъ отдаленныхъ, Государь рѣшился тогда женить его на подданной. Пишутъ, что самъ Васи- г. 1505.

г. 1505. лій хотѣлъ того, уваживъ совѣтъ любимаго имъ Боярина, Грека Юрія Малаго, у котораго была дочь невѣста; но женихъ выбралъ иную, будто бы изъ 1500 благородныхъ дѣвицъ, представленныхъ для сего ко Двору: Соломонію, дочь весьма незнатнаго сановника Юрія Константиновича Сабурова, одного изъ потомковъ выходца Ординскаго, Мурзы Чета[557]. Соломонія отличалась, какъ вѣроятно, достоинствами цѣломудрія, красотою, цвѣтущимъ здравіемъ; но въ выборѣ не участвовала ли и Политика? Можетъ быть. Іоаннъ лучше хотѣлъ вступить въ свойство съ простымъ Дворяниномъ, нежели съ Княземъ или съ Бояриномъ, чтобы имѣть болѣе способовъ наградить родственниковъ невѣстки безъ излишней щедрости и не удѣляя имъ особенныхъ правъ, несовмѣстныхъ съ званіемъ подданнаго. Отецъ Соломоніи былъ возвышенъ на степень Боярина уже въ царствованіе Василія[558]. Но мудрый Іоаннъ не предвидѣлъ, что сей бракъ, приближивъ Годуновыхъ, ея родственниковъ, ко трону, будетъ виною ужасныхъ для Россіи бѣдствій и гибели Царскаго дома!

Измѣна Царя Казанскаго. Въ то время, когда Дворъ и столица ликовали, празднуя свадьбу юнаго Великаго Князя, Государь свѣдалъ о злобной измѣнѣ нашего Казанскаго присяжника, Магметъ-Аминя. Сей такъ называемый Царь всего болѣе любилъ корысть и лукавую жену

свою, бывшую вдову Алегамову, которая г.
нѣсколько лѣтъ жила невольницею въ Во- 1550.
логдѣ. Ненавидя Россіянъ какъ злодѣевъ ея перваго мужа, она замышляла кровопролитную месть, тайно бесѣдовала съ Вельможами Казанскими о средствахъ, и приступила къ дѣлу, возбуждая Магметъ-Аминя быть истиннымъ, независимымъ Владѣтелемъ. «Что ты? рабъ Московскаго тирана!» говорила ему Царица: «нынѣ на престолѣ, «завтра въ темницѣ, и подобно Алегаму «умреть невольникомъ. Цари и народы «презираютъ тебя. Воспряни отъ униженія къ величію; свергни иго или погибни «достойнымъ славы[539].» Плѣнительныя ласки ея дѣйствовали еще сильнѣе краснорѣчія: она день и ночь, по словамъ Лѣтописца, *висѣла на шеѣ* у мужа, и достигла желаемаго. Забывъ милости Іоанна, своего названаго отца, и присягу, Магметъ-Аминь далъ ей слово отложиться отъ Россіи; но еще медлилъ, и послалъ одного изъ Вельможъ, Князя Уфимскаго, съ какими-то представленіями въ Москву. Будучи недоволенъ оными – угадывая, можетъ быть, и злое его намѣреніе – Іоаннъ велѣлъ ѣхать въ Казань Дьяку Михайлу Кляпику, чтобы объясниться
съ Царемъ. Тогда Магметъ-Аминь рѣшился Іюня 24.
дѣйствовать явно. Насталъ праздникъ Рождества Іоанна Предтечи, день славной ярмонки въ Казани, гдѣ гости Россійскіе съѣзжались съ Азіатскими мѣняться драгоцѣн-

г. 1505. ными товарами, мирно и спокойно, не опасаясь ни малѣйшаго насилія: ибо Казань уже 17 лѣтъ считалась какъ бы Московскою областію. Въ сей день схватили тамъ Посла Великокняжескаго и нашихъ купцевъ: многихъ умертвили, не щадя ни женъ, ни дѣтей, ни старцевъ; иныхъ заточили въ Улусы Ногайскіе; ограбили всѣхъ безъ исключенія. Народы не любятъ господъ чужеземныхъ: Казанцы, обольщенные и свободою и корыстію, служили усерднымъ орудіемъ воли Царской, въ изступленіи злобы лили кровь Москвитянъ и радовались отнятыми у нихъ сокровищами. «Магметъ-Аминь, сказа«но въ лѣтописи, наполнилъ цѣлую палату «серебромъ Русскимъ, надѣлалъ себѣ золо«тыхъ вѣнцевъ, сосудовъ, блюдъ; уже пе«ресталъ ѣсть изъ мѣдныхъ котловъ или «*опаницъ*, являясь на пирахъ въ сіяніи дра«гоцѣнныхъ каменьевъ и металловъ, въ «убранствѣ истинно Царскомъ. Самые бѣд«ные Казанскіе жители разбогатѣли: носивъ «прежде зимою и лѣтомъ овчины, украсились «тканями шелковыми, и въ одеждахъ разно«цвѣтныхъ какъ павлины гордо расхаживали «предъ своими *катунами* или домами[540].»

Надменный убійствомъ мирныхъ гостей, Магметъ-Аминь вооружилъ 40,000 Казанцевъ, призвалъ 20,000 Ногаевъ, вступилъ въ Россію, умертвилъ нѣсколько тысячь земледѣльцевъ, осадилъ Нижній Новгородъ и выжегъ всѣ посады. Воеводою былъ тамъ Ха-

Впаденіе его въ Россію.

баръ Симскій: имѣя мало воиновъ для защи- г.
ты города, онъ выпустилъ изъ темницы 1505.
300 Литовскихъ плѣнниковъ, взятыхъ на Ведрошѣ; далъ имъ ружья и Государевымъ именемъ обѣщалъ свободу, если они храбростію заслужатъ ее. Сія горсть людей спасла крѣпость. Будучи искусными стрѣлками, Литовцы убили множество непріятелей и въ томъ числѣ Ногайскаго Князя, шурина Магметъ-Аминева, который, стоя близъ стѣны, распоряжалъ приступомъ. Видя его мертваго, Ногайскіе полки уже не хотѣли биться: сдѣлалась распря между ими и Казанцами; началось даже кровопролитіе. Царь едва могъ смирить ихъ; снялъ осаду и бѣжалъ во-свояси. — Литовскіе плѣнники немедленно были освобождены, съ честію, благодарностію и дарами.

Великій Князь не успѣлъ наказать Магметъ-Аминя: высланные противъ него Московскіе Воеводы худо исполнили свою обязанность; имѣя около 100,000 ратниковъ, не пошли за Муромъ и дали непріятелю удалиться спокойно[341]. Въ сіе время болѣзнь Іоаннова усилилась: подобно великому своему дѣду, Герою Донскому, онъ хотѣлъ умереть Государемъ, а не Инокомъ; склоняясь отъ престола къ могилѣ, еще давалъ повелѣнія для блага Россіи, и тихо скончался 27 Октября 1505 года, въ первомъ часу ночи, имѣвъ отъ рожденія 66 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, и властвовавъ 43 года, 7 мѣсяцевъ. Кончина Великаго Князя.

Г. 1505. Тѣло его погребли въ новой церкви Св. Архистратига Михаила. Лѣтописцы не говорятъ о скорби и слезахъ народа: славятъ единственно дѣла умершаго, благодаря Небо за такого Самодержца!

Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма не многихъ Государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить на-долго судьбу народовъ: онъ есть Герой не только Россійскій, но и Всемірной Исторіи. Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ Метафизики, не дерзая опредѣлять вышнихъ намѣреній Божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, какое-то согласное теченіе мірскихъ случаевъ къ единой цѣли, или связь между оными для произведенія какого нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго.

Тогдашнее состояніе Европы.

Іоаннъ явился на ѳеатрѣ политическомъ въ то время, когда новая государственная система вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ Государей возникала въ цѣлой Европѣ на развалинахъ системы Феодальной или Помѣстной. Власть Королевская усилилась въ Англіи, во Франціи. Испанія, свободная отъ ига Мавровъ, сдѣлалась первостепенною Державою. Португаллія цвѣла, пріобрѣтая богатство успѣхами мореплаванія и важными для торговли открытіями. Раздѣленная Италія хвалилась по крайней мѣрѣ флотами, купечествомъ, Искусствами, Науками и тонкою

Политикою. Безпечность и равнодушіе Императора, Фридерика IV, не могли успокоить Германіи, волнуемой междоусобіями; но сынъ его, Максимиліанъ, уже готовилъ въ умѣ своемъ счастливую перемѣну для ея внутренняго состоянія, которой надлежало возвысить достоинство Императорское, униженное слабодушіемъ Рудольфовыхъ преемниковъ, и поставить Домъ Австрійскій на вышнюю степень величія. Венгрія, Богемія, Польша, управляемыя тогда Гедиминовымъ родомъ, составляли какъ бы одну Державу и вмѣстѣ съ Австріею могли обуздывать ужасное для Христіанъ властолюбіе Баязета. Соединеніе трехъ Государствъ Сѣверныхъ, обѣщая имъ силу и важность въ политической системѣ Европы, было предметомъ усилій Короля Датскаго. Республика Швейцарская, основанная любовію къ вольности, безопасная въ оградѣ твердынь Альпійскихъ, но побуждаемая честолюбіемъ и корыстію, хотѣла славы участвовать въ распряхъ Монарховъ сильнѣйшихъ, и заслуживала оную храбростію своихъ пастырей. Ганза — сей торговый и воинскій союзъ осьмидесяти-пяти городовъ Нѣмецкихъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ и весьма достопамятный въ отношеніи къ древней Россіи — пользовалась всеобщимъ уваженіемъ Государей и народовъ. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонскаго и Нѣмецкаго. — Кромѣ успѣховъ

г. 1505.

г. власти Монархической и разумной Политики,
1505. которая произвела сношенія между самыми отдаленными Государствами — кромѣ лучшаго гражданскаго состоянія, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ Державъ — вѣкъ Іоанновъ ознаменовался великими открытіями. Гуттенбергъ и Фаустъ изобрѣли книгопечатаніе, которое болѣе всего способствовало распространенію знаній, едва ли уступая въ важности и въ пользѣ изобрѣтенію буквъ. Коломбъ открылъ новый міръ, привлекательный для хищнаго корыстолюбія и торговли, любопытный для испытателей Естества и для Философа, который, видя тамъ человѣчество въ состояніи дикой Природы и всѣ начальныя степени ума гражданскаго, Исторіею Америки объяснилъ для себя Всемірную. Драгоцѣнныя произведенія Индіи достигали Азова чрезъ Персію и море Каспійское, путемъ многотруднымъ, медленнымъ, невѣрнымъ: сія страна, древнѣйшая населеніемъ, образованіемъ, художествами, скрывалась отъ Европейцевъ какъ бы за щитомъ непроницаемымъ, и темные объ ней слухи раждали басни о несмѣтныхъ ея богатствахъ. Смѣлые порывы нѣкоторыхъ мореплавателей обойти Африку увѣнчались наконецъ совершеннымъ успѣхомъ, и Васко де-Гама, оставивъ за собою мысъ Доброй Надежды, съ такимъ же восторгомъ увидѣлъ берегъ Индіи, съ какимъ Христофоръ Коломбъ Америку. Сіи два открытія, обо-

гашивъ Европу, распространивъ ея мореплаваніе, умноживъ промышленость, свѣдѣнія, роскошь и пріятности гражданской жизни, имѣли сильное вліяніе на судьбу Державъ. Политика сдѣлалась хитрѣе, дальновиднѣе, многосложнѣе: при заключеніи государственныхъ договоровъ Министры смотрѣли на географическіе чертежи, и вычисляли торговые прибытки, основывая на нихъ государственное могущество; родились новыя связи между народами; однимъ словомъ, началась новая эпоха, если не для мирнаго счастія людей, то по крайней мѣрѣ для ума, для силы Правительствъ и для общественнаго духа Государствъ благопріятная. г. 1505.

Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга Европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя достохвальныя усилія Князей Московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для Единовластія и нашего внутренняго могущества: но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростію умнаго слуги Ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благо- Іоаннъ творецъ величія Россіи.

г. 1505. разумѣемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Витовту, и еще искалъ милости въ Ханахъ; а внукъ не могъ противиться горсти хищниковъ Татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостію, и бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ Удѣловъ подвергнулъ Великое Княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою какъ двѣ ужасныя тѣни заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ Киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни Императорамъ, ни гордымъ Султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ Политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя Царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новогородскую, захватывая Удѣлы, расширяя владѣнія Московскія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лаплан-

діи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дально- г. видной умѣренности основанную для насъ 1505. систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе Государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе Державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и Царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ, и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хитрому Монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ Политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ Держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри, и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Устроилъ лучшее войско.

Совершая сіе великое дѣло, Іоаннъ преимущественно занимался устроеніемъ войска. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о сильныхъ его полкахъ. Онъ первый, кажется, началъ давать земли или помѣстья Боярскимъ Дѣтямъ [342], обязаннымъ, въ случаѣ войны, приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья (отъ сего умножилось число ратни-

г. 1550. ковъ); принималъ въ службу и многихъ Литовскихъ, Нѣмецкихъ плѣнниковъ, волею и неволею: сіи иноземцы жили за Москвою-рѣкою въ особенной слободѣ[543]. Съ его времени также начинаются *Розряды*[544], которые даютъ намъ ясное понятіе о внутреннемъ образованіи войска, состоявшаго обыкновенно изъ пяти такъ называемыхъ *полковъ*: Большаго, Передоваго, Праваго, Лѣваго и Сторожеваго или запаснаго. Каждый имѣлъ своего Воеводу; но Предводитель Большаго Полку былъ главнымъ. Не дозволяя Вождямъ считаться между собою въ старѣйшинствѣ [545], Государь еще менѣе терпѣлъ непослушаніе воиновъ: сынъ Великокняжескій, Димитрій, возвратясь изъ-подъ Смоленска, жаловался, что многіе Дѣти Боярскіе безъ его вѣдома приступали къ городу, отлучались изъ стана и ѣздили грабить: Іоаннъ наказалъ ихъ всѣхъ, темницею или торговою казнію[546]. Силою, устройствомъ, мужествомъ рати и Воеводъ побѣждая отъ Сибири до Эмбаха и Десны, онъ лично не имѣлъ духа воинскаго. «Сватъ мой»—говорилъ объ немъ Стефанъ Молдавскій — «есть странный че-«ловѣкъ: сидитъ дома, веселится, спитъ «покойно и торжествуетъ надъ врагами. Я «всегда на конѣ и въ полѣ, а не умѣю за-«щитить земли своей[547].» То есть, Іоаннъ родился не воиномъ, но Монархомъ; сидѣлъ на тронѣ лучше, нежели на ратномъ конѣ, и владѣлъ скиптромъ искуснѣе, нежели ме-

чемъ. Имѣя выспренній умъ для Государственной Науки, онъ имѣлъ слугъ для побѣды: Холмскій, Стрига, Щеня вели къ ней его легіоны. Воинъ на престолѣ опасенъ: легко можетъ обмануть себя и начать кровопролитіе только для своего личнаго славолюбія; легко можетъ одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливыхъ. Ему трудно быть миролюбивымъ: а народы желаютъ сего качества въ Вѣнценосцахъ. Одна необходимая для государственной цѣлости и независимости война есть законная: такъ Іоаннъ воевалъ съ Ахматомъ и Литвою, среди успѣховъ не отвергая мира, согласнаго съ нашимъ благомъ. г. 1505.

Внутри Государства онъ не только учредилъ Единовластіе — до времени оставивъ права Князей Владѣтельныхъ однимъ Украинскимъ или бывшимъ Литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ — но былъ и первымъ, истиннымъ Самодержцемъ Россіи, заставивъ благоговѣть предъ собою Вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ Вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ Бояръ, Дворецкихъ, Окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Василій Темный оставилъ сыну только четырехъ Великокняжескихъ Утвердилъ Единовластіе.

г. 1505. Бояръ, Дворецкаго, Окольничаго: Іоаннъ въ 1480 году имѣлъ уже 19 Бояръ и 9 Окольничихъ, а въ 1495 и 1496 годахъ учредилъ санъ Государственнаго Казначея, Постельничаго, Ясельничаго, Конюшаго[648]. Имена ихъ вписывались въ особенную книгу для свѣдѣнія потомковъ. Все сдѣлалось чиномъ или милостію Государевою. Между Боярскими Дѣтьми, придворными или младшими Дворянами находились сыновья Князей и Вельможъ. — Предсѣдательствуя на Соборахъ Церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя Главою Духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ Царями, величавый въ пріемѣ ихъ Посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ *цѣлованія* Монаршей руки въ знакъ лестной милости[649]; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны Самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ Богомъ для Россіянъ, которые *съ сего времени* начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ Монаршей. Ему первому дали въ Россіи имя *Грознаго*[650], но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ подобно своему внуку, Іоанну Васильевичу Второму, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели

Имя Грознаго.

Жестокость его характера

Монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостію. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись итти ко трону; что Вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ, не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда Государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, ожидая новаго *приказа* веселить его и веселиться[551]. — Уже замѣтивъ строгость Іоаннову въ наказаніяхъ, прибавимъ, что самые знатные чиновники, свѣтскіе и духовные, лишаемые сана за преступленія, не освобождались отъ ужасной торговой казни: такъ (въ 1491 году) всенародно сѣкли кнутомъ Ухтомскаго Князя, Дворянина Хомутова и бывшаго Архимандрита Чудовскаго, за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершаго брата Іоаннова[552]. г. 1505.

Исторія не есть похвальное слово, и не представляетъ самыхъ великихъ мужей совершенными. Іоаннъ какъ человѣкъ не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ какъ Государь на вышней степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе: оно не плѣняетъ Мнимая нерѣшительность есть осторожность.

г. 1505. насъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій? славу. Іоаннъ оставилъ Государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ Правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостію именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе Моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія Державы образуются не механическимъ слѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ Державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ Исторіи славу его: знаменитый Лѣтописецъ Польскій, Длугошъ, въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимирова[553]. Нѣмецкіе, Шведскіе Историки шестаго-надесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго[554]; а новѣйшіе замѣчаютъ

Сходство съ Петромъ I. въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ[555]; оба безъ сомнѣнія велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ Науками: призывая худож-

никовъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ Посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому Монарху, къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь, но въ Исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ Вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества. — Между иноземцами, которые искали тогда убѣжища и службы въ Москвѣ, достойны замѣчанія Князь Таманскій, Гуйгурсисъ, жертва Султанскаго насилія, и Кафинскій Еврей Скарья: Государь милостивыми грамотами, скрѣпленными золотою печатью, дозволивъ имъ быть къ себѣ, увѣрялъ ихъ въ особенномъ покровительствѣ и въ совершенной свободѣ выѣхать изъ Россіи, если не захотятъ въ ней остаться[556]. Г. 1505.

Петръ думалъ возвысить себя чужеземнымъ названіемъ Императора: Іоаннъ гордился древнимъ именемъ Великаго Князя и не хотѣлъ новаго; однакожь въ сношеніяхъ съ иностранцами принималъ имя *Царя*[557], какъ почетное титло Великокняжескаго сана, издавна употребляемое въ Россіи. Такъ Изяславъ II, Димитрій Донскій назывались *Царями*[558]. Сіе имя не есть сокращеніе Латинскаго Caesar, какъ многіе неоснователь- Титулъ Царскій.

г. 1505. но думали, но древнее Восточное, которое сделалось у насъ извѣстно по Славянскому переводу Библіи и давалось Императорамъ Византійскимъ, а въ новѣйшія времена Ханамъ Могольскимъ, имѣя на языкѣ Персидскомъ смыслъ *трона* или верховной власти [559]; оно замѣтно также въ окончаніи собственныхъ именъ Монарховъ Ассирійскихъ и Вавилонскихъ: Фалл*ассаръ*, Набон*ассаръ*, и проч. — Исчисляя въ титулѣ своемъ всѣ особенныя владѣнія Государства Московскаго, Іоаннъ наименовалъ оное *Бѣлою Россіею*, то есть, великою или древнею, по смыслу сего слова въ языкахъ Восточныхъ [560].

Бѣлая Россія

Онъ умножилъ государственные доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и лучшимъ порядкомъ въ собираніи дани, расписавъ земледѣльцевъ на сохи [561], и каждаго обложивъ извѣстнымъ количествомъ сельскихъ, хозяйственныхъ произведеній и деньгами: что записывалось въ особенныя книги. На примѣръ, два земледѣльца, высѣвая для себя 6 *коробей* или четвертей ржи, давали ежегодно Великому Князю 2 гривны и 4 деньги (около нынѣшняго серебрянаго рубля), 2 четверти ржи, три овса, осьмину пшеницы, ячменя, такъ, что съ тягла сходило по нынѣшнимъ умѣреннымъ цѣнамъ болѣе двадцати рублей нашими ассигнаціями. Нѣкоторые крестьяне представляли въ казну пятую или четвертую долю собираемаго хлѣба, барановъ, куръ,

Умноженіе доходовъ.

сыръ, яица, овчины и проч.[562]. Одни давали более, другіе менѣе, смотря по изобилію или недостатку въ угодьяхъ. — Торговля также обогащала Казну болѣе прежняго. Россія сдѣлалась извнѣ независимою, внутри спокойною: Государь любилъ пышность, дотолѣ неизвѣстную, и купцы наши вмѣстѣ съ иноземными стремились удовлетворять новымъ потребностямъ Москвы, гдѣ находилось для нихъ нѣсколько гостиныхъ казенныхъ дворовъ, и гдѣ собиралась пошлина съ товаровъ и съ лавокъ[563]. Іоаннъ перевелъ древнюю ярмонку изъ Холопьяго города въ Мологу, помѣстье сына его, Димитрія, и велѣлъ ему довольствоваться тамъ старыми купеческими сборами, не умножать ихъ, не вымышлять новыхъ, предписавъ его братьямъ, чтобы они не запрещали своимъ людямъ ѣздить на сію важную для Россіи ярмонку[564]. Вѣроятно, что Казна имѣла также не малый доходъ отъ внѣшней торговли: не даромъ Великій Князь столь ревностно заботился объ ея безопасности въ Азовѣ и въ Кафѣ; недаромъ Послы его обыкновенно ѣзжали туда съ обозами купеческими, нагруженными пушнымъ, драгоцѣннымъ товаромъ, мѣхами собольими, лисьими, горностаевыми, зубами рыбьими, *Лунскими* (Нѣмецкими, Лондонскими) однорядками, холстомъ, юфтью: на что Россіяне вымѣнивали жемчугъ, шелкъ, тафту[565]. Богатство *древнихъ* нашихъ Государей из-

г. 1505.

г. 1505. вѣстно болѣе по сказкамъ, нежели по дѣйствительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Не говоря о дани, взятой Олегомъ съ Грековъ [566], знаемъ только, что Византійскій Императоръ Никифоръ далъ Святославу 15 центнеровъ золота [567], если вѣрить Льву Діакону, и что Мономахъ (какъ означено *буквою* въ рукописи его *Поученія*) привезъ отцу *триста* гривенъ сего металла [568]. По крайней мѣрѣ *новѣйшіе* Великіе Князья не могли равняться богатствомъ съ Іоанномъ. «Каждому изъ сыновей моихъ» — говоритъ онъ въ завѣщаніи — «оставляю по «нѣскольку ларцевъ съ казною, за ихъ и мо«ею печатями, у Государственнаго Казна«чея, Печатника и Дьяковъ. Всѣ иныя со«кровища, лалы, яхонты, жемчугъ, драго«цѣнныя иконы, сосуды, деньги, золото и «серебро, соболи, шелковыя ткани, одежды — «все, что находится въ моей казнѣ *постель«ной*, у Дворецкаго, Конюшаго, Ясельничихъ, «Прикащиковъ, въ Москвѣ, въ Твери, Новѣ«городѣ, Бѣлѣозерѣ, Вологдѣ и вездѣ—то все «сыну моему Василію [569].» — Вспомнимъ, что кромѣ умноженія обыкновенныхъ, поземельныхъ и таможенныхъ доходовъ, открытіе и произведенія Пермскихъ рудниковъ служили новымъ источникомъ богатства для государствованія Іоаннова.

Законы Іоанновы. Сей Монархъ, оружіемъ и Политикою возвеличивъ Россію, старался, подобно Ярославу I, утвердить ея внутреннее благо-

устройство общими гражданскими законами, г. въ коихъ она имѣла необходимую нужду, 1505. бывъ долгое время жертвою разновластія и безпорядка. Митрополитъ Геронтій, въ 1488 году отсылая нѣкоторыхъ лишенныхъ сана Іереевъ къ суду Государева Намѣстника, пишетъ въ своей грамотѣ, что они должны быть судимы, какъ уставилъ Великій Князь, по *Царскимъ Правиламъ*, или по законамъ Царей Греческихъ, внесеннымъ въ Кормчую Книгу[570]: слѣдственно сія Книга служила тогда для насъ и гражданскимъ Уложеніемъ въ случаяхъ не опредѣленныхъ Россійскимъ Правомъ. Но въ 1497 году Іоаннъ велѣлъ Дьяку Владиміру Гусеву собрать всѣ наши древнія судныя грамоты, разсмотрѣлъ, исправилъ, и выдалъ собственное Уложеніе, писанное весьма ясно, основательно[571]. Главнымъ судіею былъ Великій Князь съ дѣтьми своими; но онъ давалъ сіе право Боярамъ, Окольничимъ, Намѣстникамъ, такъ называемымъ *Волостелямъ* и помѣстнымъ Дѣтямъ Боярскимъ, которые однакожь не могли судить безъ Старосты, Дворскаго и *лучшихъ людей*, избираемыхъ гражданами. Судьямъ воспрещалось всякое пристрастіе, лихоимство; но осужденный платилъ имъ и Дьякамъ ихъ десятую долю иска, сверхъ пошлины за печать, за бумагу, за трудъ. Все рѣшилось единоборствомъ: самое душегубство, зажигательство, разбой; виновнаго, то есть побѣжденнаго, казнили

г. 1505. смертію: всю собственность его отдавали истцу и судьямъ. За *первую* татьбу, кромѣ церковной и *головной* (то есть, похищенія людей), сѣкли кнутомъ и лишали имѣнія, дѣлимаго между истцемъ и судьею; преступникъ бѣдный выдавался истцу головою. За *вторую* татьбу казнили смертію, и даже безъ суда, когда пять или шесть *добрыхъ* гражданъ утверждали клятвенно, что обвиняемый есть воръ извѣстный. Человѣка *подозрительнаго*, оговореннаго татемъ, пытали; но *безпорочнаго* не касались и требовали отъ него только поруки до объясненія дѣла. Несправедливое рѣшеніе судей уничтожалось Великимъ Княземъ, но безъ всякаго для нихъ наказанія. Съ жалобою, съ доносомъ надлежало ѣхать въ Москву, или къ Намѣстнику, или къ Боярину, имѣвшему судную власть въ той области, гдѣ жилъ отвѣтчикъ, за коимъ посылали *Недѣльщика* или Пристава. Являлись свидѣтели. Судья спрашивалъ: «можно ли имъ вѣрить? *Допросите ихъ, какъ законъ и совѣсть повелѣваютъ*, отвѣтствовали судимые. Свидѣтели начинали говорить: обвиняемый возражалъ, заключая обыкновенно рѣчь свою такъ: «требую присяги и суда «Божія; требую *поля* и единоборства[572]. Каждый вмѣсто себя могъ выставить бойца. Окольничій и Недѣльщикъ назначали мѣсто и время. Избирали любое оружіе, кромѣ огнестрѣльнаго и лука; сражались обыкновенно въ латахъ и въ шлемахъ, копьями, сѣкира-

ми, мечами, на коняхъ или пѣшіе; иногда г.
употреблялись и кинжалы. Пишутъ, что 1505.
въ Москвѣ былъ славный, искусный и сильный боецъ, съ которымъ уже никто не смѣлъ схватиться, но котораго убилъ одинъ Литвинъ. Іоаннъ оскорбился; хотѣлъ видѣть побѣдителя, взглянулъ гнѣвно, плюнулъ на землю, и запретилъ судные поединки между своими и чужестранцами: ибо послѣдніе, зная превосходную силу Россіянъ, одолѣвали ихъ всегда хитростію.

Сіе Уложеніе, древнѣйшее послѣ Ярославова, не должно удивлять насъ своею краткостію: гдѣ всѣ затрудненія въ тяжбахъ рѣшились острымъ желѣзомъ; гдѣ законодатель, такъ сказать, не распутывалъ ихъ узла глубокомысленными соображеніями, а разсѣкалъ его столь чуднымъ уставомъ: тамъ надлежало единственно дать правила для судебныхъ поединковъ. Видимъ, какъ и въ первобытныхъ нашихъ законахъ[573], великую довѣренность къ присягѣ, къ совѣсти людей. Тѣлесныя наказанія унижали человѣчество въ преступникахъ; но имя *добраго* гражданина, безъ всякаго инаго титла, было правомъ на государственное уваженіе: кто имѣлъ его, тотъ въ случаѣ свидѣтельства однимъ словомъ спасалъ невиннаго или губилъ виновнаго. — Несогласные съ разсудкомъ, поединки судебные могли однакожь утверждать безопасность Государства: они питали воинскій духъ народа.

г 1505. Въ Уложеніи Іоанновомъ находятся весьма немногія постановленія о куплѣ, займѣ, наслѣдствѣ, земляхъ, межахъ, холопяхъ, земледѣльцахъ. На примѣръ: 1) «Кто купилъ «вещь новую при двухъ или трехъ честныхъ свидѣтеляхъ, тотъ уже не лишается ее, хотя бы она была и краденая; но «*кромѣ лошади*:» слѣдственно лошадь возвращалась хозяину. — 2) «Если деньги или «товары, взятые купцемъ, будутъ у него «въ пути отняты, сгорятъ или утратятся безъ его вины: то ему дать время, для «платежа, и безъ всякаго росту; въ противномъ же случаѣ онъ, какъ виновный, «отвѣтствуетъ всѣмъ имѣніемъ и головою.» Сей законъ есть древній Ярославовъ. — 3) «Кто умретъ безъ духовной грамоты, не «имѣя сына: того имѣніе и земли принадлежатъ дочери; а буде нѣтъ и дочери, то ближайшему родственнику. — 4) Между селами «и деревнями должны быть загороды: въ «случаѣ потравы взыскать убытокъ съ того, «въ чью загороду прошелъ скотъ. Кто уничтожитъ межу или грань, того бить кнутомъ и «взять съ него рубль въ удовлетвореніе истцу» (законъ Ярославовъ). — 5) «Кто три года «владѣетъ землею, тому она уже крѣпка; но «если истецъ Великій Князь, то сроку для «иска полагается шесть лѣтъ: далѣе нѣтъ «суда о землѣ. — 6) Крестьяне (или свободные земледѣльцы) отказываются изъ волости въ волость, изъ села въ село (по

«есть, переходять оть одного владѣльца къ «другому) за недѣлю до Юрьева дни, и черезъ «недѣлю послѣ онаго. Пожилаго за дворъ «назначается рубль въ степныхъ мѣстахъ, «а въ лѣсныхъ 100 денегъ. — 7) Холопъ или «рабъ, съ женою и дѣтьми, есть тотъ, «кто даетъ на себя крѣпость, кто идетъ «къ господину въ Тіуны» (законъ Ярославовъ) «и ключники сельскіе (но если дѣти «служатъ другому господину или живутъ «сами собою, то они не участвуютъ въ «судьбѣ отца); кто женится на рабѣ; кто «отданъ въ приданое или отказанъ по ду- «ховному завѣщанію. Если холопъ, взятый «въ плѣнъ Татарами, уйдетъ отъ нихъ: то «онъ уже свободенъ, и не принадлежитъ «своему бывшему господину. Если отпуск- «ная, данная рабу, писана рукою господина, «то она всегда дѣйствительна: иначе долж- «на быть явлена Боярамъ и Намѣстникамъ, «имѣющимъ судное право, и подписана Дья- «комъ. — 8) Попа, Діакона, Монаха, Монахи- «ню, старую вдову (которая питается отъ «церкви Божіей) судитъ Святитель; а міря- «нину съ церковнымъ человѣкомъ судъ об- «щій.» — Сіи законы, съ помощію Греческихъ, или Номоканона[574], были достаточны. Древніе обычаи служили имъ дополненіемъ. г. 1305.

Іоаннъ учредилъ лучшую городскую Исправу или Полицію: онъ велѣлъ поставить на всѣхъ Московскихъ улицахъ *решетки* (или рогатки), чтобы ночью запирать ихъ для Городская и Земская Полиція.

г. 1505. безопасности домовъ[575]; не терпя шума и безпорядка въ городѣ, указомъ запретилъ гнусное пьянство[576]; пекся о дорогахъ: завелъ почту, ямы, гдѣ путешественникамъ давали не только лошадей, но и пищу, если они имѣли на то приказъ Государевъ[577]. Здѣсь же вмѣстимъ одну любопытную черту его заботливости о физическомъ благосостоянiи народа. Открытiе Америки доставило Европѣ золото, серебро и болѣзнь, которая донынѣ свирѣпствуетъ во всѣхъ ея странахъ, искажая человѣчество, и которая съ удивительною быстротою разлила свой ядъ отъ Испанiи до Литвы. Сперва не знали ея причины, и лицемѣры нравственности не таились съ нею во мракѣ. Историкъ Литовскiй пишетъ слѣдующее: «Въ 1493 году одна женщина привезла изъ «Рима въ Краковъ болѣзнь *Французскую*. «Сiя ужасная казнь вдругъ постигла мно-«гихъ: въ числѣ ихъ находился и *Карди-«налъ* Фридерикъ[578].» Слухъ о томъ дошелъ до Москвы: Великiй Князь, въ 1499 году посылая въ Литву Боярскаго Сына, Ивана Мамонова, въ данномъ ему наставленiи говоритъ: «Будучи въ Вязьмѣ, развѣ-«дай, не прiѣзжалъ ли кто изъ Смоленска «съ недугомъ, въ коемъ тѣло покрывается «болячками, и который называютъ Фран-«цузскимъ[579]?» Iоаннъ хотѣлъ предохранить свой народъ отъ новаго бича Небеснаго.

Мы говорили о важнѣйшихъ дѣлахъ Церковныхъ. Кромѣ суда надъ еретиками, было еще три Собора: первый для уложенія Церковной Пасхаліи на осьмое тысящелѣтіе, которое настало въ 31 годъ Іоаннова государствованія. Суевѣрные успокоились; увидѣли, что земля стоитъ и небесный сводъ не колеблется съ исходомъ *седьмой тысячи*[380]. Митрополитъ Зосима созвалъ Епископовъ и поручилъ Геннадію Новогородскому сдѣлать исчисленія Церковнаго Круга. Сей разумный Святитель написалъ введеніе, гдѣ свидѣтельствами Апостоловъ и правилами истиннаго Христіанства опровергаетъ всѣ мнимыя предсказанія о концѣ міра, извѣстномъ единому Богу. «Намъ должно, говоритъ «онъ, не искать таинствъ сокровенныхъ «отъ мудрости человѣческой, но молить «Вседержителя о благоустройствѣ міра и «Церкви, о здравіи и спасеніи великаго Госу-«даря нашего, да цвѣтетъ его Держава си-«лою и побѣдою.» Сперва изложили Пасхалію только на 20 лѣтъ и дали разсмотрѣть оную Пермскому Епископу Филоѳею, котораго вычисленія утвердили ея вѣрность [381]: послѣ того Геннадій означилъ на большихъ листахъ круги солнечные, лунные, Основанія, Эпакты, *въ руцѣ лѣто* и *ключи границъ* отъ 533 до 7980 года. Сей Соборъ утвердилъ, что годъ начинается въ Россіи вмѣстѣ съ Индиктомъ 1 Сентября.

Г. 1505. Соборы.

г. Вторый Соборъ былъ при Симонѣ Митро-
1505. политѣ. Въ 1500 году раздавъ Новогородскія церковныя земли Дѣтямъ Боярскимъ, Великій Князь мыслилъ, что Духовенству, и въ особенности Инокамъ, непристойно владѣть безчисленными селами и деревнями, которыя возлагали на нихъ множество мірскихъ заботъ. Сіе важное дѣло именемъ Государя было предложено Митрополиту и всѣмъ Епископамъ въ общемъ ихъ Совѣтѣ[382]. Іоаннъ не присутствовалъ въ ономъ. Митрополитъ послалъ къ нему Дьяка Левата съ такими словами: «Отецъ твой, Симонъ Митрополитъ всея Русіи, Епископы «и весь Освященный Соборъ говорятъ, что «отъ Равноапостольнаго Великаго Царя Константина до позднѣйшихъ временъ вездѣ «Святители и монастыри *держали грады*, «*власти и села:* никогда Соборы Св. Отцевъ «не запрещали сего; запрещали имъ единственно продавать недвижимое достояніе. «При самыхъ предкахъ твоихъ, Великомъ «Князѣ Владимірѣ, Ярославѣ, Андреѣ Боголюбскомъ, братѣ его Всеволодѣ, Іоаннѣ Даніиловичѣ, внукѣ блаженнаго Александра, «современникѣ Чудотворца Петра Митрополита, и до нашего времени Святители «и монастыри имѣли грады и власти, слободы и села, управы, суды, пошлины, об-«роки и дани церковныя. Не Святый ли «Владиміръ, не Великій ли Ярославъ сказали «въ Уставѣ своемъ: *кто преступитъ его изъ*

«*дѣтей или потомковъ моихъ; кто захва-* г.
«*титъ церковное достояніе и десятины Свя-* 1505.
«*тительскія, да будетъ проклятъ въ сей вѣкъ*
«*и будущій*? Самые злочестивые Цари Ор-
«динскіе, боясь Господа, щадили собствен-
«ность монастырей и Святительскую: *не*
«*смѣли двигнути вещей недвижимыхъ*..... И
«такъ не дерзаемъ и *не благоволимъ* от-
«дать церковнаго стяжанія: ибо оно есть
«Божіе и неприкосновенно.» Великій Князь не захотѣлъ упорствовать; мыслилъ, но не совершилъ того, что и въ самомъ осьмомъ-надесять вѣкѣ еще казалось у насъ смѣлостію. Екатерина II чрезъ 265 лѣтъ исполнила мысль Іоанна III, присоединивъ земли и села церковныя къ государственному достоянію и назначивъ Духовенству денежное жалованье.

На третьемъ Соборѣ (въ 1503 году) Іоаннъ уставилъ съ Митрополитомъ, слѣдуя правиламъ Апостольскимъ и Св. Петра Чудотворца, чтобы ни Іереи, ни Діаконы вдовые не священнодѣйствовали. «Забывъ страхъ «Божій» — сказано въ семъ приговорѣ — «многіе изъ нихъ держали наложницъ, именуемыхъ *полу-попадьями*. Отнынѣ дозволяемъ «имъ только, буде ведутъ жизнь непорочную, пѣть на крылосахъ и причащаться «въ олтаряхъ, Іереямъ въ епитрахиляхъ, а «Діаконамъ въ стихаряхъ, и брать четвертую долю изъ церковныхъ доходовъ; уличенные же въ порокѣ любострастія да жи-

г. 1505. «вутъ въ мірѣ и ходятъ въ свѣтской одеж-«дѣ. Еще уставляемъ, чтобы Монахамъ и «Монахинямъ не жить никогда вмѣстѣ, но «быть въ особенности монастырямъ жен-«скимъ и мужескимъ[383],» и проч. — Грамотою сего же Собора, скрѣпленною подписями Святителей, запрещалось всякое церковное мздоимство. Не смотря на то, Архіепископъ Геннадій дерзнулъ явно брать деньги съ посвящаемыхъ имъ Іереевъ и Діаконовъ: строгій Іоаннъ, свергнувъ его съ престола Святительскаго, заперъ въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ онъ и кончилъ дни свои въ горести[384].

Поставленіе Кесарійскаго Митрополита въ Москвѣ.

Ревностный ко благу и достоинству Церкви, Великій Князь съ удовольствіемъ видѣлъ новую честь Духовенства Россійскаго. Прежде оно искало милости въ Византійскихъ Святителяхъ: тогда Москва сдѣлалась Византіею, и Греки приходили къ намъ не только за дарами, но и за саномъ Святительскимъ. Въ 1464 году Митрополитъ Θеодосій поставилъ въ Москвѣ Митрополита Кесаріи. Патріархъ Іерусалимскій, угнетаемый тиранствомъ Египетскаго Султана, оставилъ Святыя мѣста и скончался на пути въ Россію. Она была утѣшеніемъ бѣдныхъ Грековъ, которые хвалились ея Православіемъ и величіемъ какъ бы ихъ собственнымъ.

Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ.

Знаменитые монастыри Аѳонскіе существовали нашими благодѣяніями, въ особенности монастырь Пантелеймона,

основанный древними Государями Кіевскими[835]. г. 1505.

Соглашая уваженіе къ Духовенству съ правилами всеобщей Монаршей власти, Іоаннъ въ дѣлахъ Вѣры соглашалъ терпимость съ усердіемъ ко Православію. Онъ покровительствовалъ въ Россіи и Магометанъ и самыхъ Евреевъ, но тѣмъ болѣе изъявлялъ удовольствія, когда Христіане Латинской Церкви добровольно обращались въ наше Исповѣданіе. Вмѣстѣ съ братомъ Великой Княгини Софіи, съ Италіянскими и съ Нѣмецкими художниками, въ 1490 году пріѣхалъ въ Москву Капланъ Августинскаго Ордена, именуемый въ лѣтописи Иваномъ *Спасителемъ*: онъ торжественно принялъ Греческую Вѣру, женился на Россіянкѣ и получилъ отъ Великаго Князя богатое село въ награду[886].

Капланъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру.

Описавъ государственныя и церковныя дѣянія, упомянемъ о нѣкоторыхъ бѣдствіяхъ сего времени. Въ 1478 и 1487 годахъ возобновлялся моръ въ сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи, Устюгѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ. Были неурожаи, голыя зимы, чрезвычайныя разлитія водъ, необыкновенныя бури, и въ 1471 году, Августа 29, землетрясеніе въ Москвѣ. Цѣлые города обращались въ пепелъ, а столица нѣсколько разъ. Въ сихъ ужасныхъ пожарахъ, днемъ и ночью, Великій Князь самъ являлся на конѣ съ Дѣтьми Боярскими, оставляя трапезу и ложе: ука-

Нѣкоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка.

г. 1505. зывалъ, распоряжалъ, тушилъ огонь, ломалъ домы, и возвращался во дворецъ уже тогда, какъ все угасало[587].

Наконецъ замѣтимъ еще двѣ достопамятности: первая относится къ исторіи нашихъ старинныхъ обычаевъ; вторая къ ученой исторіи древнихъ путешествій.

Іоаннъ, особенно любя свою меньшую дочь, не хотѣлъ разстаться съ нею и не искалъ ей жениховъ внѣ Россіи. Горестныя слѣдствія Еленина супружества, хотя и блестящаго, тѣмъ болѣе отвращали его отъ мысли выдать Ѳеодосію за какого нибудь иноземнаго Принца. Въ 1500 году онъ сочеталъ ее съ Княземъ Василіемъ Холмскимъ, Бояриномъ и Воеводою, сыномъ Даніила, славнаго мужествомъ и побѣдами, который умеръ чрезъ шесть лѣтъ по завоеваніи Казани[588].

Древнѣйшее описаніе Княжеской свадьбы.

Сія свадьба описана въ прибавленіи Розрядныхъ Книгъ съ нѣкоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противникъ Ливонскаго Магистра, Героя Плеттенберга, Бояринъ и Полководецъ, Князь Даніилъ Пенко-Ярославскій, былъ въ *Тысяцкихъ*, а Князь Петръ Нагой-Оболенскій въ *Дружкахъ* съ ихъ женами. Въ поѣздѣ съ женихомъ находилось болѣе ста Князей и знатнѣйшихъ Дѣтей Боярскихъ. У саней Великихъ Княгинь, Софіи и Елены, шли Бояре, Греческіе и Россійскіе. Свадьбу вѣнчалъ Митрополитъ въ храмѣ Успенія. Не забыли никакого обряда, нужнаго, какъ думали, для

счастія супруговъ; всѣ желали его и предсказывали молодымъ; веселились, пировали во дворцѣ до ночи. — Счастливыя предсказанія не сбылися: Ѳеодосія ровно черезъ годъ скончалась. г. 1505.

Доселѣ Географы не знали, что честь одного изъ древнѣйшихъ, описанныхъ Европейскихъ путешествій въ Индію принадлежитъ Россіи Іоаннова вѣка. Нѣкто Аѳанасій Никитинъ, Тверскій житель, около 1470 года былъ по дѣламъ купеческимъ въ Деканѣ и въ Королевствѣ Голькондскомъ. Мы имѣемъ его записки[589], которыя хотя и не показываютъ духа наблюдательнаго, ни ученыхъ свѣдѣній, однакожь любопытны, тѣмъ болѣе, что тогдашнее состояніе Индіи намъ почти совсѣмъ неизвѣстно. Здѣсь не мѣсто описывать подробности. Скажемъ только, что нашъ путешественникъ ѣхалъ Волгою изъ Твери до Астрахани, мимо Татарскихъ городовъ *Услана* и *Березаны*; изъ Астрахани въ Дербентъ, Бокару, Мазандеранъ, Амоль, Кашанъ, Ормусъ, Маскатъ, Гузуратъ и далѣе, сухимъ путемъ, къ горамъ Индѣйскимъ, до Бедера, гдѣ находилась столица Великаго Султана *Хоросанскаго*; видѣлъ *Индѣйскій Іерусалимъ*, то есть, славный Элорскій храмъ, какъ вѣроятно; именуетъ города, коихъ нѣтъ на картахъ; замѣчаетъ достопамятное; удивляется роскоши Вельможъ и бѣдности народа; осуждаетъ не только суевѣріе, но и худые нравы жителей испо- Путешествіе въ Индію.

г. вѣдующихъ Вѣру Брамы; вездѣ тоскуетъ о
1505. православной Руси, сожалѣя, если кто изъ нашихъ единоземцевъ, прельщенный славою Индѣйскихъ богатствъ, вздумаетъ ѣхать по его слѣдамъ въ сей мнимый рай купечества, гдѣ много перцу и красокъ, но мало *годнаго для Россіи*; наконецъ возвращается въ Ормусъ, и чрезъ Испагань, Султанію, Требизонтъ прибывъ въ Кафу, заключаетъ исторію своего шестилѣтняго путешествія, которое едва ли доставило ему что нибудь, кромѣ удовольствія описать оное: ибо Турецкіе Паши отняли у него большую часть привезенныхъ имъ товаровъ. Можетъ быть, Іоаннъ и не свѣдалъ о семъ любопытномъ странствіи: по крайней мѣрѣ оно доказываетъ, что Россія въ XV вѣкѣ имѣла своихъ Тавернье и Шарденей, менѣе просвѣщенныхъ, но равно смѣлыхъ и предпріимчивыхъ; что Индѣйцы слышали объ ней прежде, нежели о Португалліи, Голландіи, Англіи. Въ то время, какъ Васко де-Гама единственно мыслилъ о возможности найти путь отъ Африки къ Индостану, нашъ Тверитянинъ уже купечествовалъ на берегу Малабара и бесѣдовалъ съ жителями о Догматахъ ихъ Вѣры.

Конецъ VI тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ VI ТОМУ

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) См. *Собр. Госуд. Грам.* 209.

(2) Тамъ же, 215.

(3) См. *Архив. Псков. Лѣт.*

(4) См. тамъ же, годъ 6972 – 6978.

(5) *Архив. Лѣт.* г. 1465 и *Степен. Кн.*

(6) Въ предисловіи Новог. Архіеп. Геннадія къ *Церковному Кругу* сказано» «Нѣціи мнѣша, яко скон«чеваемѣ седмой тысущи быти и скончанію міра, «якоже и преже скончеваемѣй шестой тысущи си«цево же мнѣніе объдержаше люди.» Въ описанномъ нами раздорѣ Духовенства Псковскаго съ Новогородскимъ Владыкою также упоминается о наступающемъ концѣ міра (Арх. *Пск. Лѣт.* г. 6972 – 6978).

(7) *Архив. Лѣт.* г. 6975, Ноября 1.

(8) См. *Архив. Новогород. Лѣт.* No 1, стр. 116, г. 1467, и *Архив. Псков. Лѣт.*

(9) См. *Архив. Лѣт.* г. 1463 и 1467.

(10) См. *Лѣт. Русск.* изданный Львовымъ, II, г. 1467, стр. 363. Марія, *добрая*, *смиренная*, умерла Апрѣля 22, въ 5 часу ночи.

(11) *Лѣт. Русск.* издан. Львовымъ, II, г. 1464. Ѳеодосій оставилъ Митрополію Сент. 13, а Филиппъ былъ поставленъ въ Ноябрѣ. Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* есть грамота Ѳеодосіева къ Новогородцамъ, о томъ, чтобы они не вступались въ Епископскія дѣла и суды (Синод. библ. No 164, л. 40).

(12) По Родосл. Книгамъ (Синод. Библ. No 461, л. 176) Мамутекъ оставилъ двухъ сыновей, Халила и Ибрагима: слѣдственно жена Касимова была вдовою Мамутека. Герберштейнъ пишетъ, что Царь Казанскій, *Хелеалекъ*, умеръ бездѣтенъ, и что жена его, Нурсалтанъ, вышла за Ибрагима (R. M. Comment. стр. 67): сей *Хелеалекъ* есть Халилъ, сынъ Мамутековъ, братъ Ибрагимовъ.

(13) Въ *Арханг. Лѣт.* сказано, что Вел. Кн. еще въ 1463 г. посылалъ Воеводъ своихъ, Бориса Кожунова и Бориса Слѣпаго, съ Устюжанами, Вологжа-

нами и Галичанами на Черемису; что они шли мимо Устюга къ Вяткѣ, Вяткою до Камы и сею рѣкою въ Великую Пермь; что Казанцы съ Черемисою въ томъ же году приходили на Устюжскій уѣздъ, въ верховьѣ Юга, на волость Лоху, и плѣнили многихъ людей; что Устюжане догнали и побили ихъ.

Касима обманули Ибрагимовъ Вельможа, Князь Авдуманъ-Амонъ, и другіе, увѣривъ, что доставятъ ему престолъ. — См. *Продолж. Нест. Лѣт.* стр. 265.

(14) Онъ выѣхалъ изъ Владиміра въ Москву въ Великую Пятницу.

(15) См. *Арханг.* и *Архив. Лѣт.*

(16) Тутъ убили еще богатыря Колупая. Сраженіе было за 40 верстъ отъ Казани, на Звеничѣ бору.

(17) См. *Продолженіе Нестор. Лѣт.* стр. 266.

(18) См. *Арханг. Лѣт.* стр. 144.

(19) Тамъ же стр. 145 и 146.

(20) Тамъ же стр. 147.

(21) *Архив. Лѣт.* стр. 6: «Ради *послѣдняго сего времени* тое старины всее по грѣхомъ позабыли, а дѣла Государьскаго ничего не исправили, а пошлинъ не отдаютъ, а которыхъ земель и водъ съ суда по старинѣ отступилися Вел. Князю, да тѣ опять за собя поймали и людей къ цѣлованью приводили на Новогородское имя, и на дворѣ Вел. Князя на Городищѣ съ Большаго Вѣча присылали многихъ людей Намѣстникомъ его, да и послу Вел. К. *лаяли*, да въ имени Вел. К. за отказомъ на Городищѣ дву Князей поймали сильно, а людей перебили и переймали и въ городъ сводили и мучили въ его имени, а съ рубежовъ съ Новугородцкихъ отчинѣ Вел. К. и его братьи отчинамъ и людямъ пакость чинили, грубячи Вел. Князю, а сами держати себе мысля,» и проч.

(22) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(23) Во-первыхъ Іона, Архіепископъ Новогородскій, крайне оскорблялъ ихъ своимъ мздоимствомъ и самовластіемъ въ дѣлахъ церковныхъ; во-вторыхъ Ново-

городцы обижали купцовъ Псковскихъ и даже пословъ (см. Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1470).

(24) См. тамъ же г. 1471.

(25) См. тамъ же. — Михаилъ прибылъ въ Новгородъ 8 Ноября 1471 года.

(26) Лѣтописцы называютъ его просто Священноинокомъ; но *Псковскій* именно «*Протодіакономъ* и «*Ризникомъ* Владычнимъ. «Для выбора клали на престолъ Софіи жеребей Варсонофія, Духовника Архіеп., Пимена Ключника Владыкина, и Ѳеофиловъ. Іона умеръ 5 Ноября, а Ѳеофилъ въ тотъ же день былъ нареченъ Святителемъ.

(27) См. Синод. *Лѣт. Новог.* въ листѣ № 46, подъ годомъ 6985.

(28) См. въ Минеяхъ житіе *Св. Зосимы.* — Въ *Исторіи Рос. Іерархіи*, Ч. IV, стр. 629 — 632, напечатана грамота, данная Марѳою Корельскому Николаевскому монастырю на села, земли, рыбныя ловища, и сказано, что сей монастырь основанъ ею на мѣстѣ, гдѣ погребены ея (взрослые) сыновья, Антонъ и Феликсъ *Филипповы*, утопшіе въ морѣ. Обитель Св. Николая уже существовала въ 1419 году (см. *Новогор. Лѣт.*) Положимъ, что *Филиппомъ* назывался первый супругъ Марѳы: но какихъ же лѣтъ была она въ 1471 году, еще столь бодро дѣйствуя въ мятежѣ народномъ и думая опять выйти за-мужъ? Слогъ грамоты также не имѣетъ признаковъ древности.

(29) См. Послужной Списокъ Бояръ въ *Опытѣ Трудовъ Вольнаго Рос. Собранія*, I, 219. Марѳину сыну данъ чинъ Боярина въ 1471 году, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Давидовичемъ Хромымъ.

(30) Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1471.

(31) См. тамъ же.

(32) См. *Лѣт. Ростов.*, *Архив.* и *Степен. Кн.*

(33) Сей важной договоръ нашелъ я въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ «*Списокъ съ докончальные, что были написали собѣ Новгородци съ Королемъ лѣта семдесять девятаго.*»

(34) См. *Архив. Лѣт.* л. 28 на обор.

(35) См. *Степен. Кн.*

(36) См. *Ростов. Лѣт.*, *Никон.*, *Степен. Кн.* и *Архив. Лѣт.* л. 24.

(37) См. *Архив. Лѣт.* л. 29, и *Никон.* стр. 22.

(38) См. *Архив. Лѣт.* 31.

(39) Въ *Архив. Лѣт.* говорится здѣсь только объ одной битвѣ (такъ и въ Синод. *Новогородск.*), а въ *Ростов.* и въ *Никон.* о двухъ.

(40) Синод. *Новог. Лѣт.* No 46, стр. 409. — Между бумагами Кенигсб. Архив. нашелъ я письмо Лив. Магистра къ Маг. Нѣмецкаго Ордена (отъ 15 Авг. 1471), гдѣ сказано, что Новогородцы заключаютъ съ Орденомъ союзъ противъ невѣрныхъ Псковитянъ и В. К. Московскаго.

(41) *Архив. Лѣт.* л. 33 на обор.

(42) См. Синод. *Новогород. Лѣт.* No. 46, л. 409 на обор., и Архив. *Псков. Лѣт.*

(43) См. *Архив. Лѣт.* л. 36.

(44) О числѣ плѣнныхъ см. тамъ же л. 36 на обор. — Московитяне спрашивали у плѣнныхъ, отъ чего они, имѣя болѣе войска, не могли драться? Новогородцы отвѣтствовали: «Мы бо видѣхомъ васъ безчисленное множество грядуще на насъ, и еще иные полки видѣхомъ въ тылъ по насъ пришедшихъ; знамена же имутъ желты и большія стяги и скипетры, и говоръ людскій многъ, и топотъ конскій страшенъ, и ужасъ нападе на ны.»

(45) *Архив. Лѣт.* л. 36 на обор.

(46) *Архив. Лѣт.* л. 37, и Синод. *Новогород.* л. 410. Въ *Послужномъ Боярскомъ Спискѣ* сказано, что въ сей годъ *выбылъ* Дмитрій Исаковичъ Борецкой.

(47) См. Синод. *Новогород. Лѣт.*

(48) Синод. *Новогород. Лѣт.* л. 409 на обор. и *Архив.* стр. 148.

(49) См. Синод. *Новогород. Лѣт.* л. 411.

(50) См. тамъ же, л. 410.

(51) *Архив. Лѣт. л.* 39. Ѳеофилъ прибылъ въ станъ Московскій 27 Іюля.

(52) Лѣтописецъ Львова, III, 17.

(53) *Архив. Лѣт. л.* 40.

(54) Сіи пять грамотъ находятся въ Пушкинскомъ Собраніи Двинскихъ грамотъ.

(55) Въ *Ростов.* и *Никон. Лѣт.* сказано такъ; въ *Архив. Лѣт.*; «изгибшихъ людей числомъ яко двѣ «седмь тысячь.»

(56) Онъ пріѣхалъ 30 Ноября съ чиновниками, поставленъ 15 Дек., а выѣхалъ назадъ 23. — Освобожденныхъ Новогородцевъ было 30.

(57) См. Т. IV, годъ 1332.

(58) См. выше, стр. 43.

(59) См. *Архив. Лѣт. л.* 51, и *Продолженіе Несторова Лѣт.* стр. 177.

(60) *Продолженіе Несторова Лѣт.* стр. 264.

(61) См. *Ростов. Лѣт.* 500 на обор. и 511. Кирей пріѣхалъ въ Орду осенью 1470 года, а выѣхалъ оттуда черезъ годъ.

(62) *Архив. Лѣт. л.* 42 на обор. и *Арханг.* 149. Въ первомъ сказано, что Большая Орда кочевала *за едино днище* отъ Сарая; что Татары хотѣли перехватить Вятчанъ и подъ Казанью; а во второмъ, что Воеводою Вятчанъ былъ Костя Юрьевъ; что они плѣнили Княгинь Сарайскихъ, и проч.

(63) Именемъ Григорій Волнинъ (см. *Арх. Лѣт.* л. 54.)

(64) Архив. *Псков. Лѣт.*

(65) Холмскій и Стрига выступили изъ Москвы 10 Іюля; въ тотъ же день выѣхала въ Ростовъ и мать Іоаннова; за нею братья Вел. Князя противъ Ахмата 30 Іюля «во второмъ часу дне Вел. К. по«велѣ пѣти обѣдню, и не вкусивъ ничто же, пой«де къ Коломнѣ, а сыну повелѣ за собою въ Рос«товъ.»

(66) *Арханг. Лѣт.* стр. 152.

(67) См. *Никон. Лѣт.* стр. 46, и *Ростов.*

(68) *Собр. Г. Г.* 230: «Дати ми Володимеру Гри-

горіевичю 300 рублевъ и 80 р. да полтину, а положилъ есмь въ томъ серебрѣ заклада чепь золоту 4 гривенки да полчетверта золотника, да поясъ золотъ на червчатѣ тясмѣ полпяты гривенки да 6 золотникъ, да поясъ золотъ на синѣ тясмѣ 5 гривенокъ, да поясъ золотъ 2 гривенки да 6 золотникъ, да чару золоту 2 грив. безъ полудевята золотника, да ковшъ золотъ гривенка да полтора золотника, да ковшъ серебренъ съ вѣнцемъ 8 грив. да полпята золотника, да ковшъ серебр. 4 гривенки безъ полупята золотника, да кубокъ серебрянъ на чешую битъ 5 грив. да 4 золотники, да кубокъ серебрянъ на косые грани битъ 5 грив. безъ 7 золотникъ.» Слѣдственно въ 380½ рубляхъ закладомъ служило 9 фунтовъ золота и 11 фунтовъ серебра съ золотниками: что по нынѣшней цѣнѣ составило бы около десяти тысячь рублей ассигнаціями. Далѣе: «дати ми Ондрею Шихову 30 рублевъ, а мой у него поставъ Ипской (Ипрской) свѣтло зеленъ..... Да взялъ есмь у Петра у Игнатіева конь сѣръ, цѣна ему десять рублевъ,» то есть, два фунта серебра или около 180 рублей ассигнаціями. Далѣе: «Сестрѣ своей Вел. Княгинѣ Разанской Аннѣ даю монисто, чѣмъ мя благословила баба моя.» Далѣе отказываетъ многія села монастырямъ, уступая крестьянамъ недоимку. Въ концѣ: «у грамоты сѣдѣли господинъ мой Живоначальные Троицы Сергіева монастыря отецъ мой духовной Игуменъ Спиридоней, да Бояринъ мой Иванъ Микитичь, да Бояринъ мой Василей Ѳеодоровичь Веліаминовъ, да Иванъ Василіевичь Ощера.»

(69) См. *Архив. Лѣт.* стр. 64, и *Рос. Вивліоѳ.* II, 51, 73.

(70) Дю-Канжъ Histor. Byzant. стр. 247. Ѳома преставился въ Римѣ 12 Мая, 1465 года.

(71) См. *Лѣт.* Львова стр. 30.

(72) См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1470, No 9.

(73) См. тамъ же, г. 1471, No 48.

(74) Всѣ сіи любопытныя подробности находятся

въ Райнальдѣ, г. 1471. Къ сожалѣнію, онъ сгорѣлъ у меня въ Москвѣ вмѣстѣ съ моею библіотекою во время нашествія Французовъ.

(75) См. *Никон.*, *Ростов.*, *Архив. Псков. Лѣт.* и Арнта Liefl. Chr.

(76) См. Архив. *Псков. Лѣт.* г. 6981.

(77) Такъ во всѣхъ лѣтописцахъ; а въ Львовскомъ, стр. 32: «вѣнча его Протопопъ Коломенскій Осія, «занеже здѣшнимъ Протопопомъ и Духовнику своему не повелѣ, понеже вдовцы.»

(78) Въ *Лѣт.* Львова, стр. 30—31, сказано, что Фрязинъ уже отпустилъ-было Тревизана съ переводчикомъ въ Орду, и что посланные Вел. Князя догнали его въ Рязани. Тревизанъ сидѣлъ въ Москвѣ подъ стражею въ домѣ у Никиты Беклемишева.

(79) *Лѣт.* Львова стр. 32.

(80) Кранцъ въ Wandal. стр. 397.

(81) Въ Дю-Канжевой росписи Палеологовъ нѣтъ сего Рала. — О Ѳеодорѣ Ласкирѣ сказано въ Родослов. Книгахъ, что онъ пріѣхалъ къ намъ отъ Короля Венгерскаго, и что отецъ его былъ въ Царѣградѣ Тысяцкимъ.

(82) См. Дю-Канжа Hist. Byzant. стр. 248. Елисавета Кастильская извѣстнѣе подъ именемъ Изабеллы. Андрей умеръ въ Римѣ въ 1502 году.

(83) *Собр. Г. Г.* I, 333. Вел. Князь началъ употреблять сей гербъ съ 1497 г.; до 1472 на печати его изображались Ангелъ, держащій въ рукѣ кольцо, и человѣкъ съ обнаженнымъ кинжаломъ; а съ сего времени до 1497 г. левъ терзающій змѣю; работа Греческая, и, какъ вѣроятно, подарокъ Софіинъ.

(84) *Лѣт.* Львова стр. 32.

(85) Въ 1471 г., осенью, Митрополитъ велѣлъ заготовлять камень для строенія церкви; 30 Апрѣля заложили ее. Главные Архитекторы были Ивашко Кривцовъ и Мышкинъ: они растворяли известь съ пескомъ, и весьма жидко; а въ стѣны насыпали мелкихъ каменьевъ. Митрополитъ обложилъ серебромъ всѣ монастыри и церкви для строенія сего

храма (см. *Лѣт. Русск.* Львова). Въ Маѣ и въ Іюлѣ перенесли мощи Митрополитовъ. См. подробности въ *Никон.*, въ *Ростов.* и въ *Архив. Лѣт.*

(86) *Никон. Лѣт.* и друг.

(87) *Лѣт.* Львова стр. 39. Зодчій и Механикъ Аристотель извѣстенъ въ Италіи подъ двумя именами: Alberti Aristotile и Ridolfe Fioraventi. Пишутъ, что онъ какою-то механическою хитростію передвинулъ Болонскую колокольню Св. Маріи del Tempis съ мѣста на мѣсто, а въ городѣ Ченто выпрямилъ колокольню С. Власія, не вынувъ изъ нее ни одного кирпича; что, уѣхавъ въ *Венгрію*, онъ сдѣлалъ тамъ удивительный мостъ, былъ за то пожалованъ въ Кавалеры, имѣлъ дозволеніе бить монету и вырѣзывать на ней свое имя. Вмѣсто *Венгріи* надобно поставить *Россію*. См. статью объ немъ въ Dictionnaire historique. Въ *Лѣт.* Львова: «домъ же (у Аристотеля въ Венеціи) добръ и палаты есть и блюдо у него мѣдяно на 4 яблокахъ; судно же на немъ яко умывальница, яко же оловяничнымъ дѣломъ; и началъ лить изъ него изъ одного на блюдо воду и вино и медъ, и что хотяше, то и потечетъ.... Взялъ же съ собою Аристотель сына своего, Андрея, да паробка Петрушку.... Ту же церковь разби сицевымъ образомъ: три древа постави, и концы ихъ верхніе совокупивъ, и брусъ дубовый обѣсилъ на ужищи посреди ихъ поперегъ, и конецъ его обручемъ желѣзнымъ скова, и раскачиваючи разби: а иные стѣны сысподи подобра и полѣніе подставляя, и зажже полѣніе, и стѣны падошася..... Книжницы же называли брусъ *бараномъ*..... Сицевымъ образомъ Титъ Іерусалимъ разби..... Кирпичь его нашего уже, да продолговатѣе; егда его ломать, то въ водѣ размачиваютъ; известь же густо мотыгами повелѣ мѣшати: яко наутріе засохнетъ, то ножемъ не можно расколупати. С. Петра Чудотворца въ Иванъ Св. вынесли подъ колоколы.» — Въ *Ростов. Лѣт.*: «мѣсяца Іюня Венецѣйскій *муляръ* Аристотель нача рвы копати, глубина 2 сажени и глуб-

же..... Апр. въ 22 (г. 1476) начаша дѣлати у церкви Богоматери..... Мая въ 12 молитвы глаголемы отъ Митрополита на основаніе храма и почтеніе креста.» — Въ *Лѣт.* Львова, стр. 44, 65, 70: «На первое лѣто изведе церковь изъ земли Аристотель, известь же какъ тѣсто густое растворяше, а мазаше лопатками желѣзными, а камень равной внутри класти повелѣ; столпы же едины четыре обложи круглы, крѣпко стоять, а въ олтарѣ 2 столпа кирпичные, тѣ на 4 углы, а все дѣлано въ кружало и въ правило.... Тогожь лѣта (1475) храмъ по кивоты сотвори: внутрь же стѣнъ цѣпи положи..... и между столповъ, идѣ же брусье дубовое въ нашихъ церквахъ, то все желѣзное..... И колесо сотворилъ (г. 1476), и вверхъ каменіе ношаше, ужищемъ цѣпляше..... Вверху же цѣпляше малые колесца, еже плотники векшею зовутъ, чѣмъ на избы землю волочатъ; на столпы же камени велики положи, и совокупивъ кружало, и истеса на нихъ по четыре конца на четырехъ странахъ, едино противъ другаго, и мнити кому, яко на каменныхъ деревьяхъ насквозь каменіе то збито..... Сотвори Аристотель у церкви верхи 4, около шеи большіе казну сотвори, полати же подлѣ олтаря отъ стороннихъ дверей, и на верхъ церкви всходити лѣствицу, своды же въ одинъ кирпичь, того ради, егда дождь идетъ, ино каплетъ. Помостъ же мелкимъ каменіемъ измости; въ олтарѣ же надъ Митрополичьимъ мѣстомъ крыжъ Ляцкій истеса на камени за престоломъ; передъ передними дверьми помостъ накрылъ каменіемъ и въ одинъ кирпичь сведе, и середину на гирѣ повѣси на желѣзной.»

(88) Въ началѣ 1490 г. съ братомъ Вел. Княгини Софіи и съ нашими послами, Дмитріемъ и Мануиломъ, сыновьями Ивана Палеолога Рала, пріѣхали въ Москву Архитекторъ Петръ Антоній, ученикъ его Замантоній, пушечный мастеръ Яковъ съ женою, серебреники Христофоръ съ двумя учениками изъ Рима, Нѣмецъ Олбертъ изъ Любека, Карлъ съ

ученикомъ изъ Милана, Грекъ Петръ Райко изъ Венеціи, Капланъ изъ бѣлыхъ Чернцевъ Августинова Ордена, Иванъ *Спаситель*, и Грекъ Арганнагой (см. *Продолженіе Нестор. Лѣт.* ст. 317). Въ 1490 г. былъ въ Римѣ нашъ посолъ, Грекъ Юрій Траханіотъ или Тарханіотъ. Въ Маѣ 1493 Вел. К. посылалъ въ Венецію и въ Миланъ Грека Мануила Ангелова и Данила Мамырева за *стѣнными* и *палатными* мастерами. Въ 1494 они возвратились съ Алевизомъ, стѣннымъ мастеромъ, съ Петромъ *пушечникомъ* и съ другими художниками. Въ 1499 Грекъ Дмитрій, сынъ Ивана Палеолога Рала, и Митрофанъ Ѳедоровъ Карячаровъ ѣздили въ Италію за *Государевыми потребами* черезъ Краковъ и Венгрію: «да съ ними по-«слалъ Вел. К. Михайла Погожево къ Олбрехту Ко-«ролю, чтобъ далъ путь посломъ черезъ свою зем-«лю.» Въ 1504 г. они возвратились и привезли съ собою многихъ *мастеровъ серебряныхъ*, *пушечныхъ* и *стѣнныхъ*.

(89) *Никон. Лѣт.* стр. 119, 122, 129.

(90) Въ 1484 Вел. К. за новою церковію Благовѣщенія заложилъ палату, а въ 1485 г. каменный погребъ на Казенномъ дворѣ. Ховринъ и Василей Образецъ построили каменные домы въ 1485 или 1486 году. Митрополитъ Зосима въ 1493 г. поставилъ на своемъ дворѣ три кельи каменныя съ подклѣтами.

(91) См. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 285, 287.

(92) Но не ту, которая нынѣ слыветъ въ Москвѣ *большою пушкою*: она вылита въ 1686 году Андреемъ Чоховымъ, какъ означено въ ея надписи.

(93) См. Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1472. К. Ѳедоръ ограбилъ всѣхъ чиновниковъ Псковскихъ, посланныхъ съ честію проводить его до границы. К. Ярославъ пріѣхалъ во Псковъ въ 1473 году, Февр. 29.

(94) *Псков. Лѣт.* г. 1469.

(95) Войско Московское пришло во Псковъ около 30 Ноября.

(96) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(97) *Древ. Рос. Вивліоѳ.* II, 94 — 96.

(98) *Послуж. Спис. Бояръ въ Трудахъ Вольн. Рос. Собранія.*

(99) Архив. *Псков. Лѣт.*

(100) Въ Генв. 1470 г. Псковскіе чиновники ѣздили къ Королю въ Полоцкъ. — Въ 1471 г. опять ѣздили Псковскіе чиновники къ Королю въ Вильну: въ аудіенціи 30 Марта онъ далъ имъ слово быть на границѣ (см. Архив. *Псков. Лѣт.*)

(101) Богданъ пріѣхалъ въ Сент. 1474 г. Василій Китай съ Өедькою Мансуровымъ отправился въ Литву 2 Апр. 1475.

(102) Еще въ 1471 г., во время Новогородскаго похода, Никита Беклемишевъ ѣздилъ въ *поле* за Муртозою, и привезъ его въ Москву къ сыну Іоаннову. См. *Никон. Лѣт.* стр. 33 и 35.

(103) См. Кромер. кн. XXVII, 390. Абульгази, стр. 367, говоритъ объ *осьми* сыновьяхъ Ази-Гиреевыхъ.

(104) См. Дѣла Крымскія № 1, стр. 122.

(105) См. тамъ же л. 14.

(106) Сообщаемъ сей договоръ въ примѣръ тогдашняго дипломатическаго слога:

«Вышняго Бога волею язъ Менгли-Гирей Царь съ «своимъ братомъ, съ Великимъ Княземъ Иваномъ, «взяли есмя любовь и братство и вѣчный миръ. Отъ «дѣтей и на внучата быти намъ вездѣ за одинъ, «другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти. «Хто будетъ другъ мнѣ Менгли-Гирею Царю, тотъ «и тобѣ другъ Великому Князю Ивану; а хто будетъ «мнѣ Менгли-Гирею Царю недругъ, тотъ и тобѣ «Вел. К. Ивану недругъ; а хто будетъ другъ тобѣ «Вел. К. Ивану, тотъ и мнѣ другъ: а хто будетъ «тобѣ недругъ, тотъ и мнѣ недругъ. А мнѣ Мен«гли-Гирею Царю твоее земли и тѣхъ Князей, ко«торые на тобя смотрятъ, не воевати, ни моимъ «Уланомъ, ни Княземъ, ни Казакомъ; а безъ нашего «вѣданія люди наши твоихъ людей повоюютъ, а «пріидутъ къ намъ, и намъ ихъ казнити, а взятое «отдати, и головы людскіе безъ окупа намъ тобѣ

«отдать. А коли мой посолъ отъ меня пойдетъ хъ «тобѣ Вел. Кн. Ивану, и мнѣ его хъ тобѣ послати «безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; а твой «посолъ ко мнѣ пріидетъ, и онъ идетъ прямо ко «мнѣ; а пошлинамъ *Даражскимъ* (путевымъ) и инымъ «всѣмъ пошлинамъ никоторымъ не быти; а на семъ «на всемъ, какъ писано въ семъ ярлыцѣ, язъ Менгли «Гирей Царь съ своими Уланы и со Князми тобѣ «брату своему Вел. Кн. Ивану, молвя крѣпкое слово, «*шерть* (клятву) есми далъ, жити намъ съ тобою «по сему ярлыку.«

Беклемишевъ поѣхалъ изъ Москвы въ Мартѣ 1474 г., а Старковъ 23 Марта въ 1475 г. — Наставленія Посламъ давались весьма обстоятельныя. Выписываемъ нѣчто для примѣра:

«*Прав ти посольство Олексѣю Ивановичу Стар*«*кову*. Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити: Князь «Великій челомъ бьетъ. Какъ мя еси пожаловалъ, на «чемъ еси ко мнѣ крѣпкое свое слово молвя, *шерть* «далъ, и на чемъ ярлыкъ свой шертный далъ, въ томъ «бы еси пожаловалъ и стоялъ.... И учнетъ Царь «говорити: приказывалъ есми къ своему брату, да «и ярлыкъ свой къ нему послалъ есми, чтобы со «мною былъ на Царя Ахмата за-одинъ: коли пойдетъ «на меня Ахматъ, и онъ бы Царевичевъ своихъ отпу«стилъ на Орду; и братъ мой, Князь Великій, у своей «правды то выговорилъ, а на томъ мнѣ правды не «далъ. И Олексѣю говорити такъ: Осподарь мой К. «В. посылалъ къ тобѣ своего Боярина Микиту, а «билъ тобѣ челомъ по твоему жалованью, по твое«му приказу, какъ еси къ нему приказалъ съ своимъ «посломъ съ Ази-Бабою, что другу другомъ быти, а «недругу недругомъ быти, безъ выговора на всякаго «недруга: ино не Государь мой то выговаривалъ на «имя: выговорилъ ты, *вольной человѣкъ*, у своей шер«ти Осподаря нашего недруга Короля, а нашему Го«сударю не хочешь на Короля помогати, а то Осподарю моему большей недругъ; и говоришь, вольный «человѣкъ, то, что Король еще съ твоимъ отцомъ

«въ братьствѣ и въ доконьчаньѣ былъ, а съ тобою «нынѣча также въ братьствѣ и въ докончаньѣ, и ты «тово не хочешь порушити: ино ты вѣдаешь, что «Осподари наши, Великіи Князи, отъ отцовъ и отъ «дѣдъ и отъ прадѣдъ слали своихъ пословъ къ прежнимъ Царямъ къ Ординскимъ, а они своихъ пословъ «посылали къ Великимъ Княземъ; а Осподарь мой, К. «В., и нынѣча потомужь своихъ пословъ шлетъ къ «Ахмату Царю и къ брату его къ Махмуту, а они «своихъ пословъ къ моему Государю посылаютъ. И «Осподарь мой тебѣ выговорилъ у своее правды Ца«ря Ахмата, не хотя старины порушити, потому «же, какъ ты моему Осподарю у своей роты Ко«роля выговорилъ.» — Называясь *братомъ*, Іоаннъ всегда писалъ Менгли-Гирею *челобитье*, а Менгли-Гирей къ нему *поклонъ*, или, въ знакъ особенной ласки, *много, много поклонъ;* то есть, Вел. Кн. употреблялъ почтительнѣйшія выраженія. — Ближними Ханскими Вельможами были Именекъ, Авдула и Карачь Мурза. Беклемишеву велѣно было дать двумъ первымъ по 40 собол., а если мало, то и по 2 сорока.

(107) Послѣ увидимъ, что Султаны Турецкіе присылали къ намъ Князей Манкупскихъ послами, и что сіи Князья были Греки.

(108) См. сей *Исторіи* Т. I.

(109) *Архив. Лѣт.* г. 1475.

(110) Кромер. 412 и Кантемира въ *Ист. Оттом. Имперіи.*

(111) *Архив. Лѣт.* г. 1476.

(112) Дѣла Крымскія No 1, *л.* 30. Вел. К. желалъ имѣть посла Зенебекова; но съ условіемъ, чтобы онъ пріѣхалъ съ немногими людьми и безъ *пошлинниковъ*.

(113) См. Длугоша Hist. Polon. 588, *Ядро Рос. Исторіи* 200, Герберштейна Rer. Moscov. Comment. 8, и ниже о *басмѣ* примѣч. 180. Послѣдній говоритъ, что Іоаннъ при въѣздѣ Ординскихъ пословъ всегда сказывался больнымъ.

(114) См. *Рос. Вивліѳ.* II, 86, 106.

(115) *Никон. Лѣт.* стр. 58.

(116) *Лѣт.* Львова, стр. 33 и *Архив. Лѣт.* стр. 67.

(117) *Архив. Лѣт.* л. 78. Съ Бочюкомъ находилось 50 человѣкъ дружины, да 550 купцевъ съ лошадьми и съ разнымъ товаромъ. Онъ поѣхалъ назадъ 6 Сент.

(118) Герой Галлерова Романа, Узонга.

(119) См. Voyage de Perse par Ambroise Contareni, въ Бержеронѣ стр. 38 — 55.

(120) Архив. *Псков. Лѣт.*: «А Новгородцы люди «*Житіи* и Молодшіи сами призвали (его) а пріѣхалъ во Вторникъ на Введеніе Св. Богородицы.»

(121) Вел. К. въ Дмитріевъ день обѣдалъ въ Волокѣ у своего брата, Бориса. См. всѣ дальнѣйшія подробности въ *Архив.*, *Рост.* и въ *Никон. Лѣт.*

(122) Назывались *Ипскими*. Въ Архив. *Новогород. Лѣт.* Іеродіакона Геронтія сказано здѣсь, что поставъ сего сукна стоилъ 30 руб., т. е. шесть фунтовъ серебра. Въ старинныхъ нашихъ ариѳметическихъ книгахъ опредѣлена мѣра *постава*: въ немъ было около 37 аршинъ сукна.

(123) См. Круга Münzkunde Russlands, 162. На сихъ монетахъ Англійскихъ и Французскихъ XIV и XV вѣка изображались *роза* и *корабль;* по-Нѣмецки назывались онѣ Rose-Nobel и Schiff-Nobel; ходили въ Германіи, Даніи, Пруссіи, Ливоніи.

(124) См. Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 607 и *Ростов. Лѣт.*

(125) См. Архив. *Псков. Лѣт.* г. 6983.

(126) См. Архив. *Псков. Лѣт.* и Синод. *Новогор.* No 46.

(127) Ѳеофилъ пріѣхалъ Марта 30, съ Посадникомъ Яковомъ Коробомъ, Казимеровымъ братомъ и проч. — Ѳедоръ Исаковъ, Марѳинъ сынъ, постригся въ Муромѣ и умеръ 9 Мая въ 1476 г., еще до прибытія Ѳеофилова въ Москву.

(128) Лѣтописцы забыли, что и Мономахъ заставлялъ ихъ ѣздить къ себѣ на судъ.

(129) См. *Ростов.* и Архив. *Псков. Лѣт.*

(130) См. *Ростов.* и Архив. *Псков. Лѣт.*, гдѣ Василій названъ *Ананьинымъ*: въ другихъ же во всѣхъ Никифоровымъ.

(131) Архив. *Псков. Лѣт.*: «Вамъ, Господиномъ «своимъ, челомъ біемъ, а что *Государи* васъ, а то не «зовемъ; а судъ вашимъ Намѣстникомъ на Городищѣ «по старинѣ; а вашему суду Вел. Князей, ни вашимъ «Тіуномъ, то у насъ не быти; ни Дворища вамъ «Ярославля не даемъ. На чемъ есмы съ тобою на «Коростыни миръ кончали и крестъ цѣловали, по «тому докончанью хотимъ съ вами и жити.» и проч.

(132) См. *Ростов. Лѣт.* л. 534.

(133) 30 Сент. съ Подъячимъ Родіономъ Богомоловымъ.

(134) Первый пріѣхалъ въ Торжекъ къ Намѣстнику Великокняжескому, Василію Китаю, еще въ Августѣ, а вторый въ Октябрѣ.

(135) Въ *Ростов. Лѣт.*: «да Новоторжцы, *Берновы* и *Глуховы.*» Ружанами именуются жители Рузы.

(136) См. Архив. *Псков. Лѣт.* — О причинѣ ссоры такъ въ Синод. *Псков. Лѣт.* «Повезе Псковитинъ «съ огорода капусту черезъ торгъ мимо Княжей «дворъ, и *шестникъ* (пришлецъ?) похитивъ силою «наручье капусты, даде Княжому барану; и про то «начата Псковичи которатись, двý человѣкъ «до смерти застрѣлиша. . . . и убиша на торгу по«вара Княжого.» Псковичи стояли съ оружіемъ во всю ночь, ибо люди Княжескіе грозились зажечь городъ. На другой день Вѣче отрѣшило Ярослава; но Іоаннъ не хотѣлъ смѣнить его, и посолъ Великокняжескій, Бояринъ Иванъ Ѳедоровичь Товарковъ, сдѣлалъ Псковитянамъ множество убытку и досадъ. Новое челобитье Государю. «Генв. во 2 день (1477) пріѣхаша «послы Псковскія: наѣхали Вел. К. въ Володимерѣ, «и тамъ державъ ихъ 3 дни, опять на Москву отослалъ, и на Москвѣ ждали 4 недѣли, и К. Вел. «отвѣтъ далъ: *коли отчина моя Псковъ на дворъ «нашего Намѣстника, а своего Князя, находили, «ино сама изъ старины выступила, а не язъ Князь*

«*Великой*. Тоя же зимы К. Великой, Февр. въ 15, «прислалъ грамоту къ Ярославу, веля ему къ собѣ «ѣхати, и со Княгинею и со всѣмъ Дворомъ.» 23 Февр. онъ уѣхалъ. Лѣтописецъ говоритъ, что никогда не бывало у нихъ такого Князя злосердаго и хищника: Намѣстники его въ пригородахъ также грабили.

(137) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(138) См. *Ростов.* и *Псков. Лѣт.*

(139) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(140) См. *Ростов.*, *Архив.* и *Никон. Лѣт.*

(141) См. *Ростов. Лѣт. л.* 539.

(142) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(143) См. тамъ же.

(144) См. Синод. *Псков. Лѣт. л.* 209.

(145) См. *Ростов. Лѣт. л.* 541 — 542

(146) См. тамъ же.

(147) См. *Псков.* и *Ростов. Лѣт.* Сей Гребенка Шуйскій названъ братаничемъ К. Ивана Горбатаго. Въ *Продолженіи Нестор. Лѣт.* сказано, что Вел. К. далъ ему Новгородъ Нижній.

(148) «И Кн. Вел. у Владыки взялъ 10 волостей, «Порогъ Ладожскій и земля Порожская по обѣ стороны Волхова, да въ нагоріи Емелегежскій погостъ, «да Колбалской, а сохъ въ нихъ 43½; да въ Дреглехъ «погостъ, да Кременицкой, 50 сохъ; да на мѣстѣ «Бѣлая 39½ сохъ; да Удомля 50 сохъ; да Кирва, да «Ахопа 52½ сохъ; да Пepocъ, а въ ней 80 куницъ и «двѣ да преже-писанныхъ шести монастырей «по половинѣ волостей; а Юрьева монастыря въ половинѣ, что взялъ Кн. Великій 720 обежъ; а у «Аркажа 332, у Благовѣщенскаго 253; а у Никольскихъ Неровского Конца 251; а у Антонова монастыря 50 сохъ; а у Михайловскаго 97 обжей, да «шесть селъ, которыя были за Княземъ В. Шуйскимъ, а сохъ 58.» Въ *сохѣ* было три *обжи*. Хотя мы и назвали здѣсь *обжу* тягломъ, но иногда въ *пяти* обжахъ находилось *семь* работниковъ, иногда *шесть* (см. Архив. Книгу Помѣстнаго Приказа). Въ лѣто-

писяхъ же сказано здѣсь: «обжа (Новогородская) единъ «человѣкъ на единой лошади оретъ.»

(149) «Кн. Вел. захотѣлъ взяти съ обжи по полугривнѣ, и Владыка со всѣми своими начаша бити «челомъ, чтобы Государь имать дань, какъ біемъ челомъ, по 7 денегъ съ сохи единова на годъ, и Кн. «Вел. тѣмъ ихъ пожаловалъ, что имати ему съ сохи «по полугривнѣ.» Слѣдственно въ гривнѣ было только 14 денегъ *Новогородскихъ:* такъ говоритъ и Герберштейнъ.

(150) Съ Одинцомъ.

(151) Посольство правилъ *одинъ* К. Иванъ Юрьевичь.

(152) См. *Ростов. Лѣт. л.* 548.

(153) См. *Ростов. Лѣт.*

(154) Длугош. Hist. Polon. кн. XIII, 538, и Арнта Liefl. Chron. — Въ Кремлевскомъ Арсеналѣ показываютъ набатной колоколъ вылитый въ 1714 г. изъ стараго набатнаго: увѣряютъ, что сей послѣдній былъ Вѣчевый Новогородскій.

(155) *Ростов. Лѣт. л.* 503 на обор.: «наймоваху «злыхъ смердовъ и тіи приходяще на Вѣче, «біяху въ колоколы, и кричаху.» и проч.

(156) При Олегѣ.

(157) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 204.

(158) Кранцъ въ Wandal. стр. 301: Ita civitas potentissima, non tam armis quam *ingenio*, servit hodie. Далѣе Историкъ говоритъ, что успѣхи торговли противны духу воинскому, и проч.

(159) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 155.

(160) Кранцъ въ Wandal. 301. Novguardia metropolis Russiae tam potens, ut in proverbio efferrent cives eius: *quis potest contra Deum et magnam Novguardiam?* Сочинитель *Жизни* Царя *Іоанна Васильевича* (Ioannis Basilidis, Magni Moschoviae Ducis vita, a Paulo Oderbornio conscripta) также говоритъ о сей пословицѣ; а Нѣмецкій его переводчикъ, Христ. Купе, сообщаетъ ее и на старомъ Русскомъ языкѣ: Ochto moschet stojati protif Bocho dai Welik Novogorod? то

есть: *кто можетъ стояти противъ Бога да Великаго Новагорода?*

(161) Т. II, стр. 6.

(162) Т. III, стр. 170.

(163) Т. V, стр. 205.

(164) Т. IV, стр. 98.

(165) См Синод. *Новог. Лѣт.* No 46, стр. 469.

(166) Т. V, г. 1404.

(167) Новогородцы изъявили рѣдкую умѣренность, разбивъ войско Боголюбскаго и Михаила Тверскаго (Т. III и IV); приняли Князей Суздальскихъ, ослѣпленныхъ Всеволодомъ Великимъ (Т. III); Юрія Смоленскаго, Шемяку (Т. V), Гребенку Шуйскаго (см. выше) и проч.

(168) Сія *Исторія* представляетъ доказательства.

(169) См. въ Тацитѣ рѣчь Гальбы при усыновленіи Оттона.

(170) Во многихъ сказано только: «поималъ Владыку въ *крамолѣ* а казну его, множество злата и сребра и сосудовъ взялъ на себя.» Въ *Продолженіи Нестор. Лѣт.*: «Не хотяше бо той Владыка, чтобы Новгородъ былъ за Вел. К., но за Королемъ или за инымъ Государемъ. Кн. Вел. отъя «половину волостей у Владыки, и про то Владыка «нелюбіе держаше.» — Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No. 164, *л.* 191) есть *отписная Ѳеофилова грамота*, которою онъ отказывается отъ Архіепископіи, клянется провести остатокъ жизни въ смиреніи, не именоваться Архіепископомъ, благословляетъ Вел. Кн. и сына его, и внизу подписалъ грамоту собственною рукою.

(171) См. Лѣтоп. Львова, стр. 190, Синод. *Псков. Лѣт. л.* 217, и Архив. *Новогор.* — Геннадій поставленъ 9 Дек. 1484.

(172) *Лѣт.* Львова стр. 189. Новогородцевъ допрашивалъ въ Москвѣ на дворѣ Ивана Товаркова Подьячій Гречновикъ.

(173) Въ Розрядной Книгѣ Бекетова сказано: «Какъ «Богъ поручилъ Вел. Кн. Ивану Васильевичу подъ

«его державу В. Новгородъ, и по его Государеву из-
«воленію распущены изъ Княжескихъ дворовъ и изъ
«Боярскихъ служилые люди, и тутъ имъ имена, кто
«чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ Государевъ писецъ
«Дмитрій Китаевъ: 1. Ядышевы, Борановы, Тыр-
«товы, Постельниковы, Клементьевы, Чепчюговы,
«Печенѣговы, Хомутовы: то Ивановскіе послужиль-
«цы Борисовича Тучкова 8 семей въ тѣ поры двора
«его испомѣщены. 2. Сарыевы, Теткины, Зелени-
«ны, Берюлевы, Битюговы, Амбучевы: то Князь
«Семена Ряполовскаго послужильцы 6 семей. 3. Щед-
«рюнины, Быковы, Ланкины, Пестриковы, Хому-
«товы, Печенѣговы, Нефедьевы, Щербинины, Ред-
«ровы: то Васильевскіе послужильцы Тучкова 9 семей.
«4. Мустофины, Татьянины, Нестеровы, Норова-
«тые, Нелединскіе: тѣ Шереметевскіе послужиль-
«цы 5 семей. 5. Шляковы, Обрамовы, Тарузины, 3
«семьи Шереметева двора. 6. Быковы Васильевскіе
«послужильцы Кузмина 1 семья. 7. Базаровы, Аксі-
«евы, Гулдовы, Назимовы: то Богдановскіе послу-
«жильцы Есипова 4 семьи. 8. Бѣлосельскіе, Один-
«цовы, Рындины, Чернышевы, Саблуковы, Колоколь-
«цовы, Савины, Мѣщениновы: тѣ Салтановскіе по-
«служильцы Травина 8 семей. 9. Муравьевы. — 10.
«Некрасовы, Назимовы; тѣ Обрамовскіе послужильцы
«2 семьи. И помѣщены по Государеву указу въ Вот
«цкой Пятинѣ.»

(174) *Лѣт. Никон.* стр. 158.

(175) См. *Архив. Псков. Лѣт.* — Сей Лѣтописецъ такъ заключаетъ исторію Новагорода: «И посади «Вел. Князь во градѣ 4 свои Намѣстники, 2 на «Ярославли дворѣ, Князь Ивана Стригу да брата «его Кн. Ярослава; а на Владычни сторонѣ Бояръ «Василья Китая да Ивана Зеновьева, и дѣла судеб-«ныя и земскія правити, а Владыкѣ опрочь Святи-«тельскаго суда, ни Посадникомъ, ни Тысяцкимъ, ни «всему Новугороду не вступатися ни во что же; ни «Вѣчу быти, ни пословъ слати намъ къ нимъ, по-«сольства правити со иныя земли къ Намѣстникомъ,

«а не къ Владыкѣ, ни къ Новугороду Се же все «бысть по строенію Божію. Что ми о семъ про«мышляти много, или писанію предавати? «*Доздѣ вся скончашася о Великомъ Новѣгородѣ*!»

(176) Первая родилась Апр. 18 въ 1474 году, вторая въ Маѣ 1475, третья (по кончинѣ первой) 9 Мая 1476.

(177) См. *Степен. Кн.* II, 137. Сіе видѣніе было Софіи за монастырскимъ селомъ Клементьевымъ, когда она сходила въ долину къ Лаврѣ. Василій родился 25 Марта и названъ именемъ Гавріила въ честь Архангела Благовѣстителя.

(178) Юрій или Георгій родился 23 Марта 1480 г. Димитрій 6 Окт. 1481, Ѳеодосія въ 1485, Симеонъ въ 1487, Андрей 4 Авг. 1490. Годъ рожденія Евдокіи не означенъ въ лѣтописяхъ.

(179) Архив. Дѣла Крымскія No 1, л. 34—39. Братья Менгли-Гиреевы пріѣхали въ Москву осенью въ 1479 году, когда Вел. К. находился въ Новогородскомъ походѣ.

(180) См. *Казанск. Лѣт.*—*Басма* собственно значитъ *тисненіе*, *изображеніе*, *снимокъ*, отъ глагола *басмакъ*, такъ изъясняемаго въ Латин. словарѣ. *Bastak*, calcare, premere, impressionem facere.

(181) Синод. Лѣт. въ четвертку, No 365, л. 466.

(182) Контарини, стр. 45.

(183) Потому что Іоаннъ не захотѣлъ ѣхать къ нему въ Орду.

(184) См. *Лѣтоп.* Львова, г. 1480, стр. 132.

(185) Синод. *Псков. Лѣт.* л. 211 на обор.

(186) См. *Синод. Лѣт.* No 365, л. 466 и *Архив. Лѣт.*

(187) См. *Архив. Лѣт.*

(188) См. *Лѣт.* Львова, стр. 136.

(189) См. *Казанск. Лѣт.*

(190) Въ *Синод. Лѣт.* въ четв. No 365, л. 467, сказано, что вмѣстѣ съ Вассіаномъ былъ тамъ и Владыка Прохоръ *Подрѣльскій*. Крутицкіе Еписко-

пы назывались прежде и *Подрѣльскими* (вепх. *Синод. Лѣт.* No 265, *л.* 510).

(191) См. *Синод. Лѣт.* въ четв. No 365, *л.* 468. Съ Софіею и съ казною Великокняжескою поѣхали Василій Борисовичь и Андрей Михайл. Плещеевъ.

(192) См. *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 467 на об.

(193) *Лѣт.* Львова спр. 169.

(194) *Лѣт.* Львова спр. 169. Но въ семъ Лѣтописцѣ все перемѣшено.

(195) Мать его и Митрополитъ посылали своихъ Бояръ уговаривать Князей Андрея и Бориса; они усовѣстились и прислали въ Москву своихъ чиновниковъ. См. *Ростов. Лѣт.*

(196) *Лѣт.* Львова спр. 170.

(197) Между Боровска, Медыни и М. Ярославца.

(198) См. *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 469.

(199) См. *Лѣт. Архив.* и Львова.

(200) См. *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 469 на обор. Стриковскій пишетъ, что Темиръ, подкупленный Великимъ Княземъ, отвелъ Ахмата отъ сраженія и зарѣзалъ сего Царя.

(201) См. *Лѣт.* Львова спр. 172.

(202) Въ *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 487, означено внизу грамоты, что она писана на *Дорогомиловѣ*. См. *Ростов. Архив. Лѣт.* и *Степен. Кн.* II, 140. Я выписалъ здѣсь только сильнѣйшія мѣста сего Вассіанова посланія, достойныя войти въ Исторію: то есть, сократилъ его безъ всякихъ прибавокъ или украшеній. — Грамота Геронтіева къ Іоанну находится въ посланіи *Рос. Митрополитовъ* (въ Синод. Библіот. No 164, *л.* 254).

(203) *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 487.

(204) См. *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 471, и *Казан. Лѣт.*

(205) См. *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 487 на обор.

(206) *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 487 — 488.

(207) *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 488.

(208) См. въ *Казан. Лѣт.* главу X.

(209) См. *Лѣт.* Львова спр. 174 и 175.

(210) *Степен. Кн.* II, 150. Не 24, а 23 Іюня. Въ сей день бываетъ въ Москвѣ Крестный ходъ въ Срѣтенской монастырь.

(211) См. *Ростов.*, *Никон.* и *Казан. Лѣт.* гл. XI. Тамъ сказано, что Ахмата убилъ шуринъ его, Ногайскій Мурза Ямгурчей: обстоятельнѣе и вѣрнѣе говоритъ о семъ *Архангельскій Лѣтописецъ*, стр. 159. — *Шибаны* и *Ногаи* кочевали въ сосѣдствѣ, однакожь раздѣлялись между собою; первые, кажется, такъ назывались отъ имени *Шибана* или *Шейбани-Хана*, Батыева брата, который господствовалъ въ Туранѣ или въ Сибири (См. Абульгази Hist. des Tat. стр. 483, и въ Бержеронѣ путешествіе Карпина и Рубруквиса). Въ другихъ лѣтописяхъ и самыхъ посольскихъ бумагахъ Шибанскіе Татары именуются обыкновенно Ногаями. Дѣла Ногайскія въ Архивѣ начинаются съ 1489 года (см. ниже примѣч. 278). Въ семъ году и въ 1494 былъ въ Москвѣ Иваковъ посолъ Чюмгуръ; но о первомъ его посольствѣ въ 1481 году нѣтъ извѣстій въ Архивѣ. Ивакъ въ своихъ грамотахъ къ Вел. Кн. именуетъ себя Ибрагимомъ, сыномъ Шыбана Царя, бывшаго съ Россіею въ дружбѣ: «отецъ мой стоитъ съ твоимъ юртомъ въ опри«чнину; и другъ и братъ былъ.» (См. Дѣла Ногайск., л. 30).

(212) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 72.

(213) См. *Больш. Чертежъ*, стр. 93 и 229.

(214) См. въ Архивѣ *Дѣла Ногайскія*, л. 2 и 30.

(215) См. *Лѣт. Архив.*, *Рост.* и Львова.

(216) Вассіанъ преставился въ 1481 году, Марта 23.

(217) Андрей скончался 10 Іюля 1481.

(218) *Рос. Вивліоѳ.* II, 146, или *Собр. Г. Г.*

(219) *Рос. Вивліоѳ.* II, 102 — 146. Въ Синод. Лѣт. No 365, *л.* 488 на обор. сказано, что Вел. Кн. далъ тогда и вѣрному своему брату, Андрею Меньшему, городъ Серпуховъ съ волостями.

(220) Весною въ 1480 году.

(221) Андрей пишетъ: «въ выходъ мнѣ давати въ «1000 рублевъ 100 рублевъ и 30 алтынъ и 3 ден-

«ги.... а съ Романова городка давати Татарщину къ «Ярославлю по старинѣ.» Борисъ давалъ на тысячу 60 рублей (см. *Вивліоѳ.* II, 106, 124).

(222) Дѣла Крымскія No 1, стр. 60. Скряба поѣхалъ изъ Москвы 26 Апр. 1481. Іоаннъ уже зналъ о смерти Ахматовой.

(223) См. Архив. и Синод. *Псков. Лѣт.*

(224) Списокъ сего донесенія присланъ ко мнѣ изъ Кенигсбергскаго Архива, г. 1480, No 700. См. ниже, примѣч. 229.

(225) См. Арнта Liefl. Chr. стр. 159.

(226) См. Архив. и Синод. *Псков. Лѣт.* л. 212.

(227) См. сіе письмо подъ No 701 между моими Кенигсбергскими бумагами, и Арнта Liefl. Chr. 159.

(228) См. Синод. *Псков. Лѣт.* л. 213 на обор.

(229) См. между моими Кенигсбергскими бумагами No 702 письмо Магистра Ливонскаго къ Вел. Магистру Прусскому, въ коемъ онъ жалуется, что Нѣмецкій Орденъ не далъ никакой помощи Ливоніи, и гдѣ говорится о злодѣйствахъ Россіянъ. — См. Синод. *Псков. Лѣт.* л. 214 на обор.

(230) См. *Архив. Лѣт.* л. 130.

(231) См. выше, примѣч. 229.

(232) См. Кранца Wand., Кельха, Арнта, Гадебуша.

(233) Такъ въ *Архив.* и *Никон. Лѣт.*

(234) См. *Лѣт.* Львова, стр. 184. Въ дѣлахъ Крымскихъ 1482 года, No 1, стр. 79. О другомъ Королевскомъ посольствѣ къ Вел. Кн. упоминается еще въ 1481 году (см. сіи Дѣла стр. 63).

(235) См. *Архив. Лѣт.* г. 1482 л. 128 на обор. и *Кіев. Лѣт.* No 70.

(236) Кромеръ стр. 427. — Кранцъ пишетъ, что Литовскіе Князья по согласію съ Іоанномъ хотѣли умертвить Казимира (Wandal. стр. 304).

(237) Синод. *Псков. Лѣт.* л. 216 на обор.

(238) Юрій былъ отправленъ изъ Москвы 15 Марта 1482, Кутузовъ 14 Мая (см. Крым. дѣла No 1, стр. 69 — 84).

(239) См. *Архив. Лѣт. л.* 121, *Никон.* стр. 118, *Синопсисъ*, и *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 489 на обор.

(240) Онъ посылалъ къ Хану Князя Ив. Владимiровича Лыкова и К. Вас.Ноздроватаго. Первый выѣхалъ изъ Москвы 9 Марта 1483, а второй 14 Марта 1484. Между тѣмъ и Крымскiе послы находились въ Москвѣ (см. Крым. Дѣла No 1, стр. 84—100).

(241) См. письмо Менгли-Гирея къ Магметъ-Аминю отъ 10 Марта 1490. (Дѣла Крымск.) и *Лѣт. Архив. л.* 133.

(242) Лѣтописецъ называетъ его Махмутомъ.

(243) См. Дѣла Крым. No 1, стр. 139.

(244) См. *Архив. Никон. Лѣт.* и Дѣла Цесарскiя No 1, *л.* 172 — 186. Матѳей еще присылалъ въ Москву Климента и въ 1488 году Дьяка Ивапа, того же, думаю, который былъ у насъ въ 1482 году.

(245) См. Дѣла Цесарскiя No 1, *л.* 178 — 179.

(246) Тамъ же *л.* 184.

(247) См. сей *Исторiи* Т. IV, стр. 290.

(248) См. сей *Исторiи* Т. IV, примѣч. 354.

(249) См. Дѣла Крым. No 1, *л.* 54 — 56.

(250) *Лѣтоп.* Львова стр. 185 и *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 490.

(251) Супруга его преставилась въ 1473 году.

(252) Синод. *Псков. Лѣт. л.* 219 на обор.

(253) *Архив. Лѣт. л.* 132.

(254) *Рос. Вивлiоѳ.* II. 202.

(255) *Лѣтоп.* Львова стр. 194 и *Архив. Лѣт. л.* 133.

(256) *Архив. Лѣт. л.* 144.

(257) Въ 1488 г. Iюля 29, Вел. Кн. отправилъ къ Матѳею какого-то Штибора и Василья Карамышева съ письмомъ: «Божiею милостiю Государь всея «Русiи, В. К. Иванъ Васильевичь Володим. и Москов., «и Новогород., и Псков., и *Тфер.*, и Югор., и Вят. «и Пермскiй и иныхъ, възможному и честнѣйшему «Матеашу Божiею милостью Угорскому и Чешскому «и иныхъ земель Кралю и Князю Авщрiе, намъ бра- «ту почтенному и другу милому здравiе.» См. дѣла

Цесар. № 1, *л.* 179—186. — Шпиборъ возвратился въ 1489 г., Апр. 9, съ письмомъ отъ Матөея. Со вторымъ Венгерскимъ посломъ Климентомъ пріѣхалъ въ Москву *Матфейко* Ляхъ и *Фрянцоскъ* Фрязинъ: Вел. Кн. не отпустилъ ихъ назадъ, сказавъ, что Матфейко, будучи Казимировымъ подданнымъ, можетъ сдѣлать намъ вредъ, а *Фрянцоскъ* живетъ въ Москвѣ у своего брата, у Фрязина, и занимается Государевымъ дѣломъ.

(258) *Лѣтоп.* Львова стр. 188.

(259) Димитрій родился Окт. 10, въ десятомъ часу дня.

(260) *Собр. Г. Г.* 290.

(261) См. *Архив. Лѣт.* 135.

(262) См. *Собр. Г. Г.* 299.

(263) См. *Арханг.* 140 и *Архив. Лѣт.*

(264) См. *Собр. Г. Г.* Въ началѣ сей грамоты: «по благословенью Семіона, Владыки Рязанскаго и «Муромскаго.» Кн. Рязанскій Иванъ былъ женатъ на дочери К. Өеодора Бабича, Агриппинѣ.

(265) Царь Казанскій пришелъ на Масляницѣ и воевалъ до четвертой недѣли поста. См. *Лѣт.* Львова, стр. 127 и *Арханг. Лѣт.*

(266) См. *Архив. Лѣт. л.* 107.

(267) Дѣла Крым. № 1, стр. 140. Нурсалтанъ вышла за Менгли-Гирея около 1485 года.

(268) *Лѣт.* Львова стр. 195 и 196.

(269) См. Разряд. Книгу Бекетова. Въ *Русск. Лѣт.* Львова сказано, что Аристотель съ пушками былъ тогда въ Нижнемъ. — См. *Арханг. Лѣт.*

(270) См. Дѣла Ногайск. *л.* 4.

(271) Холмскій выступилъ изъ Москвы Апрѣля 11, а Магметъ-Аминь выѣхалъ Апр. 24 (см. *Архив. Лѣт.* и Львова стр. 197).

(272) Съ 1487 г. находимъ сей титулъ въ государственныхъ бумагахъ Іоанновыхъ (см. Дѣла Архив. его времени).

(273) Дѣла Крым. № 1, стр. 147.

(274) Тамъ же, стр. 149.

(275) См. тамъ же, стр. 100—170.

(276) См. тамъ же, стр. 163.

(277) См. тамъ же, стр. 179 — 181.

(278) Сіи посольства отъ 1489 года идутъ до 1509 (см. Дѣла Ногайск.).

(279) См. Ног. Дѣла л. 34 на обор.

(280) См. тамъ же, л. 13.

(281) *Лѣт.* Львова стр. 196, 197. Вятчане не только худо слушались Вел. Князя, но и грабили въ его владѣніяхъ. См. *Арханг. Лѣт.* г. 1486. Въ *Посланіи Рос. Митрополит.*, л. 65 и 68 (въ Синод. Библіот. No 164) есть письмо Митрополита къ Вятчанамъ и къ ихъ Духовенству: первыхъ укоряетъ онъ непослушаніемъ Вел. Князю и разбоями, а Священниковъ именуетъ зловѣрными, ибо они не требовали поставленія отъ Митрополитовъ, совокупляли бракомъ родныхъ, дозволяли пятый, шестый и седьмый бракъ, и проч.

(282) См. *Арханг. Лѣт.* 165, *Архив. Лѣт.* и Львова 202.

(283) См. сей *Исторіи* Т. III, въ концѣ княженія Боголюбскаго.

(284) См. *Архив. Лѣт. л.* 138 на обор.

(285) См. тамъ же, и *Никон.* стр. 125.

(286) Онъ скончался 7 Марта въ 1490 г.

(287) *Никон. Лѣт.* стр. 125.

(288) *Лѣт.* Львова стр. 185.

(289) См. о сей ереси книгу Св. Іосифа Волоцкаго въ Синод. библ. подъ No 334, и *Рос. Вивл.* XIV, 128.

(290) См. *Древн. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 285.

(291) См. *Лѣт.* Львова г. 1497, стр. 190, и *Вивліоѳ.* XIV, 271. Зосима Соборомъ Святительскимъ избранъ 12 Сент., а поставленъ 26 въ 1490.

(292) 17 Окт. 1490: см. *Архив. Лѣт. л.* 140 на обор.

(293) Тамъ же *л.* 141.

(294) См. въ *Архив. Лѣт.* г. 1488, *л.* 136 на обор. Это было еще при Митроп. Геронтіи. Ересь уже и тогда открывалась, какъ видно изъ письма Герон-

тiева къ Геннадiю, напечатанному въ *Древн. Рос. Вивлiов.* XIV, 235. «Писалъ еси къ намъ (говоритъ «онъ) къ Господину и къ сыну моему къ Вел. Кн., «да и ко мнѣ, что прозябаютъ ереси въ Новѣгоро-«дѣ.... да и списки на еретиковъ прислалъ, какъ «они хулили Христа, и ругалися Свят. Иконамъ, а «величаютъ Жидовскую Вѣру — и мы то дѣло съ «Госп. съ Вел. Кн. и со всѣмъ православ. Соборомъ «поразсудили, что въ твоемъ спискѣ писаны Попъ «Григорей Семеновской, да Попъ Герасимъ Николь-«ской, да Поповъ сынъ Григорьевъ Самсонко Дiакъ.... «и Кн. Вел. велѣлъ тѣхъ трехъ казнити градского «казнью, да казнивъ, послалъ ихъ къ тебѣ; и ты бъ «у себя въ своемъ Зборѣ тѣхъ обличивъ, да понака-«жи духовнѣ.... а не покаются, и ты ихъ пошли «къ Намѣстникомъ Вел. Князя, и они ихъ тамо ве-«лятъ казнити градскою казнiю по Вел. Князя нака-«зу, *какъ писано въ Царскихъ правилѣхъ*, а Гридя «Дiакъ не дошелъ еще по правиломъ градскiя казни, «потому что на него одинъ свидѣтель, Попъ На-«умъ....» Такъ называемыя *Царскiя Правила* или законы Греческихъ Царей, взятые изъ Кормчей Книги, служили добавленiемъ къ *Судебнику* въ старыхъ спискахъ онаго; см. *Судебникъ* изданный Башиловымъ. Тамъ стр. 43, именно сказано, что свидѣтельство одного человѣка недостаточно для обвиненiя; по тому и нельзя было осудить Дiака Гридю. — Вмѣстѣ съ Митрополитомъ писалъ тогда къ Геннадiю и Вел. Князь: сiя грамота находится въ библiотекѣ Воломолам. монастыря, въ книгѣ подъ No 666, л. 167. Iоаннъ, говоря то же, прибавляетъ, что Намѣстники опишутъ имѣнiе осужденныхъ. Внизу подписано: «А Князь Великiй и Митрополитъ писалъ съ «Кривоборскимъ о еретицѣхъ въ лѣто 96 (1488) «Февр. 13.»

(295) Сiе письмо находится въ той же книгѣ Iосифа о ереси.

(296) Зосима удаленъ 17 Мая. См. въ *Вивлiов.* XIV, 203, письмо Новогород. Архiеп. Геннадiя къ Святи-

телямъ Рос. О Симонѣ см. ветх. *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 510, и еще *Никон*, и *Архив. Лѣт. л.* 155.

(297) См. въ книгѣ Іосифа письмо его къ Государеву Духовнику, Архимандриту Андроникова монастыря, Митрофану, гдѣ сказано: «да по та мѣста, «господине, мнѣ Кн. Вел. велѣлъ престати говорить; и мнѣ, господине, мнится, кое Государь нашъ «блюдется грѣха казнити еретиковъ,» и проч.

(298) Въ лѣтописяхъ упоминается объ немъ въ 1496 году, а въ грамотахъ Архивскихъ и послѣ (см. *Рос. Вивліоѳ.* Т. II).

(299) Іюля 4.

(300) См. *Рос. Вивліоѳ.* II, 230.

(301) *Архив. Лѣт. л.* 136, г. 1488, и Львова 198.

(302) *Архив. Лѣт. л.* 142. Магметъ-Аминь также посылалъ съ ними войско, предводительствуемое Собатъ-Уланомъ и Собурашъ-Сеитомъ. Сей походъ былъ въ Маѣ.

(303) См. *Арханг. Лѣт.* 170.

(304) См. *Никон. Лѣт.* стр. 129.

(305) См. ветхій *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 507. — К. Андрей скончался Окт. 7, а Борисъ въ Маѣ 1494, въ своемъ Удѣлѣ; погребенъ въ Москов. Архангельскомъ Соборѣ Мая 27: тамъ лежитъ и Андрей.

(306) См. печатный Лѣтописецъ, служащій продолженіемъ Несторова, стр. 339.

(307) *Рос. Вивліоѳ.* II, 286, 294.

(308) См. сей *Исторіи* Т. III, г. 1189.

(309) См. Дѣла Цесарскаго Двора No 1, *л.* 1—19.

(310) Листъ 16: «А что еси намъ говорилъ о Ко«ролевствѣ, если намъ любо отъ Цесаря хотѣти «Кралемъ поставлену быти на своей землѣ: и мы «Божіею милостію Государи на своей землѣ изъ на«чяла отъ первыхъ своихъ прародителей; а поста«вленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, «такъ и мы; а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ «и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ «есмя нынѣ Государи на своей землѣ; а поставленіа

«какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого,
«такъ и нынѣ не хотимъ.»

(311) Сiе посольство, какъ замѣчаетъ Миллеръ, описано Леманомъ въ Спирской Хроникѣ, кн. VII, гл. 120, стр. 999.

(312) Л. 31 на обор.

(313) Вѣроятно, тѣмъ самымъ, котораго Леманъ (см. выше. примѣч. 311) называетъ Торномъ.

Л. 32 на обор.: «На Москвѣ Приставомъ велѣлъ «Кн. Вел. быти у посла Ивану Берсеню (Беклеми-«шеву), и встрѣтилъ его за 10 верстъ отъ Москвы «у Кузмы-Демьяны на Хинскѣ на Тферской дорогѣ; «а велѣлъ ему Кн. Вел. у себя быти Iюля 18; а по-«сылалъ по него на подворье Окольничего К. Ивана «Звенца, да Юрiя Грека, и прiѣхали съ нимъ вмѣстѣ «на дворъ; и Кн. Вел. велѣлъ его встрѣтити на сво-«емъ дворѣ конецъ лѣсници каменные Окольничему «Ивану Чеботу, да Дьяку Ѳедору Курицыну, а пе-«редъ своими дверми передъ полатою передъ малою «Боярину своему, Андрею Михайловичю Плещееву, «да Одинцу Дiаку. А какъ пришолъ къ Вел. Кн., и «онъ отъ Короля Максимiана поклонъ правилъ. Кн. «Великiй вставъ, да въспросилъ о Королевѣ здоровiи, «да и руку ему подалъ стоя, да велѣлъ ему сѣсти «на скамейкѣ противу себя близко; да посидѣвъ мало, «Юрiй вставъ подалъ грамоту вѣрющую.... А се «списокъ.

«Максимилiанъ Божiею милостiю Король Римскiй, «всегда Августъ, и Князь Авъстрьскiй, Кн. Бергонь-«скiй, Лургинскiй, Стырскiй и Карантеньскiй и иныхъ. «Премощнѣйшему и начальнѣйшему дражайшему дру-«гу. Мы есмя нашему съвѣтнику и въ царьствѣ «драгому и вѣрному Юрiю Далатору нѣкiа вещи съ «твоимъ Навышствомъ отъ нашеа страны приказа-«ли говорити, якоже онъ отъ насъ наединѣ и по «части есть изображенъ. Просимъ отъ твоего На-«вышества, любообразно моляся, оному угодно буди, «предреченному нашему Совѣтнику нынѣ совершен-«но, еще бы какъ тѣлу нашему, възяти доспой-

«ную вѣру, и въ семъ явишь твое дражайшество «любезнѣйшее изволеніе. Данъ въ градѣ нашемъ Беб«рѣ въ 17 день Февруарія, отъ Въплощенья Хр. въ «1490, въ 5 лѣто государства нашего. — А на под«писи: *Свѣтлѣйшему и всемочнѣйшему и началнѣй«шему Іоанну, вседръ-жавному Государю Русько«му, нашему дражайшему другу*. А опослѣ грамоты «подалъ отъ Короля поминокъ, бархатъ Венедитцкой «темно-синь гладокъ. — А того дни рѣчей Вел. Князю «отъ Короля не говорилъ. А тогды были при немъ у «Вел. Кн. дѣти его, К. Василей да К. Юрій; а по«клона имъ отъ Максиміана не правилъ; а руки ему «подавали и о здоровьѣ его вспросили. А Бояре всѣ «были у Вел. Князя. И ѣлъ того дни у Вел. Кн.»

(314) Дѣла Цесарскія No 1, л. 44 на обор.

(315) Сказано: «въ повалушѣ въ середней.»

(316) Л. 41.

(317) Л. 48.

(318) Николай Поппель въ своей грамотѣ къ Вел. Князю изъявилъ большую досаду на Московскихъ Вельможъ, которые не хотѣли вѣрить его первому посольству и смѣялись надъ нимъ. Далѣе говоритъ онъ: «Язъ коли есмь былъ у Высокости твоей, слышелъ «есми, иже манисто и ожерелье златые, которые «принесъ мой слуга на продажу отъ купца изъ Нобернка, Высокости твоей полюбилися: и язъ нынѣче «тое манисто и ожерелье купивши, послалъ къ тво«ей чьсти и любви..... да и 15 локоть Московскихъ «бархату на золотѣ; а сыну твоему первородному «платно, черленой бархатъ на золотѣ съ подклад«кою синего чамлата.... Святое Величьство Цесар«ское про то ся на мене злобитъ, иже есмь не при«велъ изъ твоей земли живыхъ звѣрей, иже словутъ «по-Руски лоси, а по-Нѣмецки *Элеутъ*..... Да пожа«ловалъ бы прислалъ одного *Гогулятина*, которые «ѣдятъ сырое мясо, и Цесарскому Величьству бу«детъ вельми за честь; а естьли не лзя будетъ по«слати одного *Гогулятина*, и ты бы еси послалъ «предреченные звѣрята лоси.... а какъ будутъ мо-

«лоды, тѣмъ и лутчи, иже бы были смирны; а естьли «будутъ старые, ино имъ роги сняти.» Далѣе Поппель говоритъ о своей болѣзни и надписываетъ грамоту: «Свѣтлѣйшему Князю и Господину Государю «Ивану Васильевичю, Вел. Князю Московскому, Го«сударю моему ласковому.» Ѳедоръ Курицынъ отвѣчалъ его слугѣ именемъ Вел. Князя: «Государь твой «Николай писалъ къ Государю нашему не по-приго«жу, какъ есть пишутъ къ Великимъ Государемъ: «ино намъ поминки его не надобѣ.» См. л. 60—66.

(319) Л. 78. То есть, они размѣнялись грамотами. Не знаю, сохранилась ли Іоаннова въ Императорскомъ Вѣнскомъ Архивѣ; но Максимиліанова подлинная у насъ пропала: имѣемъ только списокъ.

(320) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 627.

(321) На примѣръ (л. 86): «Наяснѣйшый и насвѣ«тлѣйшый Государь, единъ *Царь* всеа Руси.» Съ Траханіотомъ послана была грамота къ Любекскому Бургомистру, въ коей Іоаннъ называетъ себя *Царемъ*: «Божіею милостію Государь *Царь* всеа Руси.» Такъ и во многихъ иныхъ бумагахъ.

(322) Дѣла Цесар. л. 82—93. Онъ былъ въ Москвѣ около пяти мѣсяцевъ. Максимиліанъ прислалъ съ нимъ Вел. Князю поставъ *скарлату и дамашки.*

(323) Л. 94.—Въ даръ Максимиліану была послана шуба соболья и горностаевая съ камкою.

(324) Л. 111.

(325) Л. 114—128.

(326) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 76, и Т. IV, примѣч. 264.

(327) См. выше, стр. 169.

(328) См. ветхій *Синод. Лѣт.* No 365, л. 508 (въ 1492 году.)

(329) Упомянутый серебряный снимокъ, хранящійся въ монетномъ Кабинетѣ Эрмитажа, сдѣланъ безъ сомнѣнія иноземцемъ, который изобразилъ подпись такимъ образомъ: ИКОЙВЕЛ (вмѣсто *Великой*) ДРСОИГО (вмѣсто *Госоударь* или *Государь*, т. е. поставивъ заднія буквы напередъ) ЗЄ *ле* (т. е. 7005

лѣто) *створилъ единъ талеръ златъ и сълилъ златъ и подарова Кнегини своа Тодосіа.* Св. Николай изображенъ въ Святительскомъ облаченіи; правою рукою благословляетъ, а въ лѣвой держитъ книгу; на правой сторонѣ образъ Спасителя, на лѣвой Богоматерь.

(330) Дѣла Цесарскія No 1, *л.* 120 — 127. Снупсъ отправился назадъ съ приставомъ и слѣдующею подорожною. «Отъ Вел. Кн. И. Вас. всеа Руси отъ «Москвы по дорозѣ по нашимъ землямъ, по Московской и по Тферской, по ямомъ ямъщикомъ до Торж«ку, а въ Торжекъ Старостѣ, а отъ Торжку по «Новогородцкой землѣ по ямьщикомъ до Новагорода, «послалъ есми Сенку Зезевидова съ Нѣмчиномъ, и вы «бы давали Сенкѣ по двѣ подводы по ямомъ, а Нѣм«чину по двѣ же отъ яму до яму, а корму на Нѣм«чина на яму, гдѣ сму лучитца стати, куря да двѣ «части говядины, да 2 части свинины, да соли и засыпы «(крупы) и сметаны, и масла, да 2 колачя полуденеж«ные по сей моей грамотѣ. Лѣта 7001 Генваря.»

(331) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 38.

(332) См. Т. IV, стр. 66.

(333) См. Т. IV, стр. 232.

(334) См. *Архив. Лѣт. л.* 150, 152. Датскій посолъ пріѣхалъ въ Іюлѣ. См. Далина II, 631, и Малета Hist. de Dan. г. 1493: первый называетъ его Рошильдскимъ церковнымъ сановникомъ. Ралевъ и Зайцевъ возвратились въ 1494 году.

(335) См. *Архив. Лѣт. л.* 140.

(336) См. Memor. Popul. IV, 258, и Voyage de Contareni въ Бержеронѣ.

(337) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 265 и Т. III, стр. 134.

(338) См. *Архив. Лѣт. л.* 144, на обор. и письмо Александрово къ Вел. Князю (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* въ Синод. библіот. No 164, *л.* 180).

(339) См. Дѣла Крым., No 1, *л.* 115.

(340) См. тамъ же, 176.

(341) См. тамъ же, 336 — 339. Начало: «Салтану, «великому Царю. Межи Бесерменскихъ Государей «великой еси Государь надъ Турскими и надъ Азям-

«скими Государи воленъ еси; польской (земной) и «морской Государь еси, Салтанъ Баазитъ,» и проч.

(342) См. тамъ же, 196 и слѣд. Ромодановскій выѣхалъ изъ Москвы 28 Окт. Онъ возвратился 16 Ноября 1491 съ двумя послами Менгли-Гиреевыми, которыхъ Вел. К. не пустилъ въ Москву, для того, что дорогою умерло у нихъ нѣсколько слугъ отъ язвы. Они зимовали въ селѣ Волконѣ, куда былъ посланъ К. Василій Ноздроватой съ толмачами, которые говорили съ ними черезъ рѣку.

(343) Тамъ же, 270. Лобановъ поѣхалъ 20 Марта.

(344) Въ образецъ слога приведемъ слѣдующее мѣсто грамоты Магметъ-Аминя къ Менгли-Гирею (Дѣла Крым. 300): «Единъ Богъ! Въ большей бесѣдѣ вольному. Надъ храбрыми и надъ грамотники большой «еси; надъ Вѣрою Осподарь еси; надъ Турскымъ и надъ «Азямскимъ Осподаремъ воленъ еси, и силы отъ Бога «въ прокъ и имя великое досталъ еси; надъ недруги «силенъ еси: надъ Бесермены въ Бесерменской Вѣрѣ «святъ еси; отъ лиха уймаешь; въ Вѣрѣ чистота «еси; Божіа застѣнь еси; на земли чистъ еси; отъ «воды и отъ земли създанъ еси; вся сотворшаго «Бога изволеніемъ чистъ еси; на сей земли все твое «велѣніе; сего времени и сего свѣта Осподарь еси... «Братъ мой, Менгли-Гирей Царь! Осподарьства бы «его свыше Богъ учинилъ. Величеству твоему отъ «Магметъ-Аминя, челомъ ударивъ, поклонъ.» Освѣдомляясь о здоровьѣ Менгли-Гирея, онъ извѣщаетъ его о частыхъ впаденіяхъ Князей Ногайскихъ въ Казанскую область, и проч. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Вел. К. далъ Царевичу Летифу Звенигородъ съ пошлинами.

(345) Отъ насъ къ Казимиру ѣздили Михайло Кляпикъ Яропкинъ 1 Генв. 1488, Боярскій Сынъ К. Ѳедоръ Иванов. Палецкій 9 Марта, Боярскій Сынъ Василей Карамышевъ 29 Іюля, вторично Яропкинъ 20 Марта 1489, Дворянинъ Григорій Афанасьевъ Пуштпинъ 22 Дек., Боярскій Сынъ Михайло Зворыкинъ 18 Февр. 1490, въ третій разъ Яропкинъ 7

Мая, Боярскій Сынъ Иванъ Никитичь Беклемишевъ 16 Мая 1492. См. Дѣла Польскаго Двора No 1, стр. 5—151.

(346) См. Дѣла Крым. No 1, 324. Заболоцкой поѣхалъ 30 Авг. 1492.

(347) См. *Никон. Лѣт.* 133.

(348) К. Оболенскій плѣнилъ Мценскаго Воеводу, Бориса Семеновича Александрова. См. Дѣла Польскаго Двора 182 и слѣд.

(349) См. тамъ же.

(350) См. тамъ же.

(351) См. *Архив. Лѣт. л.* 146, *Никон.* 134, и Львова 219. Плѣнниковъ выведено 530. Войскомъ предводительствовали Кн. Рязанскій Ѳеодоръ, Воевода брата его, Іоанна, Инко Измайловъ, и Московскіе Полководцы, К. Михайло Ивановичь Колышко и К. Александръ Васильевичь Оболенскій.

(352) Вязьму взялъ К. Данило Васильевичъ Щеня. Одинъ изъ Князей Вяземскихъ, Михайло, былъ сосланъ на Двину, и тамъ умеръ въ оковахъ (см. *Арханг. Лѣт.*) — Князь Михайло Романовичь Мезецкой самъ привезъ въ Москву братьевъ своихъ, К. Семена, и Петра.

(353) См. *Архив. Лѣт. л.* 147 на обор.: Іоаннъ извѣстилъ Менгли-Гирея, что онъ завоевалъ, кромѣ упомянутыхъ городовъ, Лучинъ, Мощинъ, Городечну, Дмитровъ, Залидовъ, Бѣлую, Осугу (см. Дѣла Крым. стр. 404, 427).

(354) См. *Архив. Лѣт. л.* 148, и *Никон.* 135. Лукомскаго сожгли въ Генв. 1493.

(355) См. Дѣла Крым. No 1, стр. 357 — 383.

(356) См. тамъ же, стр. 406 — 414.

(357) См. тамъ же, стр. 440 и слѣд.

(358) Посолъ Мазовецкій пріѣхалъ въ Маѣ 1493, а Кн. В. отправилъ съ нимъ въ Мазовію 21 Мая Василья Асанчука Заболоцкаго и Василья Третьяка Далматова (см. въ Архивѣ столицы Польскаго Двора г. 1498).

(359) См. Дѣла Крым. стр. 360.

(360) См. донесенія Заболоцкаго въ Дѣлахъ Крымск.

(361) Загряскій поѣхалъ 5 Генв. 1493 (см. Дѣла Польск. Двора стр. 203) съ Третьякомъ, Михайловымъ сыномъ, прозвищемъ Синія Губы.

(362) Послами были Андрей Олехновичъ, Намѣстникъ Переломскій, и Войтко Яновичъ Клочко. Пріѣхали 29 Іюня, 1493, а выѣхали 8 Іюля. 16 Сент. Клочко возвратился въ Москву за *опаснымъ листомъ* или проѣзжею грамотою для Великихъ Пословъ.

(363) Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 247.

(364) Подлиннаго договора нѣтъ въ Архивѣ; остался только списокъ.

(365) Пріѣхавъ въ Вильну 18 Апрѣля, на третій день они поднесли Александру обручальные дары.

(566) См. Дѣла Польск. Двора стр. 390 и 434.

(367) Тамъ же, стр. 440. См. также *Рос. Вивліоѳ.* Т. XIV, стр. 1 — 21.

(368) Вопреки нашимъ Каталогамъ Митрополитовъ и Ходыкевичу, Симеонъ, Кіевскій Митропол., преемникъ Мисаиловъ, скончался въ 1488 г. Его мѣсто заступилъ Іона Глезна. «Въ лѣто 7003 (1495) съ-«брашась Епископи, Володимерскій Васьянъ, Полоц-«кій Лука, Туровьскый Васьянъ, Луцкій Іона, и по-«ставиша Митрополитомъ *Макаріа* Архимандрита, «порекломъ *Чорта*, Кіеву и всеа Руси, а до Пат-«ріарха по благословеніе послаша Старца Деонисея «и Германа Діакона Инока» (см. Архив. *Кіев. Лѣт.* No 70).

(369) См. Дѣла Польскаго Двора стр. 330. Съ сими жалобами пріѣзжали отъ Александра въ Москву, 13 Авг. 1494, Маршалокъ Янъ Литоворъ Хребтовичь, да писарь Адамъ.

(370) См. Дѣла Польск. Двора стр. 449 —473. Станиславъ Петряшковичъ, внукъ Стромиловъ, пріѣхалъ въ Москву 15 Мая, а выѣхалъ 24.

(371) См. Дѣла Польск. Двора стр. 473 — 482.

(372) Тамъ же, стр. 482 — 486.

(373) Въ Нояб. 1493 Іоаннъ посылалъ Константина Малечкина къ Менгли-Гирею съ убѣжденіемъ

не принимать никакихъ мирныхъ условій отъ Литвы, а въ Маѣ 1495 извѣстилъ его о союзѣ съ Александромъ. Отвѣтъ Менгли-Гиреевъ въ Крым. Д. 463.

(374) См. Дѣла Польск. Двора No 1, 496 — 522.

(375) См. выше, стр. 229.

(376) См. Дѣла Польск. Двора No 1, г. 1496, стр. 529 — 539.

(377) Тамъ же, стр. 539 — 554. Тогда Іоаннъ посылалъ въ Вильну Михайла Кляпика Яропкина съ Подъячимъ Тимоѳеемъ Микулинымъ (19 Мая 1496).

(378) Тамъ же, стр. 552.

(379) См. тамъ же, стр. 555 — 557. Съ сею грамотою пріѣхалъ (въ Ноябрѣ 1496) въ Москву Алексѣй Семичовъ, Дворянинъ находившійся при В. Княгинѣ Еленѣ.

(380) См. Дѣла Крым. No 1, стр. 477 — 496. Звенецъ поѣхалъ 11 Сент. 1496.

(381) См. *Никон. Лѣт.* 132, и между моими Кенигсбергскими бумагами отношенія Ливонскаго Магистра 1492 и 1493 годовъ къ Нѣмецкому Ордену, No 728 и 729.

(382) In horrendo flagitio (см. Кранц. Wandal. стр. 327).

(383) См. *Никон. Лѣт.* стр. 141. Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 564.

(384) Кельхъ, стр. 153.

(385) Гадебушъ Th. I, Abschn. II, стр. 247. Вел. Кн. посылалъ въ Новгородъ Дьяка Василья Жука и Данила Мамырева, чтобы опечатать товары Ганзейскихъ купцевъ (см. *Продолженіе Нестор. Лѣт.* 336).

(386) См. Дѣла Цесарскія No 1, л. 106.

(387) См. Архив. Розрядн. Книгу л. 12 на обор., и Гадебуша г. 1489, стр. 254.

(388) *Никон. Лѣт.* 142 — Кранц. Wandal. 327 — Кельхъ 153 — Гадебушъ 250.

(389) См. Арнта L. Chr. 158.

(390) См. Сарторія въ Gesch. des Hans. Bund.

(391) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 632.

(392) См. выше, примѣч. 334.

(393) См. Архив. *Ростов. Лѣт. л.* 572, также *Архив. Лѣт.*, *л.* 154. и Розрядныя Книги.

(394) См. Далина II, 636.

(395) Государь выѣхалъ изъ Москвы Окт. 24, а пріѣхалъ въ Новгородъ Ноября 17 (въ 1495 г.) О свитѣ его, см. Архив. Розр. Книгу л. 6.

(396) Воеводы пошли Генв. 17. См. Далина II, 637.

(397) *Архив. Лѣт.* 156 на обор.: «а се имъ (рѣкамъ) «имена: Кемъ, Торна, Колоконъ, Овлуй, Сиговая, «Снѣжна, Гавка, Путашъ.» *Арханг*: «Извоевали Полну «рѣку да Торнову, да Снѣжну; добра поимали много, «а полону безчисленно; а ходили съ Двины моремъ «Акіяномъ, да черезъ Мурманской Носъ.»

(398) См. Далина II, 638, и *Архив. Лѣт. л.* 159. Стокгольмъ названъ въ сей лѣтописи *Стекольномъ*, а Свантъ Стуръ *Княземъ Стефаномъ Кстуромъ*. Онъ пришелъ Авг. 19.

(399) См. *Архив. Лѣт. л.* 166 на обор.

(400) Далина II, 642.

(401) См. Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 563.

(402) Въ Маѣ 1496 г. пришла вѣсть въ Москву о нападеніи Мамука, *Шибанскаго* Царя, на Казань. Въ началѣ Сент. Ряполовскій вышелъ изъ Казани.—Мамукъ умеръ на возвратномъ пути въ Ногайскую землю. Въ Апрѣлѣ 1497 г. возвели Летифа на престолъ. См. *Никон. Лѣт.* стр. 146 и *Архив. л.* 157.

(403) См. Дѣла Крым. No 1, стр. 536 – 546.

(404) См. тамъ же, стр. 570 – 604.

(405) См. выше.

(406) Посольство его въ Крымск. Дѣлахъ No 1, стр. 496 – 536. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 11 Сент. 1496, вмѣстѣ съ К. Иваномъ Звенцомъ, отправленнымъ къ Менгли-Гирею.

(407) Вотъ подлинный переводъ Баязетовой грамоты. «Богъ! — Великоименитой Хумаюнъ (птица) «Баязидъ Султанъ Муххамедовичъ нынѣ въ своей «земли Божіею милостью Анатолейскій и Румской «земли, Бѣлого моря и Черного моря, и Караман-

«скій и Муншего Рима, и иныхъ многихъ земль Го-«сударь, Селтана Махаммедя Царя сынъ Султанъ «Баазидъ; а всея Русіи, и Въсточной и Полской и «иныхъ многихъ земль Князь Иванъ. Къ моему порогу «послалъ ты въ частіе доброе своего посла, отъ сво-«его правого сердца чистого, доброго человѣка Ми-«хайла. Посольства его путь до меня дошелъ, мене «какъ видѣлъ, и твою грамоту полную мнѣ далъ, и «язъ ее взявъ приложилъ къ своему сердцю, и что «въ той грамотѣ написано было, и что твой по-«солъ своимъ языкомъ говорилъ отъ тебя, то до «меня дошло отъ твоего праваго сердца, и разумѣлъ «есми, единачества со мною хочешь, каковъ бы ты «ко мнѣ, таковъ бы язъ къ тебѣ, и по семъ межы «бы насъ послы нашы ходили часто; и гости свои «въ мою землю отпущай, и пришедъ увидятъ нашу «правду къ тебѣ и тобѣ скажутъ. Что о тѣхъ го-«стехъ писалъ ты ко мнѣ пережъ сего, о всемъ «твой посолъ и твоя грамота вѣдомо мнѣ дала съ «правдою, и познавъ язъ то нынѣ, твоему послу «своимъ языкомъ говорилъ и грамоты свои къ тебѣ «послалъ, и онъ тебѣ мои рѣчи скажетъ и грамоты «подастъ; а твой посолъ мнѣ по пошлинѣ службу «полну учинилъ; а нынѣ у мене посолъ твой отпро-«сился назадъ; и язъ его отпустилъ въ свою стра-«ну, и онъ отъ меня и пошолъ. Дай Богъ, твой по-«солъ по-здорову дошелъ до тебя. Мое здоровье и «дружбу и любовь тобѣ скажетъ, отъ меня тебѣ «великой поклонъ; и хто мнѣ другъ, и тобѣ другъ, «и тому великой поклонъ. А писанъ по конецъ мѣ-«сяца Речедбюлв Мюрачедль, девять сотъ второго «лѣта въ Констянтинѣ градѣ. *(Переводъ Молнинъ* «*Шамахійскаго.)*» — Дѣла Крым. 522. Плещеевъ возвратился 27 Февр. 1498.

(408) Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 569.

(409) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 39 и 140 — *Новогород. Лѣт.* стр. 62, и сей *Исторіи* Т. III, стр. 199.

(410) См. *Никон. Лѣт.* стр. 156.

(411) См. Архив. *Ростов. Лѣт. л.* 569 на обор. — Сію такъ называемую Августову крабію можно видѣть въ нашей Оружейной Палатѣ. — Герберштеинъ (R. M. Comment. стр. 16) пишетъ, что коронованному Димитрію за Великокняжескимъ торжественнымъ обѣдомъ, въ исполненіе древняго обряда, подали блюдо *сельдей Переславскихъ*: симъ напоминалось новому В. К., что Москва и Переславль должны быть всегда неразлучны подъ его скипетромъ.

(412) Герберштейнъ (стр. 7.).

(413) См. выше, стр.

(414) То есть, Іоанна и Стефана Молдавскаго.

(415) См. *Степен. Кн.* II, 160 — *Архангельск. Лѣт.* стр. 173 — *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 513 на об.

(416) См. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 232, подъ годомъ 1418. Въ Родосл. Книгахъ мать К. Ивана Юрьевича несправедливо именуется Анною.

(417) См. сей *Исторіи* Т. V, стр. 310. — Ряполовскіе происходили отъ Стародубскихъ Князей: см. Родослов. Книгу II, 76.

(418) См. Архив. *Ростов. Лѣт.* 569 на обор. — К. Иванъ Юрьевичь скончался въ томъ же 1499 году, а сынъ его, К. Василій Косой, въ 1500. — См. Послужной Списокъ Бояръ въ *Трудахъ Вольн. Рос. Собранія*, I, 226.

(419) См. *Степен. Книг.* II, 160. и *Псков. Лѣт.*

(420) См. Эрбелот. Bibl. Orient. II, 426.

(421) См. выше. прим. 88, и Дѣла Крымск. стр. 615. Грекъ Дмитрій и Голохвастовъ поѣхали изъ Москвы въ Мартѣ.

(422) См. Крым. Дѣла стр. 622 и 639. Посолъ Кафинскій, Конюшій Салый, съ толмачемъ и съ *Дворянами* пріѣхалъ въ Окт. 1499 г. Тогда же возвратился изъ Крыма и К. Семенъ Ромодановской, а Голохвастовъ 6 Февр. 1500. Въ 1501 году Вел. Кн. послалъ въ Кафу Андрея Семен. Кутузова, убитаго на возвратномъ пути Азовскими Татарами (Дѣла Крым. стр. 895). Въ Сент. сего года былъ въ Москвѣ Кафинскій посолъ Алакозь: съ нимъ вмѣстѣ отправился

къ Султану Шихъ-Зодѣ Алексѣй Яковл. Голохвастовъ, требовать, чтобы Азовскіе разбойники были наказаны и все пограбленное ими возвращено (см. тамъ же стр. 879 — 894).

(423) См. *Архангельск. Лѣт.* 141, 142 и 160.

(424) См. тамъ же, 160, и Синод. Лѣт. No 365.

(425) См. Архив. Розр. Книгу л. 16 и 23 на обор.

(426) См. Герберштт. стр. 61. Кн. Симеонъ Курбскій былъ еще живъ, когда Баронъ Герберштейнъ находился въ Москвѣ. Сей Воевода разсказывалъ ему, что онъ 17 дней взбирался на горы и никакъ не могъ перейти черезъ ихъ вершину, именуемую *столпомъ*.

(427) Герберштт. Rer. Mosc. Comment. стр. 63. — Іоаннъ еще и прежде сего назывался въ титулѣ Княземъ Югорскимъ.

(428) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 84.

(429) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 292.

(430) Агалака (въ 1499 г.) подвелъ Казан. Кн. Уракъ. — Ногайскіе Мурзы осаждали Казань въ 1500 г.

(431) См. Дѣла Польск. Двора No 1, 558 — 567, въ посольствѣ Зенка, пріѣхавшаго къ намъ въ Мартѣ 1497.

(432) См. тамъ же, 568 — 574, въ посольствѣ Ивана Сапѣги, 13 Іюня 1497. Турковъ было за Дунаемъ 60,000. Отъ голода и мора они потеряли 40,000 человѣкъ.

(433) См. тамъ же, 580 — 596, въ посольствѣ Боярина Петра Григорьевича Лобана-Заболоцкаго и Дьяка Ивана Волка.

(434) См. тамъ же, 654 — 675, въ Іюлѣ 1498. Въ Мартѣ сего года ѣздилъ въ Литву нашъ Бояринъ К. Василій Васильевичь Ромодановскій.

(435) См. Дѣла Крымск. No 1, 622 — 638, г. 1499, и стр. 691, г. 1500.

(436) См. Дѣла Польск. Двора No 1, 585 — 590, г. 1498.

(437) Кромеръ, стр. 440. — Государь получилъ извѣстіе о гоненіи нашей Вѣры въ Литвѣ отъ Вя-

земскаго Намѣстника, Кн. Бориса Оболенскаго, а сей Кн. отъ Подъячего, Ѳедора Шестакова, бывшаго при Еленѣ. См. Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 676 — 684. Около сего времени Елена занемогла: Александръ увѣдомилъ о томъ Вел. Князя, чрезъ Дьяка Горемыку: см. тамъ же стр. 685 — 687.

(438) См. Архив. *Кіев. Лѣт.* г. 7005—*Руск. Лѣт.* Львова, 178 — *Рус. Времен.* II, 188.

(439) По крайней мѣрѣ требовали ихъ благословенія. См. Архив. *Кіев. Лѣт.* г. 1495.

(440) Райнальд. Annal. Eccl. г. 1501, No 37.

(441) См. *Никон.* и *Архив. Лѣт.* г. 1500; также Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 733 — 736. Бѣльскій выѣхалъ къ намъ 12 Апр.

(442) См. Дѣла Польск. Двора No 1, стр 737—748. Станиславъ пріѣхалъ Апр. 23.

(443) См. Дѣла Крымск. стр. 733.

(444) Въ Апрѣлѣ 1500. Іоаннъ извѣстилъ Менгли-Гирея, что К. Семенъ Ивановичь поддался намъ съ Черниговымъ, Стародубомъ, Гомьемъ, Любичемъ; К. Василій Шемякинъ съ Рыльскимъ и Новымгородкомъ Сѣверскимъ; Князья Трубецкіе съ городомъ Трубецкимъ, Мосальскіе съ Мосальскимъ, а Бѣльской съ своею отчиною (см. Дѣла Крымск. No 2, стр. 733).

(445) Дѣла Польск. Двора No 2, стр. 54

(446) См. Розряд. Книг.—См. еще Герберштт. Comment. и Стриков. Литовскую Хронику.

(447) Сей Юрій, братъ Якова Захарьевича, былъ отецъ Романа Юрьевича, дѣдъ Никиты Романовича и Царицы Анастасіи Романовны, первой супруги Царя Іоанна Васильевича, прадѣдъ Филарета, прапрадѣдъ Михаила.

(448) См. Стриков. Хрон. кн. XXI, гл. 5.

(449) Польскіе Родословы производятъ Константина отъ Даніилова брата, Василья, сказывая, что у Василія былъ сынъ Даніилъ, у Даніила Василій, у Василія Ѳеодоръ, у Ѳеодора Василій, у Василія Иванъ, у Ивана сей Константинъ (Korona Polska, przez Kasprga Niesieckiego, подъ именемъ Ostrog, стр.

511). Яблоновскій въ своихъ генеалогическихъ таблицахъ даетъ Даніилу Васильевичу Острожскому сына Романа, Роману Василія, Василью Симеона и Өеодора (Энгеля Gesch. von Halitsch., стр. 610—611, таблица No 11). Но мы знаемъ по современной Волынской лѣтописи, что у Василья Романовича, брата Короля Даніила, былъ только сынъ Владиміръ, который умеръ бездѣтнымъ (см. сей *Исторіи* Т. IV, стр. 145.

(450) Korona Polska подъ именемъ Ostrog, стр. 514. Сей Легатъ былъ Пизонъ.

(451) См. Архив. Розрядн. Книгу, л. 19.

(452) См. тамъ же, л. 21. — Вел. К. приказалъ напомнить Юрію, что знаменитый Бояринъ Өеодоръ Давидовичь въ свое время не стыдился предводительствовать сторожевымъ полкомъ.

(453) Герберштейнъ Rer. Moscov. Com. 7—Стриков. кн. XXI, гл. 7 — *Москов. Лѣт.* (въ Синодальной книгѣ подъ титуломъ: *О древностяхъ Рос. Государства*, Т. 1, л. 193 на обор.) — Ветхій *Синод. Лѣт.* No 365 л. 517 — *Ростов.* и *Арханг. Лѣт.*

(454) См. Стриковск. *Арханг. Лѣт.*

(455) См. Розрядн. книг. Бекетова.

(456) Въ Розрядныхъ Книгахъ сказано, что сраженіе было на рѣкѣ Подмѣ, на Тешковѣ полѣ. См. *Синод. Лѣт.* No 110, л. 86. и *Лѣт. Псков.* Графа Толстаго.

(457) См. Дѣла Крымск., No 2, стр. 789.

(458) К. Иванъ Семеновичь Кубенской съ Өеодоромъ Кушелевымъ, съ Подъячимъ и толмачами поѣхали изъ Москвы въ Апр. 1500, Иванъ Григорьевъ Мамоновъ 11 Августа, К. Өеодоръ Ромодановской 11 Марта въ 1501 году. Первый, доѣхавъ наконецъ до Тавриды безъ бумагъ, правилъ посольство на память. Ромодановскій, выкупленный въ Кафѣ толмачемъ Султанскимъ за 70 рублей, также немедленно отправился къ Менгли-Гирею. — Здѣсь въ первый

разъ упоминается въ лѣтописяхъ о *Казакахъ Азовскихъ*.

(459) См. донесеніе Ромодановскаго къ Государю (Дѣла Крымск. No 2, стр. 820).

(460) Дѣла Крымск. No 2, стр. 729.

(461) Стриков. Хрон. кн. XXI. гл. 7.

(462) Менгли-Гирей прислалъ къ Вел. К. (въ 1500 году) списокъ грамоты, полученной имъ отъ Александра. — Дѣла Крымск. No 2, стр. 762.

(463) Менгли-Гирей пишетъ къ Іоанну: «ко мнѣ «съ пустыми рѣчьми посылаетъ (Александръ), а въ «Орду посла послалъ, и мои люди того въ Азовѣ «видѣли» (см. тамъ же, стр. 758). Стефанъ Молдавскій (въ 1501 году) вызывался быть посредникомъ между Вел. Княземъ Литовскимъ и Менгли-Гиреемъ; но послѣдній никакъ не хотѣлъ заключить мира безъ своего друга, Іоанна (см. тамъ же, стр. 820).

(464) См. тамъ же, стр. 817.

(465) Гадебушъ Livl. Jahrbüch. Th. 1, 253, 255.

(466) См. тамъ же, 256.

(467) Посломъ Владислава Венгерскаго былъ Постельничій Матвѣй Цезелицкій, а Короля Албрехта Александръ Скорута (см. Дѣла Польск. Двора No 2, 55—61). Нарбутъ привезъ письмо отъ Троицкаго Воеводы, Яна Забережскаго, къ Іоаннову Боярину, Якову Захарьевичу, въ коемъ онъ именемъ всего Литовскаго Сената убѣждалъ его стараться о заключеніи міра.

(468) Стриков. Хрон. кн. XXI, гл. 7.

(469) Супруга Александрова, Елена, какъ иновѣрная, не могла быть коронована: см. Кромера, стр. 440.

(470) См. Розряд. Книги.

(471) Сыномъ Юрія Лугвеніевича. Въ Розряд. Книгахъ. Получивъ отъ Воеводъ извѣстіе о побѣдѣ, Вел. К. отправилъ къ нимъ Ивана Микулина Ярого съ изъявленіемъ милости; приказалъ Ростовскому и другимъ Воеводамъ быть къ себѣ, а Воротынскому и Ряполовскому остаться въ Стародубѣ.

(472) Въ *Псков. Лѣт.* Графа Толстаго сказано, что Нѣмцы остановили 25 судовъ Псковскихъ съ товаромъ и людей 150.

(473) См. Руссова, Кельха, Арнта, Гадебуша подъ г. 1501.

(474) См. *Псков. Лѣт.* Графа Толстаго. Псковитяне 4 раза посылали въ Москву съ требованіемъ защиты.

(475) См. Руссова, Кельха, Арнта, и *Архив. Лѣт.*

(476) См. *Псков. Лѣт.* Графа Толстаго и другія лѣтописи. — Ливонскіе Историки, Руссовъ и Кельхъ, сказываютъ только, что сраженіе было въ нашихъ предѣлахъ 7 Сент. (см. ниже), вмѣсто 27 Авг.; другіе же (Арнтъ, Гадебушъ) несправедливо полагаютъ оное близъ Магольма, въ трехъ миляхъ отъ Везенберга и въ двухъ отъ Финскаго залива.

(477) См. *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго.

(478) См. тамъ же. — О болѣзни Нѣмцевъ см. Руссова, Кельха, Арнта.

(479) См. *Лѣт. Архив.* и друг. — Плеттенбергъ въ исходѣ Ноября вторично писалъ къ Великому Магистру Нѣмецкому о семъ впаденіи Россіянъ, соединенныхъ съ *Татарами* (mircklichen Tall Tataren), о разлитіи водъ и худыхъ дорогахъ, и проч. См. между моими Кенигсб. бумагами No 717.

(480) См. Руссова и Кельха.

(481) См. *Лѣт. Архив.* и *Псков.* Гр. Толстаго. — См. также Руссова, Кельха, Арнта и мои Кенигсб. бумаги No 718.

(482) См. въ Кенигсб. бумагахъ, No 719 и 720, донесенія Ландмаршала и Коммандора Ревельскаго къ Магистру; также *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго.

(483) См. Дѣла Крымскія, No 2, стр. 818, 824, 836 и 842. — Стриковскій въ своей Хроникѣ пишетъ ложно, что Шигъ-Ахметъ имѣлъ 100,000 воиновъ, разбилъ Менгли-Гирея, опустошилъ владѣнія Московскія до Брянска, и взявъ Новгородъ Сѣверскій съ другими мѣстами, отдалъ ихъ Александрову послу,

Пану Михайлу Халецкому. Менгли-Гирей въ Генв. 1502 года увѣдомлялъ Іоанна, что Ахматовы сыновья зимуютъ близъ устья Семи (или Сейма), около *Бѣлагорода*, и что онъ велѣлъ жечь степи (стр. 855; см. еще стр. 926).

(484) См. Кромера de Reb. Polon. стр. 440.

(485) См. тамъ же.

(486) Дѣла Крым., въ Посольствѣ Заболоцкаго, стр. 868.

(487) Дѣла Крымск., стр. 867 и *Архив. Лѣт.* 173. Сей посолъ, Князь Хазъ Согеръ, пріѣхалъ въ Декабрѣ съ людьми шурина Менгли-Гиреева, Тевекеля, Улусника Шигъ-Ахметова.

(488) См. *Архив. Лѣт.*

(489) См. тамъ же, и Дѣла Крым. стр. 332. Іюня 28 съ сею вѣстію возвратился изъ Крыма Ѳедоръ Михайловъ сынъ Киселевъ, посланный туда 7 Окт. 1501; а 3 Іюля пріѣхалъ въ Москву посолъ Менгли-Гиреевъ съ грамотами.

(490) См. Дѣла Крым. стр. 957. 16 Окт. 1502 года послалъ Вел. К. въ Тавриду Ивана Никитина Берсеня Беклемишева. Передъ тѣмъ были въ Москвѣ Шигъ Ахметовы послы, Чяпырбай и Аллагъяра. Царемъ Астраханскимъ былъ тогда дядя Шигъ-Ахметовъ, Аблекеримъ (см. тамъ же, стр. 987).

(491) См. Дѣла Крым. г. 1504, въ письмѣ Менгли-Гиреевомъ къ Вел. К., стр. 1100.

(492) См. тамъ же, въ письмѣ Вел. К. къ Менгли-Гирею, 20 Авг. 1504.

(493) См. Стриков. Хрон., кн. XXII, гл, 3, 4 и 6. Шигъ-Ахметъ умеръ послѣ 1505 года. — Объ Астраханскихъ Царевичахъ см. ниже, примѣч. 589, г. 1502.

(494) См. Дѣла Крым. стр. 98.

(495) См. тамъ же, стр. 1007.

(496) См. *Архив. Лѣт.* г. 1502, *л.* 173, и *Арханг. Лѣт.*

(497) См. Дѣла Крым. стр. 1029 и 1030.

(498) См. тамъ же, стр. 1021.

(499) См. *Архив. Лѣт.* г. 1502, *л.* 174. — *Архаиг. Лѣт.* стр. 174. — Ветхій *Синод. Лѣт.* № 365, *л.* 519 на об.

(500) Дѣла Крым., стр. 967, 1009, 1131.

(501) Елена погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ. — Въ *Переписной Книгѣ* Архива Посольскихъ Дѣлъ означена *тетрадка, а въ ней писано, какъ стеречи внука:* нѣтъ сомнѣнія, что это былъ наказъ В. Кн. Іоанна, данный надзирателямъ Димитрія. Къ сожалѣнію, сія книжка утратилась послѣ 1614 года.

(502) См. Дѣла Крым. стр. 942.

(503) См. Каптем. Ист. Оттом. Имп.

(504) 14 Іюля. См. Розряд. Книги.

(505) Дѣла Крым., стр. 964. Димитрій возвратился въ Москву 23 Окт.

(506) Стрик. (кн. XXI, гл. 7.) и Кенигсб. бум. № 721.

(507) См. Дѣла Крым., стр. 992 и Розрядн. Книги.

(508) Герберштеинъ въ Comment. стр. 85.

(509) См. *Продолженіе Нестор. Лѣт.* стр. 344, и *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго.

(510) См. *Продолженіе Нестор. Лѣтописца*, стр. 344 — *Архив. Лѣт.* и *Псков. Лѣт.* Графа Толстаго. — Герберштт., стр. 85, пишетъ, что Нѣмцы, малочисленные и тяжело вооруженные, не могли гнаться за Россіянами, которые ободрились, снова напали на пѣхоту Орденскую, состоявшую изъ 1500 человѣкъ, и разбили оную; что отъ измѣны Гаммерштетовой погибло около четырехъ сотъ Ливонскихъ пѣшихъ воиновъ; что остальные вмѣстѣ съ конницею благополучно возвратились въ свою землю. Онъ самъ видѣлъ Гаммерштета въ Москвѣ при Дворѣ Василья Іоанновича. — Ливонскіе Историки пишутъ, что у Магистра было 7000 всадниковъ, 1500 Нѣмецкихъ солдатъ, 5000 Курляндскихъ, Летландскихъ, и нѣсколько сотъ Эстонскихъ крестьянъ; что плѣнники сказали ему о числѣ Россіянъ, которые показались въ двѣнадцати толпахъ; что Магистръ привелъ ихъ въ безпорядокъ дѣйствіемъ своей артилле-

ріи; что нашихъ убито 40,000, а Ливонцевъ 400 пѣшихъ, нѣсколько всадниковъ, Капитанъ Матвѣй Пернауеръ, Поручикъ Генрикъ, братъ его, и Прапорщикъ Кондрадъ Шварцъ (см. Руссова, Кельха, Арнта и Гадебуша).

(511) См. Дѣла Польск. No 2. стр. 64 — 67.

(512) Петръ, Воевода Ланчинскій; Станиславъ Глѣбовичь Маршалокъ; Войтекъ Яновичь, Кухмистръ Королевинъ; Янъ Бучицкій, Подчашій; Петръ Врицымовской, Стольникъ Краковскій; Иванъ Сапѣга, Писарь Королевскій, и Канцлеръ Королевинъ (см. тамъ же, стр. 67 — 69).

(513) Сей отвѣтъ Іоанновъ находится въ Дѣлахъ Крым. No 2, стр. 998.

(514) См. мои Кенигсб. бумаги No 740. — Тогдашній мирный Плеттенберговъ договоръ съ Вел. К. состоялъ изъ 54 статей, но утратился. Знаемъ только, что Епископъ Дерптскій обязывался въ ономъ платить дань Россіи. Ливонскіе и въ особенности Дерптскіе земледѣльцы (какъ пишутъ) искони давали Новугороду и Пскову извѣстное количество меду и воску (см. Арнта Liefland. Chr. 177). Важность сего обстоятельства увидимъ въ царствованіе Іоанна IV.

(515) См. Дѣла Крым., стр. 1050, 1054, 1055, 1128. Иванъ Беклемишевъ (см. выше, примѣч. 490) не доѣхалъ до Тавриды: Царевичь Ногайскій, Ахметъ, сынъ Мамуковъ, напалъ на него близъ Оскола и плѣнилъ многихъ бывшихъ съ нимъ людей: Беклемишевъ ушелъ обратно въ Москву. Въ Сент. 1503 Вел. К. отправилъ къ Менгли-Гирею Ивана Иванова Ощерина. Кромѣ пословъ, съ обѣихъ сторонъ ѣздили гонцы съ письмами.

(516) Дѣла Польск.. No 2, стр. 69 — 70. Послами были Бояринъ и Окольничій Петръ Мих. Плещеевъ, Бояр. и Дворецкой Конст. Григорьев. Заболоцкой, Окольничій Мих. Яков. Яропкинъ, и Дьякъ Никита Моклоковъ. Ихъ сослали въ Троки.

(517) Дѣла Польск. No 2, стр. 70 — 71.

(518) Тамъ же, стр. 82. Іоаннъ посылалъ тогда къ Еленѣ Дьяка Губу-Моклокова, который долженъ былъ таить свое порученіе отъ мужа ея. Она велѣла сказать родителю, что есть дочери у *Маркграфа:* есть и другія невѣсты въ Германіи, и проч.

(519) Она скончалась въ 9 часу дня 7 Апр. 1503.

(520) Герберштт., 7; Кранца Wandal. 297.

(521) Онъ выѣхалъ изъ Москвы 21 Сент. 1503, а возвратился въ Нолбрѣ.

(522) См. *Рос. Вивліоѳ.* II, 408, или *Собраніе Государ. Грамотъ*, I, 389.

(523) См. *Собр. Г. Г.* I, 397.

(524) См. тамъ же, 393. — О собственности и наслѣдствѣ меньшихъ сыновей, см. тамъ же, 397.

(525) Кн. Рязанскій умеръ 29 Мая: «а сынъ его «Иванъ остался *полупята* года.»

(526) Анна Рязанская скончалась въ Апрѣлѣ, на Святой недѣлѣ въ Среду, въ 6 часу дня. Имя ея невѣстки, Агриппины, извѣстно намъ по дѣламъ Архивскимъ. — См. Дѣла Крым. г. 1502 въ посольствѣ Голохвастова.

(527) См. *Рос. Вивліоѳ.* II, 300, или *Собр. Госуд. Грамотъ* I, 344. Сохранилась только грамота договорная между Василіемъ и Юріемъ, писанная 16 Іюня 1504.

(528) См. Іосифа Волоцкаго книгу о ереси.

(529) См. *Никон. Лѣт.* VI, 138 и 171.

(530) Казнь совершилась 27 Дек. 1503. Некрасу отрѣзали языкъ, а послѣ сожгли его въ Новѣгородѣ, также и брата Кассіанова.

(531) *Степен. Книга*, II. 155.

(532) Дѣла Польск., No 2, стр. 73 — 74.

(533) См. тамъ же, стр. 73 — 78. Отъ насъ въ 1504 году ѣздилъ въ Польшу Константинъ Замыцкій, съ кречетами, съ бѣлками и съ сухою рыбою для Елены; а въ 1505 Рахманинъ Тюлепинъ и Подъячій Гридя Чеслюковъ. Отъ Короля были въ Москвѣ гонецъ Матвѣй Кунцевичь въ 1504, Посланникъ Дьякъ Залуцкій и Дворянинъ Богданъ Долгирдовичь.

(534) См. Дѣла Цесарск. Двора No 1, л. 129. Онъ называется въ сихъ бумагахъ Юдокъ Канширьгеръ, Карпингиръ, а послѣ Герпинге, Гершингъ. Пріѣхалъ въ Москву 2 Іюля.

(535) См. тамъ же, No 1, л, 137.

(536) См. Дѣла Польск. Двора No 2, стр. 71 — 72. и Маллета Histoire de Dan. кн. VI, г. 1500.

(537) Герберштт. Comment. стр. 18. — Въ Родосл. Книгахъ: «Въ лѣто 6838 пріиде изъ Орды Князь «Четъ, а во крещеніи Захарія, а у Захаріи сынъ Алек«сандръ, а у Александра сынъ Димитрій Зерно, а «Димитріевы дѣти Иванъ да Константинъ Шея, «да Димитрій, а у Ивана Димитріевича Зернова дѣ«ти Ѳедоръ Сабуръ, да Иванъ Годунъ.»

(538) Въ первой годъ сего царствованія. Василій женился 4 Септ. 1505. Митрополитъ вѣнчалъ его въ Успенскомъ соборѣ.

(539) См. *Казан. Лѣт.* гл. 12. Сія Царица названа женою *большицею*, то есть, первою женою.

(540) См. тамъ же.

(541) См. тамъ же. Татаръ было 60,000, какъ онъ говоритъ.

(542) Въ 1500 г. онъ роздалъ имъ Новогородскія земли.

(543) О семъ пишутъ Олеарій и Флетчеръ, которой былъ Англійскимъ посломъ въ Москвѣ при Ѳеодорѣ, сынѣ Царя Іоанна Васильевича, и написалъ книгу Of the Russe Common-Wealth.

(544) Древнѣйшая изъ Розрядныхъ Книгъ, мнѣ извѣстныхъ, начинается съ 6979 или 1471 года.

(545) См. выше, примѣч. 452.

(546) См. *Продолженіе Нестор. Лѣт.* стр. 343.

(547) Герберштт. Comment. стр. 8. Stephanus, crebro in conviviis eius mentionem faciens, diceret: illum domi sedendo et dormitando imperium suum augere, se vero pugnando quotidie vix limites defendere posse.

(548) См. въ *Труд. Вольнаго Рос. Собранія* послужной списокъ Бояръ, стр. 217 — 229.

(549) Мы говорили о томъ въ описаніи Посольствъ.

(550) См. Петрееву Musskow. Chron. стр. 165. Онъ называетъ его Grotzdyn. Въ Лѣтописцѣ Латухинскомъ, которой у меня, сказано: «Сей бо Вел. Кн. «Іоаннъ, именуемый Тимоѳей *Грозный.*» См. также *Ядро Рос. Исторіи*.

(551) См. Герберштт. стр. 8.

(552) См. *Лѣт. Русск.* Львова стр. 199.

(553) Hist. Polon. кн. XIII, стр. 587. Dux Jwan magni animi et ſactivitatis erat vir. См. также Кромера, стр. 445.

(544) Герберштт. стр. 8. См. также Петрея Musskow. Chron. стр. 165 – 169.

(555) Солиньякъ въ Hist. de Pologne, кн. XV, г. 1479.

(556) Дѣла Крым., стр. 99, 169, 170. Къ Жиду Захаріи Скарьѣ были посланы двѣ грамоты, одна въ 1484, а другая въ 1487 году. Таманскій Князь, Захарія Гуйгурсисъ, въ Окт. 1487 прислалъ изъ Крыма въ Москву на Латинскомъ языкѣ письмо съ Армениномъ Богданомъ. Кто былъ сей Князь? не племени ли Козарскихъ Хановъ? имя кажется Азіатскимъ.

(557) См. выше въ описаніи перваго Императорскаго посольства. — Въ грамотахъ къ Еврею Скарьѣ и въ другихъ: «Божіею милостію Господарь Ру«скіе земли, Великій Князь Иванъ Васильевичь, *Царь* «всея Руси» (Дѣла Крым. стр. 169).

(558) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 266, и Т. V. стр. 395.

(559) См. Баера въ Origin. Russ. — Въ нашемъ переводѣ Св. Писанія вмѣсто Caesar говорится *Кесарь;* а Царь есть совсѣмъ иное слово.

(560) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 294. Вопреки Татищеву, я нигдѣ не находилъ имени *Бѣлой* Россіи до временъ Іоанна III.

(561) См. *Никон. Лѣт.* VI, 130.

(562) См. въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, подъ No 5, Книгу Помѣстнаго Приказа. Сія Книга писана не въ 1677 году, какъ замѣтилъ

кто-то изъ Архивскихъ чиновниковъ на ея переплетѣ; а безъ сомнѣнія или при Іоаннѣ Васильев. I или при его сынѣ, Василіи: первое даже вѣроятнѣе. Вотъ доказательства: 1) Вездѣ говорится о *Великомъ Князѣ*; нигдѣ нѣтъ имени *Царя* въ Титулѣ. 2) Упоминается о родоначальникахъ фамиліи Коновницыныхъ, Александрѣ и Василіи, *тогдашнихъ* помѣщикахъ Новогородскихъ: отъ нихъ до малолѣтства Петра I было въ семъ родѣ шесть поколѣній (см. печат. Родосл. Книгу, II, 97): слѣдственно прошло лѣтъ около двухъ сотъ. 3) Упоминается еще объ Ильѣ, сынѣ Квашни, тогдашнемъ помѣщикѣ бывшихъ деревень Мареы Исаковой Борецкой: прадѣдъ сего Ильи выѣхалъ изъ Литвы около 1340 года во время Іоанна Калиты (см. въ Синод. библ. Родосл. Книгу подъ No 461, *л.* 125), 4) Сей Илья Квашнинъ означенъ *первымъ* владѣльцемъ бывшихъ Мареиныхъ деревень, описанныхъ па Государя въ 1478 году. Гдѣ владѣльцы уже перемѣнялись, тамъ сказано, кто именно послѣ кого владѣлъ. 5) Говорится о рубляхъ *Новогородскихъ*, коихъ уже не было при сынѣ *Царя* Іоанна, Өеодорѣ. 6) Сказано о нѣкоторыхъ деревняхъ, что онѣ *тянутъ судомъ и всѣми пошлинами по старинѣ ко Пскову:* Василій Іоаннов. уничтожилъ сію *старину*. 7) Письмо сей книги древнѣе XVII вѣка и сходно съ письмомъ Іоаннова времени.

(563) См. Духовное завѣщаніе Іоанна. — Въ *Собр. Госуд. Грам.* или въ *Древн. Рос. Вивліоө.*

(564) См. тамъ же.

(565) Дѣла Крым. стр. 907, 913, 914, въ росписи вещей, отнятыхъ Татарами, Азовцами и Кафинцами у нашихъ людей.

(566) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 302.

(567) См. тамъ же, примѣч. 565.

(568) То есть 150 фунтовъ. См. Т. II, стран. 82 и примѣч. 120. — Но сіе число, означенное въ подлинникѣ буквою Т., кажется сомнительнымъ; а другихъ списковъ Владимірова завѣщанія мы не имѣемъ.

(569) Ларцы стояли у Казначея Дмитрія Влади-

рова, у Печатника Юрія Дмитріева Грека, у Дьяковъ Данилки Мамырева и Тишки Моклокова; а ключи были у сыновей Іоанновыхъ.

(570) См. выше, примѣч. 294.

(571) См. *Продолженіе Нестор. Лѣтописца*, стр. 339. — Сей Судебникъ былъ намъ извѣстенъ только по нѣкоторымъ статьямъ его, переведеннымъ на Латинскій языкъ Герберштейномъ: Ordinationes a Ioanne Basilii, Magno Duce, anno mundi 7006 factae (*Rer. Moscov. Comment.* стр. 38). Но въ 1817 году, стараніемъ нашего знаменитаго, просвѣщеннаго Любителя Древностей, Госуд. Канцл. Гр. Н. П. Румянцева, нашелся современный списокъ Іоанновыхъ законовъ. Вотъ начало: «Лѣта 7006, м. Сент. (въ «1497 г.) уложилъ К. В. Иванъ Васильевичь всея Руси «съ дѣтми своими и съ Бояры о судѣ, како судити «Бояромъ и Окольничимъ. . . а на судѣ быти у Бояръ «и у Окольничихъ Діакомъ, а посуловъ отъ суда и «отъ печалованія не имати . . . не мстити, не дру«жити никому. А какой жалобникъ къ Боярину при«детъ, и ему жалобниковъ отъ себе не отсылати, «а давати всѣмъ управа. . . а котораго жалобника не «пригоже управити, и то сказати Вел. Князю, или «*къ тому* его *послати*, *которому которые люди* «*приказаны вѣдати*» (изъ сего мѣста можно заключить, что тогда уже существовали *Приказы*). Кромѣ Бояръ, имѣвшихъ судную власть въ Москвѣ и въ другихъ областяхъ, главнымъ распорядителемъ поединковъ былъ Государевъ Окольничій. *Недѣльщикомъ* именовался приставъ, который ѣздилъ за обвиняемыми и представлялъ ихъ въ судъ. — Тамъ же уставъ судейскихъ пошлинъ: съ рубля за *правую грамоту* Боярину 9 денегъ *отъ печати*, Дьяку за подпись алтынъ, Подъячему за написаніе 3 денги; за холопью отпускную то же; за *докладной списокъ* Боярину алтынъ, Дьяку 4 денги, Подъячему 2 денги (а если *докладъ* былъ предложенъ Вел. Князю и дѣтямъ его, то Государевъ печатникъ бралъ 9 денегъ, а Дьякъ алтынъ); за *безсудной списокъ* Печатнику алтынъ,

Дьяку тоже, Подьячему 2 денги; за *срочныя* Дьяку 2 денги. *Правою грамотою* называли ту бумагу, которая давалась оправданному въ судѣ; *докладнымъ спискомъ* описаніе или предложеніе дѣла, или экстрактъ; *безсуднымъ* обвиненіе того, кто не явился къ суду; *срочными* тѣ грамоты, въ коихъ означался срокъ для суда. Далѣе: «А котораго обвинитъ Боя-«ринъ не по суду (несправедливо) и грамоту правую «на него съ Діакомъ дастъ, ино та грамота не въ «грамоту, а взятое отдати назадъ; а Боярину и «Діаку въ томъ пени нѣтъ; а исцемъ судъ съ голо-«вы» (см. сію статью въ Судебникѣ Царя Іоанна, у Татищ. стр. 12). Далѣе запрещается Намѣстникамъ и Волостелямъ освобождать и выдавать рабовъ безъ суда Боярскаго. О Недѣльщикахъ сказано, что имъ дается *приставная грамота*, съ которою они должны ѣхать за отвѣтчикомъ. Далѣе: «Отъ пристав-«ныхъ имати Печатнику у Недѣльщиковъ по ѣзду: «съ которые приставныя рубль Недѣльщику, и Діа-«ку отъ подписи взяти алтынъ у Недѣльщика съ «рубля, а Печатнику алтынъ же... а будетъ въ при-«ставной искъ меньше ѣзду, и Діаку тѣхъ пристав-«ныхъ не подписывати; а безъ Недѣльщиковъ Діакомъ «приставныхъ не подписывати же. А колько вытей» «(частей, дѣлъ, порученій) «въ приставной ни будетъ, «и Недѣльщику ѣздъ одинъ до того города, въ ко-«торой приставная писана; а хоженого на Москвѣ, «площеднаа (площаднаго), Недѣльщику 10 денегъ, а «на правду (на судъ) вдвое, и отъ поруки поминковъ «не имати имъ; а ѣздъ емлетъ до которого города, а на «правду имъ имати вдвое.» Слѣдуетъ указъ объ *ѣздѣ*. Недѣльщику давали за посылку отъ Москвы до Калуги рубль, до Вязмы 2 рубли, до Звенигорода 2 гривны, до Козельска рубль съ четвертью, до Переславля 20 алтынъ, и такъ далѣе. «А ѣздити имъ «самимъ съ приставными, или своихъ племянниковъ «и людей посылати; а урочниковъ» (собирающихъ уроки или пени? см. *Русск. Правду*) «не посылати. «А въ которомъ городѣ живетъ Недѣльщикъ, ино

«ему съ приставными въ томъ городѣ не ѣздити.» Изъ слѣдующаго видно, что Недѣльщикъ пыталъ воровъ и могъ отвѣтчиковъ *давать на поруку*. Ему предписывалось быть безпристрастнымъ, безкорыстнымъ и проч. Далѣе: «А въ которой городъ «или въ волость прiѣдетъ Недѣльщикъ, и ему при-«ставная явити Намѣстнику или Волостелю; а бу-«дутъ оба исца того города, и ему обоихъ поста-«вити предъ Намѣстникомъ. . . . А Бояромъ или Дѣ-«темъ Боярскимъ, за которымъ кормленiя съ судомъ «Боярскимъ, судити; а на судѣ у нихъ быти Дворь-«скому и Старостѣ и лутчимъ людемъ; а безъ Двор-«ского и безъ Старосты и безъ лутчихъ людей На-«мѣстникомъ и Волостелемъ не судити. . . . А има-«ти ему (Намѣстнику, Боярину), оже доищется «ищея своего, по грамотамъ; а не будетъ гдѣ грамо-«ты, и ему имати противу исцева; а не доищется «ищея своего, а будетъ виноватъ ищея и ему има-«ти на ищеи съ рубля по 2 алтына, а Тiуну его по «8 денегъ.

(572) Сiе обстоятельство и слѣдующее взято изъ Герберштеина R. M. C. 39.

(573) Извѣстныхъ намъ по Олегову договору съ Греками и *Правдѣ Русской* (см. Т. I и Т. II).

(574) См. выше, примѣч. 294.

(575) Того же лѣта (1504) поставиша на Москвѣ «решотки по улицамъ.» Павелъ Iовiй въ описанiи древней Москвы говоритъ: unaquaeque urbis regio foribus cancellisque sepitur.

(576) См. *Ядро Рос. Исторiи* стр. 216. Древнѣйшiе изъ чужеземцевъ, бывшихъ въ Россiи, согласно пишутъ, что народу Московскому дозволялось пить вино только въ нѣкоторые дни (см. Флетчера и Олеарiя).

(577) См. Духовное завѣщанiе Iоанна, и выше, прим. 330.

(578) Строиков. Хрон. кн. XXI, гл. 1.

(579) Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 684.

(580) См. выше, стр. 8. Въ нѣкоторыхъ лѣтопи-

сяхъ: «Въ лѣто 7000, сирѣчь *начало* осьмыя тыся-
«чи мѣсяца *Сентября*, повелѣніемъ Вел. К. Ив. Вас.
«всея Русіи того ради снидошася на Соборъ къ Мо-
«сквѣ Преосвящ. Зосима Митроп., Генадій Архіеп.
«Вел. Новаграда и Пскова, Тихонъ Архіеп. Ростов-
«скій и Ярославскій, Нифонтъ Еписк. Суздальскій и
«Тарускій, Симеонъ Рязанскій и Муромскій, Васьянъ
«Тферскій и Кашинскій, Аврамій Коломенскій и Ка-
«ширскій, Прохоръ Сарскій и Подонскій, Филоѳей
«Пермскій, и Архимандриты и Игумены, и весь
«Освященный Соборъ, и начаша Св. Міротворный
«кругъ,» и проч.

(581) См. *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 509.

(582) См. въ Синод. библіот. книгу въ четвертку, подъ No 79, *л.* 31.

(583) См. въ Синод. библіот., подъ No 529, *Книгу о древностяхъ Рос. Государства*, I, 327, и *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 206. Сей Соборъ былъ въ Септ.

(584) См. *Архив. Лѣт. л.* 176 и 177 на обор. и *Русск. Лѣт.* Львова стр. 280. Генадій сверженъ въ Іюнѣ 1504 года, а скончался въ третій годъ своего заключенія.

(585) См. ниже, примѣч. 589, годъ 1464 и 1497.

(586) См. выше, примѣч. 88.

(587) См. Лѣтописи.

(588) Въ 1493 г., какъ видно изъ послужнаго списка Бояръ Іоаннова времени. См. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* Т. XIII, и Бекетова Розрядн. Кн. — У Дружки были *поддатень*, Окольничій Иванъ Чеботъ, и два разсыльщика. *Коверъ Княжій* (а въ другомъ спискѣ *колпакъ*) держалъ Николай Ангеловъ, перемѣняясь съ Иваномъ Баршовымъ. Дьяки назначали *свѣшниковъ*, *коровайниковъ*, *фонарниковъ*. Одни чиновники стояли у *сголовья мѣстнаго*, другіе несли подушки въ церковь, шли передъ камками и слали ихъ подъ ноги жениху съ невѣстою. Конюшій Гридя Аѳанасьевъ ѣздилъ на жеребцѣ; у него было 15 человѣкъ Дѣтей Боярскихъ. Попъ Аѳанасій стоялъ съ крестомъ у постели. У саней Софіиныхъ шли Бояре Греки Димитрій, Юрій

и Юшко Малой, любимецъ Василіевъ, о коемъ мы упоминали въ описаніи женитьбы сего молодаго Вел. Князя. Въ заключеніи сказано: «А что отъ Вел. К. «и отъ Вел. Княгини даровъ Кн. Василью Даниловичу Холмскому было, и то записано на Казенномъ «Дворѣ.» — Ѳеодосія скончалась 19 Февр. 1501. См. подробнѣйшее извѣстіе о свадебныхъ обрядахъ въ VII Т.

(589) Я нашелъ ихъ въ библіотекѣ Троицы Сергіева монастыря при одной лѣтописи въ четвертку стариннаго письма. Вотъ начало: «Господи Іисусе «Христе! помилуй мя раба своего грѣшнаго, Аѳанасья «Микитина сына. Се написахъ грѣшное свое хожденіе за три моря: первое море Дербентское или «Дорія Хвалитская; второе море Индѣйское, Дорія «Индустаньская; третье море Черное, Дорія Стембульская. Пойдохъ отъ Св. Спаса Златоверхаго съ «его милостью отъ Вел. Кн. Михаила Борисовича и «отъ Владыки Генадія Тверскыхъ,» проч. Предложимъ извлеченіе: «Я пошелъ въ Дербентъ, въ Баку, «гдѣ горитъ огнь неугасаемый; изъ Баки за море «въ *Чебокару* (Бокару), въ Сару, въ землю *Маздраньскую* (Мазандеранскую), въ *Амиль* (Амоль), *Димовантъ* (Демавену), *Корѣо* (Кіеру), *Кашень* (Кашанъ), «*Наинъ* (Наимъ), *Ездѣю* (Ездъ), *Сырчанъ* (Карманъ «или Sirjan), *Таромъ* (Таремъ), Ларъ, Бендеръ, *Гурмызъ* (Ормусъ), гдѣ я взялъ первый Великій день «(или Пасху), и гдѣ пламенное солнце жжетъ человѣка. Тутъ пристанище цѣлаго свѣта: видишь людей и товары всѣхъ странъ; что родится на землѣ, есть въ Ормусѣ; но пошлина весьма тягостна «для купцевъ: берутъ изъ всего десятое. Оттуда «поѣхали мы моремъ съ *конями Мошкатъ* (Маскатъ), «*Кузрятъ* (Гузуратъ), Камбатъ, гдѣ родится краска «*далекъ* (индиго); изъ Камбата въ *Чивиль*, изъ Чивиля «сухимъ путемъ въ *Пали* (Пили), къ горамъ Индѣйскимъ, въ *Умри* (Орманъ), въ *Чюнеръ*, городъ на каменномъ островѣ, и въ Бедеръ, столицу Великаго «Султана. Именую единственно большіе города, между коими находится множество иныхъ, разстояні-

«емъ одинъ отъ другаго въ 10 и менѣе верстахъ. «Въ сей Индостанской странѣ господствуютъ Хо«росанцы. Султанъ ихъ есть 20-лѣтній юноша, «управляемый Боярами; онъ имѣетъ 300,000 воиновъ. «Народъ Индѣйскій, ему подвластный, многочисленъ, «но бѣденъ, особенно въ селахъ. За то Вельможи «Хоросанскіе богаты: ихъ носятъ на серебряныхъ «кроватяхъ; а передъ ними идутъ кони украшенные «золотомъ, воины, трубачи, *свирѣльники*. Съ Сул«таномъ на охотѣ бываетъ всегда 10,000 всадниковъ, «50,000 пѣшихъ, 200 слоновъ наряженныхъ въ бле«стящіе доспѣхи, 100 обезьянъ и 100 наложницъ. «Дворецъ его великолѣпенъ: нѣтъ камня простаго; «все украшено искусною рѣзьбою и золотомъ. Для «безопасности города всякую ночь разъѣзжаетъ по «улицамъ стража съ факелами. Жители весьма склон«ны къ воровству и злодѣяніямъ; а жена рѣдкая цѣ«ломудренна, рѣдкая не вѣдьма. Войны бываютъ час«тыя; главная сила рати состоитъ въ слонахъ, по«крытыхъ доспѣхами; къ рылу ихъ и зубамъ привя«зываютъ длинные мечи; на спинѣ же у каждаго си«дитъ 12 человѣкъ съ пушками. Всадники и Воево«ды всѣ Хоросанцы; пѣхота Индѣйская. Въ Бедерѣ «торгуютъ лошадьми, камками и всякимъ товаромъ; «но мало годнаго для Русской земли, хотя и думаютъ «у насъ, что въ Индостанѣ рай купечества. Дешевы «перецъ и краски, шелкъ, сахаръ. Пошлина вездѣ «большая, разбойниковъ множество. Жить здѣсь до«рого: я издерживаю въ день 15 денегъ» (около $1\frac{1}{2}$ рубля ассигнаціями). «Въ 300 верстахъ отъ Бедера «родится алмазъ, въ горѣ принадлежащей Вельможѣ «Меликхану: локоть ея продается по 2000 фунтовъ «золота; а *почка* хорошаго алмаза стоитъ 10 руб«лей. . . . Нѣтъ, братья Христіане, не ѣздите въ «Индію, если мила вамъ православная Вѣра: или сдѣ«лаетесь Магометанами, которые здѣсь господству«ютъ, или претерпите страшныя бѣдствія. Увы! «я все забылъ, не имѣя книгъ съ собою: не знаю ни «праздниковъ, ни Середы, ни Пятницы. По крайней «мѣрѣ молюся Богу истинному, Вседержителю,

«Творцу неба и земли; инаго не призывалъ, вопреки «заблужденіямъ сего народа, исповѣдающаго 84 Вѣры, «согласныя въ поклоненіи Буту, но столь не согла«сныя въ правилахъ, что Индѣйцы разныхъ Вѣръ «не хотятъ ни пить, ни ѣсть вмѣстѣ, и не сово«купляются бракомъ между собою.» Нашъ древній путешественникъ называетъ Вѣрами гражданскія степени, или *Касты* Индѣйцевъ. Продавъ въ Бедерѣ своего жеребца, онъ ѣздилъ въ *Индѣйскій Іерусалимъ*, и пишетъ, что сіе каменное зданіе величиною будетъ съ пол-Твери; что на стѣнахъ его вырѣзаны дѣянія Брамы, представленнаго въ видѣ обезьяны, съ хвостомъ, съ десницею простертою, какъ у статуи Царя Іустиніана въ Константинополѣ, и съ копіемъ въ лѣвой рукѣ; что передъ нимъ стоитъ необыкновенной величины быкъ, вырѣзанный изъ чернаго камня, съ позолотою; что народъ, осыпая его цвѣтами, лобызаетъ въ копыто, и проч. Описавъ войну Султана Бедерскаго съ Нандерскимъ, въ которой будто бы сражалось болѣе милліона людей, нашъ путешественникъ отправился въ Дабуль, Индостанскую гавань, куда привозятъ лошадей изъ Мизора, Аравіи, Хоросана, Туркестана. За два червонца нанявъ для себя мѣсто на Индѣйской Тавѣ или кораблѣ, онъ вышелъ на берегъ въ Ормусѣ, и поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Ларъ, Ширасъ, Ездъ въ Испагань, Кашанъ, Саву, Султанію, Таврисъ, Требизонтъ и Кафу. — По Воскрес. лѣтописи, отысканной Гм. Строевымъ, онъ возвратился до Казанскаго похода (слѣдственно въ 1468?).

Дополнительная выписка изъ лѣтописей.

Годъ 1462: «Поставленъ бысть Архіепископомъ «Ростову Трифонъ Архим. Спаскій Московскій Маія «въ 13.» Г. 1463: «Во градѣ Ярославлѣ, въ монаст. «Св. Спаса, обрѣтены быша мощи К. Ѳеодора Ярослав. и сыновъ его, Костянтина и Давыда. — Іона, «Епископъ Пермскій, крести Великую Пермь, и Князя ихъ» (вѣроятно, Михаила, взятаго послѣ въ плѣнъ войскомъ Московскимъ). — Г. 1464: «Марта

«4 Θеодосій Митроп. поставилъ нѣкоего Іерусалим-«лянина Іосифа, брата Патр. Іерусалимскаго, Ми-«трополитомъ въ Кесаріи Филиповы; а той Патр. «Іерусалимскій пошолъ былъ на Москву милостины «ради, понеже бо бѣ истома имъ отъ Египет. Сал-«тана, и не дошедъ преставися въ Кафѣ.» (Въ *Посланіи Рос. Митропол.*, л. 99, см. письмо Митроп. къ Новогородцамъ и Псковитянамъ о семъ Іосифѣ). — Г. 1465: «Прибѣжа на Москву Ефимей Епископъ Брян-«скій и Черниговскій, покиня свою Епископью, и даша «ему Суждаль и Колугу и Торусу.» — Г. 1466: «Апр. «въ 8 преставися Васьянъ, Епископъ Сарайскій. Пе-«реставися Княжь Петрова Княиня Дмитріевича «Донского, жила долго въ Черницахъ и въ Схимѣ на «Москвѣ у Вознесенья, нареченная во Мниш. чину «Ефросинья.» — Г. 1467: «Апр. 14 родися К. Вас. «Иванов. Рязанскому сынъ Иванъ на Москвѣ. Отпи-«сася своей Епископьи Архіеп. Ростов. Трифонъ Авг. «въ 6. Преставися Вел. Княг. Евдокія Дм. Иванов. «Донского. Дек. 10 поставленъ Ростову Архіеп. Вась-«янъ Рыло; преже былъ Игуменъ Троицкой.» Г. 1468: «Родися К. Василью сынъ Петръ. Срубиша на Вол-«зѣ городокъ Романовъ. Бывшій Архіеп. Трифонъ «преставися Дек. 30.» — Г. 1470: «Женился К. Ан-«дрей Васильев. Углецкій на Москвѣ, понялъ у К. «Романа Мезецково дщерь Елену. Преставися Іона, «Епископъ Пермскій.» Г. 1471: «Марта 23 преста-«вися Княгини Инока Марθа Ростовская. Тое же «весны Прохоръ поставленъ бысць Епископомъ Са-«раю. Тое жь весны женися К. Борисъ Васильев. у «К. Холмскаго, понялъ Княжну Ульяну. Престави-«ся А. Алекс. Θедоров. Ярославскій, Апр. 17. *По-«трясеся на Москвѣ земля* Авг. въ 29» (сказано въ «*Арханг.* и *Новогород. Лѣт.*). «Нояб. 8 постав-«ленъ Еписк. Перми Филоθей. Дек. 8 поставленъ «Рязани Еписк. Θеодосій, Архим. Чудовской, а на «поставленіи были Архіеп. Ростов., Еписк. Суздал. «Ефимій, Коломенской Геронтій, Сарскій и Пермскій.» Г. 1472: «Преставися въ Литвѣ Григорей Митр. «въ Новѣгородцѣ.» — Г. 1473: «Іюля въ 25 постав-

«ленъ на Епископью Коломенскую Священноинокъ «Никита Семешковъ. Того же мѣсяца обрѣтоша во «церкви Св. Спаса Княг. Марью Вел. К. Симеона «Иванов., во Мнишескомъ чину Фетинію, въ тѣлѣ «невережену ничѣмъ же, толико риза истлѣ.» — Г. 1475: «Преставися прежде бывшій Ѳеодосій Митроп. «въ Сергіевѣ монастырѣ.» — Г. 1476: «Пріиде изъ «Царяграда въ Литов. землю Митроп. Спиридонъ, «родомъ Тверитинъ, поставленъ на мздѣ Патріар«хомъ, а повелѣніемъ Турскаго Царя.» — Г. 1477: «Преставися Еписк. Генадей Тверскій. — Дек. 6 по«ставленъ бысть во Тверь на Владычество Священ«ноинокъ Васіянъ Архиманд., Княжъ Ивановъ сынъ «Васильев. Стригинъ Оболенского.» — Г. 1478: «Іо«сифъ Старецъ началъ строити монастырь на Лам«скомъ Волоцѣ въ пустыни. — Преставися Зосима «Соловецкій; а Саватей Соловецкій преставися въ «лѣто 6937.» — Г. 1480: «Тое же весны преста«вися Коломенскій Епископъ Никита.» — Г. 1481: «Іюля въ 22 поставленъ Архіеп. Ростову Іоасафъ «Оболенскихъ Князей; того же мѣс. въ 29 постав«ленъ Коломнѣ Еписк. Герасимъ Смердковъ; а того «же лѣта Симеонъ, Духовникъ Митрополита, Еписк. «Рязани.» — Г. 1483: «Апр. въ 2 преставися Княг. «Елена Князя Андрея Васильев. Углецкого.» — Г. 1483: «Дек. въ 9 поставленъ Архиманд. Симоновской Ни«фонтъ Еписк. въ Суздаль.» — Г. 1487: «Князь Окт. 4 «Яросл. преставися во Псковѣ; та же и Княг. его «и сынъ преставися. Постави (Литовскій) Ми«трополитъ Симеонъ Епископомъ Васьяна Владиме«рю и Берестью.» — Г. 1488: «Февр. 13 присла Вел. «К. во Псковъ Намѣстника, Симеона Романовича, «Княземъ.» — Г. 1489: «Генв. 15 Владыка Ростов«скій Іасафъ остави Епископію, и поставиша Тихона, «иже прежде былъ Архиманд. у Спаса въ Ростовѣ. — «Мая въ 16 преставися Коломен. Владыка Герасимъ «въ Пафнутьевѣ пустынѣ.» — Г. 1490: «Поставленъ «на Коломну Епископомъ Аврамій, Игуменъ Угрѣш«ской.» — Г. 1491: «Приходиша Татарове Заволь«скыи на Волыньскую землю 10,000: въ Володимери

«церкви пожгли. И Волынци съ Ляхи угониша ихъ «не далече отъ Жеславля и побиша. Надъ Волынци «Старостою былъ Луцкимъ К. Симеонъ Юрьевичь «Голшанскый. — Мая 23 згорѣлъ градъ Володимеръ «весь, и посады и церковь Пречистыя Рожества въ «монастыри внутри города выгорѣ, и *тѣло Князя «Вел. Александра Невского огорѣ.*» — Г. 1492: «Іюля 10 приходили Татарове, Ординскіе Козаки, «въ головахъ Темешемъ зовутъ, а съ нимъ 120 Ко-«заковъ, во Алексинъ на волость на Вотанъ. — Епи-«скопъ Сарскій Прохоръ оставилъ Епископью и сойде «съ Крутицъ къ Богоявленію въ монастырь.» — Г. 1493: «Мая въ 4 поставленъ Силуянъ Игуменъ Угрѣш. «на Епископство Сарское и Подонское на Крутицу.— «Приходили Татарове, Козаки Ординьскіе, изгономъ «на Рязанскія мѣста.» — Г. 1495: «Мая въ 30 пре-«ставися на Устюзѣ Иванъ Юродивый. — Приходи-«ша Татарове Перекопскыи, сынъ Царевъ Менгли-«Гиреевъ, въ Волыньскую землю, и мало не добыша «града Корца, и уби ихъ нѣколико К. Симеонъ Юрье-«вичь, Староста Луцкій. Преставись Еписк. Луцкій «Іона. Поставленъ Епископомъ граду Луцку Кирилъ «Архиманд. Приходиша въ Волын. землю сынове Крым-«ского Царя. . . и церковь и монаст. Св. Николы въ «Жидычинѣ съжгоша.» — Г. 1496: «Пріиде въ землю «Волыньскую Перекопскій Епонча Солтанъ, и множе-«ство Христіянъ плѣни. — Преставися К. Псковск. «Васил. Ѳедор. пріѣхавъ съ войны Свейской; а К. В. «прислалъ К. Алекс. Володим. Ростовскаго на Кня-«женіе во Псковъ Марта 24. Дек. 18 поставленъ «на Крутицу Епископомъ Ефимей, а на Рязань Про-«тасій.» — Г. 1497: «Пріиде посолъ изъ Волохъ Иванъ «Питаро, и отпустилъ его В. К. Сент. 3. Да съ «тѣмъ же посломъ пріидоша къ В. К. Игуменъ Паи-«сея да 3 Старцы изъ Св. Горы милостыни ради, «и К. В. милостынею издоволилъ, и на иные мона-«стыри послалъ: понеже бо изъ старины тотъ Мо-«наст. Св. Пантелеймона въ Св. Горѣ строеніе бяше «прежнихъ Великихъ Князей Рускихъ отъ Вел. Во-«лодимера. — Марта во 2 приходиша Татарове и съ

«Турки въ Волыньскую землю, и около Кремянца съ «400 душъ плѣниша, и угна ихъ. Того же лѣта пріи«доша Татарове Перекопьскыи и множество поплѣ«ниша во Олєвской волости и въ Мозырьской, и «угониша ихъ К. Михайло да К. Констянт. Острозъ«скій съ Дворяны Князя Вел. — Того же лѣта пойде «Вел. К. Александръ со всѣми вои Литов. и Руск., «Жомоитскими и иными, противъ Царя Перекопь«ского. Того же лѣта Король Польской Олбрахтъ «ходи въ землю Волоскую со всими вои, и много зла «вои его сътвориша церквамъ и образомъ. Тогожъ «году преставися Еписк. Володимерскый» (въ Волыніи). — Г. 1499: «Іюн. въ 12 преставися Еписк. Кру«тицкой Евфимей. — Іюл. въ 14 поставленъ на Епи«скопью Сарскую на Крутицу Трифонъ Игуменъ Бо«гоявленскій, а на поставленіи его сѣдѣлъ съ Ми«трopол. на мѣстѣ К. *Великій* Дмитрій Ивановичь «и Владыкъ пять.» — Г. 1500: «Тоя весны пріиде «къ В. К. посолъ Волоскій, именемъ Өедоръ Исаевъ, «Намѣстникъ Хотенскій.» — Г. 1501: «24 Апр. Еписк. «Филоөей Пермьскій оставилъ Епископью и пріиде «въ Кириловъ монастырь. — Тоя жь осени преста«вися Еписк. Коломенскій Аврамій. — Г. 1502: «Мая «въ 1 поставленъ на Епископью Коломен. Игуменъ «Никонъ изъ Павловой пустыни, а Мая въ 5 на Епи«скопью Пермьскую Игум. Никонъ отъ Св. Деонисія «съ Глушицы. — Пріидоша къ Вел. Князю служити «два Царевича изъ Астрахани, Исупъ Салтанъ, Ягупъ «Салтановъ сынъ, да Шигавліяръ Салтанъ, Бахтѣяръ «Салтановъ сынъ, братаничи Ахмата Царя Большія «Орды.» — Г. 1503: «Генв. Тихонъ Ростов. за не«мощью оставилъ Архіепископью. — Пріѣхалъ во «Псковъ К. Дм. Волод. Ростовской Мая въ 6. — Тоя «же осени преставися Княг. Уліяна, К. Бориса Ва«сильевича Ноября, и К. Өедоръ Борис. женился «послѣ ее, а братъ его, К. Иванъ Бор., на свадьбѣ «его разболѣлся и преставился, и положиша его въ «Іосиф. монастырѣ.» —

Конецъ Примѣчаній VI Тома.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ОГЛАВЛЕНІЕ

VI ТОМА.

ГЛАВА I.

ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛ. К. ІОАННЪ III.

Стран.

Вступленіе. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу. Договоръ съ Князьями Тверскимъ и Верейскимъ. Дѣла Псковскія. Ахматъ возстаетъ на Россію. Всеобщая мысль о скоромъ преставленіи свѣта. Кончина супруги Іоанновой. Избраніе новаго Митрополита. Походы на Казань. Война съ Новымгородомъ. Явленіе Кометъ. Завоеваніе Перми. Нашествіе Ахмата на Россію. Смерть Юрія, Іоаннова брата . . 1.
Г. 1462 — 1472.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевною. Посольства изъ Рима и въ Римъ. Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венеціянскаго. Пренія Легата Папскаго о Вѣрѣ. Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи. Выѣзжіе Греки. Братья Софіины. Посольство въ Венецію. Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенія. Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ. Льютъ пушки. Чеканятъ

Стран.
монету. Дѣла съ Ливоніею, съ Литвою, съ Крымомъ, съ Большею Ордою, съ Персіею. Посолъ Венеціянскій Контарини въ Москвѣ 63.
Г. 1472 – 1477.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Совершенное покореніе Новагорода. Обозрѣніе Исторіи его отъ начала до конца. Рожденіе Іоаннова сына, Василія-Гавріила. Посольство въ Крымъ. Сверженіе ига Ханскаго. Ссора Вел. Князя съ братьями. Походъ Ахмата на Россію. Краснорѣчивое посланіе Архіеп. Вассіана къ Вел. Князю. Разореніе Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшаго, брата Іоаннова. Посольство въ Крымъ 111.
Г. 1475 – 1481.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Война съ Ливонскимъ Орденомъ. Литовскія дѣла. Ханъ Крымскій опустошаетъ Кіевъ. Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ. Король Венгерскій Матѳей въ дружбѣ съ Іоанномъ. Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго. Завоеваніе Твери. Присоединеніе Удѣла Верейскаго къ Москвѣ. Князья Ростовскіе, Ярославскіе

Стран.
лишены правъ Владѣтельныхъ. Происшествія Рязанскія. Покореніе Казани. Сношенія съ Ханомъ Крымскимъ. Посольство Муртозы, сына Ахматова, въ Москву. Посольство Ногайское. Покореніе Вятки. Завоеваніе земли Арской. Кончина Іоанна Младаго. Казнь врача. Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ. Сверженіе Митрополита; избраніе новаго 192.
Г. 1480 – 1490.

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Заключеніе Андрея, Іоаннова брата. Смерть его и Бориса Васильевича. Посольства Императора Римскаго и наши къ нему. Открытіе Печерскихъ рудниковъ. Посольство Датское, Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ. Посольство въ Крымъ. Литовскія дѣла. Смерть Казимира: сынъ его, Александръ, на тронѣ Литовскомъ. Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы. Переговоры о мирѣ и сватовствѣ. Злоумышленіе на жизнь Іоаннову. Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву. Миръ съ Литвою. Іоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра. Новыя неудовольствія между Россіею и Литвою. . . . 238.
Г. 1491 – 1496.

ГЛАВА VI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Стран.

Заложенъ Иваньгородъ. Гнѣвъ Вел. Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи. Союзъ съ Даніею. Война съ Шведами. Іоаннъ въ Новѣгородѣ. Походъ на Гамскую землю или на Финляндію. Дѣла Казанскія. Первое наше Посольство въ Константинополь. Рязанская Княгиня въ Москвѣ и выдаетъ дочь за Бѣльскаго. Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и на сына, Василія. Великій Князь торжественно вѣнчаетъ на Царство внука своего, юнаго Димитрія Іоанновича; мирится съ супругою; казнитъ Бояръ и называетъ Василія Вел. Княземъ Новагорода и Пскова. Посолъ изъ Шамахи. Посольство въ Венецію и въ Константинополь. Завоеваніе земли Югорской или сѣверо-западной Сибири. Посланъ Воевода въ Казань. Разрывъ съ Литвою. Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну. Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья Трубчевскіе добровольно покоряются. Мѣстничество нашихъ Воеводъ. Битва на берегахъ Ведроши. Ханъ Крымскій опустошаетъ Литву и Польшу. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ. Переговоры о мирѣ. Александръ избранъ въ Польскіе Короли. Новая побѣда надъ Литвою близъ Мстиславля. Война съ Орденомъ. Сраженіе близъ Изборска. Болѣзнь въ Ливонской рати. Россіяне опустошаютъ Ливонію. Царь Большой Орды, Шигъ-Ахметъ, помогаетъ Литвѣ. Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Батыева Царства. Александръ вѣроломно заключаетъ Шигъ-Ахмета. Досада Хана

Стран.
Крымскаго на Великаго Князя. Іоаннъ, заключивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ. Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва съ Магистромъ Ливонскимъ близъ Пскова. Папа старается о мирѣ. Перемиріе съ Литвою и съ Орденомъ. Хитрость Вел. Князя. Александръ безразсудно досаждаетъ ему . . 331.
Г. 1495 — 1503.

Г Л А В А VII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Кончина Софіи и болѣзнь Іоаннова. Завѣщаніе. Судъ и казнь еретиковъ. Посольство Литовское. Сношеніе съ Императоромъ. Василій женится на Соломоніи. Измѣна Царя Казанскаго. Впаденіе его въ Россію. Кончина Великаго Князя. Тогдашнее состояніе Европы. Іоаннъ творецъ величія Россіи. Устроилъ лучшее войско. Утвердилъ Единовластіе. Имя *Грознаго*. Жестокость его характера. Мнимая нерѣшительность есть осторожность. Названіе *Великаго*, приписанное ему иностранцами. Сходство съ Петромъ І. Титулъ Царскій. Бѣлая Россія. Умноженіе доходовъ. Законы Іоанновы. Городская и земская Полиція. Соборы. Поставленіе Кесарійскаго Митрополита въ Москвѣ. Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ. Капланъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру. Нѣкоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка. Древнѣйшее описаніе Княжеской свадьбы. Путешествіе въ Индію 383.
Г. 1503 — 1505.

[library stamp]

H. HUTMACH
PAPIERHANDL
BUCHBINDER
MÜNCHE

«Творцу неба и земли; инаго не призывалъ, вопреки «заблужденіямъ сего народа, исповѣдающаго 84 Вѣры, «согласныя въ поклоненіи Бушу, но столь не согла-«сныя въ правилахъ, что Индѣйцы разныхъ Вѣръ «не хотятъ ни пить, ни ѣсть вмѣстѣ, и не сово-«купляются бракомъ между собою.» Нашъ древній путешественникъ называетъ Вѣрами гражданскія степени, или *Касты* Индѣйцевъ. Продавъ въ Бедерѣ своего жеребца, онъ ѣздилъ въ *Індѣйскій Іерусалимъ*, и пишетъ, что сіе каменное зданіе величиною будетъ съ пол-Твери; что на стѣнахъ его вырѣзаны дѣянія Брамы, представленнаго въ видѣ обезьяны, съ хвостомъ, съ десницею простертою, какъ у статуи Царя Іустиніана въ Константинополѣ, и съ копіемъ въ лѣвой рукѣ; что передъ нимъ стоитъ необыкновенной величины быкъ, вырѣзанный изъ черпаго камня, съ позолотою; что народъ, осыпая его цвѣтами, лобызаетъ въ копыто, и проч. Описавъ войну Султана Бедерскаго съ Нандерскимъ, въ которой будто бы сражалось болѣе милліона людей, нашъ путешественникъ отправился въ Дабуль, Индостанскую гавань, куда привозятъ лошадей изъ Мизора, Аравіи, Хоросана, Туркестана. За два червонца нанявъ для себя мѣсто на Индѣйской Тавѣ или кораблѣ, онъ вышелъ на берегъ въ Ормусѣ, и поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Ларъ, Шірасъ, Ездъ въ Испагань, Кашанъ, Саву, Султанію, Таврисъ, Требизонтъ и Кафу. — По Воскрес. лѣтописи, отысканной Гм. Строевымъ, онъ возвратился до Казанскаго похода (слѣдственно въ 1468?).

Дополнительная выписка изъ лѣтописей.

Годъ 1462: «Поставленъ бысть Архіепископомъ «Ростову Трифонъ Архим. Спаскій Московскій Маія «въ 13.» Г. 1463: «Во градѣ Ярославлѣ, въ монаст. «Св. Спаса, обрѣтены быша мощи К. Ѳеодора Ярослав. и сыновъ его, Костянтина и Давыда. — Іона, «Епископъ Пермскій, крести Великую Пермь, и Князя ихъ» (вѣроятно, Михаила, взятаго послѣ въ плѣнъ войскомъ Московскимъ). — Г. 1464: «Марта

«4 Θеодосій Митроп. поставилъ нѣкоего Іерусалим-
«лянина Іосифа, брата Патр. Іерусалимскаго, Ми-
«трополитомъ въ Кесаріи Филиповы; а той Патр.
«Іерусалимскій пошолъ былъ на Москву милостины
«ради, понеже бо бѣ истома имъ отъ Египет. Сал-
«тана, и не дошедъ преставися въ Кафѣ.» (Въ *По-
сланіи Рос. Митропол.*, *л.* 99, см. письмо Митроп.
къ Новогородцамъ и Псковитянамъ о семъ Іосифѣ). —
Г. 1465: «Прибѣжа на Москву Ефимей Епископъ Брян-
«скій и Черниговскій, покиня свою Епископью, и даша
«ему Суждаль и Колугу и Торусу.» — Г. 1466: «Апр.
«въ 8 преставися Васьянъ, Епископъ Сарайскій. Пе-
«реставися Княжь Петрова Княиня Дмитріевича
«Донского, жила долго въ Черницахъ и въ Схимѣ на
«Москвѣ у Вознесенья, нареченная во Мниш. чину
«Ефросинья.» — Г. 1467: «Апр. 14 родися К. Вас.
«Иванов. Рязанскому сынъ Иванъ на Москвѣ. Отпи-
«сася своей Епископьи Архіеп. Ростов. Трифонъ Авг.
«въ 6. Преставися Вел. Княг. Евдокія Дм. Иванов.
«Донского. Дек. 10 поставленъ Ростову Архіеп. Вась-
«янъ Рыло; преже былъ Игуменъ Троицкой.» Г. 1468:
«Родися К. Василью сынъ Петръ. Срубиша на Вол-
«зѣ городокъ Романовъ. Бывшій Архіеп. Трифонъ
«преставися Дек. 30.» — Г. 1470: «Женился К. Ан-
«дрей Васильев. Углецкій на Москвѣ, понялъ у К.
«Романа Мезецково дщерь Елену. Преставися Іона,
«Епископъ Пермскій.» Г. 1471: «Марта 23 преста-
«вися Княгини Инока Марθа Ростовская. Тое же
«весны Прохоръ поставленъ бысць Епископомъ Са-
«раю. Тое жь весны женися К. Борисъ Васильев. у
«К. Холмскаго, понялъ Княжну Ульяну. Преставн-
«ся А. Алекс. Θедоров. Ярославскій, Апр. 17. *По-
«трясеся на Москвѣ земля* Авг. въ 29» (сказано въ
«*Арханг.* и *Новогород. Лѣт.*). «Нояб. 8 постав-
«ленъ Еписк. Перми Филоθей. Дек. 8 поставленъ
«Рязани Еписк. Θеодосій, Архим. Чудовской, а на
«поставленіи были Архіеп. Ростов., Еписк. Суздал.
«Ефимій, Коломенской Геронтій, Сарскій и Пермскій.»
Г. 1472: «Преставися въ Литвѣ Григорей Митр.
«въ Новѣгородцѣ.» — Г. 1473: «Іюля въ 25 постав-

«ленъ на Епископью Коломенскую Священноинокъ «Никита Семешковъ. Того же мѣсяца обрѣтоша во «церкви Св. Спаса Княг. Марью Вел. К. Симеона «Иванов., во Мнишескомъ чину Фетинію, въ тѣлѣ «неврежену ничѣмъ же, толико риза истлѣ.» — Г. 1475: «Преставися прежде бывшій Өеодосій Митроп. «въ Сергіевѣ монастырѣ.» — Г. 1476: «Пріиде изъ «Царяграда въ Литов. землю Митроп. Спиридонъ, «родомъ Тверитинъ, поставленъ на мздѣ Патріар- «хомъ, а повелѣніемъ Турскаго Царя.» — Г. 1477: «Преставися Еписк. Генадей Тверскій. — Дек. 6 по- «ставленъ бысть во Тверь на Владычество Священ- «ноинокъ Васіянъ Архиманд., Княжъ Ивановъ сынъ «Васильев. Стригинъ Оболенского.» — Г. 1478: «Іо- «сифъ Старецъ началъ строити монастырь на Лам- «скомъ Волоцѣ въ пустыни. — Преставися Зосима «Соловецкій; а Саватей Соловецкій преставися въ «лѣто 6937.» — Г. 1480: «Тое же весны преста- «вися Коломенскій Епископъ Никита.» — Г. 1481: «Іюля въ 22 поставленъ Архіеп. Ростову Іоасафъ «Оболенскихъ Князей; того же мѣс. въ 29 постав- «ленъ Коломнѣ Еписк. Герасимъ Смердковъ; а того «же лѣта Симеонъ, Духовникъ Митрополита, Еписк. «Рязани.» — Г. 1483: «Апр. въ 2 преставися Княг. «Елена Князя Андрея Васильев. Углецкого.» — Г. 1483: «Дек. въ 9 поставленъ Архиманд. Симоновской Ни- «фонтъ Еписк. въ Суздаль.» — Г. 1487: «Князь Окт. 4 «Яросл. преставися во Псковѣ; та же и Княг. его «и сынъ преставися. Постави (Литовскій) Ми- «трополитъ Симеонъ Епископомъ Васьяна Владиме- «рю и Берестью.» — Г. 1488: «Февр. 13 присла Вел. «К. во Псковъ Намѣстника, Симеона Романовича, «Княземъ.» — Г. 1489: «Генв. 15 Владыка Ростов- «скій Іасафъ остави Епископію, и поставиша Тихона, «иже прежде былъ Архиманд. у Спаса въ Ростовѣ. — «Мая въ 16 преставися Коломен. Владыка Герасимъ «въ Пафнутьевѣ пустынѣ.» — Г. 1490: «Поставленъ «на Коломну Епископомъ Аврамій, Игуменъ Угрѣш- «ской.» — Г. 1491: «Приходиша Татарове Заволь- «скыи на Волыньскую землю 10,000: въ Володимери

«церкви пожгли. И Волынци съ Ляхи угониша ихъ «не далече отъ Жеславля и побиша. Надъ Волынци «Старостою былъ Луцкимъ К. Симеонъ Юрьевичь «Голшанскый. — Мая 23 згорѣлъ градъ Володимеръ «весь, и посады и церковь Пречистыя Рожества въ «монастыри внутри города выгорѣ, и *тѣло Князя* «*Вел. Александра Невского огорѣ.*» — Г. 1492: «Іюля 10 приходили Татарове, Ординскіе Козаки, «въ головахъ Темешемъ зовутъ, а съ нимъ 120 Ко- «заковъ, во Алексинъ на волость на Вотанъ. — Епи- «скопъ Сарскій Прохоръ оставилъ Епископью и сойде «съ Крутицъ къ Богоявленію въ монастырь.» — Г. 1493: «Мая въ 4 поставленъ Силуянъ Игуменъ Угрѣш. «на Епископство Сарское и Подонское на Крутицу.— «Приходили Татарове, Козаки Ординьскіе, изгономъ «на Рязанскія мѣста.» — Г. 1495: «Мая въ 30 пре- «ставися на Устюзѣ Иванъ Юродивый. — Приходи- «ша Татарове Перекопскыи, сынъ Царевъ Менгли- «Гиреевъ, въ Волыньскую землю, и мало не добыша «града Корца, и уби ихъ нѣколико К. Симеонъ Юрье- «вичь, Староста Луцкій. Преставись Еписк. Луцкій «Іона. Поставленъ Епископомъ граду Луцку Кирилъ «Архиманд. Приходиша въ Волын. землю сынове Крым- «ского Царя. . . и церковь и монаст. Св. Николы въ «Жидычинѣ съжгоша.» — Г. 1496: «Пріиде въ землю «Волыньскую Перекопскій Епонча Солтанъ, и множе- «ство Христіянъ плѣни. — Преставися К. Псковск. «Васил. Ѳедор. пріѣхавъ съ войны Свейской; а К. В. «прислалъ К. Алекс. Володим. Ростовскаго на Кня- «женіе во Псковъ Марта 24. Дек. 18 поставленъ «на Крутицу Епископомъ Ефимей, а на Рязань Про- «тасій.» — Г. 1497: «Пріиде посолъ изъ Волохъ Иванъ «Питаро, и отпустилъ его В. К. Септ. 3. Да съ «тѣмъ же посломъ пріидоша къ В. К. Игуменъ Паи- «сея да 3 Старцы изъ Св. Горы милостыни ради, «и К. В. милостынею издоволилъ, и на иные мона- «стыри послалъ: понеже бо изъ старины тотъ Мо- «наст. Св. Пантелеймона въ Св. Горѣ строеніе бяше «прежнихъ Великихъ Князей Рускихъ отъ Вел. Во- «лодимера. — Марта во 2 приходиша Татарове и съ

«Турки въ Волыньскую землю, и около Кремянца съ «400 душъ плѣниша, и угна ихъ. Того же лѣта пріидоша Татарове Перекопьскыи и множество поплѣниша во Олсвской волости и въ Мозырьской, и «угониша ихъ К. Михайло да К. Констянтъ. Остроз«скій съ Дворяны Князя Вел. — Того же лѣта пойде «Вел. К. Александръ со всѣми вои Литов. и Руск., «Жомоитскими и иными, противъ Царя Перекопь«ского. Того же лѣта Король Польской Олбрахтъ «ходи въ землю Волоскую со всими вои, и много зла «вои его сътвориша церквамъ и образомъ. Тогожъ «году преставися Еписк. Володимерскый» (въ Волыніи). — Г. 1499: «Іюн. въ 12 преставися Еписк. Кру«тицкой Евфимей. — Іюл. въ 14 поставленъ на Епи«скопью Сарскую на Крутицу Трифонъ Игуменъ Бо«гоявленскій, а на поставленіи его сѣдѣлъ съ Ми«трополитъ на мѣстѣ К. *Великій* Дмитрій Ивановичь «и Владыкъ пять.» — Г. 1500: «Тоя весны пріиде «къ В. К. посолъ Волоскій, именемъ Өедоръ Исаевъ, «Намѣстникъ Хотенскій.» — Г. 1501: «24 Апр. Еписк. «Филоѳей Пермьскій оставилъ Епископью и пріиде «въ Кириловъ монастырь. — Тоя жь осени преста«вися Еписк. Коломенскій Аврамій. — Г. 1502: «Мая «въ 1 поставленъ на Епископью Коломен. Игуменъ «Никонъ изъ Павловой пустыни, а Мая въ 5 на Епи«скопью Пермьскую Игум. Никонъ отъ Св. Деописія «съ Глушицы. — Пріидоша къ Вел. Князю служити «два Царевича изъ Астрахани, Исупъ Салтанъ, Ягупъ «Салтановъ сынъ, да Шигавліяръ Салтанъ, Бахтѣяръ «Салтановъ сынъ, братаничи Ахмата Царя Большія «Орды.» — Г. 1503: «Генв. Тихонъ Ростов. за не«мощью оставилъ Архіепископью. — Пріѣхалъ во «Псковъ К. Дм. Волод. Ростовской Мая въ 6. — Тоя «же осени преставися Княг. Уліяна, К. Бориса Ва«сильевича Ноября, и К. Өедоръ Борис. женился «послѣ ее, а братъ его, К. Иванъ Бор., на свадьбѣ «его разболѣлся и преставился, и положиша его въ «Іосиф. монастырѣ.» —

Конецъ Примѣчаній VI Тома.

BAYERISCHE STAATS- BIBLIOTHEK MUENCHEN

ОГЛАВЛЕНІЕ
VI ТОМА.

ГЛАВА I.

ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛ. К. ІОАННЪ III.

Стран.

Вступленіе. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу. Договоръ съ Князьями Тверскимъ и Верейскимъ. Дѣла Псковскія. Ахматъ возстаетъ на Россію. Всеобщая мысль о скоромъ преставленіи свѣта. Кончина супруги Іоанновой. Избраніе новаго Митрополита. Походы на Казань. Война съ Новымгородомъ. Явленіе Кометъ. Завоеваніе Перми. Нашествіе Ахмата на Россію. Смерть Юрія, Іоаннова брата . . 1.
Г. 1462 – 1472.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевною. Посольства изъ Рима и въ Римъ. Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венеціянскаго. Преніе Легата Папскаго о Вѣрѣ. Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи. Выѣзжіе Греки. Братья Софіины. Посольство въ Венецію. Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенія. Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ. Льютъ пушки. Чеканятъ

Стран.
монету. Дѣла съ Ливоніею, съ Литвою, съ Крымомъ, съ Большею Ордою, съ Персіею. Посолъ Венеціянскій Контарини въ Москвѣ 63.
Г. 1472 — 1477.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Совершенное покореніе Новагорода. Обозрѣніе Исторіи его отъ начала до конца. Рожденіе Іоаннова сына, Василія-Гавріила. Посольство въ Крымъ. Сверженіе ига Ханскаго. Ссора Вел. Князя съ братьями. Походъ Ахмата на Россію. Краснорѣчивое посланіе Архіеп. Вассіана къ Вел. Князю. Разореніе Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшаго, брата Іоаннова. Посольство въ Крымъ 111.
Г. 1475 — 1481.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Война съ Ливонскимъ Орденомъ. Литовскія дѣла. Ханъ Крымскій опустошаетъ Кіевъ. Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ. Король Венгерскій Матѳей въ дружбѣ съ Іоанномъ. Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго. Завоеваніе Твери. Присоединеніе Удѣла Верейскаго къ Москвѣ. Князья Ростовскіе, Ярославскіе

Стран.

лишены правъ Владѣтельныхъ. Происшествія Рязанскія. Покореніе Казани. Сношенія съ Ханомъ Крымскимъ. Посольство Муртозы, сына Ахматова, въ Москву. Посольство Ногайское. Покореніе Вятки. Завоеваніе земли Арской. Кончина Іоанна Младаго. Казнь врача. Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ. Сверженіе Митрополита; избраніе новаго 192.

Г. 1480 – 1490.

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Заключеніе Андрея, Іоаннова брата. Смерть его и Бориса Васильевича. Посольства Императора Римскаго и наши къ нему. Открытіе Печерскихъ рудниковъ. Посольство Датское, Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ. Посольство въ Крымъ. Литовскія дѣла. Смерть Казимира: сынъ его, Александръ, на тронѣ Литовскомъ. Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы. Переговоры о мирѣ и сватовствѣ. Злоумышленіе на жизнь Іоаннову. Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву. Миръ съ Литвою. Іоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра. Новыя неудовольствія между Россіею и Литвою. . . . 238.

Г. 1491 – 1496.

ГЛАВА VI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Стран.

Заложенъ Иваньгородъ. Гнѣвъ Вел. Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи. Союзъ съ Даніею. Война съ Шведами. Іоаннъ въ Новѣгородѣ. Походъ на Гамскую землю или на Финляндію. Дѣла Казанскія. Первое наше Посольство въ Констанотинополь. Рязанская Княгиня въ Москвѣ и выдаетъ дочь за Бѣльскаго. Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и на сына, Василія. Великій Князь торжественно вѣнчаетъ на Царство внука своего, юнаго Димитрія Іоанновича; мирится съ супругою; казнитъ Бояръ и называетъ Василія Вел. Княземъ Новагорода и Пскова. Посолъ изъ Шамахи. Посольство въ Венецію и въ Константинополь. Завоеваніе земли Югорской или сѣверо-западной Сибири. Посланъ Воевода въ Казань. Разрывъ съ Литвою. Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну. Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья Трубчевскіе добровольно покоряются. Мѣстничество нашихъ Воеводъ. Битва на берегахъ Ведроши. Ханъ Крымскій опустошаетъ Литву и Польшу. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ. Переговоры о мирѣ. Александръ избранъ въ Польскіе Короли. Новая побѣда надъ Литвою близъ Мстиславля. Война съ Орденомъ. Сраженіе близъ Изборска. Болѣзнь въ Ливонской рати. Россіяне опустошаютъ Ливонію. Царь Большой Орды, Шигъ-Ахметъ, помогаетъ Литвѣ. Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Батыева Царства. Александръ вѣроломно заключаетъ Шигъ-Ахмета. Досада Хана

Стран.
Крымскаго на Великаго Князя. Іоаннъ, заключивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ. Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва съ Магистромъ Ливонскимъ близъ Пскова. Папа старается о мирѣ. Перемиріе съ Литвою и съ Орденомъ. Хитрость Вел. Князя. Александръ безразсудно досаждаетъ ему . . 331.
Г. 1495 — 1503.

ГЛАВА VII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Кончина Софіи и болѣзнь Іоаннова. Завѣщаніе. Судъ и казнь еретиковъ. Посольство Литовское. Сношеніе съ Императоромъ. Василій женится на Соломоніи. Измѣна Царя Казанскаго. Впаденіе его въ Россію. Кончина Великаго Князя. Тогдашнее состояніе Европы. Іоаннъ творецъ величія Россіи. Устроилъ лучшее войско. Утвердилъ Единовластіе. Имя *Грознаго*. Жестокость его характера. Мнимая нерѣшительность есть осторожность. Названіе *Великаго*, приписанное ему иностранцами. Сходство съ Петромъ I. Титулъ Царскій. Бѣлая Россія. Умноженіе доходовъ. Законы Іоанновы. Городская и земская Полиція. Соборы. Поставленіе Кесарійскаго Митрополита въ Москвѣ. Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ. Капланъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру. Нѣкоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка. Древнѣйшее описаніе Княжеской свадьбы. Путешествіе въ Индію 383.
Г. 1503 — 1505.

PAPIERHANDL
BUCHBINDER
MÜNCHE

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Istorija gosudarstva rossijskago

Bd.: 6

Sanktpeterburg' (1834)

Russ. 75 i-6
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10782851-4